

А.Б. Широкоград

ТАТАРЫ и РУССКИЕ в едином строю

Annotation

Злой татарин, вторжение диких орд кочевников, иго и прочие стереотипы мы познаем с детства из школьных учебников и трудов классиков. Увы, в течение трех веков велась умышленная фальсификация взаимоотношений русских и татар. На самом деле в 90 процентах битв XIII–XV вв. русские и татары были не врагами, а СОРАТНИКАМИ.

Верится с трудом? Прочтите и убедитесь.

- [Александр ШИРОКОРАД](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Список использованной литературы](#)
 - [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

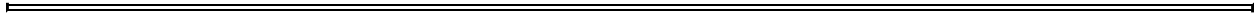
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)

- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)

- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)

- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)

- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)

Александр ШИРОКОРАД
Татары и русские в едином строю

Введение

Практически все труды русских историков и писателей проникнуты неприязнью к татарам. Самое распространенное прилагательное к слову татарин — «злой». Что же это? Вековая память русских людей о «Батыевом нашествии»?

Ничего подобного! Я уж не буду говорить о том, что Батый никак не мог быть татарин, а болгары и прочие народы Среднего Поволжья пострадали от него не меньше русских.

На самом деле имелся высочайший заказ, и московские дьяки, а позже университетские профессора, мастистые поэты и писатели сознательно или бессознательно его выполняли.

Дело в том, что московские князья не совсем цивилизованно овладели нашей страной. И чтобы как-то оправдать своих предшественников, цари использовали два классических способа дезинформации. Первый: дискредитация соперников. Второй: создание образа страшного врага, от которого-де московские князья спасли русский народ.

Действительно, всех русских князей Рюриковичей, не принадлежавших к роду Калиты, наши историки и писатели представляют как узколобых и жадных персонажей, идущих на любые преступления в борьбе против прогрессивных и добродетельных московских князей. Ну а «злой татарин» оказался в образе «страшного врага».

После революции 1917 г. у большевистских историков типа Покровского начались метания в трактовке событий XIII–XVI вв. Зато после 1938 г. партия и правительство одобрили «магистральную линию» истории, созданную дореволюционной профессурой.

Правда, кое-где советский агитпром стал смягчать антитатарский акцент. Так, моя жена, читая в детстве «Сказку о спящей царевне и семи богатырях», не могла понять род занятий оных богатырей: чем они жили, кроме отстрела уток? Оказывается, советская цензура выкинула пушкинские строки: «Иль башку с широких плеч у татарина отсечь».

Замечу, что здесь и далее я говорю и буду говорить лишь о поволжских татарах. Крымские татары — вопрос особый, достойный отдельной публикации.

После 1991 г. негативная оценка татар в русской истории и литературе стала манной небесной для татарских националистов, призвавших изгнать

русских оккупантов и создать «незалежный» Татарстан. Безумные фанатики, а частью — жулики, разумеется, не уточняли, каковы будут границы оно́го государства, как оно будет физически существовать внутри России, каковы будут отношения с чувашами, мордвой, башкирами и другими национальностями и что будет с 75 % татар, живущих за пределами Татарстана.

Что же делать? Во всяком случае, не подвергать цензуре стихи Пушкина, а просто сказать правду народу РФ. Суть ее в том, что «злыми» в XIII–XVI вв. оказались не русские или татары, а феодалы обеих национальностей. Русские князья Рюриковичи добровольно лизали сапоги сарайским ханам, а татарские царевичи — московским владыкам. Причем делалось это не ради великих политических целей, а корысти ради, то есть, как говорит Михаил Задорнов: «Из-за бабок».

Главное же то, что число битв, где татарскому (монгольскому) войску противостояло чисто русское войско, можно сосчитать по пальцам. Зато в 90 % битв XIII–XV вв. смешанные русско-татарские дружины одного феодала противостояли чисто русским, чисто татарским или смешанным дружинам другого феодала. Таким образом, русские и татары в подавляющем большинстве случаев были не врагами, а СОРАТНИКАМИ!

Ну что ж, начнем, пожалуй! И пусть кто-нибудь посмеет опровергнуть хотя бы один приведенный мною факт.

Глава 1

Кровавый пролог

«В лето 6732 [1227] по грехомъ нашимъ приидоша языци незнаеми, безбожнии моявитяне, ихже никто же добре не весть ясно, кто суть, и отколе изыидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вера ихъ. И зовуть я татары, а инии глаголють таурмени, а друзии печенези...

...Гордости ради и величания рускыхъ князь попусти богъ сему быти. Беша бо князи храбры мнози, и високоумны, и мнящеся своею храбростию съделовающе. Имеяхуть же и дружину много и храбру, и тою велчающеся, отъ них же о единомъ въспоманемъ здъ, описания полезше».

Так рассказал нам о первом вторжении на Русь татар тверской летописец, который был современником битвы на Калке или, по крайней мере, лично слышал рассказы участников.

Русские князья действительно ничего не знали о татарах, да и вообще ситуация в Средней Азии и на Кавказе мало их волновала. Между Русью и государствами этого региона был огромный заслон — орды кипчаков (половцев). Хотя товарообмен между Средней Азией и Русью не прекращался с VIII до начала XIII в., ни дипломатических, ни культурных, ни родственных связей у русских князей со среднеазиатскими владыками не было.

А между тем в Монголии батыр Темучин, сын Есугея, властителя крупного улуса, кочевавшего в районе Онона, сумел объединить разрозненные племена татар, тайчжиутов, кереитов, найманов и меркитов.

В 1206 г. в местности Дэлунь-булдак на правом берегу Онона, на курултае (съезде), куда прибыли все сородичи Темучина, а также его сподвижники и приближенные, он был провозглашен всемонгольским повелителем под именем Чингисхана. Так завершился процесс образования монгольского государства во главе с единым государем.

Чингисхан создал государство, главной задачей которого было ведение войн. Все взрослые и здоровые мужчины считались воинами, которые в мирное время вели свое хозяйство, а в военное время брались за оружие. Такая организация обеспечила Чингисхану возможность увеличить свои вооруженные силы примерно до 95 тысяч воинов.

Монголы (с китайской картины рубежа IX-X вв.)

Монгольские лучники XIII–XIV вв

Отсутствие письменности у монголов вынудило Чингисхана обратиться к уйгурам и уйгурской письменности. Писцы стали подбираться из уйгуров, обслуживавших в свое время найманов. На службу к Чингисхану перешел и уйгур Тататунга, который стал обучать монгольскую знать уйгурской грамоте. Позже советниками при монгольских ханах стали также и кидане.

В 1211 г. монгольские войска во главе с Чингисханом, его сыновьями и лучшими военачальниками — Мухали и Джэбэ — вторглись в империю Цзинь (Китай). Главные силы двинулись на восток, а войска под командованием сыновей Чингисхана грабили и разоряли нынешнюю китайскую провинцию Шаньси.

Внутренние распри в империи Цзинь облегчили задачу завоевателей. Монголам помогли кидане и китайцы, которые восстали против чжурчжэней, захватили Ляодун и перешли на сторону Чингисхана.

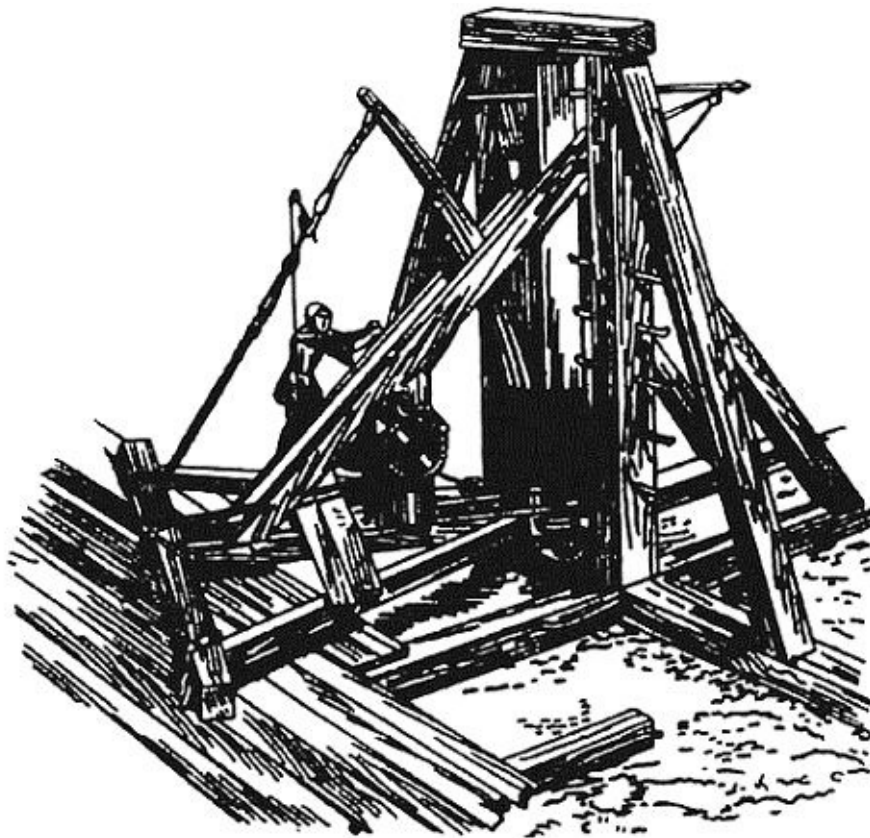
В 1215 г. после длительных боев монгольские войска заняли Пекин, разграбили и сожгли его.

Покоряя Северный Китай, монголы познакомились с китайскими тяжелыми камнеметными и стенобитными орудиями и сразу оценили по достоинству их значение. Монголы вывезли из Китая специалистов и с их помощью наладили собственное производство камнеметных и стенобитных

орудий. А многочисленные ремесленники, вывезенные из Китая, были превращены в рабов.

В 1218 г. войска Чингисхана двинулись в Среднюю Азию. В этом походе участвовали крупные монгольские силы во главе с опытными военачальниками Джэбэ и Субэдэем, а также сыновьями Чингисхана Джучи, Джагатаем, Угедэем и Толуем. Войско монголов состояло в основном из конницы, но были в нем и пехотные части, в составе которых имелись специальные отряды, оснащенные стенобитными и метательными орудиями типа катапульт и баллист.

Монгольское войско отличалось исключительной подвижностью. Арабский историк Ибн аль-Асирг современник описываемых событий, говорил о монгольской армии: «Они не нуждаются в следовании за ними провианта и припасов, потому что при них овцы, коровы, лошади и другая скотина, и они ничем не питаются, как их мясом. Животные же их, на которых они ездят, разгребают землю своими копытами и едят корни растений, не зная ячменя».

Такие катапульты применяли монголы при штурме крепостей

Одним из главных методов завоевателей, стремившихся парализовать

волю и сопротивление противников, был террор. Всякая попытка города оказать сопротивление влекла за собой беспощадное истребление всего населения. Исключение делалось только для ремесленников и специалистов, которых обращали в рабство и угоняли для работы на монгольских феодалов.

Чингисхан подкупал рядовых воинов — каждый имел право на определенную долю награбленной добычи. Некоторые источники сообщают, что, например, овладение Ургенчем дало каждому монгольскому воину по 24 раба.

Вступив в Среднюю Азию, монгольская армия разделилась у Отрара. Одна ее часть под командованием Джучи отправилась вниз по Сыр-Дарье, другая — вверх по этой реке, третья под командованием самого Чингисхана пошла на Бухару — центр Хорезмского царства.

В феврале 1220 г. монголы взяли Самарканд. Большая часть жителей была истреблена, в живых захватчики оставили только ремесленников, которых отправили в Монголию.

Но Ургенч встретил завоевателей упорным сопротивлением, и монгольское войско задержалось под его стенами на долгих четыре месяца. Когда же ценой огромных потерь монголам удалось взять Ургенч, защитники его подверглись ужасной расправе.

В 1221 г. монголы взяли Мерв — последний крупный город Средней Азии, оказавший захватчикам серьезное сопротивление. В отместку за это Чингисхан велел разрушить плотины, питавшие водой поля Мервского оазиса, превратив тем самым цветущий оазис в пустыню.

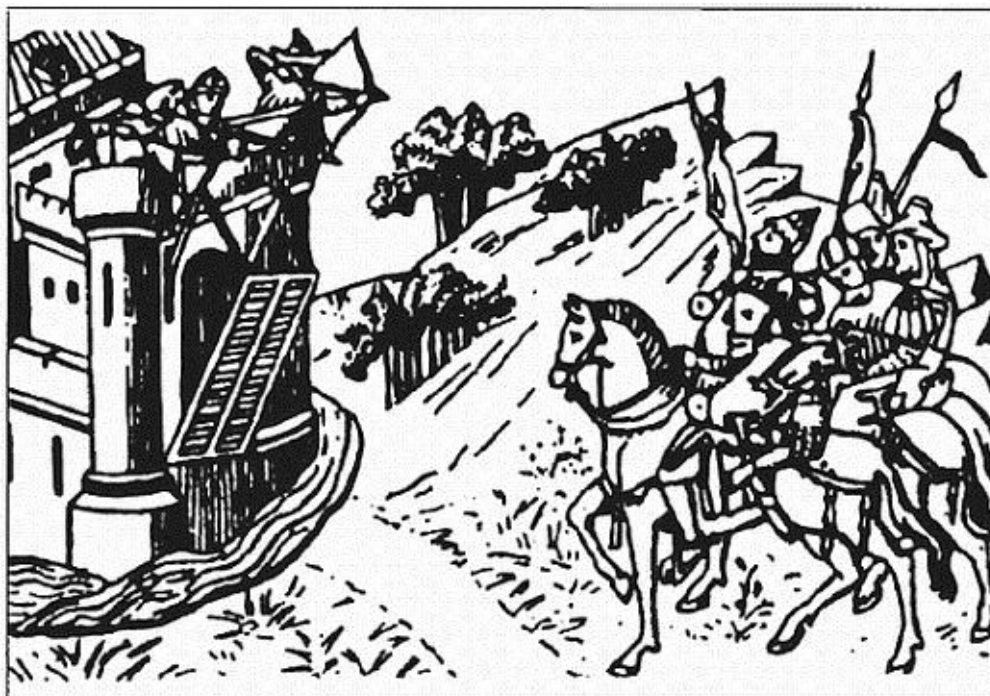
Завоевание Средней Азии завершилось в 1221 г. Она была разорена и опустошена, города превращены в руины, а цветущие оазисы — в безлюдные пустыни. В это же время военачальники Джэбэ и Субэдэй преследовали хорезмского шаха, бежавшего от монголов. Обогнув с юга Каспийское море, они в 1221 г. проникли в Азербайджан и Грузию, грабя и опустошая все на своем пути.

Татарские полководцы Субэдэй и Джэбэ провели в 1222 г. три тумена^[1] через Кавказ. Грузинский царь Георгий Лаша вышел им навстречу и был уничтожен со всем своим войском. Татарам удалось захватить проводников, которые указали им путь через Дальялское ущелье (современная Военно-Грузинская дорога). Татарское войско вышло к верховьям реки Кубань, в тыл половцам. Здесь татары столкнулись с аланами. При виде татар аланы попросту разбежались, а татарам достались отличные кони и продовольствие. Половцы тоже не решились дать бой и очень быстро, но организованно откочевали к русским границам.

Весной 1223 г. к галичскому^[2] князю Мстиславу Мстиславичу Удалому приехал тесть, половецкий хан Котян. Уже много десятилетий южные русские княжества вели, по выражению С.М. Соловьева, «бесконечную и однообразную» войну с половцами. Войны кончались миром, совместными пирами, и несколько половецких «принцесс» стали женами князей Рюриковичей. Так и дочь Котяна, получившая при крещении имя Мария, стала женой Мстислава Удалого.

Русские князья часто использовали половцев в качестве союзников в борьбе со своими родственниками-конкурентами, а иногда помогали половецким ханам в их сварах. Поэтому Мстислава не удивила просьба тестя помочь ему войсками в борьбе с другими кочевыми племенами. Удивил лишь страх Котяна перед неизвестными племенами, которых половцы называли татарами.

Котян подарил зятю множество коней, верблюдов, буйволов, а также прекрасных невольниц, и обещал еще больше после победы. Испуганный хан требовал: «Нашу землю нынче отняли татары, а вашу завтра возьмут, защитите нас. Если же не поможете нам, то мы будем перебиты нынче, а вы — завтра».

Осада города монголами. Средневековый западноевропейский рисунок

И вот князья Рюриковичи съехались в Киев на совет. Здесь были трое старших князей: Мстислав Романович Киевский, Мстислав Святославич Черниговский и Мстислав Мстиславич Галицкий (Удалой). Из младших

князей прибыли Даниил Романович Волынский, Всеволод Мстиславич, сын киевского князя, и Михаил Всеволодович, племянник черниговского князя.

Мстислав Удалой стал уговаривать князей помочь половцам. Он говорил: «Если мы, братья, не поможем им, то они предадутся татарам, и тогда у них будет еще больше силы». После долгих раздумий и обсуждений князья согласились идти на татар. Они говорили: «Лучше нам принять их на чужой земле, чем на своей».

Южнорусские князья обратились за помощью к сильному владимирскому князю Юрию Всеволодовичу, но тот отказался — дела дальние, его Владимира степные разборки никогда не касались. Да еще припомнил Мстиславу Удалому давние обиды.

Дружины южных князей собрались сравнительно быстро и пошли на юго-восток. Всего у русских и половцев насчитывалось около 80 тысяч ратников. Силы же татар составляли от 20 до 30 тысяч всадников.

На правом берегу Днепра у города Заруба русскую рать встретили татарские послы. Они заявили русским князьям: «Слышали мы, что вы идете против нас, послушавшись половцев, а мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел, на вас не приходили. Пришли мы попущением Божиим на холопей своих и конюхов, на поганых половцев, а с вами нам нет войны. Если половцы бегут к вам, то вы бейте их оттуда, и добро их себе берите. Слышали мы, что они и вам много зла делают, потому же и мы их отсюда бьем».

Татары (с китайской картины XI–XIV вв.)

Князя не пожелали вступать в переговоры, а приказали перебить послов, посчитав, что они могли быть просто лазутчиками.

Русское войско шло несколько дней вдоль Днепра, наблюдая на левом берегу татарские разъезды. У острова Хортица, там, где позже возникнет знаменитая Запорожская Сечь, Мстислав Удалой скрытно переправил через Днепр с тысячу лучших всадников и стремительно атаковал передовой отряд татар. Галичане окружили татар, занявших оборону на половецком кургане, и перебили их. Татарский начальник, некий Гемебек, был пленен и отдан половцам, которые его немедленно убили.

Затем через Днепр переправилось все союзное войско. Восемь дней союзники шли на восток, углубляясь в половецкую степь. Передовым

отрядам удалось захватить стада крупного рогатого скота, но боевых сопротивлений с татарами не было. Небольшая стычка произошла на восьмой день пути у маленькой речки Калки (современное название Кальчик), которая сливается с рекой Кальмиус у самого ее впадения в Азовское море. Татары были разбиты и бежали. Русские перешли Калку и разбили лагерь на ее левом берегу.

Рано утром 16 июня 1223 г. Мстислав Удалой выехал на передовой пост и увидел приближавшееся татарское войско. Мстислав решил справиться с татарами в одиночку. Он поднял по тревоге только свои полки, не предупредив других князей. Во главе передового полка на врага рванулся восемнадцатилетний князь Даниил Романович^[3]. Он получил сильный удар в грудь, но от смерти был спасен прочными доспехами. На выручку Даниилу кинулся его дядя луцкий князь Мстислав Ярославич Немой. Татары бежали перед дядей и племянником, а также перед дружиной Олега Курского.

Но тут бросились бежать половцы. Толпы обезумевших от страха половцев налетели на стоявшие в боевом порядке полки остальных князей. В итоге русские потерпели поражение, какого, по словам летописца, «не бывало от начала Русской земли».

Киевский князь Мстислав со своим зятем Андреем и дубровицким князем Александром, видя беду, стояли на горе над Калкой и не двинулись с места. Полки его огородились кольем и три дня отбивались из этого укрепления от татар, которых осталось только два отряда под начальством Чегиркана и Ташукана. Остальные же бросились в погоню к Днепру за отступавшим русским войском.

Вместе с татарами сражался и большой отряд бродников⁴. Большинство из них считали себя православными. Предводитель бродников Плоския вступил с русскими в переговоры и поцеловал крест Мстиславу, поклявшись, что если русские сдадутся, то татары не убьют их, а отпустят за выкуп. Князя поверили, сдались и были задавлены: их положили под доски, на которые сели пировать знатные татары.

В ходе преследования остатков русских войск к Днепру татары убили шесть князей — Мстислава Черниговского с сыном, Святослава Яневского, Изяслава Ингваревича, Святослава Шумского и Юрия Несвижского^[4]. Кроме того, был убит знаменитый витязь Александр Попович, прообраз былинного богатыря Алеши Поповича.

Мстиславу Удалому с юным Даниилом Романовичем и несколькими другими князьями удалось переправиться через Днепр. После этого

Мстислав, опасаясь татарской погони, приказал уничтожить все лодки в районе переправы. Но татары дошли до Новгорода Святополкского и повернули назад. Жители русских городов и сел выходили им навстречу с крестами, но татары их убивали. По словам летописца: «Вопли и вздохи раздавались по всем городам и волостям. Не знаем, откуда приходили на нас эти злые татары Таурмени и куда опять делись? Некоторые толковали, что это, должно быть, те нечистые народы, которых некогда Гедеон загнал в пустыню и которые пред концом мира должны явиться и попленить все страны»^[5].

На самом деле это были этнические монголы, а татарами я их называю, поскольку они так именуются в русских летописях и для удобства читателей. Предки же современных татар, живущих в Татарстане, не только не участвовали в битве, но и, наоборот, изрядно наkostenяли монголам Субэдэя, когда те пытались форсировать Волгу у южных границ Булгарии. Как писал арабский историк XIII в. Ибн ал-Асир, булгары «в нескольких местах устроили им засады» и, заманив, «напали на них с тыла» и перебили множество воинов. Уцелевшие монголы через степи Казахстана вернулись в Монголию.

Глава 2

Гибель Рязани

После ухода татар о них на Руси забыли. Продолжались старые и начинались новые княжеские усобицы. Но мы останавливаться на них не будем, поскольку эти усобицы имеют мало отношения к последующим событиям. Разобраться с ними неподготовленному читателю можно только в большой монографии, а краткое изложение событий будет только конгломератом князей, битв, убийств и т. д.

Между тем в 1235 г. великий хан Угедэй собрал большой курултай, на котором монгольская знать решила устроить великий поход на Запад. Командовать войсками был назначен Бату-хан. Угедэй велел всем улусам Монгольской империи послать часть воинов ему в помощь. Кроме того, к наступлению в Европу были привлечены многие царевицы Чингизиды лично. Кроме хана Бату в походе приняли участие его братья — Орда, Берке, Тангут и Шейбан; сыновья Угедэя Гукж и Кадан; сын Чагатая Байдар; внук Чагатая Бури; сыновья Толуя Менгу (Мунке) и Бучек (Бюджик), а также самый младший сын Чингисхана Кулькан. Каждый из Чингизидов прибыл со своим отборным отрядом. Отдельными подразделениями в армии Бату руководили виднейшие полководцы: Субэдэй-багатур, ставший ближайшим советником хана Бату, Джэбэ, участвовавший в первом западном походе 1222–1223 гг., а также молодой и талантливый военачальник Бурундай.

О численности армии Бату уже два века спорят историки. Многие серьезные историки дают цифры от 300 до 500 тысяч воинов. Но элементарный расчет общей численности населения кочевых татарских орд, трудность снабжения большой компактной армии показывают, что у Бату могло быть от 120 до 160 тысяч человек, из которых менее половины были этническими монголами, а остальные — кипчаками, узбеками и др.

Возникает естественный вопрос о реакции русских князей на разгром Булгарии. В общих чертах на Руси знали о татарском погроме соседней страны, однако русские князья не только не оказали помощь Булгарии, но даже не послали разведчиков, не устроили опрос беженцев и купцов, прибывших оттуда, чтобы получить данные о вооружении, тактике и организации войска татар.

Бату-хан (средневековый китайский рисунок)

И на севере, и на юге наши князья попросту игнорировали опасность и упустили почти полторагодовую отсрочку татарского нападения. Разгром Булгарии — это не битва на Калке, после которой монголы ушли в неведомые страны за тысячи верст от Руси. А в 1236 г. на границе с Русью появилась вассальная татарская страна, управлявшаяся их наместником Гази Бараджем. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что следующей жертвой Бату-хана будет Русь.

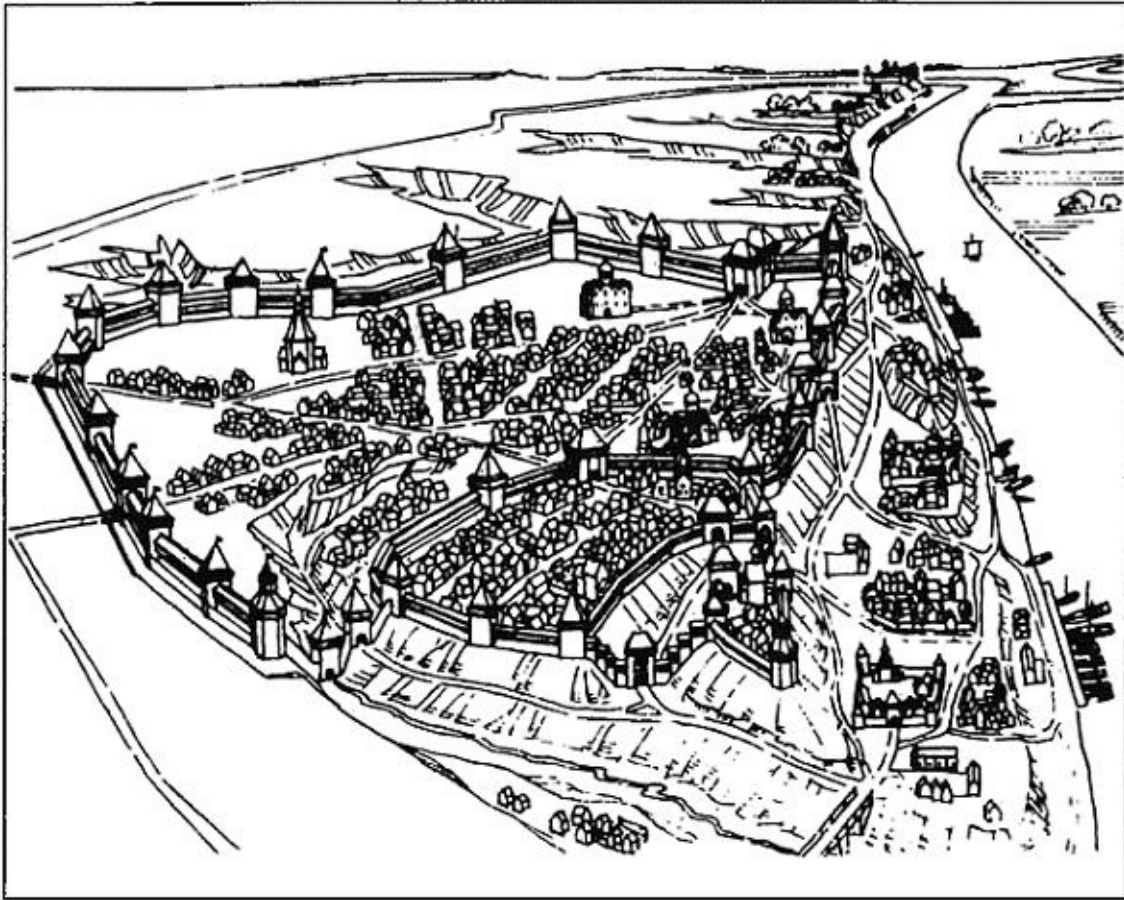
«Пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю Юрию Игоревичу^[6] Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, и во всяких людях, и в остальном. И услышал великий князь Юрий Ингоревич Рязанский о нашествии безбожного царя Батые, и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него помощи против безбожного царя Батые или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович

Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингорович Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Игоревичем Муромским, и за князем Глебом Ингоровичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать — как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю.

Но хвалился-грозился повоевать всю Русскую землю. И стал просить у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю, что есть у князя Федора Юрьевича Рязанского княгиня из царского рода и что всех прекраснее она красотой телесною. Царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: "Дай мне, князе, изведать красоту жены твоей". Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: "Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь". Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

Но один из пестунов князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, уцелел и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина; и увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича.

Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме свои и держала любимое чадо свое — князя Ивана Федоровича, и как услышала она эти смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти...»^[7]

Рязань до разрушения ее татаро-монголами (вид с севера). Вверх по Оке до устья Прони, где возвели цитадель на подступах к столице (Ново-Ольгов городок), тянется сплошная цепь сельских поселений (Даркевич В.П. Путешествие в древнюю Рязань. Рязань: Новое время, 1993)

Так гласит «Повесть о разорении Рязани Батыем».

Рязанские князья в 20-30-е гг. XIII в. постоянно конфликтовали и с великим князем владимирским, и с черниговским князем. Кроме того, соседние русские князья не оценили угрозы татарского нашествия и поначалу воспринимали его только как набег на Рязань.

В итоге против татар вышла одна лишь рязанская рать под началом рязанского князя Юрия Игоревича. Битва состоялась у реки Воронеж, «... была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева божия кто постоит! Батыевы же силы велики были и непреодолимы; один рязанец бился с тысячей, а два — с десятью тысячами»^[8].

Рязанское войско было разбито. В битве пал Юрий Игоревич и его

родичи — племянники Давыд (удельный князь муромский) и Глеб (удельный князь коломенский) Ингваревичи и внучатый племянник Всеволод Михайлович (удельный князь пронский). Согласно «Повести...» погибло и все войско.

16 декабря 1237 г. татары осадили Рязань. Она была сравнительно хорошо укреплена. Город площадью около 10 гектаров был построен на крутых холмах. Городской вал, даже простояв столь длительное время (с XII в.), представлял собой мощное сооружение высотой до 10 м и шириной у основания более 20 м. По всей длине вала тянулся ров, достигавший в некоторых местах большой глубины. В ряде мест вал прерывался — тут находились крепостные ворота. При раскопках вала выяснилось, что он представлял собой не только грандиозную насыпь, но и сложное оборонительное сооружение из земли и деревянных крепостных стен. В верхней части вала были открыты остатки сплошной деревянной стены из продольно положенных бревен, перевязанных поперечными бревнами. Кроме того, имелось несколько внутригородских валов. В городе было не менее трех больших каменных церквей.

«Царь Батый... осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие с пороками, а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань месяца декабря в двадцать первый день. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекли мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли, и иные многие от оружия пали. И в городе многих людей, и жен, и детей мечами посекли... И храмы божии разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось в городе ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши^[9]».

Сейчас ряд историков^[10] склонны видеть в «Повести...» преувеличения. Однако археологические раскопки подтверждают уничтожение подавляющего большинства горожан.

Вот что пишет археолог В.П. Даркевич: «Систематические раскопки братских могил жертв монгольского нашествия наша экспедиция провела в 1977–1979 гг. на подоле вблизи Оки и около бывшего усадебного дома

Стерлиговых у южной околицы деревни Фатьяновка.

Изучение антропологических материалов показало: из 143 вскрытых погребений большинство принадлежит мужчинам в возрасте от 30 до 40 лет и женщинам от 30 до 35 лет. Много детских захоронений, от грудных младенцев до 6-10 лет. Это рязанцы, которых завоеватели истребили поголовно, многих уже после взятия города. Юношей, девушек и молодых женщин, оставшихся в живых, вероятно, разделили между воинами. Найден скелет беременной женщины, убитый мужчина прижимал к груди маленького ребенка. У части скелетов проломлены черепа, на костях следы сабельных ударов, отрублены кисти рук. Много отдельных черепов. В костях застряли наконечники стрел.

Жителей городов, оказавших упорное сопротивление, ожидала жестокая расправа. За исключением ремесленников и обращенных в рабство, остальных пленных зарубали топором или обоюдоострой секирой. Массовые казни происходили методично и хладнокровно: осужденных разделяли между сотниками, те же — поручали каждому рабу умертвить не менее десяти человек. По рассказам летописцев, после падения Рязани — мужчин, женщин и детей, монахов, монахинь и священников уничтожали огнем и мечом, распинали, поражали стрелами. Пленникам рубили головы: при раскопках А.В. Селивановым Спасского собора обнаружены скопления из 27 и 70 черепов, некоторые со следами ударов острым оружием.^[11]

Через некоторое время после взятия Рязани в разрушенный город прибыл рязанский князь Ингварь Ингваревич, который во время нашествия находился в Чернигове у князя Михаила Всеволодовича. Как сказано в «Повести...»: «Увидел князь Ингварь Ингваревич великую последнюю погибель за грехи наши и жалостно воскричал, как труба, созывающая на рать, как сладкий орган звучащий. И от великого того крика и вопля страшного пал на землю, как мертвый»^[12].

Ингварь Ингваревич собрал уцелевших окрестных жителей и захоронил убитых (или, по крайней мере, часть их). Раскопки подтверждают «Повесть...»: «В братских могилах Рязани погибших похоронили без гробов, в общих котлованах до 1 м глубиной, причем смерзшуюся землю разогревали кострами. Их положили по христианскому обряду — головой на запад, с руками, сложенными на груди. Скелеты лежат рядами, вплотную друг к другу, местами в два-три яруса»^[13].

Некоторые историки считают, что Ингварь Ингваревич восстановил Рязань. Это они обосновывали той же «Повестью...»: «Благоверный князь Ингварь Ингваревич, названный во святом крещении Козьмой, сел на столе

отца своего Ингваря Святославича. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал»^[14].

Но в «Повести...» говорится не о городе, а о земле Рязанской. Археологи однозначно доказали — Рязань более не восстанавливалась, и культурного слоя после 1237 г. не обнаружено. Лишь в одной части города найдены остатки усадеб XVII в. Рязанский князь сделал своей столицей город Переяславль-Рязанский, который с середины XIV в. стал именоваться Рязанью.

В «Повести...» рассказывается, что русский боярин Евпатий Коловрат, находившийся в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, отправился на помощь Рязани с «малой дружиной».

«И помчался в город Рязань, и увидел город разоренный, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, и иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаляясь в сердце своем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, которых бог сохранил вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил средь полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устранился»^[15].

Царь Батый «послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на-попы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество пороков, и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбеями, и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали они царю: "Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и рязанцев не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые,

не знают они смерти и так крепко и мужественно, на конях разъезжая, бьются — один с тысячею, а два — со тьмою. Ни один из них не съедет живым с побоища". И сказал царь Батый, гляда на тело Евпатьево: "О коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, — держал бы его у самого сердца своего". И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых захватили в битве. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им»^[16].

Татары уничтожили не только Рязань, но и разорили все княжество. Они взяли Пронск, в татарский плен попал князь Олег Ингваревич Красный. Автор «Повести...» утверждает, что в Пронске Ингварь Ингваревич собрал «рассеченные части тела брата своего... Олега Ингваревича». Но это не соответствует действительности. Татары держали в плену князя Олега до самой смерти рязанского князя Ингваря Ингваревича в 1252 г., и лишь тогда отпустили на Русь. Умер Олег Ингваревич в декабре 1258 г. и был погребен в Переяславле-Рязанском в храме Святого Спаса^[17].

Татары буквально стерли с лица земли город Белгород-Рязанский.^[18] Больше он уже не восстанавливался, и сейчас неизвестно даже его точное расположение. Тульские историки идентифицируют его с городищем у села Белородица на реке Полосне в 16 км от современного города Венева.

Погиб и рязанский город Воронеж^[19]. Несколько столетий стояли безлюдными развалины города, и лишь в 1586 г. на его месте построили острог для защиты от набегов крымских татар.

Благодаря татарам исчез и довольно известный город Дедославль. Ряд историков идентифицируют его с городищем у села Дедилово на правом берегу реки Шат.

Однако подавляющее большинство десятков городов (городищ), уничтоженных татарами в 1237–1238 гг., как на Рязанщине, так и по всей Руси, историкам и археологам идентифицировать не удастся. Города эти так и остаются безымянными. Объединяют их лишь следы пожара, братские могилы без гробов, а то и просто хаотически лежащие останки людей со следами насильственной смерти, дети и взрослые, спрятавшиеся в подполах, печках и иных укрытиях и нашедшие там свою смерть.

Глава 3

Разгром Северо-Восточной Руси

От Рязани войско Батия двинулось вверх по Оке и подошло к Коломне, а там татар ждали дружины владимирского князя Юрия Всеволодовича и остатки рязанской дружины во главе с князем Романом Ингваревичем. Замечу, что сам великий князь владимирский Юрий Всеволодович с войском не пошел, а отправил своего старшего сына Всеволода с воеводой Еремеем.

Татары окружили русских. В битве погибли Роман Ингваревич и воевода Еремей с большей частью войска. Юрию же Всеволодовичу удалось убежать к отцу во Владимир. Коломна была взята татарами и разграблена.

От Коломны отряды царевича Гуюка по льду Москвы-реки подошли к городу Москве. Взятие Москвы описано в русских источниках коротко и неясно. Во всяком случае, деревянный кремль был взят штурмом. Воевода Филипп Нянька (Нянко)^[20] был убит, а молодой князь Владимир Юрьевич (третий сын Юрия Всеволодовича) взят в плен. Царевич Гуюк забрал с собой плененного Владимира Юрьевича и голову павшего в бою Филиппа Няньки и отправился к городу Владимиру.

3 февраля 1238 г. 8сносные силы татар во главе с Батием подошли к Владимиру. Великий князь владимирский Юрий Всеволодович бежал из столицы. Во Владимире он оставил жену Агафью и двух старших сыновей — Всеволода и Мстислава — с воеводой Петром Ослядюковичем и частью дружины.

Юрий же с основным войском двинулся на северо-запад и, перейдя Волгу под Угличем, разбил свой лагерь на реке Сить, примерно в 30 км к западу от Волги. Вместе с великим князем были три его племянника — сыновья князя Константина Всеволодовича Василько, Всеволод и Владимир. Призвав своих братьев Ярослава и Святослава, Юрий Всеволодович, очевидно, собирался занять оборонительные позиции с участием всех имевшихся дружин Суздальской земли и использовав реки Волгу и Мологу как естественные оборонительные линии с востока и с севера.

Как гласит Тверская летопись:

«Беззаконные же татары пришли к Владимиру... Привели они с собой Владимира Юрьевича к Золотым воротам, спрашивая: "Узнаете ли княжича вашего?" Братья его, воевода Ослядюкович и все люди проливали обильные слезы, видя горькие мучения князя. Татары же отошли от городских ворот, объехали город, а затем разбили лагерь на видимом расстоянии перед Золотыми воротами. Всеволод и Мстислав Юрьевичи хотели выйти из города против татар, но Петр-воевода запретил им сражаться, сказав: "Нет мужества, и разума, и силы против божьего наказания за наши грехи"»^[21].

Пока часть татарского войска обносила Владимир частоколом и готовила осадные машины, остальное войско 5 февраля совершило молниеносный набег на Суздаль и в тот же день сожгло город.

Штурм Владимира начался утром 7 февраля. Как гласит та же Тверская летопись:

«Утром увидели князя Всеволод и Мстислав и епископ Митрофан, что город будет взят, и, не надеясь ни на чью помощь, вошли они все в церковь Святой Богородицы и начали каяться в своих грехах. А тех из них, кто хотел принять схиму, епископ Митрофан постриг всех: князей, и княгиню Юрия, и дочь его, и сноху, и благочестивых мужчин и женщин. А татары начали готовить пороки, и подступили к городу, и проломили городскую стену, и заполнили ров наломанными ветками и так по примету вошли в город; так от Лыбеди вошли они в Иринины ворота, а от Клязьмы в Медные и Волжские ворота, и так взяли город и подожгли его. Увидели князя, и епископ, и княгини, что зажжен город и люди умирают в огне, а других рубят мечами, и бежали князя в Средний город. А епископ, и княгиня со снохами, и с дочерью, княжной Феодорой, и с внучатами, другие княгини, и боярыни, и многие люди вбежали в церковь Святой Богородицы и заперлись на хорах. А татары взяли и Средний город, и выбили двери церкви, и собрали много дров, обложили церковь дровами и подожгли. И все бывшие там задохнулись, и так предали души свои в руки Господа; а других князей и людей татары порубили»^[22].

Следует заметить, что три сына князя Юрия Всеволодовича погибли при осаде. Владимир Всеволод и Мстислав ныне считаются местными святыми города Владимира.

Разобраться в последующих действиях татар по русским летописям довольно трудно. Так, в Лаврентьевской летописи говорится, что в феврале 1238 г. было захвачено шесть крупных городов Суздальской земли, после чего 4 марта на реке Сить разгромлено войско Юрия Всеволодовича. Новгородская Первая летопись перечисляет уже восемь городов

Суздальской земли (причем только два из них совпадают с перечисленными в Лаврентьевской летописи) и сообщает, что они были взяты после битвы на Сити. Никоновская летопись XVI в. добавляет к ранее упомянутым городам еще два города. Никаких подробностей захвата какого-либо из названных в разных источниках четырнадцати городов в летописях не приводится. Рассказ о взятии и разграблении Суздаля, которому посвящено больше места, чем всем остальным, составляют фрагменты, заимствованные летописцами из ранних текстов. К примеру, из описания разграбления Киева половцами в 1203 г., и вряд ли этому описанию можно верить. Не нашлось места даже для рассказа о разрушении Ростова, собственная летопись которого была позднее включена в летопись Владимира (то есть в Лаврентьевскую). Создается впечатление, что летописцы Владимира и Новгорода просто перечислили основные города Суздальской земли без всякого представления о том, на какие из этих городов татары напали, какие разграбили, а какие обошли стороной.

Л.Н. Гумилев утверждает: «Жители богатого торгового Углича, например, довольно быстро нашли общий язык с монголами. Выдав лошадей и провиант, угличане спасли свой город; позже подобным образом поступили почти все поволжские города. Более того, находились русские, пополнявшие ряды монгольских войск. Венгерский хронист называл их "наихудшими христианами"»^[23].

3.3 Мифтахов считает, что «уцелела Кострома, Тверь, Ярославль — все города по Волге уцелели именно потому, что они заключили мир с татарами и монголами»^[24].

По моему же мнению, вопрос о Костроме следует считать открытым, но Тверь была уничтожена татарами, и в 1240 г. князь Ярослав Всеволодович фактически основал новый город на левом берегу Волги в устье реки Тверцы. А старая Тверь была в полутора километрах на правом берегу Волги у впадения в нее реки Тьмаки.

Тут следует заметить, что татары после взятия Владимира двигались не единым войском, а отдельными ударными группами. Некоторую ясность вносит Мифтахов. Он утверждает, что вместе с войском Батые двигалось от 11 до 12 тысяч болгарских войск под началом эмира Гази Бараджа. Отдельный болгарский отряд Бояна, сына болгарского царя Алтынбека, действовал на севере в отрыве от татарских сил. Бояну удалось захватить город Устюг. Бывший нижегородский монах Ас-Азим, служивший некоторое время попом в городе Биляре и посланный Гази Бараджем в поход вместе с Бояном, уговорил местного воеводу сдать город без

кровопролития.

После взятия Рязани татарами войско эмира Гази Бараджа двинулось на Нижний Новгород. Ко времени подхода болгарских войск князя в городе не было, а нижегородские бояре сами открыли ворота хорошо знакомому им Гази Бараджу. Мифтахов утверждает, что к войску эмира присоединилось около 4 тысяч пеших русских воинов из Нижнего Новгорода и Ростова.

К началу марта 1238 г. на реке Сить собрались дружины нескольких князей Северо-Восточной Руси во главе с Юрием Всеволодовичем. Среди них был его родной брат переяславский князь Святослав Всеволодович и три племянника — Василько, Всеволод и Владимир Константиновичи. Больше ни один князь не пожелал присоединиться к великому князю владимирскому.

В летописи говорится: Юрий «ждучи к себе своего брата Ярослава с полком». Но, увы, дружина великого князя киевского так и не пришла на реку Сить.

Юрий Всеволодович оказался крайне бездарным полководцем. Вполне возможно, на него и его окружение напал панический страх перед татарами. Он не удосужился даже организовать разведку и наблюдение за татарским войском. В результате русские дружины были внезапно окружены татарами. 4 марта в ходе жестокой сечи русские были наголову разбиты, а князья Юрий Всеволодович и Всеволод Константинович пали в бою. Как гласит Тверская летопись: «А Василька Константиновича Ростовского татары взяли в плен и вели его до Шерньского леса, принуждая его жить по их обычаю и воевать на их стороне. Но он не покорился им и не принимал пищи из рук их, но много хульных слов изрек на их царя и всех их. Они же, жестоко мучив его, умертвили четвертого марта, в середину Великого поста, и бросили его тело в лесу»^[25]. Позже князей Юрия Всеволодовича и Василько Ростовского причислили к лику святых.

Сражение происходило между современными деревнями Игнатово и Ревякино Городище Ярославской области, примерно в 16 км выше впадения реки Сить в Рыбинское водохранилище. Археолог Н.П. Сабанеев обнаружил в этом районе могилы погибших воинов. Увы, неблагодарные потомки не удосужились поставить не то что памятник, а хотя бы какой-либо знак, указывающий на место битвы.

Любопытно, что Мифтахов утверждает, будто татаро-монголам в битве на Сити участвовать не пришлось, а с войском Юрия Всеволодовича сражались болгары и 4 тысячи русской пехоты из Нижнего Новгорода и

Ростова. Сам же великий князь владимирский в битве участия не принимал. «Еще в 1229 г. он был "ранен в зад, отчего с тех пор не мог ездить на лошади" [*Гази-Барадж. Летопись Гази-Бараджа. 1229–1246 годы. Бахши Иман. Свод болгарских летописей. Том первый, Оренбург, 1993. С. 165*]. Поэтому Юрий Всеволодович оставил поле боя не на коне, а на возке. Он убежал по дороге на Новгород. Однако отъехать далеко не удалось: попал в засаду, устроенную Кул Буратом. Охранный отряд был быстро уничтожен болгарскими лучниками. Великий князь соскочил с возка и побежал в сторону леса, но увяз в глубоком снегу. К нему подскакал сын покойного тархана Бачмана Нарык и отсек голову. Затем Нарык насадил его голову на древко своего боевого знамени и отправил к эмиру Гази Бараджу»^[26].

Мифтахов приводит и совсем другую версию смерти князя Василько Константиновича, которого он, правда, по ошибке называет рязанским князем. «Через несколько дней после этого [битвы на реке Сити. — *А.Ш.*] произошло неожиданное событие. На новгородской дороге встретились два конных разъезда: разъезд Кул Бурата и разъезд князя Ярослава Всеволодовича. Этой встрече предшествовали следующие события.

Прежде чем оставить г. Владимир и свою семью на произвол судьбы, великий князь отправил в Новгород на 50 возах государственную казну. Обоз сопровождали младший брат великого князя Ярослав Всеволодович, рязанский князь Василько Константинович и его сын Борис. Когда конный разъезд князя Ярослава столкнулся с разъездом отряда Кул Бурата, обоз повернули на юг. Однако, спасти государственную казну не удалось: неожиданно обоз наткнулся на разъезд отряда Гуюка. Встреча была столь неожиданной, что возникла сумятица. Этим воспользовался Борис, ехавший в конце обоза. Ему удалось развернуть десять возов и незаметно уехать с места встречи. Борис прибыл в расположение отряда Кул Бурата и был препровожден к Гази Бараджу. [*Гази-Барадж. Летопись Гази-Бараджа. Т. 1. С. 178–179*].

По свидетельству участника этих событий Гази Бараджа, князь Ярослав передал 40 возов с ценностями казны Гуюку и при этом сообщил, что князь Василько Константинович отправил своего сына Бориса с 10 возами к Гази Бараджу [*Гази-Барадж. Летопись Гази-Бараджа. Т. 1. С. 179*].

Историк С.М. Соловьев писал о том, что будто бы "татарам очень хотелось, чтоб Василько принял их обычаи и воевал вместе с ними; но ростовский князь не ел, не пил, чтоб не оскверниться пищею поганных" [*Соловьев С.М. Об истории Древней России, М., 1992. С. 159*]. По

свидетельству Гази Бараджа, дело было вовсе не в "пище поганных", а в том, что князь Ярослав "оклеветал бедного Васыла, сказав Гуюку, что тот нарочно направил своего сына ко мне с десятью возами из пятидесяти. Это была ложь. Но напрасно Васыл говорил, что ничего не знал о содержании возов и не склонял Борыса к побегу. Гуюк мучил его страшными пытками и, не заставив бека оболгать сына и меня, в ярости убил" [Гази-Барадж. Летопись Гази-Бараджа. Т.1.С. 179].

Споры и раздоры по поводу десяти возов привели к ухудшению отношений между Гази Бараджем и царевичами Гую-ком и Бату. Гуюк в категоричной форме потребовал от эмира выдачи Бориса (по-булгарски Борыс). К тому времени Гази Барадж уже отправил Бориса под охраной отряда Нарыка в Волжскую Булгарию. От беды Гази Бараджа спасло лишь заступничество царевича Мунке и полководца Субетая. Субетай сказал царевичам, что нельзя тратить время на споры и раздоры, а необходимо "поскорее выполнить указ великого хана" [Гази-Барадж. Летопись Гази-Бараджа. Т. 1. С. 179]. Лишь после этого стали готовиться к продолжению похода»^[27].

В версии Мифтахова и, соответственно, в болгарской летописи есть несколько ошибок. Младший брат великого князя владимирского Ярослав Всеволодович был далеко — в Киеве или в районе Киева. Его Гази перепутал, видимо, с Ярославом Всеволодовичем, шестым сыном Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. У Василько Константиновича, галицкого князя, действительно был сын Борис, но тому тогда исполнилось лишь 7 лет^[28]. В остальном же болгарская версия весьма похожа на правду.

Пока часть татарских (булгарских) войск шла к реке Сить, другая часть осадила город Торжок. В Торжке не оказалось ни князя, ни княжеской дружины, и оборону возглавил «Иванко посадник Новоторжский, Яким Влункович, Глеб Борисович, Михайло Моисеевич», то есть верхушка купеческого посадского населения. Жители Торжка заблаговременно обратились за помощью к Господину Великому Новгороду, который периодически бывал сюзереном Торжка. Замечу, что в Новгороде в 1237–1238 гг. князем^[29] был молодой Александр Ярославич, будущий Невский. Новгородские власти и Александр могли вместе или порознь (в этом вопросе они были независимы друг от друга) оказать помощь Торжку, но они и пальцем не пошевелили.

Как говорит Тверская летопись, татары окружили весь город тыном, «также как и другие города брали, и осаждали окайные город две недели. Изнемогли люди в городе, а из Новгорода им не было помощи, потому что

все были в недоумении и в страхе. И так поганные взяли город, убив всех — и мужчин и женщин, всех священников и монахов. Все разграблено и поругано, и в горькой и несчастной смерти предали свои души в руки господя месяца марта в пятый день, на память святого Конона, в среду четвертой недели поста. И были здесь убиты: Иванко, посадник новоторжский, Аким Влункович, Глеб Борисович, Михаил Моисеевич. А за прочими людьми гнались безбожные татары Селигерским путем до Игнатьева креста и секли всех людей, как траву, и не дошли до Новгорода всего сто верст. Новгород же сохранил бог, и святая и великая соборная и апостольская церковь Софии, и святой преподобный Кирилл, и молитвы святых правоверных архиепископов, и благоверных князей, и преподобных монахов иерейского чина»^[30].

Забавно, что сейчас вновь объявились сторонники «небесной версии». Так, Ю.В. Кривошеев пишет: «...вмешательство божественных сил (самого Творца, святой Софии, Кирилла и других святых православной церкви) свидетельствует о каких-то неведомых и самим этим силам причинах божественного происхождения не появления монголов под стенами волховской столицы»^[31].

Сей пассаж я оставляю без комментариев, лишь замечу, что труд Кривошеева редактировал профессор и рецензировали еще два профессора, да и вообще он напечатан по постановлению Редакционного совета Санкт-Петербургского университета.

А более прагматически настроенные историки вот уже 200 лет спорят, кто помимо сил небесных спас Новгород. Так, С.М. Соловьев пишет, что татары, «не дошедши ста верст до Новгорода, остановились, боясь, по некоторым известиям, приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот, и пошли к юго-востоку на степь».^[32] И эта осторожная фраза вскоре превратилась в каноническую версию и вошла в наши школьные учебники. Кто-то говорит, что в боях с русскими татары были обескровлены и побоялись идти на Новгород.

Историк В.В. Каргалов утверждает, что татары вообще не собирались брать Новгорода, а до Игнатьева креста дошел лишь небольшой татарский отряд, преследовавший беглецов из Торжка.

Булгарские же летописи дают весьма четкое и недвусмысленное объяснение. Дело в том, что еще в конце 1237 г. в Новгород была прислана грамота с печатью великого хана с обещанием не разорять город, если новгородцы не будут помогать великому князю владимирскому. Князь Александр Ярославич, городские и церковные власти (три независимые

силы Новгорода) дали согласие и действительно держали строгий нейтралитет, пока татары громили северо-восточные русские земли.

Нравится нам или нет, но рано или поздно придется признать, что часть русских князей и городов вступила в добровольно-принудительный союз с татарами. Отряды русских воинов, вступившие в армию Бату-хана, были сравнительно невелики, зато именно русские коллаборационисты кормили орду Батыя.

Сомневающимся я предлагаю вспомнить судьбы армий Карла XII в 1709 г. и Наполеона в 1812 г. Карл XII был в нескольких верстах от Смоленска, но не пошел на Москву — цель своего похода, а повернул на юг, исключительно из-за отсутствия продовольствия, которое ему обещал гетман Мазепа. Да и Великая армия в 1812 г. погибла в основном от голода.

Наших историков почему-то совсем не интересует проблема снабжения огромной татарской армии зимой 1237/38 г. Ну, пусть татар и их союзников было не 500 тысяч, а всего 150 тысяч. Что они ели? Что ели их лошади? Только не надо сказочек, что татарские лошади сами добывали себе корм копытами в февральскую стужу из-под двухметрового сугроба где-нибудь у Костромы или Устюга.

Есть версия, что татарские фуражиры по 10–20 человек ездили по деревням и отбирали продовольствие у крестьян. Такой способ добычи продовольствия татарами, несомненно, имел место, но он не давал и десятой доли общего объема провианта и фуража, необходимого Орде. Риторический вопрос, что делали крестьяне при приближении татар? Было только два варианта. Первый — идти в город в осаду, предварительно спрятав все, что нельзя унести с собой. Вариант второй — уход в леса или в отдаленные лесные деревни, в том числе на север.

Опять же, продовольствие уносилось с собой, пряталось или уничтожалось.

Уничтожить десяток-два татар тоже не представляло труда. Достаточно было местному тиуну или даже попу собрать полсотни вооруженных крестьян и устроить засаду на лесной дороге. Вспомним 1812 год, а ведь у татар не было огнестрельного оружия.

Но летописи молчат об охоте крестьян на татар, равно как и о наездах малых отрядов татар на деревни. Да и откуда татарам знать все местные тропинки?

Основная часть продовольствия и фуража доставлялась городами и князьями, выразившими покорность.

Особый разговор о «загадочных бродниках». Так их называл академик Мавродин. Первое упоминание о бродниках относится к 1147 г., когда они в

очередной княжеской усобице вместе с половцами пришли на помощь Святославу Ольговичу. «Бродники — это тюрки-кочевники. За это говорит, во-первых, то, что они христиане (воевода их целует крест во время осады их лагеря у Калики татарами), а во-вторых, имя их воеводы — Пლოსкия, звучащее по-русски»^[33]. Далее Мавродин пишет: «Бродники были смешанным населением степей Причерноморья, занимавшим едва ли не весь огромный край от Приазовья и Тмутаракани до Побужья, где подобного рода люд носил уже иное название — берладников, выгонцев и т. д. Бродников было не так уж мало, ибо иначе нечем объяснить известность бродников в соседних землях и, в частности, в Венгрии, отразившуюся в документах».^[34]

Бродники в своих землях не признавали власти ни князей Рюриковичей, ни половецких ханов.

«Бродячий образ жизни, связанный с их полупромысловым хозяйством, делал их чрезвычайно подвижными, а военный характер общин бродников приводил к появлению бродников в качестве, по-видимому, наемников в рядах войск соседних государств. Бродники были у болгар, венгров, русских князей в качестве наемников до XIII века»^[35].

В 1236–1241 гг. сотни, а, скорее всего, тысячи бродников примкнули к войску Бату-хана.

Переходным элементом между бродниками и русскими княжествами были так называемые Болоховские княжества. У наших историков нет даже единой точки зрения, где находились Болоховские княжества. Одни помещают их в Подолии, а другие — на юге Черниговской земли. Правили этими территориями не князья Рюриковичи, а какие-то неведомые историкам болоховские князья, которые, скорее всего, выбирались вечем.

Часть болоховских князей при приближении татар бежала на запад. Но другая часть вместе с большинством населения изъявила покорность татарам. Болоховские княжества были пощажены, но обязаны были поставлять реквизицию натурой — зерном и скотом.

Точных сведений о движении татарского войска назад в степи нет ни в русских, ни в восточных летописях. На мой взгляд, наиболее достоверным является путь, указанный в «Атласе истории средних веков» под редакцией академика Е.А. Косминского, (Москва, 1955 г. С. 24). Видимо, действительно центр армии шел по линии Вязьма — Козельск, при этом была ли Вязьма разорена или сдалась на милость победителям — не ясно.

Какой-то правифланговый отряд татар подошел к Смоленску и стал в 25 верстах от него на Долгомостье. Дальнейшие события известны лишь из

жития святого мученика Меркурия Смоленского. Ночью у княжеского дружинника по имени Меркурий было видение Богородицы, которая повелела ему напасть в одиночку на татар. Той же ночью Меркурий сел на коня и отправился в татарский стан в Долгомостье. Никем не замеченный, он прошел стражу и среди неприятельского стана увидел великана. Оградясь крестным знамением, Меркурий воскликнул: «Пресвятая Богородица, помоги мне!» — и убил гордого и надменного исполина, а затем истребил еще множество врагов. Сын убитого татарского великана, желая отомстить за смерть отца, напал сзади на Меркурия и нанес ему смертельный удар. Но внезапно непонятный ужас охватил врагов, и, бросая оружие, они бежали от города, гонимые неведомой силой из пределов Смоленской земли.

По моему мнению, в житии правда перемешена с вымыслом. Скорее всего, имела место удачная вылазка смоленской дружины князя Святослава, сына смоленского князя Мстислава Старого. Татарский отряд был разбит и ушел на юг в степь. Возможно, в битве погиб и князь Святослав Мстиславович, поскольку известно, что в 1238 г. вместо него смоленский стол занял его младший брат Всеволод.

Упорное сопротивление в течение 7 недель оказали жители небольшого города Козельска на реке Жиздре (ныне г. Козельск Калужской области). В Козельске удельным князем был какой-то младенец Василий.^[36] С.М. Соловьев так пересказывает русскую летопись:

«Жители Козельска решились не сдаваться татарам: "Хотя князь наш и молод, — сказали они, — но положим живот свой за него; и здесь славу, и там небесные венцы от Христа бога получим". Татары разбили, наконец, городские стены и взошли на вал, но и тут встретили упорное сопротивление: горожане резались с ними ножами, а другие вышли из города, напали на татарские полки и убили 4000 неприятелей, пока сами все не были истреблены; остальные жители, жены и младенцы подверглись той же участи; что случилось с князем Василием, неизвестно; одни говорят, что он утонул в крови, потому что был еще молод. С тех пор, прибавляет летописец, татары не смели называть Козельск настоящим его именем, а называли *злым городом*»^[37].

По болгарской же летописи, Козельск держался не 7 недель, а 7 дней. Причем штурм крепости не удавался не столько из-за отчаянного сопротивления жителей, сколько из-за атак конной дружины, укрывшейся в лесу недалеко от города. Как только татары начинали штурм, с тыла их атаковала конная дружина. На седьмой же день конная дружина,

находившаяся в Козельске, на рассвете пошла на вылазку. Татары проспали атаку, и большая часть дружинников из Козельска ушла в Чернигов. Козельск же был взят и по приказу Бату-хана сравнен с землей. По болгарской летописи, в боях за Козельск татары потеряли убитыми 7 тысяч воинов.

Таким образом, потери татарам под Козельском были нанесены не простыми горожанами (как это принято было говорить советскими историками), а сильными черниговской и козельской дружинами. Если верить болгарской летописи, то это был первый пример тактически грамотных действий русских в войне 1237–1238 гг.

После взятия Козельска татарское войско направилось в степи, в Половецкую землю, где Батый разбил хана Котяна, который с 40 тысячами своего народа ушел в Венгрию, где получил земли для поселения.

Глава 4

Батый идет в Европу

В 1239 г. татары совершили два похода, а точнее, набега на Русь. На северо-востоке татарский отряд завоевал мордовские земли, прошел по Клязьме, сжег город Гороховец, а затем повернул обратно.

Другой, более сильный, отряд двигался с юга. Татары взяли и сожгли Переяславль-Южный, половину жителей истребили, а остальных увели в плен. Далее они двинулись на Чернигов. Возможно, это была месть за участие черниговской дружины в обороне Козельска.

Черниговский князь Михаил, сын Всеволода Святославича Черного, сразу по отъезде из Киева князя Ярослава Всеволодовича захватил Киев и объявил себя великим князем киевским. Из-за этого ему, видимо, и недосуг было защищать Чернигов. Этим занялся его двоюродный брат Мстислав Глебович. Но в битве у Чернигова дружина Мстислава Глебовича была разбита, а сам князь бежал в Венгрию.

Татары взяли и сожгли Чернигов, однако пожалели местного епископа и часть клира. Уже тогда хан начал заигрывать с православной церковью.

По взятии Чернигова племянник Батыя, сын Угедзя Менухан, приехал к Песочному городку на левый берег Днепра, чтобы посмотреть на Киев, раскинувшийся на другом берегу. По словам летописца, татарин удивился красоте и величию Киева и отправил послов к князю Михаилу Всеволодовичу и к киевлянам, чтобы склонить их к сдаче города.

Князь Михаил Всеволодович приказал перебить татарских послов. Позднейшие наши историки пытались выгородить будущего святого: «Кажется, это случилось против воли самого Михаила, потому что вскоре после убийства он, не дожидаясь осады, бежал в Венгрию».^[38] Так поэтому Михаил и драпанул, опасаясь мести татар.

Свято место пусто не бывает, после бегства Михаила в Киев из Смоленска прибыл князь Ростислав Мстиславович и объявил себя великим князем киевским. Но княжить ему пришлось недолго.

К Киеву подошла рать Даниила Романовича Галицкого и захватила город. Ростислав Мстиславович был взят в плен. Но оставаться в Киеве Даниил не пожелал и оставил в качестве наместника своего тысяцкого Дмитра.

Между прочим, Михаил Всеволодович, убегая из Киева в Венгрию, потерял по пути жену и бояр. Они были захвачены дружиной князя Ярослава Всеволодовича. Узнав об этом, Даниил Галицкий послал ему сказать: «Отпусти ко мне сестру, потому что Михаил на обоих нас зло мыслит». Ярослав исполнил просьбу Даниила и отправил черниговскую княгиню к брату.

В Венгрию Михаил Всеволодович прибыл с сыном Ростиславом, которого он надеялся сосватать за дочь венгерского короля Белы IV. Иметь зятя изгнанника король не пожелал и велел отцу и сыну убраться восвояси. Михаил и Ростислав с горя отправились в Польшу к князю Конраду I Мазовецкому — своему дяде^[39]. Но ляхи были заняты своими сварами, и им было не до Киева. И пришлось Михаилу каяться перед Даниилом и Василько Романовичами.

Отписали они им грамоту: «Много раз грешили мы перед вами, много наделали вам вреда, и обещаний своих не исполняли; когда и хотели жить в дружбе с вами, то неверные галичане не допускали нас до этого; но теперь клянемся, что никогда не будем враждовать с вами».

Романовичи простили Михаила, отпустили к нему свою сестру и самого привели к себе из Польши. Мало того, они пообещали отдать ему Киев, а его сыну Ростиславу — Луцк. Но Ростислав, боясь татар, не шел в Киев, а ходил по волости Романовичей, которые надавали ему много пшеницы, меду, быков и овец.

Князя Даниил и Михаил не зря боялись оставаться в Киеве. Осенью 1240 г. татарские рати появились под Киевом. Командовал ими по-прежнему Батый. Как и в 1237–1238 гг., в составе татарского войска было несколько тысяч болгар под началом Гази Бараджа.

Татары установили многочисленные осадные орудия перед юго-восточными Лядскими (Польскими) воротами Киева, где лесистый склон обеспечивал хорошее укрытие. Через несколько дней ворота были разрушены и татары ворвались в Киев. Свыше суток бой шел внутри города. Последние защитники дрались насмерть у Десятинной церкви в самом центре Киева. 6 декабря татарам удалось, используя пороки (тараны), разрушить церковь, и сотни горожан погибли под ее обломками.

Киев горел. Позже археологи раскопали несколько сгоревших домов со скелетами внутри, причем среди скелетов были и «монгольские»^[40].

Тысяцкий Дмитр был взят в плен татарами. Согласно русским летописям, он, видя гибель земли Русской, сказал Батю: «Будет тебе здесь воевать, время идти на венгров. Если же еще станешь медлить, то там

земля сильная, соберутся и не пустят тебя в нее».

Падение Киева навело панический страх на русских князей. Михаил Всеволодович вместе с сыном Ростиславом побежал в Польшу к князю Конраду Мазовецкому, а Даниил Романович с сыном Львом — в Венгрию. Следует заметить, что и часть населения Юго-Западной Руси также спасалась бегством в эти страны.

Забегая вперед, скажу, что Даниил попытался в Венгрии женить своего сына на дочери короля Белы IV, но тот отверг это предложение. Тогда Даниил со Львом отправились к мазовецкому князю Болеславу, который принял их довольно радушно и дал «в кормление» город Вышеград.

Князь же Михаил Всеволодович, испугавшись татар, решил бежать дальше — в Шленску (Силезия). Однако между Вроцлавом и Легнице на него напали немецкие купцы. Они перебили свиту и ограбили обоз, и Михаилу с сыном едва удалось бежать обратно в Мазовию.

После Киева татары двинулись по Волыни. Первым они осадили город Ладыжин^[41] на Буге. Город был хорошо укреплен. В течение нескольких дней 12 пороков безуспешно долбили в его стены. Тогда татары начали льстивыми словами уговаривать горожан сдать Ладыжин, те поверили, сдались и были все истреблены. Потом татары взяли Каменец, Владимир, Галич и ряд других городов. Уцелела лишь одна неприступная крепость Кременец.

Далее татары разделили свое войско на две армии. Большая часть войска вошла в первую армию во главе с ханом Батыем. Второй армией командовали царевицы Орду (Хорду-Ичана) и Байдар, с ними шли и болгары Гази Бараджа.

Первой в поход в январе 1241 г. двинулась армия Орду. Наши и польские историки вообще не знают, как шла эта армия. Так, по атласу 1955 г. часть войска Орду пошла на Люблин, а часть — на Берестье (Брест) и далее к Мариенбургу в пределы Тевтонского ордена.

Булгарская же летопись утверждает, что Орду двинулся для начала к Смоленску, но не только не стал разрушать его, а наоборот, там к татарам присоединилась дружина смоленского князя Михаила^[42] числом в 10 тысяч человек. Там же, в Смоленске, к татарам присоединился и какой-то литовский князь по имени Аскал.

В конце января 1241 г. армия Орду взяла Люблин, а в конце февраля — Сандомир. 13 февраля татары разгромили войско малопольских князей в битве под Турском.

10 марта 1241 г. татары переправились через Вислу у Сандомира,

оттуда отряд под командованием Кайду отправился в направлении Ленчицы с последующим выходом к Кракову. Прикрывая путь на Краков, польские краковские войска воеводы Владимежи и сандомирские воеводы Паковлава пытались остановить татар, но 18 марта под Хмельником были разбиты. Сам воевода Владимежа был убит, а войска бежали. Краковский и сандомирский князь Болеслав Стыдливый (сын Лешко Белого) с матерью, русской княжной Гремиславой Ингваревной, и другими домочадцами бежал из столицы в Венгрию.

28 марта 1241 г. татары штурмом взяли Краков, а затем двинулись к Вроцлаву. У Вроцлова собралось объединенное войско под командованием нижнесилезского князя Генриха Набожного, сына Генриха Бородатого. К нему из Малой и Великой Польши привел войско воевода Судислав, а из Верхней Силезии пришел с дружиной опольский князь Мешко. Подошли и отряды немецких и чешских рыцарей во главе с Болеславом, сыном моравского маркграфа Дипльди, а также отряды рыцарей-тамплиеров из Франции.

Генрих Набожный не стал защищать свою столицу Вроцлов, а двинулся на соединение с войском чешского короля Вацлава I. Татары попытались взять Вроцлов приступом, но были отбиты горожанами.

Однако соединиться с чешским войском Генриху Набожному не удалось. 9 апреля 1241 г. татары навязали бой польско-германскому войску на Добре Полу у города Легницы и наголову его разгромили. В письме аббата бенедиктинского монастыря Мариенбурга в Вене от 4 января 1242 г. говорится о более сорока тысячах павших. Великий магистр Понсе д'Обона писал французскому королю Людовику IX: «Татарыны опустошили землю Генриха, польского князя, и убили его со многими баронами и шестью из наших братьев, тремя рыцарями и двумя сержантами, а пятьсот из наших людей погибло, а трое из наших братьев, которых мы хорошо знаем, бежали».

И действительно, князь Генрих погиб, и татары надели на копье его отрубленную голову.

Согласно болгарским источникам, в битве при Легнице в центре татарского войска находились болгары и отряды русских. «Гази Барадж расположил свои войска клином, т. е. тем способом, который впервые был применен Талибом Мумином еще в первой половине X в. Места на первой линии заняли 1000 рыцарей-бахадиров. Эти богатыри имели полный набор защитного снаряжения и вооружения: тяжелые доспехи, обоюдоострые мечи, боевые топоры, ножи, копья, лук и стрелы. Они первыми принимали на себя удар противника. Булгары называли воинов первой линии

барынджарами, т. е. победителями. Места на второй линии заняли 2000 воинов. Это были средневооруженные воины. В X в. их называли башкортами, позже за ними закрепилось наименование уланы. Между второй и третьей линиями был сооружен военно-полевой лагерь по древнехуннскому способу: вокруг ровной площадки три круга из возов. На территории военно-полевого лагеря расположились 3 тысячи воинов, а по флангам места заняли 2 тысячи. Третья линия из 3000 воинов расположилась за лагерем. Такова была диспозиция войск перед боем.

Сражение началось ранним утром 9 апреля. В наступление первыми пошли польские, германские, чешские и французские рыцари. Когда они приблизились к первым линиям болгарских и монгольских войск на расстояние 200–250 метров, болгары и монголы пустили тучи стрел из обычных луков. Такова была их обычная тактика ведения боя. Однако, через некоторое время они убедились, что стрелы не наносят рыцарям никакого вреда. Стрелы просто отскакивали от их доспехов. На болгар и монголов это произвело удручающее впечатление. Положение усугубилось после того, как болгары медленно стали отступать, а Байдар и Хорду-Ичан увели свои войска с поля боя. Создалась критическая ситуация. Фланги болгарских войск были оголены, а эмир Гази Барадж, в раненом состоянии, был окружен семью польскими рыцарями. На помощь подоспели Аблас Хин и Нарык. Они боевыми топорами изрубили рыцарей и вывели Гази Бараджа в военно-полевой лагерь. Несмотря на ранение, Гази Барадж продолжал руководить войсками. Ему удалось произвести быструю перегруппировку сил: приказал воинам первой и второй линий отойти к военно-полевому лагерю и занять новую позицию. Лучники, стрелявшие "железными стрелами", заняли позицию с двух сторон от лагеря. Их фланги прикрыли уланы, т. е. воины второй линии.

Неуклюже двигаясь в тяжелых доспехах, пешие рыцари дошли до военно-полевого лагеря и попытались его обойти с флангов, но были встречены тучей "железных стрел". Эти стрелы пробивали доспехи рыцарей. Тогда рыцари ударили в центр и стали перелезать через возы. Из-за тяжелых доспехов многие из них стали падать на землю. Воины третьей линии стали в упор расстреливать лежащих на земле рыцарей из обычных луков. Атака рыцарей захлебнулась. В этот момент на поле боя вернулись отряды тюркмен и кыргызов. Однако Байдар и Хорду-Ичан с отрядами из собственно монголов не вернулись.

Гази Барадж велел тюркменам и кыргызам занять позиции уланов, а уланам нанести копейный удар. Болгарские уланы были вооружены тяжелыми копьями. Копье прикрепляли с помощью цепочки к седлу.

Поэтому в удар вкладывалась не только сила воина, но и сила скачущего коня. Копейный удар уланов опрокинул рыцарей. Объединенные силы краковского князя Генриха Бородатого начали отступать. И только тогда Байдан и Хорду-Ичан вернулись на поле боя и стали добивать бегущих»^[43].

Любопытно, что польские источники говорят о каких-то «боевых дымах», примененных татарами при Легнице. Видимо, это были примитивные распылители какой-то вонючей дряни — ОВ XIII в. Кроме того, часть татар проникла в боевые порядки поляков и стала сеять панику: «Все пропало! Мы разбиты! Бежим!» Однако внешний вид татар и их вооружение существенно отличались от поляков, да и по-польски татары явно не говорили. Это наводит на мысль, что панику посеяли русские воины, ворвавшиеся в ряды ляхов. Благо, русский и польский языки тогда очень мало отличались друг от друга, и в домонгольский период и князья, и дружинники поляки и русские свободно общались без переводчика.^[44]

Батый, в это время находившийся с главными силами в Венгрии, приказал войску Орду отрезать чешские войска, бывшие к северу от Дуная. Байдар 16 апреля отошел от Рацибужа и направился в Моравию.

При прохождении через Моравию войско Орду остановилось в окрестностях города Ольмюц (Ольмоуц), расположенного на правом берегу реки Морава. Ночью чешско-немецкое войско под командованием воевод Иосифа и Ярослава из Штернберга внезапно напало на татар. Им удалось вырезать до 10 тысяч татар (монголов и кипчаков). Погиб и царевич Байдар. Однако болгары и смоляне контратаковали противника и обратили его в бегство. Согласно болгарской летописи, было убито до 12 тысяч чехов и немцев.

Далее армия Орду^[45] двинулась к Дунаю. Но на правом берегу их ожидал в засаде семитысячный отряд из венгров и немцев. Тогда татары пошли на хитрость и имитировали переправу прямо на глазах противника. Двести всадников добровольцев переправились через Дунай, и тут же их окружили венгры и немцы. Все смельчаки были перебиты. А тем временем основная часть войска Орду переправилась через Дунай в другом месте. На рассвете следующего дня татары напали на венгров и немцев и истребили их всех. Теперь армии Орду был открыт путь к озеру Балатон, где в это время находилась основная армия Батыя.

Путь Бату к берегам озера Балатон был длинным, сложным и кровавым. Первая армия в апреле 1241 г. вторглась в пределы Венгерского королевства. Она быстро разбила венгерские отряды под руководством Дионизия, охранявшие Манкачский и Унгвариский проходы Карпатского

хребта, и вторглась в Венгерскую равнину.

Вступив в пределы Венгрии, Батый отправил к венгерскому королю послов, но Бела IV приказал убить их. По приказу короля в Пеште начался сбор войска. Туда пришли отряды из разных городов: из Секешфехервара, Эстрегрома и других, сюда же привел хорватское войско герцог Кальман, брат Белы IV. В начале апреля 60-тысячное (по другим данным, 65-тысячное) войско Белы IV выступило из Пешта.

Решающее сражение произошло 12 апреля 1241 г. у реки Шайо (Сайо), правого притока Тисы. Русский перебежчик из татарского войска известил Белу о начале нападения противника. Объединенные хорвато-венгерские войска расположились сомкнутой массой на небольшом участке. Увидев с горки диспозицию противника, Батый радостно воскликнул: «Эти не уйдут из моих рук, так как они сгруппировались в одну кучку, как в овчарне»^[46].

После удара татарских войск с флангов часть рыцарей бросилась бежать. Лишь только войска герцога Кальмана и колочского архиепископа Уголина дрались упорно и отошли в порядке. При этом двухдневный путь их отступление к Пешту был, по словам хрониста Рогериуса, устлан телами убитых. Погибли и видные князья церкви — архиепископы — Эстергомский Матиас, Колочский Уголин, епископ Трансильванский Рейнольд, епископ Нитры Яков и др. Сам герцог Кольман был серьезно ранен и вскоре скончался. Король Бела IV бежал в Хорватию, а Батый отправил за ним вдогонку царевича Кодана.

После сражения у реки Шайо основные силы татар в ходе трехдневных боев овладели Пештом и разграбили его. Венграм удалось отстоять лишь цитадель Пешта, которую занял воевода испанец Симеон.

После упорных боев войскам Кодана удалось захватить Варадин, Арад, Перег, Егрес, Темешвар и Дьюлафехервар. Пройдя Словению и Хорватию, отряд Кодана захватил крепость Клисса (недалеко от современного города Сплита). Так татары вышли к побережью Адриатического моря.

Западную Европу спасла от татарского нашествия смерть великого монгольского хана Угедэя (Огодая), которая произошла, по одним данным, 11 ноября 1241 г., а по другим — в начале декабря. Временной правительницей была назначена его старшая жена Туракина (Туракинхатун).

Известие о смерти великого хана Батый получил в марте 1242 г. В это время он находился в городе Джуре. На военном совете было принято решение о прекращении похода и выводе войск из стран Восточной Европы. Местом сбора войск определили устье Дуная.

Татарские войска при отступлении не имели сильных противников и, чтобы обеспечить себе лучшее пропитание и большую добычу, шли несколькими отрядами через Венгрию, Сербию и Болгарию. Собрались они вместе, как и было запланировано, в степях Нижнедунайской низменности. После нескольких недель отдыха татары двинулись через причерноморские степи в низовья Волги. Осенью 1242 г. войско подошло к Волге. Все царевичи Чингизиды отправились дальше на восток в столицу Каракорум. На Волге остался лишь Батый с собственным войском. Своей отказ ехать в Монголию он объяснил болезнью ног. На самом же деле Батый получил от своих осведомителей в Каракоруме сведения о том, что Туракина хочет возвести на престол своего сына Гуюка, с которым у Батые были весьма неприязненные отношения.

Батый остановился между Волгой и Ахтубой (там сейчас стоит село Селитренное) на развалинах города Саксин-Булгар, разрушенного в 30-х гг. XIII в. Мастера из Булгарии и других стран спешно приступили к строительству нового города, получившего название Сарай-Бату.

Интересно, что Батый не утратил привычек кочевника. Зимой он с большей частью войска кочевал в районе современного Пятигорска, весной приезжал в Сарай, а осенью опять уходил кочевать.

Ни европейские, ни русские историки никак не хотят признать, что татары ушли из Венгрии из-за смерти великого хана. Поляки утверждают, что именно они спасли Европу от Батые. Чехи превозносят воеводу Ярослава из Штернберга, утверждая, что именно он наголову разгромил Батые. «Так ты, выходит, татарин? — обратился храбрый солдат Швейк к русскому пленному. — Тебе повезло. Раз ты татарин, то ты должен понимать меня, а я тебя. Гм! Знаешь Ярослава из Штернберга? Даже имени такого не слышал, татарское отродье? Тот вам наложил у Гостина по первое число. Вы, татары, тогда улепетывали с Моравы во все лопатки. Видно, в ваших школах этому не учат, а у нас учат»^[47].

Русские и особенно советские историки дружно пытались доказать, что покорение Руси обескровило татар, а в 1241 г. опять же на Руси вспыхнули антитатарские восстания, и бедный Батый страшно испугался. Но, увы, никаких достоверных доказательств тому нет. Правда, за неимением оных, приводятся доказательства на уровне Швейка. Ну и в школах подобное утверждение проходят уже как аксиому, не хуже, чем в школах Австро-Венгрии.

Глава 5

Тайна Ярослава Всеволодовича

Князь Александр Ярославович Невский был канонизирован православной церковью, а усилиями русских и советских историков стал одной из главных фигур русской истории. Говоря о нем, невольно хочется перефразировать формулу Геббельса: «Миф, повторенный тысячу раз, становится правдой». И, как говорил В.В. Маяковский, «если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно».

А Невский нужен был всем. Московским князьям, начиная от Ивана Калиты, был нужен святой и великий предок для обоснования своих претензий на владение Русью. Петру I он понадобился для обоснования войны со Швецией и строительства Санкт-Петербурга. А для чего понадобилось снимать в 1938 г. фильм «Александр Невский», а через 6 лет учреждать орден его имени, вряд ли нужно объяснять.

Спору нет, эти мифы выполнили свою роль, но одновременно они крайне запутали историю России XIII в. И чтобы разобраться в ней, нам придется опираться только на достоверные источники и очевидные логические рассуждения.

Итак, Александр Ярославович родился или в 1219, или в 1220, или в 1221 г. Вмешиваться в споры историков о точной дате рождения мы не будем. Александр был вторым сыном князя Ярослава Всеволодовича (около 1191–1246 гг.) и Ростиславы-Феодосии, дочери Мстислава Мстиславовича Удалого. Дедом по отцовской линии был Всеволод Юрьевич Большое Гнездо.

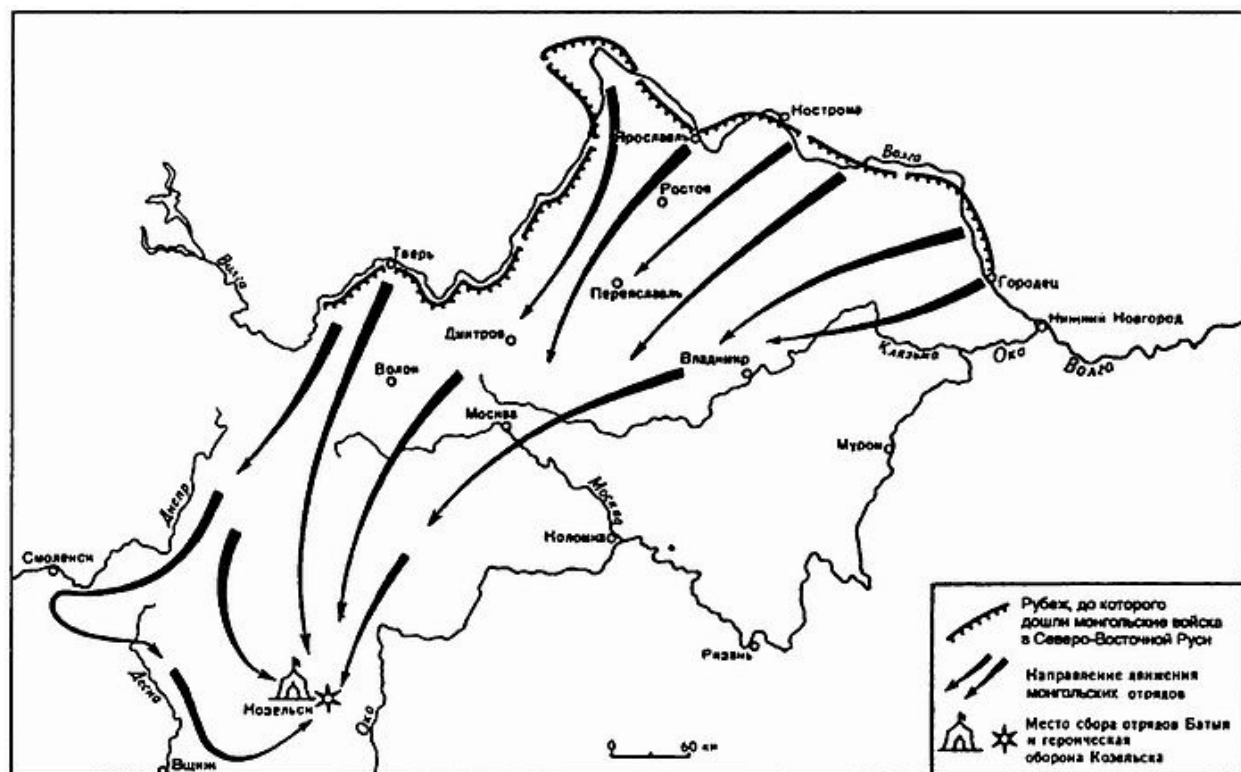
Старший брат Александра Федор родился в 1218 или 1219 г. В 1228 г. братья Федор и Александр были поставлены отцом княжить в Новгороде. Но в феврале 1229 г. собрали новгородцы вече и послали обоих братцев к их матери... Ростиславе, а говоря языком того времени — «показали им путь». Вместо них новгородцы пригласили князя Михаила Всеволодовича Черниговского^[48]. Тут имела место довольно хитрая интрига. Так, Михаилу помогал великий князь Юрий Всеволодович, родной брат Ярослава.

Но 30 декабря 1230 г. Ярослав Всеволодович с дружиной вновь явился в Новгород. Побыв там всего две недели, он оставил княжить опять Федора и Александра, а сам уехал княжить в Переяславль-Залесский. Читатель

может удивиться: бросить большой и богатый Новгород Великий ради какого-то Переяславля. Дело в различных статусах князя в Новгороде и на остальной Руси. В вольном Новгороде Ярослав мог быть лишь министром обороны, которого в любой момент может прогнать вече, а в Переяславле он был «и бог, и царь, и воинский начальник».

В 1233 г. по приказу отца Федор должен был вступить в брак^[49] с Феодулией, дочерью Михаила Всеволодовича Черниговского. Детали сделки двух претендентов на княжение в Новгороде мне установить не удалось. Но 5 июня 1233 г., за день до свадьбы, Федор внезапно умирает. Погребли его в Юрьевском монастыре в Новгороде. Невеста Феодулия постриглась в одном из суздальских монастырей (почему не в Новгороде?), а после своей смерти в сентябре 1250 г. стала святой Ефросинией Суздальской.

Любопытно, что все упомянутые родственники в разное время становились святыми. О святом Александре мы уже говорили, скоро поговорим и о святом Михаиле Черниговском, а вот Федор Ярославич станет святым в 1614 г.

Монгольский погром Северо-Восточной Руси весной 1238 г. (Хрусталеv Д.Г. Русь: от нашествия до «ига». 30–40 гг. XIII в. СПб.: Евразия, 2004)

Как уже говорилось, и Ярослав Всеволодович, и его сын Александр заняли, мягко говоря, странную позицию во время Батыева нашествия 1237–1238 гг. Согласно летописи, узнав о гибели великого князя, старший после него брат, Ярослав Всеволодович, приехал княжить во Владимир. Он очистил церкви от трупов, собрал оставшихся от истребления людей, утешил их и, как старший, начал распоряжаться волостями: брату Святославу отдал Суздаль, а брату Ивану — Стародуб (Северный).

Тут я предлагаю читателю взять в руки обычную географическую карту и калькулятор. Татары взяли Владимир 7–8 февраля 1238 г. Битва на реке Сить произошла 4 марта. Риторический вопрос: сколько могли лежать в столице Северо-Восточной Руси неубранные трупы? Некому убирать было? Так кого же тогда приехал «утешать» Ярослав?

Резонно предположить два варианта. По первому, Ярослав приехал во Владимир до битвы на Сити или через неделю после нее, то есть в середине марта. В таком случае, он вообще не собирался ехать на Сить, а ехал занимать великий стол.

Второй вариант: Ярослав из-за каких-то неотложных дел капитально задержался и узнал о битве на Сити в Киеве или по дороге. Но и тогда встает вопрос: а как он доехал до Владимира? Ведь, по летописным данным, татары повернули у Игнатьева креста в апреле 1238 г. Да и без летописи ясно, что распутица в 100 км от Новгорода раньше апреля не начинается. Так что в районе Козельска татары были в мае, а то и в июне.

А теперь посмотрим на карту. Козельск расположен почти по прямой Киев — Владимир, причем от Киева он в полтора раза дальше, чем от Владимира. Татарское войско было велико и по Руси шло завесой. Так как мог Ярослав в марте — июне 1238 г. проехать эту завесу насквозь из Киева до Владимира? Да и зачем ехать в разоренный город, бросив огромный богатый Киев, к которому летом 1238 г. могли подойти татары?

Любопытно, что некоторые авторы, в том числе Д.Г. Хрусталева, пытаются объяснить «странное поведение» Ярослава Всеволодовича тем, что он якобы поехал из Киева в Новгород, чтобы оттуда, собрав войска, прийти на помощь брату Юрию. Версия сия более чем несерьезна. В Новгород никогда не ездили князья, чтобы собирать там войска, поскольку своей сильной дружины там никогда не было. Затем и приглашали новгородцы к себе князей — не чтобы управлять «глупыми» новгородцами, а чтобы их дружины защищали город.

Ну, предположим, что Ярослав поехал в Новгород не за дружиной, а так — по делам: допустим, поклониться какой-нибудь местной иконе.

Нетрудно догадаться, что произошло бы с его дружиной, если бы он форсированным маршем прогнал ее в конце зимы — начале весны от Киева до Господина Великого Новгорода, а затем оттуда во Владимир. Да в ней остался бы в лучшем случае каждый десятый воин.

А может, Ярослав приехал во Владимир осенью 1238 г., когда татары ушли в степи? Но тогда почему всю весну и лето лежали во Владимире неубранные трупы? Жизнь в разоренном городе обычно возобновляется спустя несколько дней после ухода врага. Вспомним Москву в 1812 г после ухода французов, хотя бы в замечательном описании Л.Н. Толстого.

Вывод напрашивается один, пусть нам неприятный, но единственный, способный снять все вопросы — Ярослав как-то договорился с татарами. Он знает, что они не пойдут на Киев, и его не задержат татарские отряды по пути во Владимир. Тогда становится понятным, почему Ярослав по прибытии во Владимир и пальцем не пошевелил, чтобы организовать отпор татарам, а занялся административно-хозяйственной деятельностью.

А чем занимался Александр в Новгороде весной 1238 г.? Тоже повседневной военно-политической учебой дружины. Ну ладно, не помог на Сити дяде Юре, с которым у отца сложились плохие отношения. А почему не помог Торжку? Ведь, как показывает история, новгородцы и их князья насмерть дрались с любым «низовым» князем, посягнувшим на Торжок. Видимо, прав болгарский летописец: и тут был договор с татарами.

На Руси татары жгли русские города, а наш храбрый Александр Ярославич занят был личными делами. В 1239 г. он в Новгороде изволил жениться на Александре (по другой версии, Параскеве) Брячиславне. Происхождение ее неизвестно^[50].

А чем занимается великий князь Ярослав Всеволодович в 1239 г.? Готовит Владимиро-Суздальскую Русь к отпору монголам? Ведь не исключено новое нашествие. Увы, нет. Вместо этого он отправляет свою дружину на разгром достаточно удаленных от Владимира русских княжеств.

Так, зимой 1238/1239 г Ярослав Всеволодович и его сын Александр идут походом на Смоленск, якобы спасти оный град от литовцев. Ряд историков утверждают, что де литовцы захватили большую часть Смоленского княжества, а некоторые считают, что и сам Смоленск был захвачен литовцами. Но вот ни русские летописи, ни западные хроники этого факта не подтверждают.

Спору нет, набеги литовцев имели место. Сколько-нибудь крупные из них описаны в летописи, как, например, набег 1234 г. на Торопец, но чтобы Литва взяла Смоленск в 1238 г. — полный бред.

Замечу, что в летописи есть упоминание, что «Ярослав Смоленск урядил и посадил там князя Всеволода Мстиславича».

Есть сведения, что смоленский князь Святослав Мстиславич был убит дружиной Ярослава Всеволодовича под стенами Смоленска.

Следует отметить, что ставленник Ярослава князь Всеволод Мстиславич, сын Мстислава Старого, был довольно серой личностью. В 1219 г. отец посадил его княжить в Новгороде, но через три года вече «показало ему путь», и с тех пор бедный Всеволод мыкался без места.

Замечу, что великий князь Ярослав не ограничился Смоленском. В том же 1239 г. он двинулся на юг к городу Каменцу. Город был взят, и там захвачена в плен жена соперника Ярослава князя Михаила Всеволодовича Черниговского.

Понятно, что затевать захватнические (а не оборонительные!) войны на западе и юге великий владимирский князь мог, лишь только обеспечив себя на востоке.

Вполне возможно, что следствием захвата Смоленска Ярославом Всеволодовичем явилось участие смоленской дружины в походе Бату-хана на Польшу. Сведения об этом содержатся в болгарской летописи- и монографии З.З. Мифтахова^[51].

Согласно болгарской летописи, вместе с татарами в Польшу пошла дружина численностью в 10 тысяч человек под началом князя Михаила. Численность смоленского войска явно преувеличена, а князем Михаилом мог быть молодой князь Михаил Ростиславич, троюродный племянник Всеволода Мстиславича. Причем смоляне отличились при штурме ряда польских городов, особенно Кракова. Есть косвенные данные об участии смоленского войска в битве под Легницей. Якобы смоляне, смешавшись с поляками в ходе битвы, начали кричать: «Все пропало, мы разбиты, бежим!», что вызвало деморализацию и всеобщее бегство ляхов^[52]. Добавлю, что русский и польский языки были настолько близки, что и князья, и простые ратники понимали друг друга без переводчиков.

В ходе борьбы с татарами погибли многие ветви Рюриковичей. Самое же интересное, что все семейство Ярослава Всеволодовича уцелело. Остались живы все сыновья — Александр, Андрей, Константин, Ярослав, Афанасий, Даниил и Михаил. Именно они будут владеть всей Северо-Восточной Русью, о чем без татар они и мечтать не могли.

Новый великий князь владимирский Ярослав Всеволодович в том же 1239 г. отправился в Булгар с большой казной. Замечу, год еще 1239-й, Киев еще не взят, никакой Золотой Орды нет, практики выдачи ордынских

ярлыков русским князьям нет, я уж не говорю о том, что Ярослав сел абсолютно законно на место своего старшего брата. Наконец, татары еще никакой дани не установили.

И вот великий князь Ярослав приезжает в Булгар к татарскому наместнику Кутлу-Бута. Привезенную Ярославом дань поделили между собой Гази Барадж и Кутлу-Бута: три четверти взял посол-наместник, а четверть — эмир.

Профессор З.З. Мифтахов иронизирует по сему поводу: «Кто заставил Ярослава привезти такое огромное количество дани? Никто. Эмир Гази Барадж даже очень удивился такой прыти, такой степени покорности. Еще более удивился и посол, и эмир тому, в каком виде явился великий князь. По свидетельству очевидца Гази Бараджа, Ярослав "явился с обритыми в знак покорности головой и подбородком и выплатил дань за три года". Возникает резонный вопрос: кто заставил великого князя в знак покорности сбрить голову и бороду? Это он сделал по своей инициативе, ибо и эмир Волжской Булгарии, и посол-наместник великого хана Монгольской империи были поражены увиденным.

Так началось развитие того явления, которое впоследствии стало называться *игом*. Как известно, в мир русской историографии термин "иго" запустил Н.М. Карамзин (1766–1826 гг.). "Государи наши, — писал он, — торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров".

Необходимые пояснения: слово "выя" означает "шея", а "иго" — "хомут", а также то, чем скрепляют хомут.

Итак, Н.М. Карамзин утверждал: "Наши государи добровольно отреклись от прав народа независимого и склонили шею под хомут варваров". Сказано образно, сказано верно! Действительно, великий князь Ярослав Всеволодович по своей инициативе заложил фундамент новых отношений между Северо-Восточной Русью, с одной стороны, Монгольской империей и Волжской Булгарией, с другой»^[53].

Как русскому человеку, мне обидно читать такое, но чем возразить? Разве тем, что, видимо, эти деньги Ярослав считал платой татарам и Гази Бараджу (участнику похода) за то, что они не схватили его по пути во Владимир и дали возможность сесть на владимирский престол. Вполне возможно, что Ярослав не думал, что таким способом он устанавливает «иго».

Второй раз Ярослав Всеволодович поехал в Орду в 1242 г. По одним летописям, он отправился по приглашению хана Батыя, по другим — опять в инициативном порядке. Но, в любом случае, Батый, по словам летописца,

принял Ярослава с честью и, отпуская, сказал ему: «Будь ты старший между всеми князьями в русском народе».

Вслед за великим князем владимирским в Орду чуть ли не толпой двинулись кланяться и другие князья. Так, в 1244 г. туда явились Владимир Константинович Углицкий, Борис Васильевич Ростовский, Глеб Васильевич Белозерский, Василий Всеволодович, а в 1245 г. — Борис Васильевич Ростовский, Василий Всеволодович, Константин Ярославич, Ярослав II Всеволодович, Владимир Константинович Углицкий, Василько Ростовский со своими обоими сыновьями — Борисом и Глебом и с племянником Всеволодом и его сыновьями Святославом и Иваном.

Но вот в 1246 г. в Орде впервые был убит русский князь — Михаил Всеволодович Черниговский. Наши церковники, а затем и историки раздули и мифологизировали этот инцидент. Поэтому нам придется рассмотреть его поподробнее.

После ухода Батыя на Волгу Михаил Всеволодович решил вернуться из путешествия по Европе. Он приехал в Киев и решил там покняжить. Однако Киев был разорен, и взять с немногих уцелевших жителей оказалось просто нечего. Сын же Михаила Всеволодовича Ростислав в конце 1241 г. затеял войну с Даниилом Галицким, потерпел поражение и бежал в Венгрию. Там ему в 1243 г. как-то удалось заполучить руку и сердце принцессы Анны, любимой дочери Белы IV. Узнав об этом, Михаил срочно отправился в Венгрию. Надо ли говорить, что в сей вояж он пустился не для того, чтобы поздравить новобрачных, а за венгерским войском, которое должно было захватить ему какой-нибудь русский удел?

Однако не только сват Бела IV, но и сын Ростислав послали Михаила куда подальше. Замечу, что Ростислав отказал отцу не из-за патриотизма (мол, жалко Русь подводить под мадьярские мечи), а потому, что видел в отце конкурента. В 1245 г. Ростислав с венгерским войском вторгся на Русь, но был разбит Даниилом Галицким. Через некоторое время он вновь вторгся в Галицкие земли, но на этот раз не только с венгерским, но и с польским войском. В битве под городом Ярославлем на реке Сан вся компания была вдребезги разбита, причем Даниил Галицкий велел казнить часть венгерских пленников и всех русских изменников.

Урок пошел впрок, и к Даниилу Галицкому явились венгерские послы с предложением заключить мир, скрепленный родственным союзом. Даниил согласился, и в 1250 г. Констанция, дочь Белы IV, стала женой Льва, сына Даниила Галицкого.

После поражения на реке Сан Ростислав Михайлович навсегда забыл дорогу на Русь. Бела произвел его в сербские баны^[54]. В 1258 г. Ростислав

выдал свою дочь Мачву за болгарского царя Михаила Асеня, а за сестру царя Марию выдал своего сына бана Михаила. В 1259 г. царь Михаил Асеня был убит своим братом Коломаном. Тогда Ростислав Михайлович вторгся с венгерским войском в Болгарию и провозгласил болгарским царем своего сына Михаила. Кстати, вторая дочь Ростислава Кунута вышла замуж за чешского короля. Сам же Ростислав Михайлович умер в 1264 г. (по другим сведениям — в 1262 г.) сербским баном.

Но вернемся к Михаилу Черниговскому. Обиженный сватом и сыном, он вернулся в Киев и увидел там... дружинников великого князя владимирского. Пока Михаил вояжировал в Пешт, Киев занял Ярослав Всеволодович, который оставил там в качестве наместника своего боярина Дмитро Еиковича.

В житии Михаила Черниговского утверждается, что-де хан Батый вызвал в Орду князя Михаила Всеволодовича. Риторический вопрос: а на кой он был нужен хану? Ему что, не доставало десятков русских князей, законно владеющих своими княжествами? А тут авантюрист без удела, без дружины, большую часть жизни мотавшийся по чужим странам.

Наоборот, Михаил поехал в Орду в инициативном порядке — жаловаться на князей-конкурентов. Батыю он явно не был нужен, а князья Ярослав Всеволодович и Даниил Романович видели в нем врага.

По житию, хан Батый ласково встретил Михаила, но попросил его пройти «сквозь огонь и поклониться кусту и онгеви и идолом их». Князь же гордо отказался и заявил: «Не хочу только именем зватися христианин, а дела творити поганных». Хан де приказал убить князя Михаила и его боярина Федора, причем убийство совершил русский — некий Роман из города Путивля.

Тела казненных были доставлены в Чернигов и захоронены в Спасском соборе. В конце правления Василия III Чернигов перешел от Великого княжества Литовского к Москве. В 1547 г. Михаил и Федор были прославлены как общерусские святые. Как писал А.С. Хорошев: «Кульτ черниговских святых демонстрировал московский протекторат над южнорусскими землями, включенными в состав Великого княжества Литовского. Московская митрополичья кафедра включением киевских и южнорусских культов в состав русского государственного пантеона провозглашала свою приверженность идее прямой и единственной защитницы православия и распространяла свое покровительство над православными населением Литовского княжества».^[55]

Исходя из тех же целей, Иван Грозный в 1572 г. приказывает перезахоронить Михаила и Федора в Москве, где их разместили в

специально построенном на Ивановской площади Кремля соборе во имя Черниговских чудотворцев. В 1769 г. собор был сломан, и чудотворцев в очередной раз перезахоронили в Архангельском соборе Московского Кремля.

Судя по всему, убийство Михаила было организовано конкурирующим кланом князей, скорее всего, кланом Ярослава Всеволодовича. Замечу, что еще в XII в. имела место жесткая борьба младших Мономаховичей (Юрьевичей), суздальских князей, с черниговскими князьями — потомками Олега Святославича.

Итак, 1243–1246 гг. следует считать временем установления так называемого «татаро-монгольского ига». Почему «так называемого»? Да потому, что за два века наши горе-историки не только не договорились, было ли татаро-монгольское иго на Руси, но даже не сформулировали, как понимать термин «иго». А в 20-30-х гг. XIII в. шли жесточайшие убоицы Юрия и Ярослава Всеволодовичей с Михаилом Черниговским.

Любопытно, что термина «иго» нет ни в многотомной Военной энциклопедии^[56], ни в «Большой советской энциклопедии», ни в энциклопедических словарях и т. д. Таким образом, нет ни правового, ни исторического термина «иго». Термин «татарское иго» был придуман русскими историками в XVIII — начале XIX в. В первые годы советской власти его стали именовать «татаро-монгольским игом», а с 1960-1970-х гг. — «монголо-татарским игом». Сделано сие было, дабы не раздражать население Татарской АССР. Согласно БСЭ, монголо-татарское иго — система властвования монголо-татарских феодалов над русскими землями в XIII–XV вв.

В «Советском энциклопедическом словаре» говорится: «Монголо-татарское иго на Руси (1243–1480), традиционное название системы эксплуатации русских земель монголо-татарскими феодалами. Установлено в результате нашествия Батыя. После Куликовской битвы (1380) носило номинальный характер»^[57].

Как видим, оба определения бестолковые и противоречивые, как, впрочем, и все труды официальных советских историков по данной проблеме. Нашествие Батыя было в 1237–1238 гг., ну а если учесть поход на Киев, то до 1240 г. А причем тут 1243 год? Составители словаря сами себя высекли, правильно поставив начальную дату «ига» — 1243 год. Таким образом, «иго» было установлено в ходе визита Ярослава Всеволодовича в Орду в 1243 г. Отмечу, что никакой системой отношений «иго» не было. Отношение Орды к русским княжествам постоянно

менялось, то есть было функцией времени и географического положения княжеств. Так, «иго» по отношению к Владимиро-Суздальской Руси принципиально отличалось от «ига» по отношению к Киевской и Волынской Руси, Смоленску, Пскову и Новгороду.

Полемизировать же с официальными историками о том, было или не было «иго» на Руси, когда они сами не понимают, что это такое, бессмысленно. Прочитав до конца книгу, каждый может сделать свой вывод.

Однако в определении ига данным Словарем есть одно стоящее словосочетание: «традиционное название». В таком смысле термин «иго» можно и принять как обозначение периода русско-татарских отношений с 1243 г. по 1480 г. Короткое слово «иго» очень удобно как метка. Кстати, и я, грешный, ряд традиционных, но неверных исторических терминов использую как метки. Например, говоря о Московской Руси, у нас все без исключения историки пишут: «древний боярский род», тех же Романовых, на самом деле это такая же чушь, как и «древний генеральский род». Но если папа был генералом, то карьера его сына вполне может кончиться чином капитана — то убьют, то за пьянство со службы выгонят. Так и сын боярина вполне мог закончить свою карьеру в чине стольника или окольничего. Боярин — это высший чин при дворе князя. Таким образом, под «боярским родом» следует понимать группу родственников, служивших при дворе князя, среди которых несколько человек получили боярство. А главное, очень удобно термин «боярский род» использовать как понятную простому читателю метку.

Рассказ о борьбе Александра Невского со шведскими и немецкими феодалами выходит за рамки данной работы, а интересующихся я отсылаю к моей книге «Военные тайны Древней Руси».

В 1245 г. великий князь владимирский Ярослав Всеволодович поехал в Орду к хану Батыю, а затем отправился дальше в Монголию к великому хану Гуюку, сыну покойного Угедэя. Тут я процитирую Габдрахмана Хафизова: «Гуюк, хотя и возведенный на престол хуралом, все же общего признание не получил. Бату-хан, с которым он был в ссоре еще со времен Угедэя, не признал Гуюка и присяги ему не дал. Источники отмечают, что даже готовилось военное столкновение между ними. Гуюк выступил в поход против Батыя, но в дороге в 1248 году умер»^[58].

Читатель помнит, что по возвращении из Венгрии Батый принципиально отказался ехать в Каракорум, ножки-де заболели. Официальные историки утверждают, что Ярослава заставили туда ехать. А вот кто его заставил? Батый? Очень сомнительно, чтобы сюзерен отправил

своего вассала к своему врагу. В Средние века это было не принято. Наоборот, существовал принцип: «Вассал моего вассала — не мой вассал».

Остается предположить, что Ярослав хотел как-то сыграть на внутриордынских противоречиях. На обратном пути из Каракорума в 1246 г. Ярослав Всеволодович умирает. То ли организм не выдержал долгого пути, то ли имело место отравление — этого мы не узнаем никогда.

Когда на Руси узнали о смерти Ярослава, владимирский престол «по старинке» занял следующий по старшинству брат Святослав Всеволодович. «По старинке» — означает по русскому обычаю, существовавшему со времен Рюрика, когда после смерти князя ему наследовал не старший сын, а следующий брат, и лишь когда вымирало старшее поколение, сын старшего брата мог занять престол.

Святослав начал правление «без затей». Для начала закрепил за своими племянниками уделы, которые они получили при Ярославе Всеволодовиче. Кроме этого рутинного распоряжения, в летописи нет больше информации о деятельности Святослава в качестве великого князя владимирского.

Далее происходит не совсем понятная ситуация. В 1247 г. Святослав Всеволодович отправляется в Орду и берет с собой единственного сына Дмитрия. После этого ряд историков утверждает, что владимирский престол занял пятый сын Ярослава Всеволодовича Михаил Хоробрит (Храбрый). Наиболее вероятно, что московский князь Михаил Хоробрит попросту турнул бездарного дядюшку Святослава с владимирского стола. Понятное дело, тот побежал жаловаться Батю и сына взял с собой.

Княжение Михаила Хоробрита продолжалось недолго. В 1248 г. он отправился в поход против Литвы. На берегах реки Протвы в Смоленском княжестве произошла битва. Литовцы были разбиты, но и Михаил погиб.

Но мы забежали вперед, и придется вернуться в 1247 год. Тогда в Орду поехали не только Святослав с сыном Дмитрием, но и Александр Невский с братом Андреем. Зачем? В житии говорится, что его потребовал к себе Батый.

Риторический вопрос, почему позже все поездки татарских послов будут отмечаться в русских летописях. Мало того, будут указываться их имена, подробные протоколы их встреч и т. д. А тут что, за всеми четырьмя князьями — Святославом, Дмитрием, Александром и Андреем — в разные города приехали послы? Но тихо, без конвоя, без эскортов? Может, они вообще приехали «инкогнито» из Сарая? И почему о вызовах этих князей молчат татарские, болгарские и другие восточные источники?

Ларчик, видимо, открывался проще. Вся великолепная четверка

поехала жаловаться на Михаила Хоробрита, и каждый, разумеется, мечтал получить владимирский стол. Причем Александр с Андреем ездили даже в Каракорум. В результате Александр получил Киев и южнорусские земли, а Андрей — Владимир. Причина, почему младший брат Андрей получил намного больше старшего Александра, историкам не ясна. Так, историк В.Т. Пашуто полагал, что регентша Огуль-Гамиш, вдова хана Гуюка, была настроена враждебно по отношению к Батью и, поскольку считала, что Александр имел слишком тесные связи с Золотой Ордой, поддержала Андрея^[59]. Выдвигались и другие гипотезы. Дошло до утверждения, что старая ханша влюбилась в красавца Андрея.

Замечу, что Святослав Всеволодович с сыном Дмитрием вернулись из Орды с пустыми руками. Далее летопись молчит об их судьбе. Известно лишь, что осенью 1250 г. Святослав вновь решил попытать счастья в Сарае, и после этого о нем сообщается только, что умер он в феврале 1253 г.

В начале 1249 г. Андрей и Александр Ярославичи вернулись на Русь. Андрей сел на великокняжеский престол во Владимире, но Александр принципиально не захотел ехать в Киев. После Батыева погрома не было восстановлено и десятой части города. Мало того, как писал итальянский путешественник Плано Карпини, проезжавший через эти места в 1246 г., Канов^[60] стал уже татарским городом. Так что кормиться князю и его дружине в Киеве было нечем, да и в любой момент могли нагрянуть татары.

В итоге Александр Невский несколько месяцев погостил у брата Андрея во Владимире, а потом отъехал в Новгород. О пятилетнем же княжении Андрея во Владимире историки не имеют никаких достоверных сведений. Известно лишь, что зимой 1250/51 г. митрополит Кирилл обвенчал Андрея с дочерью князя Даниила Галицкого.

Надо ли говорить, что Александру неуютно жилось в Новгороде, где его ненавидела значительная часть горожан. И вот царский официальный историк С.М. Соловьев вынужден признать, что «в 1252 году Александр отправился на Дон к сыну Батыеву Сартаку с жалобой на брата, который отнял у него старшинство и не исполняет своих обязанностей относительно татар. Александр получил старшинство, и толпы татар под начальством Неврюя вторгнулись в землю Суздальскую. Андрей при этой вести сказал: "Что это, господи! покуда нам между собою ссориться и наводить друг на друга татар; лучше мне бежать в чужую землю, чем дружить с татарами и служить им". Собравши войско, он вышел против Неврюя, но был разбит и бежал в Новгород, не был там принят и удалился в Швецию, где был

принят с честью. Татары взяли Переяславль, захватили здесь семейство Ярослава, брата Андреева, убили его воеводу, попленили жителей и пошли назад в Орду. Александр приехал княжить во Владимир»^[61].

Таким образом, наш герой донес татарам на брата. Сартак послал царевича Неврюя на Русь. Войско его было невелико по сравнению с армией Батыева, от 10 до 20 тысяч человек, но опустошение от Неврюевой рати было соизмеримо с Батыевым нашествием. Татары разорили десятки больших и малых русских городов. Так Александр Невский стал великим князем владимирским.

Уже в конце XIX в. начались попытки реабилитации Невского, ну а после 1938 г. его у нас превратили из доносчика в заступника за Андрея. Мол, к хану Сартаку он поехал не служить, а наоборот — спасти брата.

Одна беда — нет у лакировщиков истории никаких достоверных аргументов, хоть чем-то подтверждающих их точку зрения. Нет аргументов, так высосем их из пальца. Вот, к примеру, интересный пассаж: «Прежде всего — Андрей отправился не в Швецию, а к сыну своего мнимого врага — Василию, княжившему в Новгороде по отъезде отца... "Очевидно, — справедливо говорит Беляев, — Андрей не побежал бы к сыну своего врага, боясь, что его непременно выдадут татарам: да и в Новгороде бы его действительно схватили и отослали к хану, ежели бы в самом деле Александр был враг Андрею"»^[62].

Увы, забыли ребята, как новгородцы несколько раз выгоняли князя Александра из города. А через три года, в 1255 г., новгородцы выгонят прочь четырнадцатилетнего Василия, сына Александра Невского, с его небольшой дружиной.

Князь Андрей Ярославич же приехал не к двенадцатилетнему Васе, а к Господину Великому Новгороду, где его хорошо помнили по Ледовому побоищу. Как видим, опровергнуть «изыскания лакировщиков истории» несложно, но нудно. Гораздо интереснее, на мой взгляд, был ли донос Александра на Андрея ложным. Или действительно, как полагает ряд историков, Андрей и Даниил Галицкий заключили тайный антитатарский союз и готовились свергнуть «иго»? Увы, опять огорчу читателей, никаких достоверных данных на сей счет нет. Другой вопрос, что бойцовый характер Андрея вряд ли мог мириться с подчинением Руси басурманам.

Одним из первых деяний нового великого князя владимирского Александра был поход на Новгород, жители которого выгнали его сына Васю. До битвы дело не дошло, новгородцам пришлось покориться Александру. Как гласит летопись: «Посол Александров явился на вече и

объявил народу волю княжескую: "Выдайте мне Ананию посадника, а не выдадите, то я вам не князь, еду на город ратью". Новгородцы отправили к нему с ответом владыку и тысяцкого: "Ступай, князь, на свой стол, а злодеев не слушай, на Ананию и всех мужей новгородских перестань сердиться". Но князь не послушал просьб владыки и тысяцкого. Тогда новгородцы сказали: "Если, братья, князь согласился с нашими изменниками [т. е. со сторонниками князя. — А.Ш.], то бог им судья и св. София, а князь без греха", — и стоял весь полк три дня за свою правду, а на четвертый день Александр прислал объявить новое условие: "Если Анания не будет посадником, то помирюсь с вами". Это требование было исполнено: Анания свергнут, его место занял Михалко Степанович, и Василий Александрович опять стал княжить в Новгороде»^[63].

В 1255 г. умер Батый. Ему наследовал болезненный сын Сартак. Он процарствовал около двух лет, и в 1257 г. Золотая Орда досталась брату Батия Берке, которому было примерно 56 лет. Одним из первых мероприятий нового хана стала всеобщая перепись населения Руси на предмет взимания дани. Замечу, что это была вторая татарская перепись. Первая проводилась в 1246–1250 гг., но, судя по всему, прошла неудачно.

И вот в 1257 г. приехали татарские численники и начали перепись в Суздальской, Муромской и Рязанской землях. Переписывали всех, за исключением игуменов, чернецов, священников и клирошан.

О татарской переписи в Новгороде узнали в начале лета 1257 г. Несколько недель город был в смятении. И вот в Новгород приехал Александр Невский с татарскими послами, которые потребовали десятины и тамги.^[64]

Новгородское вече не согласилось с требованием татар. Горожане послали богатые дары Берке и отпустили послов с миром. Замечу, что даже Василий, сын Невского, княживший в Новгороде, был против дани татарам. При приближении отцовской дружины Василий бежал в Псков. Каким-то способом Александру удалось схватить сына и отправить его в Суздаль, а потом он жестоко расправился с руководством дружины Василия. Это был единственный успех Невского, обложить же вольный Новгород данью ему не удалось.

В начале 1259 г. перед Новгородом вновь появились Александр с войском и татарские послы — «окаянные татары сыроядцы». Появиться в городе «сыроядцы» не рискнули и стали просить Александра: «Дай нам сторожей, а то убьют нас». И Невский велел посадскому сыну и детям боярским по ночам охранять татарских послов. Но татарам вскоре

наскучило ждать. «Дайте нам число, или побежим прочь», — говорили они.

Александр начал шантажировать новгородцев, и, заметим, делал он это не бескорыстно. Как писал историк Н.И. Костомаров: «Этот платеж выхода привязал его [Новгород. — А.Ш.] к особе великого князя, который был посредником между ханом и князьями и русским народом всех подчиненных земель»^[65].

В конце концов новгородцы уступили, «и начали ездить окаянные татары по улицам, переписывая дома христианские». Закончив перепись, татары уехали, вскоре уехал и Александр, оставив в Новгороде своего второго сына Дмитрия.

Новгородцы подчинились силе, а не авторитету Невского. Как только он умер, Дмитрий был с позором изгнан из города. Новым князем новгородцы взяли себе младшего брата Невского Ярослава Ярославича. Одним из достоинств нового князя была его жена — дочь новгородского боярина.^[66]

Как писал Костомаров: «Заключая договор с Ярославом, новгородцы припомнили ему, что прежний князь делал насилия Новгороду, но того вперед не должно быть. В самом деле, обращение князя с Новгородом и Новгорода с князем в это время носит признаки равенства. Ярослав, говоря с новгородцами, выражался о князьях так: "Братия мои и ваши". В 1269 году Новгород не поладил с князем за то, что он употреблял во зло право охоты около города, держал много ястребов, соколов и собак, выводил из города иноземцев и делал поборы: — вече судило его и изгнало. Напрасно Ярослав хотел примириться с вечем и присылал сына своего Святослава. — "Простите мне этот раз, — говорил он через сына, — вперед не буду так поступать; целую крест на всей воле вашей". Новгородцы закричали: "Мы не хотим тебя! Ступай от нас добром, а не то прогоним тебя, хоть тебе и не хочется идти от нас!"»^[67].

Но вернемся к началу 60-х гг. XII в. Для сбора дани на Русь начали прибывать татарские баскаки^[68]. В 1262 г. по Руси прокатились восстания, направленные против баскаков. Так, в ходе восстания в Ярославле горожане убили баскака Изосима, бывшего монаха, принявшего мусульманство. Возможно, это был тот самый нижегородский монах Ас-Азим, который в 1237–1238 гг. был проводником у татар и болгар. Баскак Буга публично покаялся на вече в Устюге, вымолил прощение и принял православие.

В 1263 г. Александр Невский вновь едет в Орду. По одной версии, он хотел уговорить хана организовать карательную экспедицию на Русь в

связи с восстанием 1262 г. По другой — Александр поехал для переговоров об участии русских войск в походе золотоордынцев в Персию.

Александр провел несколько месяцев у хана Берке, а затем отправился домой. По дороге великий князь заболел и 14 ноября 1263 г. умер в Городце на Волге. Перед смертью князь постригся в монахи под именем Алексея.

Тело князя было перевезено во Владимир. При встрече останков митрополит Кирилл устроил грандиозное представление, на которое собралась большая часть населения города. «Чада моя милая! — возвестил Кирилл. — Зайде солнце земли Суздальской Благоверный великий князь!» «Иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые и все люди восклицали: "Уже погибает!"». ^[69]

Так у нас начался культ Александра Невского. Потом его забыли на сто с лишним лет. Но вот накануне Куликовской битвы московскому князю Дмитрию Ивановичу срочно потребовалась моральная поддержка. А, как известно, чудо всегда происходит, когда на то есть социальный заказ. И тут в одну прекрасную ночь иноку владимирского Богородицкого монастыря привиделся князь Александр Ярославович. Монахи разрыли его могилу и обнаружили там нетленные мощи. Князь Александр Ярославович был оперативно канонизирован и вошел в пантеон московских святых.

В общерусский пантеон Александр Невский был введен лишь в 1547 г. Читатель помнит, что это был год венчания на царство Ивана IV (еще не Грозного). Тут тоже понадобились знаменитые и желательные святые предки.

В дальнейшем легко заметить, что всплески популярности Александра Невского совпадали по времени с конфликтами с нашими соседями — шведами и немцами, например, в начале XVIII в. в ходе Северной войны или в конце 30-х гг. XX в. при обострении отношений с гитлеровской Германией.

Петру I для укрепления престижа новой столицы потребовались мощи. И вот по его распоряжению и при его личном участии мощи Александра Невского (а точнее то, что от них осталось после пожара 1491 г.) были перенесены из заштатного Владимира в стольный Санкт-Петербург. Не считаясь с церковными традициями, Петр даже чествование Александра Невского перенес с 23 ноября (день погребения князя во владимирском Рождественском монастыре) на 30 августа — день заключения знаменитого Ништадского мира.

Впрочем, чего иронизировать над нашими предками, когда и сейчас правители, доведшие страну до нищеты, тужатся вновь переписать историю России, перетаскивая гробы с места на место, кого повышая

рангом, кого понижая.

Глава 6

Явление Большой Орды

Начну с элементарного, но очень спорного вопроса — а кто такие татары? Сейчас существует несколько теорий, кого считать татарами. Начнем с русской интерпретации этого вопроса. Так, В.Л. Егоров писал: «Население Золотой Орды с этнической точки зрения представляло собой довольно пестрый конгломерат самых различных народов. Собственно монголов здесь осталось сравнительно немного; подавляющее большинство их в 1242 г. вернулось в Центральную Азию. Оставшиеся же представляли в основном аристократическую верхушку общества, избегавшую смешения с другими слоями населения. Среди последнего были представители поработанных завоевателями волжских булгар, русских, буртасов, башкир, ясов, черкесов и др. Однако основную массу населения Золотой Орды составляли жившие на этой территории до прихода монголов кипчаки. Это привело к созданию своеобразной ситуации: уже в XIV в. завоеватели почти полностью растворились в кипчакской среде, утратив свой язык и алфавит. Арабский современник писал по этому поводу: "В древности это государство было страной кочевников, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаками, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кипчаков)". Исторически так сложилось, что всюду, где появлялись отряды Чингисхана и его наследников, их называли татарами. Китайский источник XIII в. относит самого Чингисхана и его сановников также к черным татарам, хотя сами они называли свое государство монгольским, а себя — монголами. Татарами же население Золотой Орды называли и русские летописи. После ее распада этноним "татары" автоматически перешел на население новых государственных образований с соответствующим уточнением (казанские, астраханские и т. д.)^[70]. Причем характерно, что население бывшей Волжской Булгарии, входившей составной частью в Золотую Орду, русские летописи в XIII–XIV вв. не называли татарами.

После основания Казани в 70-х годах XIV в. и ее возвышения население этого региона в русских источниках стало называться казанцами, и лишь позднее на него переносится этноним "татары"»^[71].

Современный татарский историк Б.Л. Хамидуллин пишет: «В современной науке утвердилось три основные, но кардинально противоположные точки зрения на проблему происхождения современного татарского народа. Первая — болгарская, согласно которой этническим костяком, основой современных татар являются болгары и, отчасти, кипчаки и тюркозированные финно-угорские этнические группы. В соответствии с этой концепцией, основные этнокультурные традиции современных татар сформировались в период домонгольской Волжской Булгарии, а в период Золотой Орды и постзолотоордынских ханств (в первую очередь — Казанского ханства) особых этнокультурных изменений не претерпели. Эта концепция в основных чертах была сформулирована в начале XX в. в трудах Г. Ахмерова, Р. Фахретдинова, Н. Фирсова, М. Худякова и др. Позднее она разрабатывалась в трудах Х. Гимади, А. Смирнова, Н. Калинина, Г. Юсупова, А. Халиковаидр.

Вторая концепция — тюрко-татарская, согласно которой этнической основой современных татар являются татары Золотой Орды и постзолотоордынских государств. Данная концепция — более "гибкая", т. к. не отрицает важной роли доордынских этнических компонентов (кипчаков [половцев], болгар, финно-угров, остатков хазарского и печенежского населения и т. д.) в этногенезе современных татар. Эта концепция в более конкретных чертах была сформулирована в начале XX в. в исследованиях Газиза Губайдуллина. Позднее ее поддержали М. Сафаргалиев, Ш. Мухамедьяров и др.

Третья концепция, в последние годы существенно утратившая свои позиции, — татаро-монгольская. Она основывается на представлении о переселении в Восточную Европу центрально-азиатских и восточно-азиатских татаро-монгольских племен, которые, смешавшись с кипчаками, создали основу татарской государственности и культуры. Данная теория была сформулирована задолго до нашего столетия и, то "затухая", то вновь "вспыхивая", встречается в трудах русских, чувашских, башкирских и других исследователей»^[72].

Основными аргументами болгаристов были следующие тезисы: монголо-татары, то есть первоначальные бойцы Чингисхана, не осели ни в одной из империй Чингизидов: ни в империи Хубилая (Китай, Тибет, Корея), ни в империи Чагатай (Мавераннахр, Семиречье, Кашгар), ни в

империи Хулагу-Ильханов (Иран, часть Афганистана, Туркмении и Закавказья, Ирак, восточная часть Малой Азии), ни в империи Джучи (Золотая Орда). О массовом оседании этих татар в Золотой Орде (среди местных тюркоязычных племен, объединенных в составе Булгарского государства в булгарскую народность, среди русских и финно-угров, предков казахов и узбеков) не может быть даже и речи, ибо Чингизиды завоевали эти территории почти в последнюю очередь. Всем известно, что в армии Чингизидов монголо-татары составляли большинство лишь в начальный период завоевательных походов, позже основную силу этой армии составляла молодежь из завоеванных ранее стран.

Сторонники булгарской теории утверждают, что историко-лингвистические исследования показывают, что в Урало-Поволжье еще задолго до монгольской экспансии образовался своеобразный тюрко-финно-угорский языковой союз, в результате которого урало-поволжский тюркский язык предков татар, башкир и чувашей приобрел урало-поволжские особенности, сохранившиеся и в Золотой Орде, и в Казанском ханстве. Если бы пришлые татары (или якобы пришлые кыпчаки из состава кимаков, чего не было) научили бывших булгар татарскому языку, то язык современных татар и башкир характеризовался бы примерно хакасскими особенностями.

В свою очередь, основной аргумент «татаристов» — признание татар булгарами оборвет связи с крымскими татарами, турками, сибирскими татарами и другими народами. По мнению татариста Д.М. Исхакова: «А сейчас пошевелите мозгами и подумайте: если мы объявляем себя "булгарами", не отказываемся ли мы от татар крымских, сибирских, астраханских, литовских и даже от касимовских и мишарей — они практически не имеют отношения к булгарам... булгары в основном жили на территории современного Татарстана».

Некоторые «татаристы» считают, что «булгаризация» раздувается деятелями из Москвы и Софии, стремящимися «расколоть единство татар в России». Булгаристы и булгаро-татаристы считают современных татар потомками булгар в широком смысле этого слова, но первые выступают против принятия этнонима *татары*, а вторые полагают, что этноним *татары* был принят как название нации, поэтому они согласны с принятием этого этнонима.

Булгаро-татаристы считают, что булгары как результат консолидации тюркоязычных племен домонгольской Булгарии являются основными предками современных татар: казанских, сибирских, астраханских, литовских, касимовских.

Что касается крымских татар, то, по некоторым сведениям, они также имели отношение к булгарам.

Следует заметить, что часть теоретиков из крымских татар считает себя не чисто татарами, а особым народом, сформировавшимся из десятков народностей, как проживавших в Крыму, так и пришлых.

Споры о происхождении татар в современном Татарстане доходят до призывов к эмиграции на родину, в... Монголию. Дамир Исхаков, этносоциолог с международной известностью, недавно побывал в Монголии и сообщил, что ряд влиятельных общественных организаций намерены развернуть движение за возвращение татар на «родину предков» в Монголию. Татарским эмигрантам предполагается предоставлять бесплатно несколько гектаров хороших пахотных земель, обеспечить на начальном этапе сносный уровень жизни. Монгольские ученые утверждают, что лучшая, «пассионарная», часть монгольского народа покинула Монголию в период великих средневековых завоеваний и необходимо вернуть «пассионариев» на родину. В Монголии сформировано представление, что татары являются работоспособными и деятельными людьми с предпринимательской жилкой, и именно они могут возродить крупное монгольское государство. Исходя из личных впечатлений, Д. Исхаков отметил, что многие симпатичные женщины-монголки мечтают о муже-татарине.

У меня же лично нет никакого желания вступать в диспут по этому сложному вопросу, а для удобства читателя я буду продолжать использовать термин «татары» в широком смысле этого слова, то есть называя им потомков монголов, булгар, различных кипчакских племен и т. д.

Тут же стоит отметить и две противоположные тенденции у современных татарских историков. Одни, как, к примеру, И.А. Гафаров, утверждают, что именно булгары вынесли основную тяжесть монгольского (татарского) нашествия и даже спасли тем Западную Европу от монголов (татар). А вот профессор З.З. Мифтахов считает булгар главной ударной силой Батыя в походах 1237–1238 гг. и 1240–1241 гг. На мой взгляд, правы они оба. Другой вопрос, что в зависимости от политической конъюнктуры выгоднее выпячивать то один, то другой исторический момент.

Несколько слов стоит сказать и о происхождении самого термина «Золотая Орда». Впервые название Золотая Орда встречается в «Истории о Казанском ханстве», написанной около 1564 г. До этого нет ни одного упоминания этого термина ни в русских, ни в татарских источниках. Сами татары чаще всего называли Золотую Орду Белой Ордой, но использовались и другие названия. Возможно, появление термина «Золотая

Орда» связано с тем, что хан Узбек принимал послов в большом золотом шатре. Так или иначе, но этот термин, мягко выражаясь, не совсем корректен. Но чтобы не путать читателя, со школьных лет привыкшего к названию «Золотая Орда», я, грешный, тоже буду им пользоваться.

История Золотой Орды крайне запутанная не столько из-за ограниченности письменных источников, сколько из-за позиции наших властей. Русские цари были не заинтересованы в издании истории татар. А в 1944 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б), фактически запрещавшее изучение истории Золотой Орды.

В начале 1980-х гг. при посещении исторического музея в Казани я был удивлен отсутствием зала, посвященного истории Золотой Орды. Прямо от стенда, посвященного домонгольской Булгарии, экскурсовод переходил к рассказу о завоевании Казани Иваном Грозным.

Результатом всего этого стало представление населением СССР о Золотой Орде как о государственном объединении диких кочевников.

На самом деле это была огромная страна, по уровню цивилизации не только не уступавшая, но зачастую и превосходившая страны Западной Европы.

Поскольку в этой книге я несколько раз использовал «Джагфар тарихы. Том I. Свод болгарских летописей. 1680 год» (Оренбург, 1993), цитируя его по книге З.З. Мифтахова, стоит сказать несколько слов и об этом произведении.

Летопись Гази Бараджа была включена в свод болгарских летописей, составленный в 1680 г. по приказу вождя болгарского освободительного движения сеида Джагфара секретарем его канцелярии Бахши Иманом. Однако движение было подавлено, а судьба подлинника летописи осталась неизвестной. Сохранившийся список этого документа на болгаро-арабском шрифте еще был известен в XIX — начале XX в. Однако в первые годы советской власти лица, хранившие «староалфавитные» тексты, подвергались репрессиям. Поэтому их подлинники переводились на русский язык и уничтожались. Но и перевод летописи, хранимый несколькими поколениями семьи Нурутдиновых, также полностью до нас не дошел. В результате в 1993 г. в Казани и Оренбурге была опубликована только часть текста летописи на русском языке в изложении И.М. Нигматуллина.

По поводу подлинности этого текста уже почти десять лет идут споры. Я специально не занимался исследованием этого вопроса, но анализ аргументов сторон свидетельствует в пользу сторонников подлинности текста. Лично на меня произвело впечатление, что в летописи довольно

логично объясняются события, о которых смутно, а то и намеками говорят русские летописцы. Тем не менее следует заметить, что в тексте, видимо, существуют позднейшие включения, в том числе сделанные в XIX и XX вв.

Кстати, подлинность многих наших средневековых источников часто вызывает сомнения. Вспомним двухсотлетние споры о «Слове о полку Игореве». Между прочим, и оно тоже не дошло до нас в подлиннике, и Мусина-Пушкина обвиняли и обвиняют в подделке.

А сейчас от споров современных историков перейдем к XIII веку. В 1255 г. сорока восьми лет от роду скончался хан Батый. Похоронили его по старинному монгольскому обычаю с участием шаманов. Власть в Золотой Орде перешла к сыну Батыя Сартаку. Престол за ним утвердил сам великий хан Мунке, в Ставке которого Сартак находился в момент смерти отца. По сообщениям итальянского путешественника монаха Гильома Рубруна и персидского историка Джузджани, Сартак принял христианство. Однако это не помешало ему иметь шесть жен.

В 1256 (1257) г. на золотоордынский престол всходит Берке, третий сын хана Джучи, младший брат Батыя. Уже при жизни Батыя Берке принял ислам и впоследствии стал ревностным мусульманином.

Между тем в 1259 г. в столице Монгольской империи Каракоруме умер великий хан Мунке. Началась кровавая война между основными претендентами — Хубилаем и Ариг-Бути, сыновьями Тулуя (Тулая), четвертого сына Чингисхана. В 1264 г. Хубилай победил.

После восшествия на престол великого хана Хубилая хан Золотой Орды Берке перестал чеканить монеты с его именем. Таким образом и формально Золотая Орда стала независимой от «Улуса Великого хана».

Почти одновременно в Персии и Междуречье возникает еще одно независимое государство — Улус Хулагу^[73], которое историки позже назовут государством ильханов (хулагидов). В Средней Азии образовался Чагатайский Улус со столицей в Самарканде.

В конце XIII в. на западе Золотая Орда граничит с Венгрией, на севере — с русскими княжествами. Все побережье Черного моря от устья Дуная до района современного Сочи, включая Крым, принадлежало Золотой Орде. Закавказские государства с конца XIII в. стали ареной борьбы между Золотой Ордой и государством хулагидов. На востоке граница Золотой Орды проходит в верховьях Оби и Енисея.

Уже к концу XIII в. на территории Золотой Орды были выстроены десятки огромных цветущих городов. Первой столицей Золотой Орды на некоторое время стал Великий Булгар, остатки которого находятся у современного села Болгары в Татарстане. Именно тут татарские ханы

впервые начали чеканку золотоордынской монеты.

В Великом Булгаре помимо торговли бурно развивались самые разнообразные ремесла — гончарное, металлургическое, кожевенное, строительное, косторезное, ювелирное и другие. Речной порт Булгара Ага-Базар стал оживленным торгом, где встречались купцы из Руси, с Ближнего и Среднего Востока и из Западной Европы.

Сразу после возвращения из похода в Центральную Европу хан Бату приказал строить новую золотоордынскую столицу (примерно в 120 км от современной Астрахани). По одной из легенд, Бату-хан, выехав на возвышенный берег реки Ахтубы (рукав Волги) в район нынешнего села Селитряное, сказал: «Я не видел степей шире этих, я не видел лугов красивей этих, я не видел воздуха чище этого. Болды! Здесь будем жить!» Якобы от этого и произошло название реки Балда (рукав Волги). «Болды» — достаточно, хорошо, стоп!

Город получил название Сарай Ал-Махруса (Дворец Богохранимый) или Сарай-Бату. К началу XV в. в Сарай-Бату жило не менее 75 тысяч жителей. Для сравнения: в те же годы население Парижа и Рима не превышало 25–30 тысяч человек. Развалины города сейчас тянутся вдоль левого берега реки Ахтуба более чем на 15 км и занимают площадь свыше 750 гектаров. Как и большинство ордынских городов, Сарай Ал-Махруса не имел укреплений.

На берегах Ахтубы выросли необыкновенной красоты мечети, медресе, бани, крытые базары, ханакки^[74], великолепные дома и дворцы, мавзолеи. В 1282 г. в Сарае Ал-Махруса началась чеканка монеты.

В отличие от многих других ордынских городов, Сарай Ал-Махруса по неизвестным причинам не был разрушен в 1395 г. войсками Тимура. Точная дата, когда город покинули последние местные жители, неизвестна. Так, в первой половине XV в. Сарай Ал-Махруса еще играл важную роль в экономической жизни Нижнего Поволжья, о чем свидетельствуют записки посетившего Сарай в 1438 г. купца из Ширази. Так, прибыв из Хорезма, купец продал в Сарае товаров на 21 тысячу динаров, получив при этом прибыль 50 %. На выручку купец закупил в Сарае китайские и западноевропейские товары: шелк-сырец, шелковую камку, атлас, сукно, а также русское полотно. Это указывает на то, что в 1438 г. Сарай был крупным центром международной торговли. А в международной азиатско-европейской торговле этот город с конца XIII и до середины XV в. являлся одним из крупнейших транзитных пунктов между Западом и Востоком.

Царь Федор Иоаннович в 1588 г. издал указ: ломать «мечети и палаты в Золотой Орде и тем делати город Астрахань». На руинах Сарай-Бату в

начале XVIII в. Петр I велел построить селитряный завод. Но уже к середине XVIII в. месторождение селитры иссякло, но основанный там поселок и по сей день носит название Селитряный. Впервые раскопки там были начаты Ф.В. Баллодом и П. Рыковым в 10-х гг. XX в. Профессор Баллод справедливо назвал Селитряное городище «приволжскими Помпеями». После 1922 г. раскопки огромного города были продолжены. Но советские власти по политическим мотивам не выделяли достаточных средств на раскопки, а после знаменитого постановления 1944 г. раскопки вообще были прекращены, и возобновились лишь в начале 1980-х гг.

Тем не менее были раскопаны огромные дворцы с системами водопроводов, а также с системой обогрева горячим воздухом, идущим по специальным каналам в стенах и полу. Так, в полу одной из дворцовых построек археологи обнаружили остатки бассейна с проточной водой, а за ним находилось возвышение для трона пол балдахин. Стены приемного зала одного из дворцов были украшены наборным майоликовым панно, изразцы которого покрывало сусальное золото.

На расстоянии двух дней пути каравана от Селитряного городища археологи обнаружили остатки большого некрополя — захоронения ханов и ордынской знати. Один из мавзолеев имеет квадратное сечение основания со стороной в 50 м. Есть предположение, что это могила хана Узбека. Но, увы, средства на раскопки этого некрополя, да и самого Сарай-Бату, отсутствуют.

Недалеко от Сарай-Бату в конце XIII в. на правом берегу Волги, на высоком бугре^[75] (в 12 км выше современной Астрахани) был построен один из крупнейших городов Золотоордынского государства — Ас-Тархан. Он считался одним из самых значительных международных центров торговли того времени. Сюда приезжали купцы из дальних стран. Активно развивались ремесла, работали гончарные, кузнечные, меднолитейные мастерские.

Сейчас это городище практически полностью смыто волжскими водами, и сохранилась лишь небольшая его часть — одна из окраин, застроенная в основном землянками. Время основания города неизвестно, однако археологические раскопки подтверждают, что город в XIII в. уже существовал. Арабский путешественник шейх Ибн-Батута, побывавший там в 30-х гг. XIV в., пишет, что это «один из лучших городов, с большими базарами».

Зимой 1396 г. войска Тимура разграбили и сожгли Ас-Тархан. Но город не был полностью уничтожен, однако, по словам венецианского дипломата и путешественника Иософата Барбаро, уже представлял собой «почти

разрушенный городишко».^[76]

А побывавший здесь во второй половине XV в. венецианский дипломат и путешественник Амброджио Контарини так описывает пришедший к тому времени в полный упадок Ас-Тархан: «Город невелик и расположен на реке Волге; домов там мало, и они глинобитные, но город защищен низкой каменной стеной; видно, что совсем недавно в нем еще были каменные здания».^[77]

Хан Берке в конце XIII — начале XIV в. выстроил еще одну столицу Золотой Орды — Сарай-Берке (Сарай ал-Джедид — Новый дворец). Ряд авторов считают, что Старый ал-Джедид стал столицей только при хане Узбеке. Монеты же там начали чеканить уже при Джанибеке в самом начале 40-х гг. XIV в. Сейчас развалины этого города называют Царевским (Царевым) городищем, которое находится на левом берегу Ахтубы в 55 км от Волгограда.

Арабский путешественник и историк Ибн-Баттута, побывавший в Сарай-Берке в 1333 г., так описывает город: «Сарай — один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненной людьми, красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня... и все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов».

Население Сарая в то время составляло около 100 тысяч человек. В городе находились многочисленные дворцовые мастерские. Многие дома были покрыты изразцами, оборудованы водопроводом и системой отопления. Некоторые районы целиком застраивались зданиями из кирпича. В окрестностях города находились окруженные садами дворцы знати. Со всех сторон света сюда съезжались купцы с товарами. Из Руси и Волжской Булгарии везли меха, моржовый клык, кожи, хлеб, шерсть; из Прибалтики — янтарь; из Европы, Египта и Сирии через генуэзские колонии в Крыму и Тавриде — вино, стекло, сукна, оружие и предметы роскоши; с Кавказа — самшит; из Средней Азии и Китая — хлопок, хлопчатобумажные и шелковые ткани, фарфор; из Аравии — пряности и другие заморские товары.

Размеры развалин Сарай-Берке были оценены профессором Ф. В. Баллодом в 48 кв. км.

Вообще говоря, выделение Царева городища из сплошной цепи

золотоордынских поселений между Волгой и Ахтубой условно, поскольку видимых границ нет. Саратовский краевед А. Леопольдов, который одним из первых в XIX в. увидел эти поселения, писал: «Замечательные развалины каменных зданий. Начинаясь подле селения Безродного или Верхне-Ахтубинского, они тянутся верст на 70. Развалины сии то часты, то редки, то обширны и велики, то малы и незначительны, однако везде выказывают кирпич, глину, известь. Далее от с. Пришибы до деревни Колобощины на 15 верст видны развалины почти сплошные и большею частью огромные». Замечу, что село Пришибы при советской власти стало городом Ленинском.

Царев и окружающие городища имели «усадебное построение», когда основная часть города состояла из домов-усадеб, стоявших в садах. Первоначально городища стен не имели. Только после 1380 г. археологи начинают осторожно говорить о появлении насыпей («городских стен») вокруг городищ ордынцев^[78].

Кроме двух Сараев и Астрахани на средневековых картах XIV–XV вв. по обоим берегам Волги отмечен еще ряд городов и населенных пунктов, посещавшихся итальянскими купцами. На Каталонской карте 1375 г. севернее Сарая на западном берегу Волги обозначен город Barchimen или Baljman, как он назван на карте Фрао Мауро. В обоих случаях речь идет о городе Бельджимане, указанном арабским географом Абудьфида. Развалины Бельджимана (Водяного городища) находятся у поселка Дубовки Саратовской области. Любопытно, что «Бельджиман» с тюркского переводится как «город дубов» или «дубовый город». А название возникшего в XVII в. рядом с ним поселка Дубовка — это «калька» с золотоордынского Бельджимана.

В ходе раскопок в 1915 г. из его развалин извлекли до 15 тыс. пудов костей, 92 воза кирпича, 100 пудов медного лома, 150 пудов железа и 11 пудов свинца.

Историк Евгений Астухин писал: «Возьмем, например, городище Водянку недалеко от Волгограда, на котором прослеживается наиболее мощный русский квартал...

Это был именно квартал, то есть четко очерченная территория. Самый ранний русский поселок найдет в центральной части древнего ядра городища. По мере роста золотоордынского города, русские землянки оказывались погребенными под добротными ордынскими домами, а сам русский квартал смещался на юго-восток, потом на юг, где он и фиксируется до самого конца жизни городища.

Землянки, углубленные в материк, принадлежали и в самом деле

первым поселенцам Водянки, русским, более того, строителям города, включая ремесленников (например, металлургов). Эти землянки и полуземлянки, снабженные печками, обычно рассматривают как нечто убогое, униженное, как свидетельство того, что — нагнали русских рабов, вот они город и строили. При этом совершенно игнорируется тот факт, что точно в таких же землянках жили русские люди и у себя дома, например, в Городце. Известная исследовательница М. Полубояринова нашла только одно отличие — мол, тесноватые на Водянке землянки-то (но не теснее тех, в которых жили наши современники на целине). Этот аргумент не выдерживает критики, и вот почему:

Русский некрополь — это нормальное, цивилизованное кладбище, а не братская могила в духе фашистских гетто. Могилы вырыты аккуратно, они отмечались на поверхности земли, очевидно, крестами или камнями, поскольку ямы не налезают друг на друга. Людей хоронили в гробах, сработанных по русской традиции без гвоздей.

В своей мастерской русские, среди прочего, делали привычные для себя ювелирные украшения. Об этом говорит литейная формочка для производства русских подвесок с изображением мальтийского креста. И хотя, казалось бы, понятно, что русский мастер не мог делать русскую вещь, причем вещь элитную, для каких-то рабов, М. Полубояринова, опираясь на обнаруженную на этой формочке процарапанную тамгу, соотнесла ее с тамгами на ордынской керамике и предположила, что или мастер был татарин, или работал на татарина. И при этом делал русские вещи? Гораздо обоснованней было бы предположить что или татарские мастера делали предметы роскоши для знатных русских, которые, стало быть, жили на городище, или что тамга была просто позаимствована у татар как личный знак (ну, понравилась, и все). Тем более что на изготовленной здесь русской посуде прослеживаются те же клейма, что и на посуде из Старой Рязани и Киева. Конечно, это не говорит об импорте сосудов или клейм, причем сосудов низкого качества. Просто мастера выбрали себе знаки, ориентируясь на привычные образцы, а поскольку сделанные на Водянке сосуды все равно не шли на экспорт (кому они были нужны), то и особо мудрствовать в выборе клейма, опасаясь, что в Старой Рязани привлекут за контрафактную продукцию, не приходилось...

Возле русской железоплавильной мастерской найдено изрядное число сфероконусов, сосудов, в которых, как считается, перевозили токсичные, нужные для ювелиров и прочих ремесленников вещества, например, ртуть. Привозили, вероятно, из Средней Азии. Таким образом, в распоряжении мастеров этого комплекса были все современные материалы, в том числе

импортные.

Но самое поразительное, что на городище явно была русская церковь. Об этом свидетельствуют находки церковной утвари, которая была бы совершенно неуместна в отсутствие культового сооружения, например, паникадило. Не чужда была здешним поселенцам и грамотность — так, найдено бронзовое, типично русское писало»^[79].

Севернее Бельджимана на западном берегу Волги находился город Укек. Сейчас Укек оказался на южной окраине современного Саратова. К настоящему времени часть древнего города, не размытая Волгой, занимает свыше 205 гектаров, а численность населения его оценивается археологами в 9-10 тыс. человек.

Город Укек был построен в 50-х гг. XIII в. В 1333–1334 гг. тот же Ибн-Баттута писал об Укеке: «Мы направились к городу Укаку... городу средней величины, но красивой постройки». Археологи обнаружили разнообразные постройки из обычного и сырцового кирпича и остатки водопровода.

Большинство жителей Укека исповедовали ислам, однако археологи нашли множество крестиков, каменных и бронзовых иконок, деталей хоросов (паникадил), что указывает на довольно большую прослойку христианского населения.

Укек, как и другие волжские города Золотой Орды, стал жертвой орд Тимура в 1395 г. Об этом свидетельствуют как письменные источники, так и археологические раскопки. Так, последние монеты, найденные в Укеке, датируются 1395 годом (797 г. по мусульманскому летоисчислению). Больше город не восстанавливался.

На карте Фрао Мауро на восточном берегу Волги отмечены следующие населенные пункты, известные итальянским купцам и, очевидно, имевшие торговое значение: Zotrage, Apacha, Samara. На карте братьев Пицигани (1367 г.) и Каталонской карте того времени кроме Samara отмечены следующие города: Bulgar, Carnbdom, Sibir, Toga — Тура-Тюмень.

К концу XIII в. достигают расцвета и ряд болгарских городов на реке Каме. Наиболее известен из них город Джукетау (в переводе с татарского «Липовая гора»), расположенный на левом берегу Камы на западной окраине современного г. Чистополь. В русских летописях XIII–XIV вв. этот город известен как Жукотин, а на западноевропейских картах — как Sacetim.

Джукетау состоял из цитадели (замка) площадью 5,8 гектаров и неукрепленной части — Донауровского и Крутогорского селищ. В золотоордынское время площадь «западного посада» достигала 150 гектаров. Судя по раскопкам, Джукетау неоднократно горел в XIII–XIV вв.

Десятки золотоордынских городов были построены и в бассейне Дона. Вот только несколько известных:

«Городище Краснохуторское. Находится у пос. Красный хутор Хреновского р-на Воронежской обл., на берегу р. Мечетка. Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. В 1902 г. здесь были открыты развалины зданий золотоордынского времени, которые частично были исследованы в 1947 г. Раскопками выявлены остатки большого горна для обжига кирпичей, способного выдавать значительное количество той продукции, производившейся из местной глины. Неподалеку от него исследованы остатки монументальной кирпичной постройки, которая автором раскопок определяется как мавзолей-мечеть. Сделанные здесь вещевые находки и изученные сооружения датируются XIV в.

Городище Павловское. Находится в двух км от г. Павловска Воронежской обл. Золотоордынское название населенного пункта неизвестно, раскопки не производились. Памятник занимает площадь около 15 га.

Городище Тишанское. Находится у станицы Тишанской Волгоградской обл., в низовьях р. Хопра. Золотоордынское название населенного пункта неизвестно, археологические раскопки не производились. В 1821 г. здесь были разобраны кирпичи из остатков какой-то большой постройки.

Городище Дурновское. Находится у станицы Дурновской Волгоградской обл., на левом берегу р. Бузулук. Золотоордынское название населенного пункта неизвестно, раскопки не производились. В прошлом веке на поверхности городища была найдена красноглиняная керамика, железные шлаки и металлические предметы.

Городище Глазуновское. Находится у станицы Глазуновской Волгоградской обл., на р. Медведице. Золотоордынское название населенного пункта неизвестно, раскопки не производились. Разведки, проведенные здесь Поволжской археологической экспедицией в 1974 г., подтвердили существование значительного по площади городища золотоордынского времени и находившегося к северу от него большого многокомнатного монументального здания мечети или мавзолея (сохранились фундаменты).

Городище Кумылженское. Находится у станции Кумыл-женской Волгоградской обл., на левом берегу р. Кумылги (приток Хопра). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно, раскопки не производились. Из культурного слоя местные жители в прошлом веке добывали кирпич для строительства.

Городище Ситниково. Находится на правом берегу р. Иловли, в 45 км выше станицы Иловлинской Волгоградской обл. Золотоордынское название населенного пункта неизвестно, раскопки не производились. Академик И.И. Лепехин обнаружил здесь горны для выплавки металла, шлаки, обломки глиняных тиглей, а также различные кузнечные инструменты»^[80].

Наиболее же известен на Дону золотоордынский город Азак, построенный около 1270 г. по приказу хана Менгу-Тимура на территории современного города Азова.

В середине XIV в. в Азаке проживало 20–30 человек. Город растянулся с севера на юг более чем на 2 км и имел довольно четкую планировку: улицы располагались с севера на юг и с востока на запад. Приречные низкие участки заселены не были. Ширина главной улицы составляла 8 метров, остальных — 3–4 метра. По всем улицам были проложены ливнесточные траншеи с водосборными ямами.

В Азаке имелись бани и общественные туалеты — крайне редкое явление для средневекового города. Так, остатки одной из бань были раскопаны археологами в юго-западной части города. Она состояла из помещения для купания и печи для обогрева снизу. Тепло вместе с дымом проходило через специальные отверстия в стенках печи в подпольное пространство, дым выходил наружу через два дымохода.

В 30-е гг. XIV в. значение Азака как крупного торгового центра резко возросло, что связано с возникновением здесь генуэзской и венецианской колоний, у итальянских источников получивших название Тана. Генуэзская и венецианская колонии возникли по договору с ханом Узбеком и занимали два соседствовавших друг с другом квартала. Крепостные укрепления вокруг венецианской Таны были возведены только в XV в.

Тана и Азак стали крупнейшим центром торговли. Знаменитый купец и географ XIV в. Франческо Бальдуччи Пеголотти в своем трактате о торговле приводит длинный список товаров, проходивших через Азак и Тану. Основным товаром были привозимые из Азии пряности: перец, имбирь, шафран, мускат и различные масла, применявшиеся в медицине. Затем шли различные ткани: шелк, парча, хлопковое и льняное полотно. Барборо пишет, что в XIV в. «только из одной Венеции в Тану посылали шесть-семь больших галей, чтобы забирать эти специи и шелк»^[81]. С Руси же экспортировалась пушнина: шкурки соболя, куницы, бобра, горностая, лисы, рыси, белки и др., а также мед, воск и кожи.

Из Азака (Таны) шел вывоз донской рыбы. Рыбные базары работали там с апреля по июнь, то есть во время хода азовских осетров на нерест в

Дон, а также в сентябре, когда в Дон шла севрюга. В это время из Таны в Византию и Италию поступало огромное количество соленой рыбы и черной икры.

Увы, Тана (Азак) была и крупнейшим рынком рабов, большинство из которых составляли славяне.

Города Золотой Орды были в основном административно-торговыми центрами. В каждом из них функционировали и сотни различных ремесленных мастерских. Однако именно торговля способствовала процветанию приволжских городов.

Ханы Золотой Орды, как, впрочем, и другие монгольские ханы, поощряли торговлю и старались обезопасить водные и караванные пути. Так, итальянец Пегологги утверждал: «Путь из Таны в Китай вполне безопасен и днем, и ночью; только если купец по дороге туда и обратно умрет, то все его имущество передают государю страны, в которой он умер, и будет взято его чиновниками... но если вместе с ним там окажется его брат или близкий друг, который скажет, что он брат умершего, то ему и будет отдано имущество умершего, и оно, таким образом, будет сохранено».

Новгородские купцы получали особые грамоты от золотоордынских ханов, позволявшие им свободно торговать по всей Орде.

С Волги товары шли или караванным путем в Китай и Среднюю Азию, или на запад — в Крым. Кроме того, в XIV–XV вв. периодически использовался волок между Доном и Волгой («сухой путь» составлял около 60 км). Так, сохранились сведения о плавании генуэзского купца Лучиано Тариги (Luchiano Tarigo), который в 1374 г. вышел на барке из Кафы (Феодосии), поднялся по Дону к Переволоке и там волоком перетащил барку на Волгу. Затем он спустился до Хаджи-Тархана (Астрахани). Тем же путем купцу удалось вернуться в Кафу.

Об интенсивности товарообмена между Венецией и татарским Крымом свидетельствуют данные о регулярных рейсах венецианских галей (крупных торговых судов) в порты Крыма и в устье Днепра и Дона. Число галей в XIV веке колебалось от двух до двадцати в год.^[82]

К сожалению, наших историков и археологов практически не интересовали болгарские и золотоордынские торговые и военные суда, тысячи которых плавали по Волге, Каме и Каспийскому морю. Любопытно, что даже в целом интересной 350-страничной книге «Великий Волжский путь»^[83] нет ни слова о болгарских и золотоордынских судах.

До нас дошли лишь случайные упоминания о таких судах. Так,

арабские писатели называли грузовые суда болгар, плававшие по Волге, просто «большими». Русская летопись о них упоминает только однажды под 1366 годом, описывая набег на Волгу новгородских ушкуйников. По словам Новгородской летописи, ушкуйники избили под Нижним Новгородом множество татар, бесермен и ормен и уничтожили их суда — кербаты, мишаны, бафты и пабусы.

Исследователь вопроса о русских водных путях и судовом деле в допетровской России профессор Н.П. Загоскин, приведя этот летописный рассказ, делает на основании его вывод о «весьма видной роли», которая «выпала в судьбах русского водоходного дела на долю элемента болгарского и, вообще, восточно-мусульманского»: «Восточная торговля, — говорит он, — оставила по себе в истории волжского судоходства следы и в некоторых названиях судов, из которых некоторые исчезли вслед за падением мусульманского господства на Волге, другие же пережили это падение, не только сохранившись на Волге, но сделавшись достоянием и других речных бассейнов... К первым принадлежат судовые названия: "пабусы", "кербати"^[84], "мишаны" и "бафты", ко вторым — "каюки" и "кербати" (очевидно — кербасы)^[85].

Можно лишь надеяться, что рано или поздно отечественные археологи займутся поисками болгарских и золотоордынских судов, бесчисленное множество которых лежит на дне Волги и Камы, а также в песчаных наносах многочисленных рукавов и протоков Волги.

Уже во время правления Батые на территории всех монгольских (татарских) ханств нормально функционировала общеимперская почта. О почте рассказывают арабские историки Джувейни, Рашид-ад-дин и другие. Наилучшим образом почта была налажена между Каракорумом и Пекином. Рашид-ад-дин пишет, что на этом участке через каждые 5 фарсахов (25–30 км) располагалось 37 ямов (почтовых станций). На каждом яме находилось по тысяче человек, как для охраны самой станции, так и для охраны проезжавших послов и гонцов. По этой дороге ежедневно в обоих направления двигалось около пятисот огромных телег, запряженных шестеркой волов. На этих телегах в Каракорум доставлялось продовольствие — хлеб, рис и др. На каждом яме имелись специальные амбары, куда складывалось продовольствие.

Возможно, у кого-то из читателей возник вопрос: а почему автор так много места отводит описанию городов? Да потому, что в России уже много веков бытует стереотип, что Золотая Орда — это скопище диких кочевников, основным способом производства которых было скотоводство

и грабеж соседних культурных народов, как то: русских, поляков и т. д.

Спору нет, такое определение подходит к Крымскому ханству, ногайским и сибирским ордам, но никак не к Золотой Орде. Золотая Орда была многоукладным государством, в котором жили и кочевники, равно как в конце XIX — начале XX в. в составе Российской империи хватало и кочевников, и оленеводов.

Глава 7

Ужасики про «иго»

Отношения Золотой Орды и Руси называются у нас коротким и непонятным термином «иго», введенным еще Н.М. Карамзиным. Уже в 1920-х гг. советские историки, в том числе Л.Н. Гумилев, ставили под сомнение само существование ига. С 1980-х гг. появилась целая группа обличителей ига. А в Татарстане ряд местных историков объявили татарское владение «эпохой расцвета на Руси» и вообще большим благом.

Так было ли иго на Руси? Да, действительно, князья стали вассалами золотоордынских ханов, то есть, используя глупый, но устоявшийся термин, попали под иго. Другой вопрос, что ряд русских князей использовали это иго в своих целях, и для них татары были не угнетателями, а благодетелями и спасителями.

Особенностью «татарского ига» на Руси по сравнению с западноевропейскими вассальными отношениями было полное отсутствие письменных юридических документов. Даже само завоевание Руси закончилось без заключения мира, без правового оформления актов походов Батые в 1237–1238 гг. и в 1240–1241 гг.

В отношениях вассалов — русских князей со своими сюзеренами — ханами не было никакого порядка, никаких правил. Князья часто (иногда ежегодно), но абсолютно бессистемно ездили в Орду, как по вызову хана, так и в инициативном порядке. Все дела, ради которых князья приезжали в Орду, решались устно при личном свидании с ханом или его мурзами.

Историк В.В. Похлебкин отмечает, что в летописи часто говорится, «что князья либо *оговаривали* друг друга, либо *выпросили* у хана то, что хотели, либо *клялись* своим честным словом или *обещали* клятвенно то-то и то-то. Никогда, ни в один период в течение двух с половиной веков летописи не сообщают, что тот или иной князь *подписал* тот или иной документ, то или иное *письменное обязательство*.

И дело было не только в том, что как многие князья, так и многие ханы были попросту неграмотными. Ведь ханы оформляли при помощи ученых писцов договоры и соглашения и с Генуей, и с Византией, и с Египтом, подписывали с этими государствами и мирные договоры, и брачные контракты, т. е. *находили возможность вступить в письменные*

юридические канонические международные отношения с другими, уважаемыми государствами. В отношении же Руси все эти цивилизованные формы двусторонних сношений настойчиво и последовательно игнорировались, упорно не использовались. На это поразительное обстоятельство почему-то никогда не обращали внимания ни русские историки, ни юристы, изучавшие историю права»^[86].

Размер той же пресловутой дани никогда письменно не фиксировался. Наоборот, он постоянно менялся. Во второй половине XIII в. ханы попытались связать объем выплат с численностью населения конкретного княжества и несколько раз устраивали перепись на Руси, но вскоре плюнули на это дело и стали брать по ситуации. Общая же сумма ордынской дани с русских земель, по мнению профессора В.А. Кучкина, составляла не менее 15 000 рублей в год^[87].

Обе стороны никогда не давали письменных гарантий друг другу. Часто князья предоставляли вещественные гарантии — посылали в Орду заложников: своих младших братьев, сыновей, племянников и т. д., либо даже сами приезжали в Орду и на несколько месяцев оставались там заложниками.

Ханы же никогда не предоставляли гарантий князьям. Хан в любой момент мог нарушить свое ранее данное обещание и потребовать дополнительную дань, отнять ярлык на княжество, а то и вызвать в Орду князя и убить его без суда и следствия.

Да, все сказанное — святая правда, но знаменитый историк В.Ю. Ключевский идет дальше. Классической характеристикой Руси конца XIII–XIV в. стали слова историка В.О. Ключевского: «...во всех русских нравах еще до боли живо было впечатление ужаса, произведенного этим всенародным бедствием и постоянно подновлявшегося многократными местными нашествиями татар. Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение. Люд беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после нее. Мать путала беспокойного ребенка лихим татаринном; услышав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать сами не зная куда. Внешняя случайная беда грозила превратиться во внутренний хронический недуг; панический ужас одного поколения мог развиваться в народную робость, в черту национального характера».

Ну что же, попробуем разобраться. Мы уже знаем, что великому князю Ярославу Всеволодовичу и его сыну Александру Невскому «иго» не только не мешало, но и помогало решать свои внутренние и внешние дела. А вот чем занимались князья Даниил Романович Галицкий и его брат Василько?

В 1245 г. князь Даниил Галицкий решил помочь своему давнему приятелю князю Мазовии Конраду, кстати, женатому на Агафье — дочери князя Святослава Игоревича. Русское войско под командованием Даниила и Василько вторглось в Польшу четырьмя колоннами по четырем дорогам. «Романовичи опустошили Люблинскую область до рек Вислы и Сана; во второй поход осадили Люблин и сняли осаду только тогда, когда люблинцы дали слово не помогать Болеславу»^[88].

В июне 1246 г. в битве с венграми погиб Фридрих Бабенберг, герцог Австрии и Штирии. Он не имел детей, и большое герцогство должно было достаться мужу одной из его сестер — Маргариты или Гертруды (по другим данным, последняя была не сестрой, а племянницей).

Престарелая Маргарита быстренько вышла замуж за чешского короля Вацлава I Владислава, однако тот скоропостижно, менее чем через год, скончался.

В свою очередь галицкий князь Даниил Романович решил поучаствовать в споре за австрийское наследство и женил своего сына Романа на Гертруде. Русских поддерживал и венгерский король Бэла IV, который надеялся за помощь оттяпать часть Австрии.

В начале 1252 г. состоялась свадьба Романа и Гертруды. Роман стал герцогом Австрии и Штирии. Теперь он числился вассалом германского императора, но это лишь пустая формальность — герцогство было фактически независимым государством. Молодые стали жить в замке Гимберг под Веной. Там у них родилась дочь Мария.

Но и чехи не дремали. Племянник усопшего короля юный Оттокар поспешил жениться на старушке Маргарите. Он собрал большое войско и двинулся на Вену.

Римский папа Иннокентий IV долго колебался, кого поддержать — русских или чехов? Римские папы давно предлагали королевскую корону Даниилу Романовичу Галицкому в обмен на переход в католичество. В конце концов Даниил короновался, но римский престол отверг. Поэтому Иннокентий IV, а затем и его преемник Александр IV поддержали Оттокара и стали грозить Роману и Даниилу крестовым походом всей Европы.

В итоге Роман был осажден чешским войском в Гимберге. Даниил Галицкий, чтобы помочь сыну, вместе с польским князем Болеславом Стыдливым вторгся в Чехию и взял ряд крепостей. Однако трусость ляхов

и сильная болезнь глаз Даниил заставили его прекратить поход.

Роману в 1254 г. оставалось лишь бежать из осажденного Гимберга. В 1260 г. король Даниил опять ходил с войском добывать Вену, но опять неудачно. Посему Роман Даниилович кончил свои дни удельным князем новогрудским.

Итак, после Батыевой рати не прошло и 15 лет, на Руси «иго», а русские дружины гуляют в центре Польши и под Веной.

Дела австрийские не мешали королю Даниилу периодически отправлять рати на ятвягов^[89] — в 1248, 1251, 1255, 1256 гг. Наконец ятвяги были покорены, и «в 1257 году Даниил послал боярина своего взять дань с ятвягов черными куницами, белками и серебром; часть дани послана была польскому воеводе: пусть узнает вся земля Польская, что ятвяги платят дань королю Даниилу»^[90].

Пока речь шла о чисто русских походах, хотя не исключено участие в них и каких-то татарских отрядов. Но в 1258 г. темник Бурундай вместе с Василько Романовичем совершает поход на Литву и разоряет окрестности Слуцка и Новогрудка.

В следующем, 1259 г. Бурундай, Василько и Лев (сын короля Даниила), разгуливая по Польше, взяли и разграбили город Сандомир. Союзники дошли до Кракова.

В обоих случаях отечественные историки утверждают, что де темник Бурундай угрозами заставил галицких князей участвовать в походах на Литву и Польшу. Увы, в эту сказку можно было бы поверить, если бы галицкие князья не ходили туда походами и до, и после ига, с татарами и без них. Так что Бурундай лишь помог своими отрядами (по оценке Ю.В. Селезнева^[91] — 10 тыс. сабель).

А вот в 1275 г. галицкий король Лев Даниилович официально попросил хана Менгу-Тимура — темника Ногая — послать ордынскую рать на усмирение Литвы. На Литву пошел татарский «воевода» Ягурчин, а с ним — большая компания русских князей: Лев и Мстислав Данииловичи, Владимир Васильевич, князья Галицко-Волынские, Роман Михайлович и его сын Олег Романович, князья Брянские, Глеб Ростиславич, князь Смоленский, князья Туровские и Пинские^[92].

Ими были разорены владения Великого княжества Литовского в Понеманье и Полесье. Был захвачен посад Новогрудка, но взять его кремль не удалось. На обратном пути ордынцы малость пограбили села Курского княжества. Но это дело житейское, и русские войска грабили австрийские территории, то есть своих союзников, в 1805–1807 гг. — почитайте

дедушку Толстого.

Ну а теперь из Юго-Западной Руси перенесемся на северо-запад. С 1252 г. по 1280 г., то есть со времени наведения Александром Невским на Русь Неврюевой рати, татары ни разу не нападали на Русь, если не считать одного небольшого инцидента.

В 1270 г. великий князь владимирский Ярослав Ярославич, младший брат Невского, начал брать в Великом Новгороде «не по чину». Горожане собрали вече, убили некоего Иванка — приятеля Ярослава, а остальные его сторонники спрятались с князем в его резиденции Рюриковом городище. Вече отправило князю грамоту с перечислением обид: «...отнят Волхов гогольными ловцами, а поле отнято заячьими ловцами, взят двор Алексы Морткинича, взято серебро на Никифоре Манускиниче, на Романе Болдыжевиче, на Варфоломее; кроме того, выводятся иноземцы, которые живут в Новгороде»^[93].

Ярослав бежал из Новгорода и стал во Владимире собирать полки. Мало того, он отправил тысяцкого Ратибора к хану Менгу-Тимуру с просьбой послать орду на Новгород: «Ратибор говорил хану: "Новгородцы тебя не слушают; мы просили у них дани для тебя, а они нас выгнали, других убили, дома наши разграбили и Ярослава обесчестили". Хан поверил и отправил войско к Ярославу»^[94].

Как видим, и Ярослав, и Ратибор нагло лгали: новгородцы не отказывались от дани татарам, а вопрос о власти великого хана даже не поднимался.

Но тут костромской князь Дмитрий, родной брат Ярослава, не поленился и сам отправился в Орду. Туда же прибыли и послы Новгорода Петр Рычаг и Михаил Пинецинец. Менгу-Тимур разобрался в ситуации и вернул с полдороги татарскую рать. Мало того, он отправил двух посланников для примирения сторон.

Ярослав Ярославич засел в Руссе и попытался вступить в переговоры с Новгородом. Поначалу новгородский боярин Лазарь Моисеевич ответил: «Князь! ты вздумал зло на св. Софию, так ступай: а мы изомрем честно за святую Софию. У нас князя нет, но с нами Бог и Правда и святая София, а тебя не хотим»^[95]. Но вскоре был заключен мир «по всей новгородской воле». Ярослав целовал крест в присутствии татарских послов. Одновременно Менгу-Тимур приказал Ярославу Тверскому не вмешиваться в торговлю между Новгородом и Ригой. Ярослав Ярославич должен был также известить об этом Ригу.

В 1277 г. в Орду отправилась целая компания русских князей: Борис

Васильевич Ростовский и его родной брат Глеб Васильевич Белозерский с сыном Михаилом и женой Феодорой, которая до крещения была монгольской княжной; ярославский князь Федор Ростиславич Чермный и Андрей Городецкий (сын Александра Невского). Ехали те князья с большими дружинами, но не затем, чтобы в чистом поле покарать басурманов, а чтобы вместе с ними пограбить Северный Кавказ.

Хан Менгу-Тимур замыслил поход против ясов — так в древности назывались аланские племена, предки современных осетин. Русские и советские историки старательно обходят молчанием этот поход, в крайнем случае утверждают, что, мол, русских князей хан принудил. Мол, это тяжкая «дань кровью» и т. д. Но вспомним главный закон феодализма: сюзерен собрался в поход, садится на коня и его вассал. А другой закон гласил: «Вассал моего вассала — не мой вассал».

Предположим, что Менгу-Тимур никак не мог обойтись на Северном Кавказе без русских дружин. К кому бы он обратился? Естественно, к великому князю владимирскому Дмитрию Александровичу! А уж тот бы дал разнарядку, собрал бы войско и отправился в Орду. Но почему-то в походе приняли участие только второстепенные князья, да еще самые наглые и склонные к авантюрам, о чем мы узнаем позже. То есть никакого принуждения со стороны Сарая не было, просто сия компания примазалась к походу «за зипунами». Ну, и каждый не слишком богатый князь мечтал получить от хана если не большой удел, то хотя бы малую волость.

По приходе в Орду Борис Васильевич умер. Понятно, что наши историки уже не говорили об отравлении. Ну а остальная компания приняла активное участие в разгроме аланов. По данным летописей, именно русские дружины в 1278 г. взяли главную твердыню аланов — город Дедаков. Менгу-Тимур щедро наградил русских князей.

Наши историки утверждают, что, получив заслуженные награды, компания князей разъехалась по своим уделам. А вот профессор З.З. Мифтахов, опираясь на болгарские летописи, повествует нам о походе русских князей в Булгарию.^[96]

В 1277 г. болгарский эмир Исмаил отказался платить дань Сараю. Далее я цитирую З.З. Мифтахова: «Менгу-Тимур отправил в поход "120 тысяч своих кыпчакских татар и 40 тысяч русских"...

Эмир Исмаил сосредоточил свои войска около недостроенной новой крепости Биляра Татяк...

Битва длилась в течение целой недели. Эмир Исмаил и его войско погибли. Только сыну эмира с небольшим отрядом удалось вырваться из окружения и направиться к крепости Чаллы.

Золотоордынцы потеряли 50 тысяч татар (наемных воинов) и 20 тысяч русских. Несмотря на огромные потери, командующий золотоордынскими войсками Корым-Тимур переправился через Каму с намерением захватить города Кашан и Казань. Решающее сражение произошло в окрестностях крепости Чалы, расположенной на левом берегу р. Шумбут в ее верховьях (река Шумбут — правый приток Камы). Во время боя стрела попала в глаз Корым-Тимура, и он скончался на месте. Золотоордынцы не смогли взять крепость Чалы и ушли к Джукетау (совр. г. Чистополь) и Яр-Чаллам (совр. г. Набережные Челны). В память о победе в окрестностях крепости Чалы в народе стали именовать эту крепость Корым-Чаллы.

Остатки золотоордынских войск, сосредоточившиеся между городами Яр-Чаллы и Джукетау, "не знали что делать, как вдруг к ним прибывает гонец из Болгара с извещением о поднятии на болгарский трон эмира Галимбека и о согласии нового правителя Булгарского государства платить дань Кыпчаку". После этого кыпчаки ушли на юг. Вместе с ними уехали 5 тысяч конных русских князей и бояр, "бросив русских пехотинцев на произвол судьбы". Русские пехотинцы хотели отправиться на Русь через г. Булгар, "но у города Нукрат, на границе Болгарской и Черемшанской провинции, были окружены отрядом сына Газана Кул-Бурата и ярчаллынами и здесь окончили свой путь".

Набег золотоордынских кыпчаков и русских был опустошительным: "были полностью разрушены 40 городов и 600 селений". Число убитых достигло 1 млн. человек»^[97].

Разумеется, автор не призывает безоговорочно верить Мифтахову и своду Булгарских летописей, но факт дикого погрома Булгарии имел место. Я не знаю, участвовал ли в походе князь Андрей Городецкий, но «героем» камского похода стал князь Федор Чермный.

С этим персонажем мы еще будем встречаться, и о нем стоит сказать поподробнее. Печально знаменитый князь Федор Ростиславич Чермный был внуком смоленского князя Мстислава Давидовича. У Ростислава Мстиславича было пять сыновей — Глеб, Федор, Михаил, Константин и Юрий. После смерти их троюродного дяди в 1249 г. смоленский стол занял старший брат — Глеб. Правил он долго, до самой своей смерти в 1277 г. Следующий по старшинству брат Федор, прозванный Чермным (не Черным, а Чермным, то есть красивым на древнерусском языке) получил в удел город Можайск и стал первым можайским князем. Естественно, честолюбивый красавец не то что бы не желал, он просто физически не мог провести жизнь в таком захолустье.

Между тем в 1249 г. умирает ярославский князь Василий

Всеволодович. Его единственный сын Василий умер младенцем, и на престол вступает его брат Константин Всеволодович, но в 1257 г. (по другим данным, в 1256 г.) и он умирает бездетным. В таких случаях обычно призывали на княжение другого родственника мужского пола. Но по неясным причинам власть в Ярославле захватила молодая вдова князя Василия Всеволодовича Ксения. Точный возраст ее неизвестен, но в брак она вступила в 1242 г., то есть в 1257 г. ей было от 27 до 32 лет^[98]. У Ксении была дочь Мария, родившаяся между 1243 и 1249 гг.

Федор Ростиславич поехал в Ярославль и сумел втереться в доверие к Ксении, и в 1260 г. состоялась его свадьба с Марией Васильевной. У молодых через год и два, соответственно, родились две дочери, а примерно в 1265 г. — сын Михаил. Судя по всему, теща и ярославские бояре не давали особой воли нашему красавцу, и Федор убежал от жены, детей и тещи в Орду. Замечу, поехал не в качестве ярославского или можайского князя, а как наемник или, выражаясь более политкорректно, кондотьер. Кстати, можайским князем Федор уже несколько лет как не был.

Менгу-Тимур после камского похода взял Федора к себе в Сарай, где тот достиг определенного успеха в придворной карьере. В житии его, написанном четыре века спустя, изложена вполне куртуазная версия: «Царица же, яко видя его святолепное благородие лица, яко же Египтянина Иосифа, и уязвися сердце ея, еже любити его... Царь же всегда повеле ему предстоят у себе и чашу от руки его приимаше, и три лета держаше его. Царица же мысляше дщерь свою вдати ему в жену». От этого предложения князь Федор Ростиславич отказался, поскольку как человек православный мог иметь только одну жену.

Понятно, что житие не является достоверным историческим документом, но, увы, кроме него, нам о жизни Чермного в Орде ничего не известно. Вполне могла иметь место и «житийская» версия, а могло быть и по-другому, вспомним функции Ганимеда, также служившего виночерпием у царя богов Зевса.

Так или иначе, но Федору нравилось быть ханским виночерпием, но через три года он решил все-таки навеститься в Ярославль, узнав о смерти своей жены Марии.

Ксения, правившая княжеством от имени малолетнего внука Михаила, почувствовала вкус власти и не желала делиться ею с непутевым зятем. Ярославские бояре «не приняша его во град, но рекоша ему: "Сей град княгини Ксении, и есть у нас князь Михайло"». Не солоно хлебавши Федору пришлось вернуться в Орду.

Ко времени возвращения Федора в Орде началась смута, или

«замятия», по терминологии русских летописей. Хан Но-гай — властитель Причерноморья от Днепра до Дона — воевал с сыном покойного хана Менгли-Тимура Туда-Менгу. Ряд историков считают, что Ногай не был Чингизидом, другие утверждают, что он внук Бумала, седьмого хана Джучи. Но в любом случае Ногай не имел юридических прав на сарайский престол. Поэтому он выступил в качестве союзника законного наследника — царевича Тохты, другого сына Менгли-Тимура.

Федор едет к Ногаю и становится его военачальником. Кем — к примеру, — темником, летописец не знает, да и ему, видимо, все равно. За успехи в ратных делах Ногай решил женить красавца Федора на своей дочери; по одной версии, ее звали Кончаке, а по другой — Юлдуз. Еще по одной версии, невеста Федора была вообще дочь не Ногая, а покойного Менгли-Тимура.

На мой взгляд, вероятнее, что тестем Федора все-таки стал одноглазый Ногай. В этом случае второй тещей Чермного должна была стать Ефросинья, внебрачная дочь византийского императора Михаила Палеолога. Спору нет, в 80-х гг. XIII в. политический вес Византии был далеко не тот, что в X в., когда Владимир Святой женился на византийской принцессе, но все-таки Федору было приятно.

Федор попросил Ногая крестить Юлдуз, и тот без труда согласился. Зачем обижать верного джигита, да и на Руси Чермный может пригодиться, а с женой-мусульманкой дорога на родину Федору будет навсегда заказана. К тому же Ногай отличался завидной веротерпимостью, благо, у него хватало подданных-христиан. По приказу Ногая православный епископ Сарая и всех ордынских земель грек Феогност нарочно отправился в Константинополь. Он должен был решить вопрос о крещении дочери Ногая.

В качестве приданого Ногай Одноглазый «даруя ему [Федору] грады многи, яко тридесять и шесть, в них же Чернигов, Болгары, Кумане, Корсунь, Туру, Казань, Ареск, Гормир, Балыматы. К сим же вдаде на послужение князей и боляр русских; еще же и полграда вдаде ему своего, идеже царствова, злата и жемчугу множество... Всегда противу себе седети повелеваше ему, Царский венец свой по вся дни полагаше на главу его и в свою драхму облачаше его, повеле же ему дом устроить...»

Говоря о приданом, летописец явно перебрал. То ли он бы пьян, то ли просто перечислил все известные ему ордынские города. Тем не менее Карамзин упоминает о православном городе Балымате, где правил какой-то князь Рюрикович.

Нет дыма без огня, и я вполне допускаю, что действительно Федор

Чермный какое-то время был правителем Балымата, где проживало много православных людей. Ведь недаром в 1261 г. хан Берке разрешил открыть в Сарае подворье православного епископа Сарайского. Понятно, что сарайский епископ должен был кого-то окормлять.

В 1278 г. умер смоленский князь Глеб Ростислава, и его место занял брат Михаил Ростислава, но и тот скончался в следующем 1279 г. Федор с большим татарским отрядом в 1280 г. едет в Смоленск и захватывает там власть. Подробности до нас не дошли, но смоляне давно забыли о Чермном, и его явно никто не ждал, так что без насилия, видимо, не обошлось.

В Орде у Федора родилось два сына — Давид и Константин. Федор жил в Сарае до 1290 г., когда «пришла ему весть с Руси, от града Ярославля, что его первый сын князь Михаил преставился».

Помня, как его прогнали ярославцы, Федор выпросил у хана Талабуги (Телебуги) татарское войско. Ярославцы не отважились драться с татарами и были вынуждены признать Федора своим князем.

Вот тут-то Федор Чермный и обложил родной Смоленск татарской данью. В самом деле, нехорошо платить налог лишь с одной половины имущества, то есть с Ярославского княжества.

Побыв какое-то время в Смоленске, Федор Ростислава отправился в Орду, оставив своим наместником племянника Андрея^[99], сына Михаила Ростиславича. Старший сын Глеба, законный наследник престола Святослав, был отправлен удельным князем в Можайск.

Вскоре, примерно в 1285 г., Александр, младший сын Глеба Ростиславича, захватил власть в Смоленске и стал великим князем смоленским.

В 1292 г. компания русских князей — Дмитрий Ростовский, Константин Углицкий, Михаил Белозерский, а также епископ Тарасий явились в Сарай к хану Тохте жаловаться на великого князя владимирского Дмитрия, сына Александра Невского. Надо ли говорить, что Федор Ростислава примкнул к честной компании и играл там значительную роль?

Выслушав жалобщиков, хан Тохта отрядил большое войско под началом своего брата Тудана (в русских летописях — Деденя) для проведения карательной экспедиции.

«Деденева рать» прошла по всей Владимирской Руси, разорив столицу Владимир и еще 14 городов: Муром, Суздаль, Гороховец, Стародуб, Боголюбов, Юрьев-Польской, Городец, Углечеполе (Углич), Ярославль, Нерехту, Кснятин, Переяславль-Залесский, Ростов и Дмитров.

Особо отличились Андрей Городецкий и Федор Чермный при взятии

Владимира. Хорошо запомнились жителям резня и грабеж Богодичной церкви. Не пожалел Федор и родного Можайска. Город был сожжен, а население частью перебито, а частью уведено в плен. Андрей же Городецкий и Федор Чермный поделили между собой волости: Андрей взял себе Владимир и Новгород, Федор — Переяславль, сына Дмитрия Ростовского Ивана перевели в Кострому.

Однако вскоре братья Андрей и Дмитрий Александровичи сумели договориться. Дмитрий уступил Андрею Городецкому великокняжеский стол, а Федору Ростиславичу пришлось отдать Дмитрию Александровичу Переяславль. Чермный уступил, но, уходя, он дотла сжег город.

В 1298 г. Федор Чермный решает вернуть себе Смоленск. Он идет с большим войском на князя Александра Глебовича. Чермный «долго стоял под Смоленском и бился крепко», но взять его так и не смог.

И в следующем 1299 г. Федор ходил на Смоленск, и тоже неудачно. После этого похода Чермный серьезно занемог. 18 сентября 1299 г. Федор Ростиславич повелел перенести его в Спасо-Преображенский монастырь и принял монашеский постриг. Во время самого окончания обряда святой Феодор попросил прервать священнодействие. По благословению игумена, во исполнение воли умирающего, князя вынесли на монастырский двор, куда сошлось уже множество ярославцев. «И исповедался князь пред всем народом, если согрешил пред кем или нелюбие держал на кого. И кто пред ним согрешил и враждовал на него — всех благословил и простил и во всем вину на себя принял пред Богом и людьми».

На ярославский стол сел сын Чермного Давид. Он прокняжил 23 года и умер в Ярославле. От Давида пошла династия ярославских князей. Внук Давида Семен Васильевич стал первым удельным князем Курбским (по названию села Курбы на реке Курбице).

О втором сыне Федора от татарской принцессы — Константине — нам ничего не известно. Во всяком случае, он нигде не правил. Да и вообще, есть единственное упоминание о нем летописи: «...а у князя Федора Ростиславича з другою княгиною два сына князь Давид да князь Константин Улемца бездетен».

Прозвище «Улемец» пошло от арабского «улем», «улема», что означает «ученый», «мудрый». Из этого некоторые историки делают выводы о больших познаниях Константина. Но в русских летописях умные князья, попы и бояре характеризуются совсем иначе. Так что «улемец», скорее всего, — «придурок», «татарчонок».

Почитание святыми ряда князей, как, например, Довмунта Псковского, Олега Рязанского, началось сразу после их смерти. Но Федора

Ростиславича и его сыновей почитать никому не приходило в голову. Где-то в середине XV в. при ремонте монастыря обнаружили захоронение. Останки всех трех князей были «тленными» и в очень плохом состоянии. Кости свалили в один гроб и вновь захоронили.

В 1463 г. ярославским князьям и духовенству потребовался срочно собственный святой для идеологического противостояния Москве. И тут архимандрит Спасского монастыря Христофор решил прославить Федора Черного как основателя династии правящих уже полтора века ярославских князей. Ну а поскольку он теперь лежал в одном гробу со своими сыновьями, то решили за компанию канонизировать и их.

5 марта 1463 г. были обретены в Ярославле «нетленные» мощи князя Федора и его сыновей Давида и Константина, которые немедленно «прославились чудесами». В следующем году они были положены в каменную раку в соборной церкви Спасо-Преображенского монастыря. «Во граде Ярославле в монастыре Святого Спаса лежали три князя великие, князь Феодор Ростиславич да чада его Давид и Константин, поверх земли лежали. Сам же Великий князь Феодор велик был ростом человек, те у него сыновья, Давид и Константин, под пазухами лежали, зане меньше его ростом были. Лежали же во едином гробе».

Московские власти из конъюнктурных соображений, захватив Ярославль, включили Черного с сыновьями в пантеон общерусских святых.

Святой благоверный князь Федор Смоленский и чада его Давид и Константин Ярославские

В 1920 г. местные ярославские власти произвели осмотр мощей и отправили их в запасник музея. «Волей Провидения они были заново обретыны в недавнюю пору и ныне хранятся в кафедральном соборе — храме Федоровской Богоматери на Большой Федоровской улице».

Много раз я бывал в Ярославле и часто видел там экзальтированных женщин, молившихся святому Федору. На мой вопрос о его ордынских делах одна на вид весьма интеллигентная дама, брызгая слюной, стала доказывать, что это все наветы на святого князя, в Орде он не был и ничего, кроме хорошего, не делал. Между тем еще царь Иван Грозный в послании к Андрею Курбскому нелестно поминал его предка: «И князь Федор Ростиславич, прародитель ваш, в Смоленце на пасху колико крови пролиал есть! И во святых причитаются!»

Как видим, 500 лет назад люди были в чем-то умнее и образованнее

наших современников.

Так закончился XIII в. — самый страшный век татарского ига. Татары уничтожили многие десятки русских городов, убили сотни тысяч русских людей. Но кроме «Батыевой рати» в XIII в. татары ни разу не приходили без просьбы русских князей. Причем каждый раз дружины князей «приглашающей стороны» присоединялись к татарским ратям. Вместе разрушали города, вместе жгли, насиловали, угоняли в рабство пленных.

Только вот позже наши историки отмыли от крови наших родных князей, а попы большинство наводчиков татар причислили к лику святых. Ну а крайними, понятно, стали татары, на которых вешали и вешают всех собак.

Глава 8

Татарский бато́г в руках московских владык

Рассказ о событиях XIV века я начну с проблем церковных, которые имели важное значение как для внутренних дел Руси, так и для русско-татарских отношений. 6 декабря 1305 г. митрополит Максим умер во Владимире. Великий князь владимирский Михаил Тверской и слышать не захотел о каком-то Киеве и приказал похоронить Максима во Владимире. Так Максим стал первым митрополитом, погребенным в Северо-Западной Руси, а не в Киеве.

Сразу же после смерти Максима игумен Геронтий приступил к исполнению обязанностей митрополита. Разумеется, сделать это Геронтий мог только с санкции Михаила Тверского. Видимо, в связи с нестабильной ситуацией на Руси Геронтий не сразу отправился в Царьград для рукоположения в митрополиты, а почти два года пробыл во Владимире.

Зато галицкий король Юрий Львович, который был крайне недоволен постоянным пребыванием митрополита всея Руси в далеком Владимире, оперативно отправил к константинопольскому патриарху своего кандидата. Им стал игумен Спасского монастыря (на реке Рате близ Львова) Петр Ратский.

Юрий отправил патриарху хорошую «милостыню», и Афанасий рукоположил Петра митрополитом. И лишь спустя некоторое время в Царьграде объявился Геронтий. Позже церковные авторы будут утверждать, что Петр спокойно доплыл до Босфора, а судно Геронтия попало в сильную бурю и его долго носило по всему Черному морю.

Так или иначе, но Афанасию было уже неудобно переназначать митрополита всея Руси, и патриарх, не мудрствуя лукаво, заявил: «Не достоин миряном избрания святительския творити». Затем патриарх взял у Геронтия святительские одежды, пастырский жезл и икону.

Поначалу Петр Ратский решил, как ему и было предписано патриархом, осесть в Киеве, но по заведенному митрополитом Киприаном обычаю ему пришлось еще поехать на утверждение в Орду. Золотоордынский хан Тохта 12 апреля 1308 г., а по другим источникам, 21 апреля 1309 г., выдал Петру ярлык. В ярлыке, в частности, говорилось: «А

как ты во Владимире сядешь, то будешь Богу молиться за нас и за потомков наших». Позже новый хан Узбек даст митрополиту Петру новый ярлык, где будет добавлено, что митрополит Петр управляет своими людьми и судит их во всяких делах, не исключая и уголовных, что все церковные люди должны повиноваться ему под страхом гнева великого хана.

Из Орды митрополит Петр едет во Владимир (на Клязьме) и остается в Северо-Восточной Руси на постоянное жительство. В 1310 г. он едет в Брянск мирить местных князей. Миссия митрополита закончилась неудачей, и в том же 1310 г. он отправился в Переяславль-Залесский на собор, где должны были судить его самого. Естественно, ни великому князю владимирскому Михаилу, ни владимирскому и тверскому клиру не понравился какой-то святоша из-под Львова. Против Петра выдвинули обвинение в симонии^[100], освящении браков между близкими родственниками и т. д. Собору благоприятствовало, что благосклонный к Петру константинопольский патриарх Афанасий умер, и на его месте был уже Нифонт. По сему поводу великий князь владимирский Михаил и патриарх Нифонт вступили в переписку, и патриарх прислал своего клирика для участия в суде.

На соборе в Переяславле великий князь владимирский Михаил благоразумно отсутствовал, а главным обвинителем был тверской епископ Андрей, сын литовского князя Герденя. Тем не менее Петру удалось оправдаться. Почти все историки считают, что это было делом рук Юрия Московского. И действительно, московский клир безоговорочно подчинялся князю, а главное, у Юрия были деньги. Возможно, что и многие нейтральные иерархи не хотели выносить сора из избы, имея и свои рыльца в пушку.

Оправдание Петра стало большой неудачей для Михаила — был серьезно подорван престиж великого князя, а главное, Михаил нажил себе смертельного врага, а московские князья получили первого «замполита».

Сразу же после собора Петр начал укреплять свою власть и вести интриги против великого князя владимирского. Естественно, что Петр провел основательную чистку среди иерархов церкви. В 1312 г. им был снят сарайский епископ Измаили заменен подручником Варсонием. В результате Петр получил независимый канал связи и агента влияния при дворе хана. Ростовский епископ Симеон был отправлен в монастырь, а его место занял архимандрит ярославского Спасского монастыря Прохор. В 1316 г. был лишен сана тверской епископ Андрей и сослан в монастырь, а на его место был поставлен Варсунофий. Подобная участь постигла и других клириков, не желавших быть пешками в игре Петра Ратского и

Юрия Московского.

«Замполит» Петр признал вполне законным захват Москвой Коломны и убийство в Москве рязанского князя. Ну что ж, почему же тогда великому князю владимирскому и тверскому не занять другой стратегический пункт на окском и волжском путях — Нижний Новгород?

После смерти великого князя Андрея Александровича Нижним Новгородом продолжали править его бояре. Однако в 1305 г. эти бояре «были избиты черными людьми» Нижнего Новгорода. В конце концов Михаил Тверской решает навести порядок в городе и в 1311 г. отправляет туда рать под началом своего двенадцатилетнего сына Дмитрия. Сам же Михаил остался дома. Тверское войско дошло до Владимира, и тут навстречу ему двинулся с крестным ходом «московский замполит». Он остановил князя Дмитрия и «не благослови его Петр митрополит столом». Дмитрий простоял три недели во Владаре, «биа челом Петру митрополиту, да его разрешить». Святитель «разрешил»^[101] его, и князь, распустив свое войско, вернулся домой. Так Москва получила мощное оружие в виде посоха митрополита.

В 1315 г., воспользовавшись отъездом великого князя владимирского и тверского Михаила Ярославича в Орду, московский князь Юрий Данилович организовал заговор в Новгороде, и богатые торговцы позвали его князем вместо Михаила. Узнав об этом, Михаил нажаловался хану Узбеку. Тот вызвал Юрия Московского в Орду, а на Русь послал войско во главе с воеводами Тантемиром, Имар-ходжаем и Индрыем. К татарам присоединились дружины Михаила Тверского и суздальских князей. Союзники подошли к Торжку.

В Новгороде собралось вече, кончившее большой дракой — богатые стояли за Москву, а бедные — за Тверь. В итоге московский князь Афанасий Данилович и его помощник Федор Ржевский выступили из Новгорода на помощь Торжку «с новгородскими бояры без черных людей».

Шесть недель стоял князь Афанасий с новгородцами в Торжке, ожидая подхода противника, а 10 февраля 1316 г. у стен Торжка началось сражение. В Новгородской летописи о нем сказано: «Тогда же поиде князь Михаило со всею Низовьскою землею и с татары к Торжуц; новгородци же с князем Афана-сьем и с новоторжци изидоша противу на поле. Бысть же то попущением Божиим: съступившема бо ся полком обеима, бысть сеча зла, и створися немало зла, избиша много добрых муж и бояр новгородских... и купец добрых много, а иных новгородцев и новоторжцев Бог весть; а инии остаток вбегоша в город и затворишася в городе с князем Афанасьем».

Посланник Михаила заявил осажденным: «Выдайте мне Афанасия и

Федора Ржевского, так я с вами мир заключу». Новгородцы немного поломались, но потом были вынуждены выдать Федора, да еще заплатили Михаилу 50 тысяч гривен серебра и заключили мир.

Позже Михаилу удалось схватить Афанасия Даниловича и часть новгородских бояр и отправить их в Тверь заложниками.

В Новгороде был выбран новый посадник из предложенных великим князем владимирским кандидатур.

А пока Михаил Тверской разбирался с новгородцами, Юрий Московский жил в Орде. Большие подношения хану и раболепство князя Юрия вызвали благосклонность Узбека. Хан предложил князю руку своей сестры Кончаке, Юрий немедленно согласился. Куда делась его первая жена, родившая ему дочь Софью, неизвестно. Скорее всего, ее быстренько спланировали в монастырь. В субботу, 5 февраля 1317 г., Кончаке крестили и дали имя Агафья, а на следующий день, в «неделю мясопустную», обвенчали с князем Юрием.

Замечу, что царские и советские историки в событиях 1317 г. тщательно обходили деятельность сарайского епископа Варсония, ставленника митрополита Петра. И для Петра, и для Варсония торжество Михаила означало бы конец церковной карьеры и монастырь, куда они упекли многих своих противников.

Летом 1317 г. князь Юрий с новой женой и татарским отрядом некоего Кавгадыя вернулся на Русь. Кроме того, ханский посол отправился в Новгород поднимать его жителей против великого князя владимирского. Однако новгородцам надоела война, и они решили держать строгий нейтралитет.

А тем временем Юрий со своей дружиной и татарами Кавгадыя двинулся вверх по Волге. Михаил собрал тверскую дружину и дружины союзных князей и вышел навстречу Юрию. Рати сошлись у Костромы. Михаил стал на правом берегу Волги, а Юрий — на левом. Однако обе стороны не спешили начинать битву. Видимо, Юрий опасался превосходящих сил Михаила, а тот не хотел драться с татарами. Стороны вступили в переговоры и заключили договор, текст которого до нас не дошел. С.М. Соловьев писал: «По одним известиям, Юрий уступил великое княжение Михаилу, по другим, наоборот, — Михаил уступил его Юрию. Как бы то ни было, дело этим не кончилось; Михаил, возвратясь в Тверь, стал укреплять этот город, ожидая, как видно, к себе врага, и действительно, Юрий остался в Костроме, собирая отовсюду войска»^[102].

Юрий решил заручиться поддержкой Новгорода и получить оттуда если не войско, то, по крайней мере, деньги. Поэтому он отправил в

Новгород своего брата Ивана Калиту и татарского вельможу Телебугу (Талабугу). Новгородской верхушке пришлось по нраву речи Калиты и Телебуги. Они дали денег, а новгородское войско сосредоточилось у Торжка на границе Тверского княжества.

С наступлением первых морозов Юрий со своей дружиной и татарами двинулся из Костромы на Тверь через Ростов, Переяславль, Дмитров и Клин. А новгородское войско вторглось в Тверское княжество с севера и начало грабить пограничные села. Михаил напал на новгородцев и разбил их. Потеряв около двухсот человек, те бежали.

Через несколько дней войска Юрия подошли к Твери. Михаил внезапно вывел дружину из города и стремительно атаковал московско-татарское войско. 22 декабря 1317 г. у села Бортенева в 40 верстах от Твери произошла «битва Великая». Михаил по политическим соображениям велел своим воеводам по возможности щадить татар, а основной удар нанести по москвичам. Москвичи не выдержали удара и кинулись бежать. Князь Юрий бросил жену и с «малой дружиной» ускорился в Торжок. Видимо, уносил ноги, не глядя.

Татарский воевода Кавгадый, увидев, что москвичи терпят поражение, также обратился в бегство. «А Кавгадый повеле дружине своей стяги повреши, и неволею сам побежал в станы». А на следующий день Кавгадый прислал к Михаилу послов с предложением мира. Михаил послов принял ласково, а самого Кавгадыя пригласил в Тверь. В Твери был устроен большой пир, где Кавгадый получил «на лапу», а сколько — летописи замалчивают. Но, во всяком случае, Кавгадый дал Михаилу расписку о том, что он, Кавгадый, со товарищи «воевали бо есмя и власть твою без цесарева слова и повеления». В общем, бес, пардон, шайтан попутал бедных кавгадыевых татар. Затем Михаил еще раз одарил татар и «отпустил с честью».

Между тем Юрий собрал в Новгороде и Пскове войско и вновь пошел на Тверь. Причем новгородцев вел их «владыка» (то есть епископ) Давыд.

В январе 1318 г. тверское войско встретило противника у Синеевского брода через Волгу. Но по неясным причинам Михаил опять не атаковал врага, а предложил переговоры. В конце концов тверской князь отказался от власти над Новгородом и денонсировал прежний невыгодный новгородцам договор. Михаил и Юрий согласились перенести их спор о Великом княжестве Владимирском на суд хана Узбека. Оба князя целовали крест, что прекратят военные действия и поедут в Орду. С этим Михаил пропустил Юрия в Москву через свои земли и выпустил из тверской темницы «братью Юрьеву» — Бориса и Афанасия Даниловичей. В условия

договора также входило освобождение бояр, взятых в плен вместе с Афанасием. Естественно, что Михаил пообещал освободить и жену московского князя Агафью, но, на беду Михаила и Твери, она умерла в плену. Промосковские летописцы утверждают, что Агафью отравили, но это явное вранье — зачем Михаилу повод для конфликта с ханом Узбеком?

Михаил отправил в Москву своего боярина Александра Марковича. Ехал тот с «посольством любви» к Юрию, но тот вдруг разыграл приступ ярости и приказал убить боярина. Теперь стало ясно, что Юрий ни перед чем не остановится, не только чтобы стать великим князем владимирским, но и разорить Тверь. Теперь спор должен был решить ханский суд.

Еще зимой 1317/18 г. Михаил Тверской отправил в Орду своего двенадцатилетнего сына Константина с боярами. Большинство историков объясняют медлительность князя необходимостью сбора средств на выплату дани и подарки хану и его приближенным.

Лишь 1 августа 1318 г. Михаил выехал из Твери. До Владимира его провожали сыновья Дмитрий и Александр, а там его ждал ханский посол Ахмыл, который велел князю срочно ехать в Орду: «Зовет тебя хан, поезжай скорее, поспевай в месяц. Если же не приедешь к сроку, то уже назначена рать на тебя и на города твои: Кавгадый обнес тебя перед ханом, сказал, что не бывать тебе в Орде».

В Орде Юрию удалось оклеветать Михаила, и хан Узбек разрешил его убить. Руководили зверским убийством тверского князя Кавгадый и Юрий Данилович. «Юрий и Кавгадый отрядили к Михаилу в вежу убийц, а сами сошли с лошадей на торгу, потому что торг был близко от вежи на перелет камня. Убийцы вскочили в вежу, разогнали всех людей, схватили Михаила за колоду и ударили его об стену, так что вежа проломилась; несмотря на то, Михаил вскочил на ноги, но тогда бросилось на него множество убийц, повалили на землю и били пятами нещадно; наконец один из них, именем Романец, выхватил большой нож, ударил им Михаила в ребро и вырезал сердце. Вежу разграбили русь и татары, тело мученика бросили нагое. Когда Юрию и Кавгадыю дали знать, что Михаил уже убит, то они приехали к телу, и Кавгадый с сердцем сказал Юрию: "Старший брат тебе вместо отца; чего же ты смотришь, что тело его брошено нагое?" Юрий велел своим прикрыть тело, потом положили его на доску, доску привязали к телеге и перевезли в город Маджары»^[103].

В царских и советских учебниках истории утверждалось, что убийство Михаила Тверского в Орде было исторически оправдано и укрепило Русь перед татарской угрозой. Увы, все было с точностью до наоборот. Действия Юрия Московского привели к началу татарского беспредела, которого не

было в конце XIII в. Татарские послы, может, и не послы, а так, «полевые командиры», зачастили на Русь для разных поборов. Замечу, что Юрий платил дань хану очень аккуратно. Так, под 6828 г. (1320 г.) Тверская летопись сообщает: «Тое же зимы приходил из Орды Бадера ко князю Юрью, и много пакости учини святым церквам и людям татбою в Володимире». То есть прибыли татары во главе с неким Бадерой в формальную столицу Руси Владимир и разгромили его ни с того ни с сего. В том же году в Ростове народ расправился с какими-то «злыми татарами», которые грабили население. В 1321 г. ро-гожский летописец повествует: «В лето 6829 на весне приездил в Кашин Гаянчар татарин с жидовином длъжником, много тягости учинил Кашину»^[104].

Как видим, татары для выколачивания дани часто использовали лиц иудейского вероисповедания, раздражавших русских со времен Владимира Ясного Солнышко.

Осенью 1321 г. Юрий Данилович собрал в Переяславле войско и собрался «со всею силою Низовскою и Суздальскою» выступить на Тверь. Дмитрий Тверской вместе с братьями двинулся навстречу Юрию. Рати сошлись в районе города Кашина. Однако вместо сражения начались переговоры. В конце концов тверичи уступили и уплатили Юрию две тысячи рублей серебром. Что это были за деньги? Дань хану? Вероятность этого крайне мала. Не платить хану означало открыто порвать с Ордой, о чем Михайловичи тогда и не думали. Скорее всего, татарин Гаянчар с «жидовином» не сумели до конца ограбить Кашин и позвали туда Юрия.

В середине марта 1322 г. Дмитрий Михайлович едет из Твери в Орду жаловаться на беззакония Юрия. Между тем Иван Калита с 1318 г. безотлучно находился в Орде при хане Узбеке. И вот, как назло, весной 1322 г. хан посылает Ивана вместе с воеводой Ахмылом пограбить ярославские и ростовские земли. «Ахмылова рать» принесла много горя Руси, а московским князьям стоила ярлыка на великое княжение владимирское. Дмитрий Михайлович в красках рассказал Узбеку о действиях Юрия и получил от него ярлык на Владимир.

Осенью 1322 г. Дмитрий садится во Владимире на престол своего отца Михаила Ярославича. В том же году Юрий собирает большую сумму денег и едет «качать права» в Орду. Путь его пролегал через Ростов, но близ устья реки Шексны на маленькой речке Урдоме московский князь попадает в тверскую засаду. Дружина Юрия разбита, а вся казна достается тверичам. Московский князь бежит, не разбирая дороги, и оказывается... в Пскове. Видимо, он готов был бежать и дальше — в Литву или в Орденские земли. Но Дмитрий Тверской почему-то не требует у Пскова выдачи беглого

московского князя. Зато с запада Пскову начинают угрожать литовские рыцари. Принять начальство над псковской ратью Юрий отказался и уехал в Новгород. Тогда призвали из Литвы князя Давыда Гродненского, который сумел отразить нападение рыцарей.

Новгородские бояре отправили Юрия на весьма прибыльное дело — наказать жителей Устюга, отказавшихся платить дань Господину Великому Новгороду. А дань была очень велика и состояла в основном из ценнейших мехов, собранных на Северном Урале и в Зауралье. Зимой 1323/24 г. Юрий с новгородским войском разорил Устюг. Теперь у него было что везти в Орду. Причем на сей раз он поехал не через Владимиро-Суздальскую Русь, а новгородцы провели его северными окраинами своих земель к реке Каме, а оттуда по Каме и Волге Юрий добрался до Орды.

Узнав о появлении Юрия в Орде, Дмитрий Тверской немедленно отправился туда же. Он сказал братьям, что боится, что «самого яко отца моего оклеветают». Тверь была оставлена на среднего брата Александра.

И вот 21 ноября 1324 г. в Сарае Дмитрий встречает своего врага Юрия Московского. Инцидент произошел недалеко от сарайского кафедрального храма, куда оба князя направились для торжественного богослужения по случаю праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Обратим внимание: это была шестая годовщина убийства отца Дмитрия в Орде, когда Юрий надругался над мертвым тверским князем. Тут Дмитрий допустил роковую ошибку, не сумев сдержать своих чувств. Он лично убил московского князя. Конечно, убил не так, как убили его отца. На шее князя Юрия не было колоды, зато на боку висела сабля. Это был честный поединок.

Случись такой поединок в Западной Европе, вряд ли король стал бы наказывать вассала-победителя, причем отомстившего за своего отца. Законы против дуэлянтов появятся в Европе спустя примерно 300 лет. Но, увы, дело происходило в Орде, и хан Узбек не мог допустить такого своеволия. А вдруг и другие русские князья начнут вместо ханского суда решать дело на поединках? Тогда поездки в Орду сократятся, и, соответственно, уменьшится ханский доход.

Узбек приказал взять Дмитрия под стражу. Но, видимо, хан понимал, что правда не на его стороне. Хан думал почти год, и Дмитрий был казнен лишь 15 сентября 1326 г., в день его рождения, когда князю исполнилось 27 лет.

А 23 февраля 1327 г. гроб с телом Юрия прибыл из Орды в Москву. Митрополит Петр немедленно объявил его... «мучеником за веру». Итак, татарский прихвостень, оказывается, пострадал за веру православную. Ну

что же, Петр честно отрабатывал свой хлеб. Он формально числился митрополитом всея Руси, но давным-давно забросил дела Южной и Западной Руси. Мало того, когда Михаил Тверской ненадолго стал великим князем владимирским, митрополит отказался ехать во Владимир и окончательно осел в Москве, то есть стал фактически тем, кем был с самого начала — придворным попом при московских князьях.

Но вернемся к хану Узбеку. После казни Дмитрия Узбек решил выдать ярлык на великое княжение владимирское не брату «новомученика» Юрия Ивану Калите, а Александру — брату «злодея» Дмитрия.

Однако править Великим княжеством Владимирским Александру Тверскому пришлось недолго. Воспользовавшись борьбой за власть московских и тверских князей, татары совсем распоясались.

В 1327 г. в Тверь заявляется ханский посол по имени Шевкал (Чол-хан или Щелкан, как его называли русские летописи), двоюродный брат Узбека. С ним прибыло около тысячи татар. Расположились они в самом городе. Шевкал прогнал великого князя Александра из его дворца и стал сам там жить.

Вскоре по городу пошли слухи, что Шевкал сам хочет княжить в Твери, а своих татарских князей посадить княжить по другим русским городам, христиан же обратить в татарскую веру. Ходили слухи, что избиение тверичей намечено на Успеньев день. Слухи эти были, скорее всего, ложью, но татары своим поведением подтверждали их.

И вот рано утром 15 августа, в Успеньев день, дьякон Дудко повел «кобылу молодую и тучную» на водопой к Волге. Проходившим мимо татарам кобыла приглянулась, и они по обычаю отняли ее у дьякона и пошли дальше. Обиженный Дудко завопил: «О мужи тверские, не выдавайте!» «Мужи тверские» схватили кто топор, кто слегу, и принялись бить грабителей. Тут подтянулись татарские всадники и начали рубить русских. Колокола ударили в набат, стар и млад взялись за оружие. Через пару часов уцелевшие татары вместе с Шевкалом удерживали лишь деревянный княжеский дворец, обнесенный тыном. Но тверичи подожгли терем. Сам Шевкал и большинство татар нашли свою смерть в огне. Разъяренный народ не щадил и вырвавшихся из пламени татар. Часть их сожгли на костре, а часть утопили в Волге.

Любопытно, что в битве с татарами отличился предок дворян Нащекиных. К тверскому князю Михаилу приехал на службу немецкий рыцарь. Его сын Дмитрий дрался в сенях княжеского дворца, не выпуская татар из огня. Татарская сабля изуродовала ему щеку, и стали звать Дмитрия Нащека. В тех сенях сгорел сам Шевкал.

Узнав о случившемся в Твери, жители ряда других русских городов перебили татарских и болгарских купцов, а имущество их разграбили.

Судя по летописным известиям, великий князь Александр Михайлович всеми силами старался удержать народ от нападения на шевкаловых татар, но после начала боя князь не бросил своих подданных и принял участие в уничтожении грабителей.

Истребление шевкаловых татар сильно обрадовало Ивана Калиту. Он немедленно поехал, а точнее, полетел в Орду, велел воеводам собирать московские полки. Обратно на Русь «собиратель земли Русской» возвращается с пятидесятитысячной татарской ордой. За отсутствием достоверных данных не буду фантазировать, то ли Узбек поставил Калиту главным воеводой, то ли он был проводником и советником при трех татарских воеводах Федорчуке, Туралыке и Сюге. Кто такой Федорчук — историкам неизвестно, а я, повторяю, фантазировать не хочу, но имя-то явно славянское. Во всяком случае, это нашествие татар в русских летописях зафиксировано как «Федорчукова рать».

Великий князь Александр Михайлович прекрасно понимал, что с одним тверским войском бороться с пятьюдесятью тысячами татар и московским войском безнадежно, и отправился в Новгород, князем которого он был как великий князь владимирский.

Но хитрый Калита заранее отправил своих послов в Новгород, чтобы настроить горожан против Александра. В итоге новгородцы отказали Александру Михайловичу, и ему пришлось уехать в Псков, а его младшие братья укрылись в крепости Ладога. Тут дело, конечно, не в каменных стенах Пскова и Ладоги, а в том, что оттуда было легко бежать дальше, к немцам, шведам или литовцам. Как видим, все тверские князья уцелели, зато русские земли подверглись изрядному опустошению.

Историк В.Н. Татищев, цитируя не дошедшую до нас летопись, писал: «...зане [потому что] не токмо имения выбираху, скоты и кони забирали, но жены и дсчери емлюсче по своей воле и держаху, елико хотяху, а кто поперекова [сопротивлялся], мучаху и убиваху»^[105]. От разгрома уцелели лишь Москва да Новгород. Московский князь вел татарские рати, а Новгород заплатил Федорчуку (или Калите?) две тысячи рублей серебром, а также множество «мягкой рухляди», то есть дорогих мехов.

В 1328 г. Иван Калита и тверской князь Константин Михайлович поехали в Орду. Хан Узбек дал ярлык на великое княжение владимирское Калите^[106], а Константину Михайловичу — ярлык на Тверское княжество. Причем обоим князьям Узбек поставил условие немедленно найти и

привезти в Орду князя Александра Михайловича.

Московский «замполит», он же митрополит Феогност^[107] отлучил князя Александра от церкви.

И вот в Псков прибыли послы от князей московского, тверского и суздальского и от новгородцев уговаривать Александра поехать в Орду к хану Узбеку. Послы от имени князей говорили: «Царь Узбек всем нам велел искать тебя и прислать к нему в Орду. Ступай к нему, чтоб нам всем не пострадать от него из-за тебя одного. Лучше тебе за всех пострадать, чем нам всем из-за тебя одного пустошить всю землю». Александр ответил: «Точно мне следует с терпением и любовью за всех страдать и не мстить за себя лукавым крамольникам. Но и вам недурно было бы друг за друга и брат за брата стоять, а татарам не выдавать и всем вместе противиться им, защищать Русскую землю и православное христианство».

Александр решил ехать в Орду, но псковичи не пустили его, говоря: «Не езд, господин, в Орду. Чтоб с тобою ни случилось, умрем, господин, с тобою на одном месте».

Тут я излагаю летописную версию. Но нельзя не обратить внимание на забавность ситуации. Самые сильные князья — московский (он же великий князь владимирский), тверской, суздальский, да еще Господин Великий Новгород просят беглого князя приехать в Орду. Да что, у них сил не было, чтобы надавить на Псков? Любой из перечисленных князей мог легко один расправиться с Псковом. Так что, желания не было? Ну, допустим, Константин Михайлович не хотел ловить брата и посылать на казнь в Орду, но остальные-то с огромной радостью пограбили бы богатый Псков! Ларчик открывался просто. Александр Михайлович сел в Пскове «из руки великого литовского князя Гедимины»^[108].

Воевать же с Великим княжеством Литовским из-за беглого тверского князя ни у Калиты, ни даже у Узбека желания не было, поэтому пришлось просить.

И вот тогда хитрый Иван Московский обратился за содействием к митрополиту Феогносту. На сколько похудела калита у Калиты, история умалчивает, но грек согласился и в марте 1329 г. приехал в Новгород. Нашелся и повод — участие в торжествах Соборного воскресенья. Оттуда Феогност прислал грамоту в Псков к Александру Михайловичу: езжай, мол, в Орду. Заметим, хороший церковный пастырь заставляет ехать православного князя в Орду на смерть, туда, где были зверски убиты его отец и брат. Причем вся вина князя заключалась лишь в том, что он защитил своих подданных от грабежа.

Александр Михайлович, естественно, отказался. Ситуацию опять спас «собиратель Руси». Даю слово С.М. Соловьеву: «Придумали другое средство, и придумал его Калита. По свидетельству псковского летописца: уговорили митрополита Феогноста проклясть и отлучить от церкви князя Александра и весь Псков, если они не исполнят требование князей. Средство подействовало, Александр сказал псковичам: "Братья мои и друзья мои! Не будь на вас проклятия ради меня; еду вон из вашего города и снимаю с вас крестное целование, только целуйте крест, что не выдадите княгини моей". Псковичи поцеловали крест и отпустили Александра в Литву, хотя очень горьки были им его проводы: тогда, говорит летописец, была во Пскове туга и печаль и молва многая по князе Александре, который добротой и любовью своею пришелся по сердцу псковичам»^[109].

Александр прожил в Литве полтора года, а затем, когда опасность миновала, вернулся к жене в Псков, где его встретили радостно и посадили на княжение. Десять лет Александр спокойно княжил в Пскове, но сильно тосковал по родной Твери.

В 1336 г. Александр послал в Орду сына Федора, чтобы тот дознался, есть ли надежда умиловить хана. Получив от сына положительные вести, на следующий год Александр сам поехал в Орду. Прибыв к Узбеку, Александр сказал ему: «Я сделал много зла тебе, но теперь пришел принять от тебя смерть или жизнь, будучи готов на все, что бог возвестит тебе». Хан, обращаясь к окружающим, произнес: «Князь Александр смиренною мудростию избавил себя от смерти», и позволил ему занять тверской престол. И князь Константин Михайлович был вынужден уступить княжение старшему брату.

Примирение Александра Михайловича с ханом крайне разозлило Ивана Калиту, и в 1339 г. он отправляется с двумя сыновьями в Орду с очередной кляузой на князя Александра. В чем состоял донос Калиты, историкам неизвестно, но вскоре Александр Михайлович получает ханский указ ехать в Орду.

Александр уже знал, что кто-то оклеветал его перед ханом, который опять очень сердит на него, и потому отправил вперед себя сына Федора, а за ним уже поехал и сам по первому зову из Орды. Федор встретил отца и объявил ему, что дела плохи. Прожив месяц в Орде, Александр узнал от своих татарских приятелей, что участь его решена. Хан уже приговорил его к смерти и назначил день казни.

Александр стал прощаться с сыновьями и боярами, сделал распоряжения насчет своего княжества, исповедался, причастился. То же самое сделали сын его Федор и бояре, так как и они должны были умереть.

Ждали после этого недолго: вошли отроки с плачем и объявили о приближении убийц. Александр вышел сам к ним навстречу, и был «рознят по составам» вместе с сыном.

Теперь Иван Калита мог безраздельно править Владимиро-Суздальской Русью и исправно собирать дань для Орды. И на 40 лет «наступила тишина великая, перестали татары воевать землю Русскую». Эта фраза промосковски настроенного летописца кочует из одного учебника истории в другой. Действительно, с 1328 г. по 1367 г. не отмечено больших походов татар на Русь, типа Дюденевой или Федорчуковой рати. Но представлять эти 40 лет безмятежным и мирным существованием Владимиро-Суздальской Руси более чем нелепо. Мелкие татарские набеги продолжались.

Да и вроде бы мирные люди — татарские послы — разоряли Русь не меньше, чем набеги. Малые татарские послы имели конвой от ста до пятисот всадников, а большие — от тысячи и более. Естественно, что кормилась вся эта орава за счет местного населения. Проезжает татарский посол через деревню, не снимет кто шапки и не поклонится — убьют, а то и всю деревню спалят. Да просто какому-нибудь нукеру приглянется лошадь — отберут, приглянется девка — за косу и поперек седла...

Ряд историков, в том числе Н.С. Борисов, пытаются объяснить, откуда у Калиты оказалось столько денег. Борисов утверждает, что де Иван создал рациональную систему сбора налогов с населения, прекратил взяточничество и лихоимство чиновников, решительно боролся с разбойниками и т. д. Но, увы, никаких документальных подтверждений сия версия не имеет. Калита Ивана была толста лишь за счет невиданного ранее ограбления своих подданных, а также за счет новгородского рэкета.

Советские историки, говоря о событиях второй половины XIII и XIV в., обходят подальше тему Смоленского княжества. Дело в том, что смоленские князья еще со времен Батыя НЕ платили дани Орде, за исключением кратковременного правления Федора Черного. Возможно, какую-то дань платил и Александр Глебович, но Иван Александрович с самого начала отверг и мысли о выплате дани Орде.

Видимо, этим и воспользовался брянский князь Дмитрий Романович, сын смоленского князя Романа Глебовича. Он в 1333 г. пожаловался в Орду и выпросил татарское войско для захвата Смоленска. Брянцы и татары «бишася много», но ушли от Смоленска несолоно хлебавши.

Еще раз замечу, что оное мероприятие проходило в годы «тишины великой», как владими́ро-сузда́льские, а позже московские летописцы характеризовали период с 1328 по 1367 г. Ну а походы татар на Смоленск

— «не в счет»: мол, смоляне сами виноваты — дань платить не хотели.

В конце концов хан Узбек не на шутку разгневался на Ивана Александровича и в 1340 г. послал на Смоленск большую рать под началом Товлубия. Еще в Орде к Товлубию присоединился рязанский князь Иван Коротопол с дружиной.

По ходу к Товлубию присоединились со своими дружинами князя Константин Суздальский, Константин Ростовский, Иван Юрьевский, Иван Друцкий и Федор Фоминский. Московский князь Иван Калита болел и сам ехать не мог, но послал большую рать во главе с боярами Александром Ивановичем и Федором Акинфовичем. Как писал Н.С. Борисов: «Калита поднял и погнал под Смоленск даже тех, кто отродясь не хаживал в такие походы — "мордовска князи с мордовичи"»^[110]. Тверские князья в походе не участвовали.

Подойдя к Смоленску, огромная союзная армия начала жечь и грабить округу, но взять города не смогла. Летописец с едкой иронией записал: «И пришедше под Смоленск, посады пожгоша, и власти и села пограбиша, и под градом немного дней стояше, и тако татарове поидоша во Орду со многим полоном и богатством, а русстии князи возвратишася во свояси здравы и целы»^[111].

В 1302 г. галицкий король Юрий Львович позвал татар и вместе с ними совершил поход на польского короля Вацлава II и разорил район Сандомира. А в 1337 г. галицкий правитель Болеслав-Юрий II Тройдентович с татарским войском вторгся в Польшу. Хан Узбек отправил туда около 40 тысяч всадников. Однако германо-польской армии под командованием короля Казимира III удалось занять оборону на реке Висле и не дать возможности русско-татарскому войску форсировать реку.

В конце XIII — начале XIV в. Сарай несколько раз направлял своих воевод на помощь Господину Великому Новгороду для защиты от немцев. Увидев даже небольшой татарский отряд, рыцари благоразумно начинали мирные переговоры.

Глава 9

Ордынская «замятня» и беспредел московских бояр

Важнейшим событием, изменившим ход истории в Восточной Европе во второй половине XIV в., стала усобица в Орде, которую на Руси окрестили «замятней». Золотым веком Золотой Орды, да простит меня критик за тавтологию, стало правление хана Узбека (1312/13-1342). Это было не только время наибольшего военного могущества Орды, но и время стабильности и порядка в ее пределах. Хорошим подтверждением этому служат сведения Ибн-Арабшаха, арабского историка XV века, о том, что караваны из Хорезма проходили на телегах совершенно спокойно, «без страха и опаски», до самого Крыма в течение трех месяцев. Не было надобности возить с собой ни фуража для лошадей, ни еды для сопровождавших караван людей. Более того, караваны не брали с собой проводников, так как в степях и земледельческих районах было густое земледельческое и кочевое население, у которого можно было все необходимое получить за плату^[112].

Хану Узбеку наследовал его старший сын Танибек (Исанбек), но через несколько недель он был убит братом Джанибеком (Чанибеком). Джанибеку удалось править сравнительно долго, с 1342 г. по 1357 г. Внешне ситуация при Джанибеке не изменилась по сравнению с временем Узбека, но крупные ордынские феодалы — эмиры, улусбеки и темники — приобретали все большую власть и все менее оглядывались на хана.

В 1357 г. эмир Тоглу-бай уговорил Бердибека, сына хана Джанибека, устроить переворот и убить захворавшего отца. Тоглу-бай с несколькими нукерами вошел в ханский шатер и убил Джанибека на ковре, где тот возлежал. Тотчас же в шатер ввели Бердибека, и здесь же началось приведение к присяге находившихся в стане эмиров. Всех, кто отказывался присягнуть Бердибеку, тут же убивали.

Интересно изложение событий в Орде в Никоновский (Патриаршей) летописи. Под 6865 г. (1357 г.) там говорится: «Того же лета замятия во Орде не престааше, но паче возвизашеся». Далее говорится, что у Джанибека был темник Товлубий (Тоглу-бай). Он был умен, хитер и

влиятелен. Желая быть на первых ролях в Золотой Орде, он начал «шептати цареву сыну Чянибекову Бердибеку, хваля его и вознося, глаголя: "яко время ти есть седети на царстве, а отцу твоему уже время снити с царствия"». Товлубий уговорил Бердибека убить отца. Заговорщики привлекли на свою сторону «многих князей ордынских», обещая им разные выгоды. Когда все было подготовлено, они вошли к Джанибеку и удавили его. После этого «Бердибек по нем сяде на царстве, и уби братьев своих 12; окаанным князем, и учителем своим и доброхотом Товлубием наставляем отца своего уби и братью своюпоби...»

Бердибек процарствовал всего два года, а затем был убит вместе со своим фаворитом Тоглу-баем (Товлубием). А вот после гибели Бердибека в Орде начинается действительно замаятия. На золотоордынском престоле за 20 лет сменилось, по разным оценкам, от 20 до 25 ханов. Причем ордынских документов, раскрывающих этот период, не сохранилось. Поэтому историки дают хронологию правления ханов по обрывочным сведениям русских летописей, арабских историков, а главное, по найденным золотоордынским монетам. Имена многих ханов известны лишь по надписям на монетах. Перечисление ханов Золотой Орды читатель может найти в Приложении.

Политический кризис в Золотой Орде усугублялся страшной пандемией 1346–1350 гг. — чумой, занесенной из Китая в 1346 г. Особенно тяжелой эпидемия оказалась для Дешти, Кипчака, Крыма и Булгарии. Как сообщают под 1346 г. русские летописи: «Бысть от бога на люди подо восточную страну, на город Орнач (Ургенч) и на Хазыторокань (Астрахань) и на Сарай и на Бездеж (Бельджамин на Итиле) и на прочие грады в странах их, бысть мор силен на Бесермены и на Татарове и на Орьмены и на Обезы и на Жида и на Фрязы и на Черкасы и на всех тамо живущих, яко не бе кому их погребати». Только в Крыму тогда умерло более 80 тысяч человек.

Ко всему этому добавилось и еще одно страшное бедствие, о котором я расскажу в следующей главе.

Еще при хане Бердибеке выдвинулся эмир Мамай. По словам арабского историка Ибн-Халдуна, он занял в Орде должность беклярибека и женился на дочери Бердибека. Происхождение Мамай неизвестно, но он не был потомком Чингисхана, что долго мешало ему объявить себя ханом Золотой Орды. Напомню читателю, что все татарские орды управлялись исключительно многочисленными (в силу полигамии) потомками Чингиза.

Мамай сверг хана Тимур-Хаджу (Темир-Ходжу) и объявил ханом Авдулу (Абдаллаха), потомка Узбек-хана. Произошло это, согласно

Никоновской летописи, в 1362 г.

При Мамае монеты чеканились с самого начала от имени Абдаллаха, до нашего времени дошла монета, датированная 764 г. х. (= 21 ноября 1362 г. — 10 октября 1363 г.), что подтверждает и летопись. Большая часть монет с именем Абдаллаха чеканилась в Орде, то есть в походной ставке хана. Объясняется это тем, что городские центры Поволжья, особенно Сарай, принадлежали хану Абдаллахе и Мамаю только на короткий срок. Кроме Орды монеты Абдаллаха чеканились в Азаке, Новом Сарае и Янгишехре (Новом городе) в Хорезме.^[113]

Мамаю пришлось вести долгую борьбу в Орде за единство власти. Одно время у Мамаю с Абдаллахом был сильный соперник — Кильдибек (Гельдебек). О нем говорят и летопись, и монеты, дошедшие до нас. Монеты эти чеканились в 762 г. х. (1360–1361 гг.) и в 763 г. х. (1361–1362 гг.). То есть Кильдибек начал чеканку своих монет на год раньше Абдаллаха, во всяком случае, раньше, чем Мамай захватил фактическую власть на большей части территории Золотой Орды. Следовательно, Кильдибек одно время был соперником Хызра и Темир-Ходжи, от которых сохранились монеты, датированные 762 г. х. Судя по летописным и монетным данным, Кильдибек был убит в 1362 г. Рогожский летописец рассказывает об обстоятельствах смерти Кильдибека: «В Орде тако бысть замятия, Хидырев сын Мурут на единой стороне Волги, а на другой Кильдибек и межи их бысть сеча и Кильдибека убили».

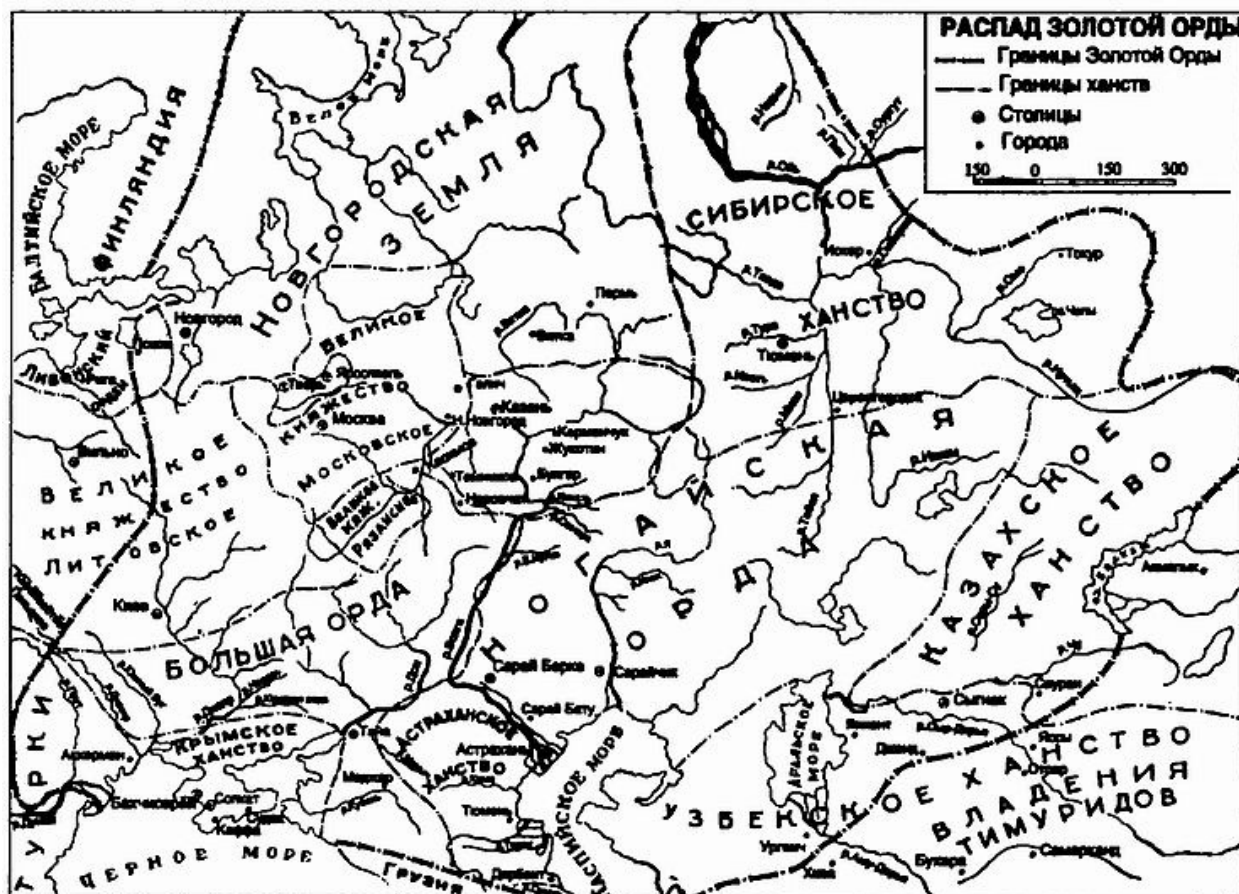
Таким образом, у Мамаю и Абдаллаха в том же году появился новый соперник в лице упомянутого Мурута, или, как его именует Никоновская летопись, Амурата Хидырева, брата царева, захватившего столицу Золотой Орды Сарай.

Смута росла и вширь, что отмечают летописи под тем же 1362 г. От Золотой Орды стали отпадать целые области. «Булат Темир, князь ордынский, Булгары взял, и все грады на Волзе и улусы поймал и отня весь Воложский путь».

Отпадение Булгар, вместе с захватом в руки Булат-Темира волжского торгового и военного пути, нанесло, конечно, тяжелый удар единству Золотой Орды. Вслед за этим другой ордынский князь, «Тогай, иже от Бездежа, той убо Наручад и всю ту страну взял и там о себе пребывале». Под Наручадской землей надо понимать область, лежавшую на реке Мокше и населенную мордвой.

Русские князья владели достаточно полной информацией о событиях в Орде. Ее приносили русские и другие купцы, по-прежнему функционировала Сарайская епархия, имевшая регулярную связь с

митрополитом, почти ежегодно в Орду отправлялись русские посольства, в составе которых часто были князья и их сыновья.

Распад Золотой Орды

Замытия поставила перед Русью две основные проблемы. Во-первых, кому из претендентов на ханский престол платить дань, а во-вторых, как относиться к походам на Русь претендентов или их воевод, как к «батогу божьему» или как к шайкам разбойников?

В ноябре 1359 г. умер великий князь владимирский Иван Данилович Красный. Все братья Ивана к тому времени уже умерли, в живых остались лишь три внука Ивана Калиты: девятилетний Дмитрий и совсем маленький Иван^[114], сыновья Ивана Красного, а также шестилетний Владимир, сын умершего в июне 1353 г. князя Андрея Ивановича.

Практически все русские, советские и нынешние «демократические» историки утверждают, что горизонтальная система передачи власти была архаична, и лишь новая, вертикальная (от отца к сыну), отвечала интересам русского народа начиная с XIII–XIV вв. Замечу, что на Руси, хотя и не было четких критериев передачи власти, уже с XII в. была не чисто

горизонтальная, а смешанная система наследования. Естественно, что передавать княжеский престол, лишая власти тридцатилетнего, закаленного в битвах сына, 60-70-летнему дяде не имело смысла, и таких случаев почти не было. Но как мог править девятилетний княжич?

И если Дмитрий остался на московском престоле, а затем получил Великое княжество Владимирское, то не потому, что он был вундеркиндом, и дело тут не в прогрессивности горизонтальной системы, а в боярах, тиунах и в прочем чиновничьем аппарате. Вся эта компания заботилась не об интересах Московского княжества, и тем более «всея Руси», а лишь о своих мелких и корыстных интересах.

Надо ли говорить, что если приедет в Москву новый великий князь из Суздаля, Нижнего Новгорода или Галича, то, естественно, он оставит на своих местах лучших бояр, воевод, тиунов и т. д. И сделает это не из чувства справедливости, а ради собственной выгоды. А вот бездельников и казнокрадов выгонит «подчистую» и заменит их своими людьми из Суздаля и т. д. Таким образом, большинство уособиц на Руси было вызвано не неумным честолюбием и эгоизмом удельных князей, а страстным желанием «аппарата» гарантировать себе несменяемость. Увы, это мы видим и сейчас — проворовавший или иным образом скомпрометировавший себя губернатор или министр никогда не станет простым инженером или даже профессором университета. Он до самой смерти останется «в обойме» — будут меняться лишь кресла и титулы.

Так стало и с девятилетним Дмитрием. Он был объявлен московским князем, и в начале 1360 г. московский посол отправился в Орду за ярлыком на Великое княжество Владимирское. Однако хан Новруз (Неврузбек?) предпочел передать ярлык его конкуренту — 37-летнему суздальскому князю Дмитрию Константиновичу, правнуку Андрея Ярославича. 22 июня 1360 г. Дмитрий Константинович был торжественно посажен на великокняжеский стол во Владимире.

Но московские бояре не пожелали признать Дмитрия Константиновича великим князем Владимирским. Малолетку Дмитрия Ивановича отправили в Орду. К тому времени хан Невруз был убит заяицким ханом Хидырем (Хидербег). Хидырь же был убит своим сыном Темир-Ходжой. И, наконец, Орда разделилась между двумя ханами — Абдулом (Абдаллахом), именем которого правил сильный темник Мамай, и Мюридом (Муратом, Амуратом).

Московские бояре отправили послов к последнему, и он дал ярлык малолетнему Дмитрию. Есть сведения, что за Дмитрия в Орде хлопотали также его родственники — князья ростовские и тверские, видимо,

считавшие, что для них гораздо безопаснее иметь на владимирском столе малолетку, чем взрослого.

Московские бояре посадили на коней всех трех малолеток — Дмитрия, Ивана Ивановича и Владимира Андреевича — и выступили с ними на Дмитрия Суздальского. У Дмитрия Константиновича не было сил защищать Владимир, и татарская рать без боя овладела столицей, а Дмитрий Иванович стал великим князем владимирским.

Но вот в 1363 г. во Владимир к Дмитрию Ивановичу является ханский посол, но не от Мюрида, а от Абдаллаха, с ярлыком на Великое княжество Владимирское. Мол, ярлык Мюрида плохой, а мой самый настоящий, покупай — не прогадаешь! Бояре, Митины кукловоды, недолго думали — положение у них шаткое, лучше получить еще один ярлык. Посла проводили «с честью» и богатыми дарами, а Митя поехал с боярами в Москву.

Узнав о сделке, хан Мюрид пришел в ярость и, чтобы наказать скупщиков поддельных ярлыков, прислал с князем Иваном Белозерским новый ярлык на Владимир Дмитрию Суздальскому. Тот обрадовался и занял владимирский стол, но просидел там только 12 дней, а потом Дмитрий Московский опять пришел на него с большим войском, выгнал из Владимира и осадил в Суздале. Московская рать опустошила окрестности Суздаля, и Дмитрий Московский, по выражению летописца, «взял, наконец, над его князем свою волю».

Воспользовавшись бессилием Орды, московские бояре начали творить беспредел. В летописи под 1363 г. говорится, что Дмитрий Московский «взял свою волю» над князем Константином Ростовским, а князя Ивана Федоровича Стародубского и Дмитрия Галицкого выгнал из их княжеств. Изгнанники убежали к Дмитрию Константиновичу Суздальскому. Но теперь Дмитрий Константинович узнал силу московской рати и не хотел больше вступать в конфликт со своим тезкой. И когда в 1365 г. ему из Орды опять привезли ярлык на Великое княжество Владимирское, Дмитрий Константинович категорически отказался. Но можно допустить, что имела место и сделка суздальского князя с московскими боярами.

18 января 1366 г. в Коломне состоялась свадьба пятнадцатилетнего великого князя владимирского Дмитрия Ивановича с двенадцатилетней Евдокией, дочерью Дмитрия Константиновича Суздальского. На свадьбе суздальский князь подарил зятю драгоценный пояс. Поступок вроде бы незначительный и ординарный — до 1917 г. все порядочные люди обеспечивали дочерей приданым. Но 67 лет спустя московские бояре используют этот факт для устроения новой страшной смуты на Руси.

А между тем на Руси свирепствовала моровая язва. Умерло много князей: младший брат Дмитрия Московского Иван, ростовский князь Константин, тверские князья Семен Константинович, Всеволод, Андрей и Владимир Александровичи, суздальский князь Андрей Константинович. А оставшиеся в живых князья начали споры за выморочные уделы.

Древний Суздаль, подобно Ростову, уже давно утратил свое значение. Старшие князья жили и погребались уже не в Суздале и не в Городце, а в Нижнем Новгороде, уже тогда богатом торговом городе благодаря своему выгодному географическому положению. Старший из Константиновичей — Андрей — княжил в Нижнем, оставив Суздаль младшему — Дмитрию. Но после смерти Андрея нижегородский престол занял самый младший брат — Борис Константинович. Дмитрий не имел сил сам отнять у Бориса Нижний, и поэтому послал за помощью в Москву. Дмитрий Московский направил к Константиновичам послов с увещанием помириться и поделиться вотчиной, но Борис не послушался. Тогда на него был спущен ручной митрополит Алексей. Он отнял Нижегородскую и Городецкую епископии у суздальского владыки Алексея, и в то же время послом от московского князя в Нижний явился преподобный Сергей, игумен Радонежский. Он позвал Бориса Константиновича в Москву. Но тот отказался, и тогда Сергей по приказу митрополита и великого князя московского затворил все церкви в Нижнем.

После этого на помощь Дмитрию Константиновичу из Москвы было прислано войско. И когда московские полки вместе с войском Дмитрия Константиновича подошли к Нижнему, Борис был вынужден выйти навстречу и с поклоном уступить. Дмитрий помирился с братом, сам сел в Нижнем, а Борису отдал Городец.

В это же время происходит некоторое усиление Рязанского княжества. В 1350 г. рязанским князем (великим князем рязанским) становится Олег, сын рязанского князя Ивана Ивановича Коротопола, убитого в 1343 г. 22 июня 1353 г. рязанское войско под предводительством юного Олега захватило Лопасню — небольшой город на Оке, который при Данииле Александровиче был захвачен москвичами. Московский наместник в Лопасне, некий Михаил Александрович, был взят в плен, выпорот, а затем за большой выкуп возвращен в Москву. Олег же обратился в Орду с просьбой провести размежевание московских и рязанских земель.

По его просьбе в 1358 г. в Рязань прибыл татарский царевич Махмет-Хожа и послал оттуда к великому князю Ивану Ивановичу Красному требование о «разъезде земли Рязанской». Московские бояре по своему обычаю дали крупную взятку ордынскому царевичу, и тот отказался от

демаркации границ. Но Лопасня так и осталась за Рязанью.

В 1365 г. на Рязань внезапно напал какой-то татарский князь Тагай. Ему удалось сжечь город, но князь Олег Иванович вместе со своими вассалами князьями муромским, пронским и козельским пошел в погоню за татарами и настиг их «под Шишевским лесом на Воине». И «побиша князи рязанстии татар». В результате «злой сечи» Тагай бежал «во страсе и трепете мнозе быв и недоумевся, что сътворити, видя всех татар избиенных, и тако рыдаа и плача и лице одираа от многиа скорби, и едва в малой дружине убежаща».

Кары со стороны Орды в отношении Рязани не последовало, так как Тагай «сам о себе княжаще» «в Наручадской стране» «по разрушении Ординьском», то есть самочинно захватил власть в Наровчатской земле во время «замятии» в Орде в 1360–1361 гг., и заступаться за него в Орде не стали.

Рязань была естественным щитом, прикрывавшим Москву. Использовать же Орду против Москвы рязанским князьям было себе в убыток. Ордынское воинство проходило как саранча по земле как врагов, так и союзников. Тем не менее жадные московские бояре всеми силами стремились стравить Дмитрия Ивановича с Олегом Рязанским. Для начала бояре решили поссорить рязанского князя с его вассалом пронским князем Владимиром Ярославичем. Замечу, что в Пронске правила своя династия князей, имевшая с Олегом Рязанским очень дальнего предка — Глеба Ростиславича Рязанского, умершего в 1177 г.

В «перемирной грамоте» с литовским князем Ольгердом (июль 1371 г.) московские бояре настояли записать великими князьями Олега Рязанского и Владимира Пронского. С начала XIV в. князья тверской, московский, суздальский, рязанский и смоленский писались великими князьями, а их вассалы, например, дмитровский, можайский, пронский, вяземский и др. — просто князьями или удельными князьями. В Рязанской земле (а Пронск входил в нее) мог быть только один великий князь. Причем решение о том, кто будет великим князем, принимали в Орде. Самовольно, не имея на то законных оснований, москвичи не могли в официальном документе именовать пронского правителя великим князем.

Москва подстрекнула Владимира Пронского ехать в Орду за ярлыком на Великое княжество Рязанское. Претендентов на ханский престол в Орде хватало. В итоге и Олег, и Владимир получили по ярлыку, но от разных претендентов на золотоордынский престол. И тут Дмитрий Московский решил силой помочь Владимиру.

В декабре 1371 г. московская рать вторглась в рязанские пределы. До

нас дошел текст московского летописца, издевавшегося над князем Олегом: «Тое же зимы передь Рожествомъ Христовымъ бысть побоище на Скорнищеве съ Рязаньци. Князь великш Дмитрей Ивановичу събравъ воя многи и пославъ рать на князя Олега Рязанскаго, а воеводу съ ними отпусти Дмитрея Михайловичя Волынскаго. Князь же Олегъ Рязанский, събравъ воя многы, и изыде ратью противу ихъ. Рязанци же, сурови суще, другъ къ другу рекоша: "Не емлите съ собою доспеховъ, ни щитовъ, ни копья, ниже коего иного оружїа, но токмо емлите съ собою едины ужища кождо васъ, имже взяти начнете Москвичъ, понеже суть слабы и страшливи и не крепци". Наши же Божією помощію укрепляющесе смирешемъ и въздыханіемъ, уповаша на Бога крепкаго въ бранехъ, иже не въ силе, но въ правде даетъ победу и одолеше. И сретошася Рязанци, и бысть имъ бои на Скорнищеве. И поможе Богъ князю великому Дмитрею Ивановичю и его воемъ, и одолеша, а князь Олегъ едва убежалъ... И седе тогда на княженш великомъ Рязанскомъ князь Володимеръ Пронскый».

Во время его княжения в Рязани произошло некое народное возмущение, связанное со сбором дани. Судя по всему, рязанцы не хотели платить Владимиру Пронскому ордынскій выход, ожидая, что скоро вернется к власти Олег Иванович и, естественно, возьмет дань повторно. И они не просчитались. Княжил Владимир недолго: «Въ лето 6880 князь Олегъ Рязанский, събравъ воя, приде ратью на Рязань изгономъ, на князя Володимера Проньскаго, и согна его, а самъ седе на княженш навеликомъ».

Вернул Олег Иванович свое княжение с помощью мурзы Солохмира из улуса Мохши. После чего Солохмир и еще несколько эмиров этого улуса перешли на службу к рязанскому князю. Об этом сообщается в родословных грамотах потомков Солохмира — Апраксиных, Хитровых и других, а также потомков Шая — Булгаковых, Голицыных, Татищевых и др.

Победив, Олег Иванович «изыма зятя своего князя Володимера Дмитриевича Пронскаго и приведе в свою волю». Из этой «воли» пронскій князь уже не выходил до своей кончины, а умер он зимой 1373 г.

Замятия в Орде позволила московскому боярству безнаказанно вести непрерывные войны с соседями — Тверью, Литвой, Господином Великим Новгородом, Нижним Новгородом и т. д. Когда московские рати оказывались бессильными, Дмитрий Иванович пускал в дело митрополита Алексея. Тот грозил непокорным князьям проклятием, «затворял» у них церкви и т. д. Замечу, результаты действий московского клира были не хуже, чем у воевод. Поражает лишь заикленность остальных русских князей и их клира. Вон, в Западной Европе в XIII–XVI вв. сколько государей воевало с римскими папами! Неужели нельзя было добиться от

константинопольского патриарха назначения независимых митрополитов в Твери, Рязани и особенно в Господине Великом Новгороде? И патриархи, и византийские императоры нуждались буквально в каждой копейке, и если уж пошли на унию с Римом на Флорентийском соборе, то ввести митрополию, к примеру, в Новгороде, им было раз плюнуть.

Спору нет, русские князья и иерархи церкви не раз жаловались патриарху на бесчинства Алексея. Того вызывали на суд в Константинополь, куда он, естественно, не ездил. Тогда еще при жизни Алексея патриарх послал на Русь нового митрополита — Киприана.

Возможно, объективное изложение фактов режет ухо части читателей, которые, начитавшись наших лжеисториков и романистов, привыкли воспринимать все действия московских владык как благодеяния ради великой цели — соединения русских земель.

Однако ни одного документального подтверждения, что Иван Калита и его потомки до Василия II включительно мечтали о «великой России», попросту нет. Все они думали лишь о сиюминутных выгодах. Риторический вопрос — почему наши горе-историки и писатели хулят русских князей за то, что они не хотели оставлять земли своих дедов и идти добровольно в Московское княжество, а население их княжеств не желало помимо татарского ярма получить еще и московское? Вот, к примеру, некий Юрий Лощиц пишет: «Олег [Рязанский. — А.Ш.] способен был сузить зрение на какой-то одной точке, надолго забыть напрочь про все остальное, про *русское целое*, которое больше Рязани, больше Москвы. Для него Москва, как и для многих его современников, все еще была *одним из* русских княжеств, ничем качественно от них не отличающимся. Ей просто везло и везет, но все это может сто раз измениться, вперед выступят другие, но и они возобладают лишь на время, условно, по указке ли Орды, по внутреннему ли согласию княжества-соседа»^[115].

А вот пассаж о Господине Великом Новгороде: «Дань с них берут немалую? Так и со всех берут, даже с самых захудалых, безлапотных тверских да ростовских мужичишек. Разве то дань, что с новгородцев взимается? Они с каждой гривны огрызок за щеку прячут, сундуками все хоромы заставлены, так что и гостю ступить негде. И все недовольны Москвой. Да куда они денутся без Москвы-то в своем скудоумии? Сколько раз им Москва по первой же просьбе помощь посылала — от немца, от шведа, от той же Литвы, с которой нынче шушукуются... Нет, что ни говори, а легкомыслый народ новгородцы, заелись волей-то, упились ею как балованным медом, совесть свою с волховского моста на дно

спустили... Ну так что ж! Не хотят по-доброму, можно и по-сильному»^[116].

Ах, какие бескорыстные люди московские князья — защищают Новгород и Псков от врагов! Но почему же тогда, не получив достойной платы за защиту, не откланяться, а надо обирать вольные города, а их население делать своими холопами? Такая защита сейчас называется рэкетом. То, что Александр Невский один раз спас Псков от немцев, сейчас знает каждый школьник, а литовского князя Довмонта, десятки раз спасавшего Псков от врагов, знает лишь узкий круг историков. И это при том, что Александр Невский стал «казенным» святым — по указу московских князей, а потом Петра I, а вот Довмонт стал буквально народным святым, и чтят его простые люди без указаний сверху более пяти столетий. Вот, к примеру, в конце XVII в. казаков на Амуре окружило Богдыханово войско. Помолились казаки святому Довмонту и побили косоглазых.

Хорошую отповедь нашим лжеученым дал известный историк А.А. Зимин в книге «Витязь на распутье». Замечу, что написал он ее в разгар «застоя», в начале 1970-х гг. Писал, естественно, «в стол», и опубликована книга была лишь в 1991 г.

«Панегиристы разных родов внушали читателям, что все было ясно и предопределено. "Москве самим Богом было предназначено стать «третьим Римом»", — говорили одни. "Москва стала основой собирания Руси в силу целого ряда объективных, благоприятных для нас причин", — поучающе разъясняли другие.

О первых — что говорить! Хочешь верь, хочешь нет. А вот о вторых — стоит. При ближайшем рассмотрении все их доводы оказываются презумпциями, частично заимствованными из общих исторических теорий, выработанных на совсем ином (как правило, западноевропейском) материале. Главная из них заключается в том, что создание прочного политического объединения земель должно было произойти вследствие определенных экономических предпосылок — например в результате роста торговых связей. Указывалось еще на благоприятное географическое положение Москвы, и, наконец, отмечалась роль московских князей в общенациональной борьбе с татарами. Эти два объяснения не соответствуют действительности. Никаких "удобных" путей в районе Москвы не существовало. Маленькая речушка Москва была всего-навсего внучкой-золушкой мощной Волги. Поэтому города на Волге (Галич, Ярославль, Кострома, Нижний) имели гораздо более удобное географическое (и торговое) положение.

М.К. Любавский писал, что древнейшее Московское княжество

сложилось на территории, обладавшей "сравнительно скудными природными ресурсами. Здесь относительно мало было хлебобородной земли — преимущественно на правой стороне р. Москвы; не было таких больших промысловых статей, какие были в других княжествах, — соляных источников, рыбных рек и озер, бортовых угодий и т. д." Транзитная торговля (о роли которой писал В.О. Ключевский) едва ли могла захватить широкие массы местного населения, тем более что начала и концы путей, по которым она велась, не находились в руках московских князей. Москва, писал П.П. Смирнов, "как торговый пункт не обладала преимуществами в сравнении с такими городами, как Нижний Новгород или Тверь".

Не был Московский край и средоточием каких-либо промыслов...

Ну а Москва? В районах, прилегающих непосредственно к ней, не было никаких богатств — ни ископаемых, ни соляных колодезей, ни дремучих лесов. "В результате хищнического истребления лесов, — писал С.Б. Веселовский, — строевой лев в Подмоскowie, главным образом сосна и ель, уже в первой половине XVI в. стал редкостью". Уже в 70-х годах XV в. появляются заповедные грамоты, запрещающие самовольную порубку леса.

Дорогостоящий пушной зверь был выбит. Только на юго-востоке Подмоскowie сохранилась менее ценная белка. В первой четверти XV в. в последний раз в Подмоскowie упоминаются бобры (на реке Воре). Поэтому зоркий наблюдатель начала XVI в. Сигизмунд Герберштейн писал, что "в Московской области нет... зверей (за исключением, однако, зайцев)".

Наиболее значительные места ловли рыбы располагались по крупным рекам, особенно по Волге, Шексне, Мологе, Двине, а также на озерах — Белоозере, Переславском, Ростовском, Галицком и др....

Москва не была и тем единственным райским уголком для тех, кто желал скрыться от ордынских набегов, приводивших к запустению целых районов страны (таких, как Рязань). Место было небезопасное: татары не раз подходили к Москве, Владимиру, Коломне и запросто "перелезали" через Оку. Гораздо спокойнее чувствовали себя жители более западных (Тверь) или северных (Новгород) земель»^[117].

Что же возвысило Москву? Совокупность случайных и закономерных факторов. Случайные факторы не стоит перечислять, их читатель найдет в книге более чем достаточно. Основных же закономерных фактора три: умелое использование московскими князьями «татарского батога»; приручение митрополитов и использование их в качестве тяжелой артиллерии в борьбе с конкурентами; и большая на порядок беспринципность и жестокость по сравнению с другими князьями.

Глава 10

Куликовская битва — мифы и реалии

В конце 60-х гг. XIV в. конфликты между русскими и татарами^[118] усиливаются как в количественном, так и в качественном отношении. Объясняется это двумя основными причинами: с одной стороны, желанием отдельных ханов, а то и просто «полевых командиров» пограбить Русь и подкормить свое воинство, а с другой стороны — активностью русских князей, переставших бояться «батога божьего».

В 1367 г. хан Булат-Темур (Пулад-Тимир), правивший в Булгаре, напал на нижегородские владения, но с большим уроном был отогнан нижегородским князем Дмитрием Константиновичем за реку Пьяну. Булат прибежал в Золотую Орду и был там убит ханом Азизом (Озизом), преемником Мюрида.

Я передаю русскую летописную версию. А по татарским данным, в битве с Булат-Темуром участвовали не только нижегородцы, но и татарский отряд князя Тогая (Тагая). Булат-Темур был взят в плен, и Тогай отвез его в Сарай. Там Булат был казнен.

В 1370 г. Дмитрий Константинович с братом Борисом, сыном Василием и золотоордынским воеводой Ачихожею (Хаджи Ходжа) ходил войной на болгарского князя Асана (Хасана). Тот вышел им навстречу с поклоном и богатыми дарами. Дмитрий дары взял, но на княжение посадил Салтана, сына Бака.

В 1373 г. татары из Орды Мамай опустошили Рязанское княжество. Войско Дмитрия Ивановича все лето простояло на московском берегу Оки, но на помощь рязанцам так и не пришло. По мнению наших историков, это мудрая политика в интересах Руси, а вот когда Олег Рязанский отказался помочь Москве в борьбе с татарами, то оказался «предателем».

В 1374 г. Мамай отправил в Нижний Новгород посла Сары-аку (Сарайку, по русским летописям) с конвоем из полутора тысяч всадников. Цель визита — выбить побольше денег. Но горожане, с санкции ли князя Дмитрия Константиновича или нет, сие нам неведомо, перебили татар, а Сарайку взяли в плен. В ответ на избиение посольства отряды Мамай повоевали нижегородские волости — Киш и Запьянье.

Зимой 1376 г. войска Московского и Нижегородского княжеств

(московскую рать возглавлял сын Корьята-Михаила Гедеминовича Дмитрий Боброк, перешедший на службу в Москву, нижегородскую — сыновья Дмитрия Константиновича Василий и Иван) отправились в поход «на Болгары». Любопытно, что татарский историк З.З. Мифтахов утверждает^[119], что русские князья пошли в поход на Казань по приказу Мамаю, так как болгарский эмир Азан отказался платить дань Золотой Орде. 16 марта 1377 г. русская рать подступила к Казани^[120]. Далее, по версии С.М. Соловьева, основанной на русских летописях, события развивались так: «Казанцы вышли против них из города, стреляли из луков и самострелов. Другие производили какой-то гром, чтоб испугать русских, а некоторые выехали на верблюдах, чтоб переполошить лошадей. Но все эти хитрости не удались: русские вогнали неприятеля в город, и князья казанские Асан и Магомет-Солтан принуждены были бить челом великому князю; заплатили тысячу рублей Димитрию московскому, тысячу новгородскому, три тысячи воеводам и ратным людям; кроме того, летописец говорит, что русские посадили в Казани своего сборщика податей (дорогу) и таможенников»^[121].

А вот З.З. Мифтахов, согласно болгарским летописям, описывает все иначе: «Москвичи захватили с собой заложника эмирского даругчина в Москве Гусмана, а нижегородцы Сатылмыш. Гусман одновременно занимался "торговлей бобрами и меховыми одеждами", а Сатылмыш был не только даругчином, но и главным эмирским таможенником на Руси.

Когда русские войска подошли к Казани, то москвичи с ходу бросились на штурм казанских стен. Однако очень скоро они "обратились в паническое бегство". Дело в том, что болгары "ударили из неизвестных русских пушек". Поскольку русские не слышали, как грохочут пушки, то летописец записал так: Казанцы "производили какой-то гром, чтобы испугать русских".

Когда русские воины панически побежали от городских стен, "Марджан стремительно вылетел из города со своими казаками и рубил москвичей до Ягодного леса". В это время нижегородцы находились в Ягодном лесу и "с полным безразличием наблюдали за происходящим" до тех пор, пока их князь не приказал им выйти на опушку леса. Однако через некоторое время они снова вошли в лес. Когда стало ясно, что выманить нижегородцев из леса не удастся, Марджан вошел в город. После этого москвичи и нижегородцы, двигаясь медленно, с большими предосторожностями, подошли к городу...

Когда русские войска приблизились второй раз к стенам крепости со

стороны Булака, позади них появилась конница Енейтека. И вскоре семь тысяч русских пехотинцев оказались в кольце окружения. Они "укрылись за своими возами". Тем временем русская конница отошла к внешнему посаду Биш-Булте и не давала Енейтеку раздавить окруженных...

Когда противостояние в окрестностях Казани стало приближаться к критической точке, воеводы вступили в переговоры. Договорились о следующем: воеводы согласились заплатить по *ермаку* за каждого оставшегося в живых русского пехотинца. Когда требуемую сумму привезли из Нижнего Новгорода, Енейтек открыл дорогу для отхода русских войск. Пехота стала уходить под прикрытием своей конницы.

До крепости Лачык-Уба (совр. Лыского в Нижегородской губернии) русские войска сопровождал со своим отрядом Енейтек. При нем находились в качестве заложников двое русских воевод, попавшие в плен. В окрестностях крепости Лачык-Уба русские отпустили Гусмана и Сатылмышу, а болгары — двух воевод.

Летописец, а за ним и С.М. Соловьев описали эти события с точностью до наоборот»^[122].

В 1377 г. в Москве узнали, что в Булгарские земли откочевал Арапша (Арабшах), младший брат хана Синей Орды Уруса^[123] с четырьмя тысячами киргизов. Дмитрий Иванович тотчас собрал большое войско и пошел на помощь к тестю, нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу. Но войска Арабшаха было не видно, и Дмитрий Иванович возвратился в Москву, оставив своих воевод с владимирскими, переяславскими, юрьевскими, муромскими и ярославскими полками. К ним присоединилось и нижегородское войско под началом молодого князя Ивана.

Объединенное войско двинулось к реке Пьяне, где воеводы получили весть, что Арабшах еще далеко, на реке Волчьих Воды, притоке Донца. И воеводы расслабились, поснимали доспехи, поубирали их в телеги. Рогатины и копья также не были еще насажены, не были готовы щиты и шлемы. Было это в конце июля, стояла сильная жара, и ратники разъезжали, «спустивши платье с плеч, расстегнувши петли, растрепавшись, точно в бане». Если где удавалось достать пиво и мед, то напивались допьяна и бахвалились, что каждый из них побьет и сто татар. Князя, бояре и воеводы также забыли всякую осторожность, ездили на охоту, пировали, да козни друг против друга строили.

А в это время мордовские князья тайно подвели войско Арабшаха. Всего у него было 9 тысяч всадников: 5 тысяч болгар и 4 тысячи киргизов.

Арабшах разделил войско на пять полков и 2 августа 1377 г. неожиданно ударил со всех сторон на русское войско.

После непродолжительной схватки русские побежали к реке Пьяне. Нижегородский князь Иван Дмитриевич утонул при переправе вместе со множеством бояр, слуг и простых ратников, а остальные были перебиты татарами.

Арабшах подошел к Нижнему Новгороду, из которого князь Дмитрий Константинович сбежал в Суздаль, а горожане разбежались на судах по Волге к Городцу. Татары перехватили тех, кто не успел спастись, сожгли город, опустошили окрестности и ушли назад.

В том же году Арабшах пограбил и земли за Сурою (Засурье), потом перебил русских гостей, а затем неожиданно явился под Рязанью, взял ее, причем сам князь Олег Рязанский, раненный стрелой, еле вырвался из татарских рук.

После похода на Русь Арабшах некоторое время побыл в Булгарии, а в начале 1380 г. отправился со своими киргизами кочевать к Черному морю. Мамай согласился пропустить его орду, но одновременно вступил в переговоры с киргизским князем из окружения Арабшаха. В результате заговорщики убили Арабшаха при переправе через Дон. Убийцы объявили воинам, что хан Арабшах утонул в водах Дона. Однако князь по имени Шанкар, который случайно оказался свидетелем убийства шаха, рассказал воинам правду. После этого войско раскололось на две группы: одна часть численностью до двух тысяч человек во главе с Шанкаром ушла в Волжскую Булгарию, а другая, численностью в тысячу человек, вместе с заговорщиками перешла на службу к Мамаю.

Надеясь, что после поражения на реке Пьяне Нижегородское княжество осталось без защиты, мордовские князья решили попытаться счастья против русских, неожиданно приплыли по Волге в Нижегородский уезд и пограбили все, что осталось после татар. Но князь Борис Константинович настиг мордву у реки Пьяны и разбил — одни потонули, другие были перебиты.

Но московский и нижегородский князья этим не ограничились, и зимой 1377/78 г., несмотря на страшные морозы, нижегородское войско под началом князей Бориса Константиновича и Семена Дмитриевича и московское войско под началом воеводы Свибла вошло в Мордовскую землю и «сотворило ее пусто», как выразился летописец. Приведенных в Нижний Новгород пленников казнили, травили собаками на льду на Волге.

В 1378 г. татары вдруг опять объявились на Волге перед Нижним. Князя Дмитрия Константиновича в то время не было в городе, а жители

разбежались. Приехав к Нижнему из Городца, князь увидел, что нельзя отстоять город, и послал татарам откуп. Но татары откупа не взяли и сожгли Нижний, потом разграбили весь уезд и Березовое поле.

Разделавшись с Дмитрием Нижегородским, Мамай отправил князя Бегича с большим войском на Дмитрия Московского. Но тот, узнав о приближении татар, собрал большое войско и выступил на Орду в Рязанскую землю, где и встретился с Бегичем на берегах реки Вожи.

Монгольские стрелки. Средневековый рисунок

Вечером 11 августа 1378 г. татары переправились через Вожу и помчались на русские полки. С одного фланга на них ударил князь Даниил Пронский, с другого — московский окольный Тимофей, сам же князь Дмитрий пошел на них с фронта. Татары не выдержали натиска, побросали копья и бросились бежать за реку, при этом множество их перетонуло и было перебито.

Наступившая ночь помешала преследованию татар, а утром был сильный туман, так что только к обеду русские полки двинулись вперед и вскоре захватили в степи весь татарский обоз.

Мамай собрал остатки своего войска и в сентябре 1378 г. нанес сильнейший удар по рязанским землям: татары сожгли Переяславль, взяли Дубок. Олег бежал на московскую сторону Оки. Никоновская летопись добавляет: «Олег же Рязанский по отшествии татарском виде землю свою пусту и огнем сожжену, и богатства его все и имение татарове взяша и опечалился зело, и мало что людей от того же полону татарского избежавше начаша вселитися и жилища сотворяти в земле Рязаньской, понеже вся земля бысть пуста и огнем сожжена».

В июле 1380 г. в Москву пришла грозная весть: войско хана Мамай подошло к реке Воронежу — условной границе между русскими и ордынскими землями. Следствием похода Мамай на Русь стала грандиозная Куликовская битва, «переломившая хребет Золотой Орде».

Уже сама эта фраза, вошедшая во все школьные учебники истории, сильно отдает враньем — любое животное или человек с переломанным хребтом (позвоночником) парализуется и живет в лучшем случае несколько часов. Каким же образом Русь платила дань еще сто лет государству с переломанным хребтом?

Историк В. Шавырин справедливо заметил: «Книгами, посвященными Куликовской битве, можно выложить все поле, на котором она произошла»^[124]. Однако «почти все написанное восходит к трем первоисточникам: краткой Летописной повести, поэтической "Задонщине" и риторическому "Сказанию о Мамаевом побоище"»^[125].

Итак, Мамай идет на Русь с войском. Первые два традиционных вопроса — сколько у него войск и какова цель похода — больное место наших историков. Корифей и главный начальник нашей исторической науки Б.А. Рыбаков утверждал, что у Мамай более 300 тысяч человек^[126], М.Н. Тихомиров считает, что их было 100–150 тысяч, Р.Г. Скрынников, В.А. Кучкин ограничиваются 40–60 тысячами, минимальную цифру в 36 тысяч дает А.А. Кирпичников, и т. д.

На второй вопрос подавляющее большинство царско-советско-демократических историков отвечает однозначно. Мамай де хотел стать вторым Батыем, покарать великого князя московского Дмитрия Ивановича за многолетнюю невыплату дани, истребить русских князей и заменить их ханскими баскаками и т. д.

Спору нет, столь эффектная угроза Руси нравится обывателю,

разумеется, русскому, а не татарскому. Но откуда у Мамай силы на такое грандиозное мероприятие, на которое не решились ни Берке, ни Тохта, ни Узбек, не говоря уж о других ханах Золотой Орды? А ведь Мамай в 1380 г. контролировал в лучшем случае лишь половину Золотой Орды, остальным же владел его конкурент Тохтамыш. Причем Тохтамыш был Чингизидом и настоящим ханом, а темник Мамай — самозванцем, захватившим престол.

Нетрудно догадаться, что в такой ситуации Мамаю нужно было решить проблему Тохтамыша, а затем заниматься русскими делами. Да и великий князь Дмитрий Иванович не платил дань не потому, что он стал таким сильным, а из-за «замятии в Орде», когда попросту неясно было, кому платить, а кому нет. Победил бы Мамай Тохтамыша, и через несколько недель прибежал бы ханский улусник Митя Московский с огромной калитой, полной золотых и серебряных монет. Кстати, так и случилось сразу же после Куликовской битвы, только улусник Дмитрий стал платить Тохтамышу.

Увы, нравится кому или не нравится, а ходил Мамай на Русь за... «зипунами», то есть попросту подкормиться и приодеть свою орду, а на награбленные деньги нанять еще войско.

По непонятным причинам Мамай простоял около месяца в устье реки Воронеж и упустил момент внезапности. Дмитрий Иванович успел собрать не только свое войско, но и союзных князей — ростовских, ярославских, белозерских и стародубских. К нему прибыли со своими дружинами и литовские князья — сыновья Ольгерда Андрей и Дмитрий.

С.М. Соловьев утверждал, что «князь тверской прислал войско с племянником своим Иваном Всеволодовичем холмским»^[127]. На самом деле тверские полки не участвовали в Куликовской битве, а Иван Всеволодович, удельный князь холмский, хоть и был вассалом великого князя тверского, но имел какие-то личные отношения с Дмитрием Московским и в конце концов в 1397 г. женился на его дочери Анастасии.

Не прислал войско и Господин Великий Новгород. Много споров среди историков вызывает и позиция Олега Рязанского, который также не прислал свою рать Дмитрию.

Князь Дмитрий Иванович отправил сторожей (разведку) в степь наблюдать за Мамаем, а местом сбора войск определил Коломну, куда войска должны были подойти до 15 августа.

20 августа русское войско во главе с великим князем Дмитрием выступило из Коломны. Вскоре оно достигло устья Лопасни, то есть вышло к месту предполагаемого соединения Мамай, литовцев и рязанцев и перерезало главный Муравский шлях, которым татары обычно ходили на

Москву. Затем последовала переправа войска через Оку и его движение в глубь Рязанской земли.

После переправы через Оку Дмитрий получил весть о том, что Мамай все еще «в поле стояща и ждуща к себе Ягайла на помощь рати литовския». Русское командование тогда, вероятно, приняло решение идти навстречу Мамаю к верховьям Дона.

Впереди русского войска шла конница, а пехота сильно отставала. В статье Александра Быкова и Ольги Кузьминой «Олег Рязанский» приводится достаточно убедительное доказательство того, что Олег Рязанский пассивно оказывал помощь Дмитрию Ивановичу. Он еще в июле-августе мог перебить московских сторожей, ездивших через его княжество следить за Мамаем. После переправы через Оку русское войско шло частями, и Олег мог атаковать отдельные отряды, например, отставшую пехоту, которую вел Тимофей Васильевич Вельяминов.

Тем не менее С.М. Соловьев изволил написать: «Говорят, будто Олег и Ягайло рассуждали так: "Как скоро князь Димитрий услышит о нашествии Мамаи и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в дальние места или в Великий Новгород или на Двину, а мы сядем в Москве и во Владимире; и когда хан придет, то мы его встретим с большими дарами и упросим, чтоб возвратился домой, а сами, с его согласия, разделим Московское княжество на две части — одну к Вильне, а другую к Рязани, и возьмем на них ярлыки и для потомства нашего"»^[128].

При этом Соловьев так и не уточнил, кто это «говорит». Может, ему во сне явился сам Дмитрий Иванович и поведал сию тайну?

На самом же деле у наших историков не было и нет достоверных данных о походе и намерениях Ягайло. Литовский князь действительно шел к Дону, но не через находившуюся под его властью Северскую землю, а через владения союзников Дмитрия Ивановича — черниговских князей. Надо ли говорить, что если бы Ягайло шел с намерением атаковать Дмитрия Московского, то через враждебные территории литовское войско шло бы с боями.

Кстати, мы говорим «литовское войско», но оно более чем на 90 % состояло из православных русских бояр и ратников, а этнические литовцы не составляли в нем и 5 %. Приказы в «литовском войске» отдавались на русском языке. Да и сам Ягайло к 1380 г. был православным и носил православное имя Яков. Его отец, великий князь литовский Ольгерд, был двоеверцем, то есть формально он был православным (православное имя Александр), но когда умер в 1377 г., ему устроили пышные языческие похороны. Матерью Ягайло-Якова и второй женой Ольгерда была Мария,

дочь великого князя тверского Александра Михайловича. Замечу, что и бабка Ягайлова также была русской княжной Рюриковной.

После смерти Ольгерда Ягайло, согласно завещанию отца, стал великим князем литовским. Однако фактическая власть в княжестве принадлежала младшему брату Ольгерда Кейстуту. Между дядей и племянником началась борьба не на жизнь, а на смерть. В 1381 г. Кейстут захватил Вильно, а Ягайло стал его пленником. Риторический вопрос: нужно ли было Ягайло затевать войну еще и с Дмитрием Донским? Не исключено, что Ягайло просто хотел защитить свои земли от татар. И тогда, и позже татарские ханы часто шли на Русь, а потом сворачивали и нападали на Литву, и наоборот.

«Классик» Соловьев сделал хорошую и добросовестную выжимку о Куликовской битве вышеупомянутых источников. Поэтому я и приведу ее с небольшими сокращениями.

6 сентября 1380 г. Русские войска достигли Дона. «Тут приспела грамота от преподобного игумена Сергия, благословение от святого старца идти на татар; "чтоб еси, господине, таки пошел, а поможет ти бог и святая богородица", — писал Сергей. Устроили полки, начали думать; одни говорили: "Ступай, князь, за Дон", а другие: "Не ходи, потому что врагов много, не одни татары, но и литва и рязанцы". Дмитрий принял первое мнение и велел мостить мосты и искать броду; в ночь 7-го сентября начало переправляться войско за Дон; утром на другой день, 8 сентября, на солнечном восходе был густой туман, и когда в третьем часу просветлело, то русские полки строились уже за Доном, при устье Непрядвы. Часу в двенадцатом начали показываться татары; они спускались с холма на широкое поле Куликово; русские также сошли с холма, и сторожевые полки начали битву, какой еще никогда не бывало прежде на Руси: говорят, что кровь лилась, как вода, на пространстве десяти верст, лошади не могли ступать по трупам, ратники гибли под конскими копытами, задыхались от тесноты. Пешая русская рать уже лежала как скошенное сено, и татары начали одолевать. Но в засаде в лесу стояли еще свежие русские полки под начальством князя Владимира Андреевича и известного уже нам воеводы московского, Димитрия Михайловича Волынского-Боброка. Владимир, видя поражение русских, начал говорить Волынскому: "Долго ль нам здесь стоять, какая от нас польза? Смотри, уже все христианские полки мертвы лежат". Но Волынский отвечал, что еще нельзя выходить из засады, потому что ветер дует прямо в лицо русским. Но через несколько времени ветер переменился: "Теперь пора!" — сказал Волынский, и засадное ополчение бросилось на татар. Это появление свежих сил на стороне русских решило

участь битвы: Мамай, стоявший на холме с пятью знатнейшими князьями и смотревший оттуда на сражение, увидал, что победа склонилась на сторону русских, и обратился в бегство; русские гнали татар до реки Мечи и овладели всем их станом.

Возвратившись с погони, князь Владимир Андреевич стал на костях и велел трубить в трубы: все оставшиеся в живых ратники собрались на эти звуки, но не было великого князя Димитрия; Владимир стал расспрашивать: не видал ли кто его? Одни говорили, что видели его жестоко раненого, и потому должно искать его между трупами; другие, что видели, как он отбивался от четырех татар и бежал, но не знают, что после с ним случилось; один объявил, что видел, как великий князь раненый пешком возвращался с боя. Владимир Андреевич стал со слезами упрашивать, чтоб все искали великого князя, обещал богатые награды тому, кто найдет. Войско рассеялось по полю: нашли труп любимца Димитриева Михаила Андреевича Бренка, которого перед началом битвы великий князь поставил под свое черное знамя, велел надеть свои латы и шлем; остановились над трупом одного из князей белозерских, похожего на Димитрия, наконец, двое ратников, уклонившись в сторону, нашли великого князя, едва дышащего, под ветвями недавно срубленного дерева. Получивши весть, что Димитрий найден, Владимир Андреевич поскакал к нему и объявил о победе; Димитрий с трудом пришел в себя, с трудом распознал, кто с ним говорит и о чем: панцирь его был весь избит, но на теле не было ни одной смертельной раны»^[129].

В битве погибли князь Федор Романович Белозерский и его сын Иван, князь Федор Тарусский, брат его Мстислав, князь Дмитрий Монастырев, двенадцать бояр, а также много тысяч простых ратников.

Если говорить честно, то сейчас никто не знает, где конкретно произошла знаменитая Куликовская битва. Согласно «Полному географическому описанию нашего Отечества», изданному в 1902 г. под редакцией П.П. Семенова-Тянь-Шанского, «движение лесной стихии в степь происходило в нашей области от трех, так сказать, основных лесных масс: Брянской, Мещорской и Мордовской... Донское движение, дав ответвление к верховьям Оскола, сошлось здесь с лесной стихией из Посемья. Этим и объясняются уцелевшие здесь доныне большие площади почти сплошных лесов. Между этими потоками оставались или не захваченные совсем участки степи (Куликово и Рясское поля) или уже захваченные лесной стихией: это были мелкие участки "черни" с многочисленными "переполяннями" (южная половина Тульской и восточная половина Орловской губ.)... К югу поляны становились все

обширнее, превращаясь в целые "поля", как, например, Рясское, Куликово, а также обширная поляна, занимавшая весь бассейн Польного Воронежа (на которой останавливался Батый "на Орузе") и др., то есть участки луговой степи, тянувшиеся иногда на десятки верст.^[130]

Куликово поле располагается в северной части лесостепной зоны и представляет собой холмистую равнину со сглаженными и мягкими очертаниями. Границы Куликова поля определялись от верховьев рек Упы и Зуши до Дона: «Куликово поле, урочище, Тульской губернии, в Епифанском уезде, простирающееся от вершин рек Упы и Зуши к востоку даже до Дона и вмещающее в себя, кроме оных рек, множество других рек, вершины и все течение реки Непрявды, со впадающими в нее речками (Щекатов А. Словарь Географический Российского государства. Ч. 3, М., 1804).

«Книга Большому Чертежу» (первая половина XVII в.) приводит названия рек, берущих свое начало на Куликовом поле: «А вытекла речка Снежеть из Куликова поля... А речка Березуи вытекла из-под Волховские дороги, что лежит дорога с Орла... а от Волхова верст с 12. А ниже Березуя версты с 4 с правые стороны пала речка Иста в Оку, а вытекла из Куликова поля от Плавы... А река Упа вытекла ис Куликова поля по Муравскому шляху... а река Солова и река Плава вытекли с верху реки Мечи ис Куликова поля от Муравского шляху... А Упа река вытекла от Куликова поля и Волово озера от верху речки Непрявды, и реки Мечи, и реки Соловы, и Плавы».^[131]

Куликово поле представляло собой степную «поляну», протянувшуюся на 100 км по всему югу нынешней Тульской области с запада на восток (от верховья реки Снежедь до Дона) и на 20–25 км с севера на юг (от верховьев Упы до верховьев Зуши).

Любитель-турист спросит: а как же быть с памятником русским воинам, стоящим на Куликовом поле? Все очень просто.

Жил-был в начале XIX в. дворянин С.Д. Нечаев — директор училищ Тульской губернии, тульский помещик, масон, декабрист, член «Союза благоденствия», близкий знакомый К.Ф. Рылеева и А.А. Бестужева. Как и все декабристы, он проявлял большой интерес к борьбе русского народа против Орды.

В июне 1820 г. тульский губернатор В.Ф. Васильев поставил вопрос о сооружении памятника, «знаменующего то место, на котором освобождена и прославлена Россия в 1380 году».

Надо ли говорить, что место битвы нашлось на земле богатого

помещика С.Д. Нечаева?^[132] В 1821 г. в журнале «Вестник Европы» (ч. 118, № 14, с. 125–129) Нечаев писал: «Куликово поле, по преданиям историческим, заключалось между реками Непрядвою, Доном и Мечею. Северная его часть, прилегающая к слиянию двух первых, и поныне сохраняет между жителями древнее наименование». Далее Нечаев указывает на сохранившиеся «в сем краю» топонимы — село Куликовка, сельцо Куликово, овраг Куликовский и др. В этих местах, по словам Нечаева, «выпавают наиболее древних оружия, бердышей, мечей, копий, стрел, также медных и серебряных крестов и складней. Прежде соха земледельца отрывала и кости человеческие». Но «сильнейшим доказательством» (отметим это) своего мнения автор полагал «положение Зеленой дубравы, где скрывалась засада, решившая кровопролитную Куликовскую битву». По мнению Нечаева, остатки дубравы и теперь существуют в дачах села Рожествена, или Монастырщины, «лежащего на самом устье Непрядвы».

Авторы книги «Загадки древней Руси» камня на камне не оставили от аргументов Нечаева. Цитирую: «"Сильнейшее доказательство" Нечаева о местоположении "Зеленой дубравы" вообще не выдерживает никакой критики. С чего Нечаев взял, что "Зеленая дубрава" — имя собственное? Да, в памятниках Куликовского цикла упоминается "дубрава" или "зеленая дубрава", скрывавшая засадный полк князя Владимира Серпуховского, но и что? У нас в России летом все дубравы зеленые. Откуда следует, что "зеленая дубрава" — имя собственное?

Предметы, найденные Нечаевым на Куликовом поле (где именно? в каком месте?) и опубликованные им в "Вестнике Европы" в 1821 г., многократно воспроизводились и продолжают воспроизводиться в различных изданиях, посвященных Куликовской битве. Однако мы нигде не нашли никаких комментариев, интерпретирующих эти находки (кроме комментариев самого Нечаева, который все чохом датирует временем Куликовской битвы).

Мы обратились за помощью к известному археологу, члену-корреспонденту РАН, доктору исторических наук А.К. Станюковичу с просьбой прокомментировать находки Нечаева. Вот его интерпретация находок.

- 1 — стрелецкий бердыш, вторая половина XVI–XVII в.;
- 2 — наконечник татаро-монгольской стрелы ("срезень"), XIII–XIV в.,
- 3 — крест нательный, середина XVII в.;
- 4 — крест нательный, XIV–XVI в.,
- 5 — крест нательный ("вырожденный энколпион"), датированные

находки относятся к XV в,

6 — створка креста-энколпиона, конец XII — первая половина XIII в., южная Русь (Киев?);

7 — иконка-энколпий, XIV век, Новгород;

8 — нагрудный образок о изображении Святого Федора Стратилата. XII в.

Как видим, только два из восьми предметов можно с натяжкой считать относящимися ко времени Куликовской битвы. При этом новгородская иконка-энколпий вовсе не обязательно связана с событиями 1380 года — известно, что находящаяся на Куликовом поле деревня Пруды "тесно связана с селом Новгородским, бывшим когда-то собственностью Новгородских владык, и, в свою очередь, выселена из Новгородской земли". [Нечаев А.Л. Берега реки Непрядвы в их прошлом. "Тульский край", № 1–2 (8–9), февраль 1928 г., с. 47].

Что же касается утверждений Нечаева о каких-то массовых находках "старинных оружий" на облюбованном им месте Куликовской битвы, то этих находок никто, даже сам Нечаев, не видел, так что оставим это утверждение без комментариев»^[133].

Следует заметить, что при отражении набегов крымских татар в течение всего XVI в. в районе Куликова поля происходили десятки сражений и стычек русских и татар. Тем не менее на Куликовом поле (в его широком понимании) было найдено сравнительно немного оружия. Причем находки были почти равномерно распределены как территориально, так и хронологически — от XI до XVII в. (Не могут же чугунные ядра, свинцовые пули и даже кремневый пистолет относиться к 1380 г.!) Самое же удивительное, что на Куликовом поле, и в узком, и в широком смысле, не было найдено групповых захоронений воинов.

Очень странна и роль Дмитрия Московского в Куликовской битве. В «Сказании о Мамаевом побоище» главная роль в сражении отводится не Дмитрию, а его двоюродному брату Владимиру Андреевичу Серпуховскому. Хуже другое — согласно всем трем источникам, Дмитрий отказался управлять войсками.

Дмитрий Донской якобы еще перед сражением «съялече с себя приволоку царьскую» и возложил ее на любимого боярина Михаила Андреевича Бренка, которому передал также и своего коня. Великий князь также повелел свое красное («чермное») знамя «над ним [Бренком] возити»^[134].

Так себя не вел ни один русский князь. Наоборот, авторитет князя в IX–XV вв. на Руси был так велик, что часто ратники не хотели идти воевать без князя. Поэтому, если взрослого князя не было, в поход брали княжича. Так, трехлетнего князя Святослава Игоревича посадили на лошадь и велели метнуть маленькое копье. Копье упало у ног лошади, и это стало сигналом к началу битвы. Да что вспоминать X век, самого Митю в начале его княжения в 10–15 лет московские бояре неоднократно возили в походы.

Не было аналога поведению Дмитрия Донского и в Западной Европе. Ни один король, герцог или граф не переодевался простым ратником. По сему поводу профессор Казанского педагогического университета И.А. Гафаров писал: «С кем же князь менялся своим княжеским одеянием? Оказывается, им был боярин Михаил Андреевич Бренк, которого, как уверяют современники, он (Дмитрий Донской) любил, а между тем не пожалел подвергнуть опасности за себя самого, то есть просто послал на верную гибель. Дмитрий передел своего боярина великим князем с той целью, чтобы сохранить себя от преждевременной гибели и еще более от позорного плена, потому что татары, узнав великого князя по знамени и по приволоке (плащу), приложили бы все усилия, чтобы схватить его. Иного побуждения быть не могло (точно так же поступил и персонаж книги "Живые и мертвые" К. Симонова полковник Баранов, который, боясь попасть в плен, сжег свою гимнастерку, партбилет и переоделся в форму рядового бойца)»^[135].

И действительно, любой командир Красной армии, от лейтенанта до маршала, повторивший действия Дмитрия Донского, однозначно был бы расстрелян военным трибуналом или даже без суда и следствия.

Наконец, действия Дмитрия Донского технически сложны. «Легенда о переодевании Дмитрия Донского поражает своими несообразностями. Трудно поверить, чтобы князь мог отдать любимого коня кому бы то ни было. Боевой конь значил для воина слишком много, чтобы менять его за считанные минуты до сечи. Конь мог вынести седока с поля боя, либо погубить его. Великокняжеский доспех отличался особой прочностью и был отлично подогнан к его фигуре. Менять его также было бы делом безрассудным»^[136].

Полностью исключить возможность того, что Дмитрий Донской оказался под срубленным деревом, нельзя. Так, профессор З.З. Мифтахов пишет: «Когда великий князь Дмитрий Иванович, ставший с самого начала битвы простым воином, "увидел гибель своего левого крыла, то в ужасе бросился скакать прочь со своими ближайшими боярами". Далее случилось

непредвиденное. Дело в том, что великий князь и его сподвижники приблизились к лесу, где в засаде (поскыне) находился Засадный полк. Деревья, росшие на краю леса, "были подрублены для быстрого устройства завала в случае вражеского прорыва". Когда Дмитрий Иванович со своими ближайшими боярами стал въезжать в лес, "бывшие в засаде приняли его за татарина и свалили на него подрубленное дерево, но бек (князь) все же остался жив". После окончания боя его долго искали. Дмитрия Ивановича "нашли без сознания под срубленным деревом"»^[137].

Однако куда более вероятно то, что великий князь решил вообще не участвовать в бою, а отсидеться где-нибудь подальше, чтобы в случае неудачи иметь больше шансов уйти целым и невредимым. Кстати, через два года он так и поступит: бросит Москву и убежит на север при приближении Тохтамышевой рати.

Не следует забывать, что в тылу московского войска стояли рати Ягайло и Олега Рязанского. В случае победы татар они могли напасть на бегущих москвичей. Кстати, так, видимо, и случилось, на что обратили внимание в своей статье «Олег Рязанский» А. Быков и О. Кузими́на. «Никоновская летопись повествует о событиях после битвы так: "Поведаша же великому князю Дмитрею Ивановичю, что князь Олегъ Рязанский посылалъ Момаю на помощь свою силу, а самъ на реках мосты переметал, а хто поехал домов з Доновского побоища сквозь его вотчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, а тех велел имати и грабити и нагих пущати. Великий же князь Дмитрей Иванович хоте противу на князя Олга послати свою рать; и се внезапно приехала к нему бояре рязанский и поведаша, что князь Олегъ повергль свою землю Рязанскую, а самъ побежа, и со княгинею, и з детми, и з бояры, и молиша его много о семъ, дабы на них рати не послал, а сами ему биша челомъ в ряд, и оурядившеся оу него. Великий же князь Дмитрей Иванович послуша их, приммъ челобитие их, рати на них не посла, а на Рязанскомъ княжение посажав наместницы свои".

Далее в той же летописи по этому поводу говорится, что Олег "приде на рубеж Литовьский и ту став и рече бояром своим: "Аз хошу зде ждати вести, как князь велики пройдет мою землю и приидет в свою отчину, и яз тогда возвращуся восвояси"».

Итак, что же произошло? Почему Олег Иванович, не мешавший до этого войскам Дмитрия и всячески помогавший ему против Мамаю, нападает вдруг на московские обозы и отнимает полон у москвичей? Возможно, между Олегом и Дмитрием существовала какая-то договоренность о совместных действиях против Мамаю. И, выполнив со

своей стороны условия договоренности, князь Олег рассчитывал на часть военной добычи. А Дмитрий делиться не захотел — ведь непосредственно на Куликовом поле Олег не сражался. Отказав Олегу в его законных требованиях, Дмитрий Иванович спешно уезжает в Москву. Он стремится появиться в городе сразу следом за вестью о великой победе, до того как Москва узнает об огромных потерях. И поэтому брошены на произвол судьбы идущие с Куликова поля обозы. И брошен, как докучливый проситель, взывающий к справедливости, Олег.

А Олегу тоже надо было кормить своих дружинников и восстанавливать в очередной раз разоренное княжество.

И он приказал грабить идущие по его земле московские обозы и отнимать взятый на Куликовом поле полон...

Косвенно факт грабежа русской армии подтверждается и известиями немецких хроник конца XIV — начала XV в., в которых говорится, что литовцы нападали на русских и отнимали у них всю добычу. Учитывая, что для немецких хронистов не существовало четкого разделения Руси и Литвы, под именем «литовцы» они могли иметь в виду как войско Ягайлы, так и Олега Ивановича.

Вполне можно предположить, что Дмитрий Донской быстро прошел сквозь рязанские земли с отрядом конницы, а обозы начали грабить рязанцы и литовцы.

Обратим внимание — ни в одном из древних источников ничего не говорится о пленных татарах. Обходят этот вопрос и историки XIX–XX вв. Такая великая битва, и без пленных? Может, в пылу битвы русские перебили пленных? Но о таком явлении летописцы обязательно написали бы. Да и во всех войнах до и после 1380 г. обе стороны если и убивали простых воинов, то уж обязательно старались взять в плен князей и воевод. Во-первых, это почет — взять в плен знатного врага, а во-вторых, главное — деньги, ведь за него можно получить огромный выкуп. А тут никаких пленных! Могло быть только два варианта. Или татары на Куликовом поле не панически бежали с места боя, а отступали в относительном порядке, или пленные были отбиты рязанцами или литовцами, а позже отпущены за выкуп. Оба варианта не устраивали ни летописцев XIV–XV вв., ни историков XIX–XX вв., и они вопрос с пленными попросту опустили.

А кстати, с кем сражался Дмитрий Донской на Куликовом поле? Глупый вопрос, — возмутится читатель. — Конечно, с татарами. Это даже школьники знают. Увы, вопрос не глупый, а очень больной для наших историков, которые, в отличие от школьников, не знают точного ответа.

Русский летописец утверждал, что Мамай двинулся в поход «с всею

силою татарскою и половецкою, и еще к тому рати понаймовав бесермены, и армены и фрязи, черкасы и ясы и бутасы».

В.Л. Егоров комментирует это следующим образом: «Кто в этом списке понимается под бесерманами, трудно сказать, ибо в летописях этим термином обозначаются мусульмане вообще. Однако не исключено, что летописное указание может относиться к мусульманским отрядам, наемным в Азербайджане, связи которого с Золотой Ордой имели давний характер. Такой же отряд наемников был приглашен из Армении. В среде армянских феодалов, видимо, было довольно распространено наемничество, что подтверждает наличие у сельджуков наемного войска из армян.

Монгол с конем. Средневековый персидский рисунок

Под именем летописных фрязов обычно фигурируют отряды итальянских городов-колоний южного берега Крыма и Таны в устье Дона»^[138].

Эта фраза из летописи позволила вовсю разыгаться буйной фантазии наших историков и беллетристов. Из книги в книгу кочует «черная генуэзская пехота», идущая густой фалангой по Куликову полю. Увы, в 1380 г. генуэзские колонии в Причерноморье находились в состоянии войны с Мамаем. Теоретически на Куликовом поле могли оказаться венецианцы. Но тех в городе Тана-Азака (Азов) имелось всего несколько

сотен вместе с женами и детьми. Да и генуэзцы, если бы находились в союзе с Мамаем, с трудом смогли бы послать ему на помощь несколько десятков человек.

Поскольку Мамай, согласно официальной версии, царской и советской, был «редиской», то творческая интеллигенция разных наций начала отрешиваться от участия в Мамаевом побоище. Так, армяне заявили, что они де не воевали на Куликовом поле, поскольку в Армении не найдено документов о вербовке для Мамаея. И если, мол, какие-то отдельные личности армянской национальности и оказались на Дону, то они были «из состава армянской общины в Булгаре».

Да и русскоязычные историки пытаются украсть противника у Дмитрия Донского — так, Ю. Лощиц, автор 295-страничной книги о Дмитрии Донском, пишет: «Сражение 8 сентября 1380 года не было битвой народов. Это была битва сынов русского народа с тем космополитическим подневольным или наемным отребьем, которое не имело права выступать от имени ни одного из народов — соседей Руси»^[139]. Вот так, спасибо, хоть не приплел к Мамаю пришельцев из космоса!

Надо сказать, что такая формулировка очень нравится определенному кругу татарских историков. Мол, мы не татары, а болгары, сами от Золотой Орды много потеряли, и предков современного населения Татарстана на Куликовом поле не было. Я несколько упрощаю эту точку зрения, но вовсе не иронизирую, наоборот, многие аргументы ее мне кажутся весомыми.

Но среди современных татарских историков есть и иная точка зрения. Так, уже упоминавшийся профессор Мифтахов, ссылаясь на «Свод болгарских летописей», пишет, что казанский эмир Азан отправил к Мамаю князя (сардара) Сабана с пятью тысячами всадников. «Во время прощания с сардаром Сабаном эмир Азан сказал: "Пусть лучше погибнете вы, чем все государство". После этого болгарское войско направилось на соединение с войсками темника Мамаея. Их встреча произошла в конце августа 1380 г. "на развалинах старой крепости Хэлэк"»^[140].

По мнению Мифтахова, хан Мамай «велел установить свой красный шатер на холме, на котором находились развалины крепости Хэлэк»^[141]. Битва началась с поединка двух богатырей — русского монаха, бывшего боярина, Пересвета и татарского богатыря Челубея. Богатыри ударили друг друга копьями и оба погибли. Причем Мифтахов называет татарского богатыря Темир Бек и утверждает, что он был из болгарского (казанского) войска.

Далее Мифтахов, опять ссылаясь на болгарские летописи, пишет: «Со

стороны Мамая первыми в бой вступили болгары, а со стороны Дмитрия — Передовой полк. Они столкнулись в узком проходе между оврагами, и “тут завязалась жесткая и стремительно-быстрая сеча”. Место для конного боя было весьма неудобным, но, несмотря на это, болгарам понадобилось немногим более получаса, чтобы смять Передовой полк. Его остатки “смешались с Большим полком, стоявшим за ним”.

Очистив проход между оврагами, для движения войскам центра мамаевской армии, болгары под командованием князя Сабана “быстро расстроили стрельбой из кара джея (арбалета), а затем и растоптали 10 тысяч стоявших перед болотом русских пехотинцев” полка Лево́й руки. Бой “был очень жарким”. Лошадь под командиром отряда буртасов Гарафом была убита, “и он, уже пеший, взял у убитого кара джей (арбалет) и поразил стрелой”, как ему показалось, московского великого князя Дмитрия Ивановича. Уже потом выяснилось, что это был московский боярин Михаил Андреевич Бренко, одетый в плащ великого князя и стоявший “впереди войска, дабы того не убили”»^[142].

Позже большая часть болгарского отряда была уничтожена литовскими дружинниками князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. «Князь Сабан привел домой лишь треть своего пятитысячного отряда»^[143].

Как и в других местах, Мифтахов ссылается на болгарские летописи. Проверить их достоверность у автора возможности нет, поэтому мне остается лишь констатировать, что часть татарских историков утверждает, что да, мы были на Куликовом поле и лихо били русских, и если бы не «роковая ошибка Мамая», безграмотно управлявшего болгарским войском, и не лихие литовцы, то мы бы Митю гнали до самой Москвы.

В конце рассказа о Куликовской битве стоит заметить, что на современников она произвела несравненно меньшее впечатление, чем на потомков, воспитанных на трудах Карамзина и Соловьева. Так, к примеру, Псковская летопись под 1380 г. кратко упоминает сражение на Куликовом поле в длинном списке житейских событий за год: 6 ладей на Чудском озере потопло и т. д.

Глава 11

Реванш Тохтамыша

После сражения на Куликовом поле великий князь Дмитрий торжественно въехал в Москву, а хан Мамай бежал в низовья Дона. Между тем войско Тохтамыша заняло Сарай (Царево городище). Булгарский эмир Би-Омар также признал власть Тохтамыша.

Генеральное сражение между войсками Мамай и Тохтамыша произошло на Калке (реке Коломан — притоке Ворсклы). В ходе сражения ногайцы во главе с эмиром Бармаком перешли на сторону Тохтамыша. Мамай был разбит и бежал в Крым. Там он попросил убежища у генуэзцев города Кафы. Городские власти впустили его в город, но затем Мамай был убит, а его сокровища оказались в руках генуэзцев.

Весной и летом 1381 г. шли бои между московским и рязанским войсками. Однако достоверных данных о них до нас не дошло. Известно лишь, что 6 августа 1381 г. было подписано окончание великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем рязанским Олегом Ивановичем.

Олег Рязанский признал себя «младшим братом» Дмитрия Московского и братом князя Владимира Андреевича Серпуховского, то есть стал вассалом Москвы. Договор зафиксировал территориальное размежевание между Рязанью и Московским княжеством. Причем Рязань сохраняет за собой Аопасню и ряд других спорных городов на северном берегу Оки, между Окой и Цной.

В договоре говорилось и об инцидентах, произошедших после Куликовской битвы. «А что князь великий Дмитрий и брат, князь Володимер, билися на Дону с татары, от того веремени что грабеж или что поиманные у князя у великого людии у Дмитрия и у его брата, князя Володимера, тому межи нас суд вопчий, отдати то по исправе». В летописи не упоминается, о каких пленных идет речь: о московских ратниках, захваченных рязанцами, или о татарских, сменивших московский плен на рязанский. Я лично думаю, что речь идет о татарах. Зачем Олегу удерживать московских ратников, он вернул бы их так или за выкуп. А татары нужны ему для дипломатического торга или, как минимум, для большого выкупа.

Доподлинно же известно, что Олег Иванович все-таки ограбил людей

Дмитрия Ивановича, возвращавшихся домой после Куликовской битвы. Причем в договоре не предусматривается безусловного возвращения полона. Решение этого вопроса откладывается до общего суда. Судя по тому, что вопрос о пресловутом донском полоне ставился и в последующих dokonчальных грамотах наследников Дмитрия Ивановича и Олега Ивановича, Рязань так ничего Москве и не вернула.

Несколько слов следует сказать и о делах церковных. После возвращения с Куликова поля Дмитрий Иванович узнал о смерти Митяя в Константинополе и поставлении Пимена на Русскую митрополию. Великий князь был расстроен и в сердцах сказал: «Я не посылал Пимена в митрополиты, послал я его как слугу при Митяе; что сделалось с Митяем, я не знаю, один бог знает, один бог и судит, только Пимена я не приму и видеть его не хочу».

25 февраля 1381 г. Дмитрий Донской направил в Киев своего духовника, чтобы призвать Киприана на митрополию в Москву. 23 мая, в праздник Вознесения, столица торжественно встретила нового пастыря, тремя годами ранее выдворенного под конвоем боярина Никифора.

А митрополиту Пимену не дали даже доехать до Москвы. В июне 1381 г. он был схвачен в Коломне великокняжескими дружинниками. С Пимена силой сорвали митрополичье облачение и отправили в ссылку в Чухлому. Духовные лица из его свиты тоже были сосланы, а светские подверглись телесному наказанию, боярину же Юрию Кочевину отсекали голову.

Узнав о захвате власти в Орде ханом Тохтамышем, Дмитрий Донской отправил послов с большой данью. Никаких разговоров о том, что можно дань не платить, в Москве не велось. Таким образом, если бы Мамай победил Тохтамыша, то ему не нужно было бы идти на Куликово поле, Дмитрий Иванович сам бы привез дань на блюдечке с голубой каемочкой.

Но после Куликова поля Тохтамыш понял, что у русских произошел определенный психологический перелом. Исправить ситуацию мог только поход-реванш. Хан знал, что русские купцы, торговавшие с татарами, плавающими по Волге, часто являлись шпионами русских князей. Поэтому в 1382 г. Тохтамыш велел внезапно схватить всех русских купцов на Средней Волге, а товары их разграбить. Замечу: случай беспрецедентный, обычно золотоордынские ханы покровительствовали купцам, особенно на Волге.

Все же в Орде нашлись «доброхоты», предупредившие Дмитрия Донского о походе Тохтамыша на Русь. Таким образом, Дмитрий имел достаточно времени для сбора войска, тем не менее великий князь поехал

«собирать полки». Обратим внимание на его маршрут: Переяславль — Ростов — Кострома. По мнению одних историков, Дмитрий остановился в Костроме, другие же считают, что он двинулся на север, к Вологде.

Пардон, это не тактический маневр, это бегство. Если бы князь думал о сопротивлении татарам, он мог либо отсидеться в Москве, либо стать с войском в 30-100 верстах от Москвы, к примеру, в Можайске, Волоколамске, Дмитрове и др. Если бы Тохтамыш осадил Москву, Дмитрий мог бы не допустить движения отдельных татарских отрядов на запад и на север, а главное, угрожал бы осаждающим, в любой момент мог прийти на помощь Москве, например, при штурме ее татарами. Зачем собирать войско в Костроме или в Вологде? Да пока эти рати дойдут до Москвы, татары десять раз успеют уйти в степи. При этом в летописях нет сведений о том, что хоть кого-то там собрал великий князь.

Тут следует сделать маленькое отступление и сказать пару слов об укреплениях Москвы. Деревянный Кремль периодически выгорал, наиболее известны пожары 1331 г. и 1337 г. В ноябре 1339 г. Иван Калита приказал построить новый Кремль из огромных дубовых бревен, обмазанных снаружи глиной. Но новый Кремль простоял всего 26 лет. Летом 1365 г. оставленная дьячком горящая свечка в церкви Всех Святых, что на Чертолье (у современного храма Христа Спасителя), сожгла всю Москву в самом прямом смысле. Она сгорела вся, вместе с дубовым Кремлем, построенным Калитой, и княжеским дворцом.

В начале 1366 г. московские бояре постановили делать новый Кремль, но на сей раз из белого камня. Всю зиму доставляли белый камень из каменоломен подмосковного села Мячково. Весной около двух тысяч человек приступили к строительству, которое велось довольно долго и не закончилось даже через 15 лет. Площадь Кремля при этом значительно расширили в северо-восточном и восточном направлениях. Периметр стен крепости составлял 1979 м. Крепость имела восемь (девять?) башен, из которых пять построили на восточной стене. Каменными подъездными были Чешковы (Водяные), Боровицкие, Ризоположенские (Троицкие), Константино-Еленинские, Нижние (Тимофеевские), Фроловские (Спасские) и Никольские ворота. В них установили железные двери. Южный участок восточной стены и южная стена 1367 г. точно совпадают с современной кремлевской стеной, а западную стену поставили на 60 м впереди дубовых стен. Толщина стен достигала 3 м. Разрушить их без тяжелых бомбард было невозможно.

Тем не менее Дмитрий Иванович не пожелал сесть в осаду и бежал. В Москве началась паника. Не хочу фантазировать и процитирую «Повесть о

нашествии Тохтамыша», созданную на базе летописных сводов 1408 г.

«А в Москве было замешательство великое и сильное волнение. Были люди в смятении, подобно овцам, не имеющим пастуха, горожане пришли в волнение и неистовствовали, словно пьяные. Одни хотели остаться, затворившись в городе, а другие бежать помышляли. И вспыхнула между теми и другими распря великая: одни с пожитками в город устремлялись, а другие из города бежали, ограбленные. И созвали вече позвонили во все колокола. И решил вечем народ мятежный, люди недобрые и крамольники: хотящих выйти из города не только не пускали, но и грабили, не устыдившись ни самого митрополита, ни бояр лучших не устыдившись, ни глубоких старцев. И всем угрожали, встав на всех вратах градских, сверху камнями швыряли, а внизу на земле с рогатинами, и с сулицами, и с обнаженным оружием стояли, не давая выйти тем из города, и лишь насилу упрощенные, позже выпустили их, да и то ограбив»^[144].

Вся родня Дмитрия разбежалась, как тараканы. Я серьезно говорю: двоюродный брат Владимир Андреевич убежал в Волоколамск, его жена и мать — в Торжок, Евдокия, жена Донского, с детьми побежала за мужем в Кострому. Дало деру и духовное сословие — Герасим, владыка Коломенский, убежал аж в Новгород, а митрополит Киприан оказался в Твери, за что позже на него взъелся великий князь.

«Город же все так же охвачен был смятением и мятежом, подобно морю, волнующемуся в бурю великую, и ниоткуда утешения не получал, но еще больших и сильнейших бед ожидал. И вот, когда все так происходило, приехал в город некий князь литовский, по имени Остей, внук Ольгерда. И тот ободрил людей, и мятеж в городе усмирил, и затворился с ними в осажденном граде со множеством народа, с теми горожанами, которые остались, и с беженцами, собравшимися кто из волостей, кто из других городов и земель»^[145].

Между тем Тохтамыш перешел Оку, захватил Серпухов и сжег его. В «Повести...» утверждается, что «Олег [Рязанский. — А.Ш.] обвел царя вокруг своей земли и указал ему все броды на реке Оке»^[146].

Передовые татарские отряды подошли к Москве 23 августа 1382 г. Согласно «Повести...»: «И подойдя к городу в небольшом числе, начали, крича, выпрашивать, говоря: "Есть ли здесь князь Дмитрий?" Они же из города с заборол отвечали: "Нет". Тогда татары, отступив немного, поехали вокруг города, разглядывая и рассматривая подступы, и рвы, и ворота, и заборол, и стрельницы. И потом остановились, взирая на город.

А тем временем внутри города добрые люди молились богу день и

ночь, предаваясь посту и молитве, ожидая смерти, готовились с покаянием, с причастием и слезами. Некие же дурные люди начали ходить по дворам, вынося из погребов меды хозяйские и сосуды серебряные и стеклянные, дорогие, и напивались допьяна и, шатаясь, бахвалились, говоря: "Не страшимся прихода поганых татар, в таком крепком граде находясь, стены его каменные и ворота железные. Не смогут ведь они долго стоять под городом нашим, двойным страхом одержимые: из города — воинов, а извне — соединившихся князей наших нападения убоятся". И потом влезали на городские стены, бродили пьяные, насмехаясь над татарами, бесстыдным образом оскорбляли их, и слова разные выкрикивали, исполненные поношения и хулы, обращаясь к ним, — думая, что это и есть вся сила татарская. Татары же, стоя напротив стены, обнаженными саблями махали, как бы рубили, делая знаки издалека.

И в тот же день к вечеру те полки от города отошли, а наутро сам царь подступил к городу со всеми силами и со всеми полками своими. Горожане же, со стен городских увидев силы великие, немало уstraшились. И так татары подошли к городским стенам. Горожане же пустили в них по стреле, и они тоже стали стрелять, и летели стрелы их в город, словно дождь из бесчисленных туч, не давая взглянуть. И многие из стоявших на стене и на заборолах, уязвленные стрелами, падали, ибо больший урон приносили татарские стрелы, чем стрелы горожан, ведь были у татар стрелки очень искусные. Одни из них стоя стреляли, а другие были обучены стрелять на бегу, иные с коня на полном скаку, и вправо, и влево, а также вперед и назад быстро и без промаха стреляли. А некоторые из них, изготовив лестницы и приставляя их, влезали на стены. Горожане же воду в котлах кипятили, и лили кипяток на них, и тем сдерживали их. Отходили они и снова приступали. И так в течение трех дней бились между собой до изнеможения. Когда татары приступали к граду, вплотную подходя к стенам городским, тогда горожане, охраняющие город, сопротивлялись им, обороняясь: одни стреляли стрелами с заборол, другие камнями метали в них, иные же били по ним из тюфяков, а другие стреляли, натянув самострелы, и били из пороков. Были же такие, которые и из самих пушек стреляли. Среди горожан был некий москвич, суконник по имени Адам, с ворот Фроловских приметивший и облюбовавший одного татарина, знатного и известного, который был сыном некоего князя ордынского; натянул он самострел и, угадав момент, пустил стрелу, которой и пронзил его сердце жестокое, и скорую смерть ему принес. Это было большим горем для всех татар, так что даже сам царь тужил о случившемся. Так все было, и простоял царь под городом три дня, а на четвертый день обманул

князя Остея лживыми речами и лживыми словами о мире, и выманил его из города, и убил его перед городскими воротами, а ратям своим приказал окружить город со всех сторон.

Как же обманули Остея и всех горожан, находившихся в осаде? После того как простоял царь три дня, на четвертый, наутро, в полуденный час, по повелению царя приехали знатные татары, великие князья ордынские и вельможи его, с ними же и два князя суздальских, Василий и Семен, сыновья князя Дмитрия Суздальского. И подойдя к городу и приблизившись с осторожностью к городским стенам, обратились они к народу, бывшему в городе: «Царь вам, своим людям, хочет оказать милость, потому что неповинны вы и не заслужили смерти, ибо не на вас он войной пришел, но на Дмитрия, ратуя, ополчился. Вы же достойны помилования. Ничего иного от вас царь не требует, только выйдите к нему навстречу с почестями и дарами вместе со своим князем, так как хочет он увидеть город этот, и в него войти и в нем побывать, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему ворота городские отворите». Также и князья Нижнего Новгорода говорили: «Верьте нам, мы, ваши князья христианские, вам в том клянемся». Люди городские, поверив словам их, согласились и тем дали себя обмануть, ибо ослепило их зло татарское и помрачило разум их коварство бесерменское; позабыли и не вспомнили сказавшего: «Не всякому духу веруйте». И отворили ворота городские, и вышли со своим князем и с дарами многими к царю, также и архимандриты, игумены и попы с крестами, и за ними бояре и лучшие мужи, и потом народ и черные люди.

И тотчас начали татары сечь их всех подряд. Первым из них был убит князь Остей перед городом, а потом начали сечь попов, и игуменов, хотя и были они в ризах, и с крестами, и черных людей...

Потом татары, продолжая сечь людей, вступили в город, а иные по лестницам взобрались на стены, и никто не сопротивлялся им на зоборолах, ибо не было защитников на стенах, и не было ни избавляющих, ни спасающих. И была внутри города сеча великая и вне его также. И до тех пор секли, пока руки и плечи их не ослабли и не обессилели они, сабли их уже не рубили — лезвия их притупились. Люди христианские, находившиеся тогда в городе, метались по улицам туда и сюда, бегая толпами, вопя, и крича, и в грудь себя бия. Негде спасения обрести, и негде от смерти избавиться, и нигде от острия меча укрыться! Лишились всего и князь и воевода, и все войско их истребили, и оружия у них не осталось! Некоторые в церквах соборных каменных укрылись, но и там не спаслись, так как безбожные проломили двери церковные и людей мечами

иссекли»^[147].

После взятия Москвы Тохтамыш взял Переяславль и двинулся к Твери. Но великий князь тверской Михаил отправил к хану послов со «многими дарами». Тохтамыш принял дары и заключил какое-то соглашение с тверским князем, после чего «разослал войско свое татарское» по владениям Дмитрия Московского. Татарами были взяты и разграблены Владимир, Звенигород, Можайск, Переяславль, Юрьев, Боровск, Руза, Дмитров.

По версии «Повести...», князь Владимир Андреевич Серпуховской разбил какой-то малый татарский отряд вблизи Волока Ламского. Это дало повод московскому летописцу утверждать, что де Тохтамыш испугался и бежал. На самом деле тохтамышево войско спокойно собралось и, обремененное богатой добычей и многочисленным полоном, медленно направилось к Оке. По дороге взяли Коломну, принадлежавшую Москве.

На обратном пути татары основательно пограбили Рязанское княжество. «Царь же переправился через Оку, и захватил землю Рязанскую, и огнем пожег, и людей посека, а иные разбежались, и бесчисленное множество повел в Орду полоня. Князь же Олег Рязанский, то увидев, обратился в бегство»^[148].

Лишь тогда приехали Дмитрий Донской и Владимир Андреевич в Москву. «И повелели они тела мертвых хоронить, и давали за сорок мертвецов по полтине, а за восемьдесят по рублю. И сосчитали, что всего дано было на погребение мертвых триста рублей»^[149].

Все русские и советские историки при изложении событий 1382 г. брали за основу «Повесть о нашествии Тохтамыша», ну и прибавляли понемногу отсебятины.

А вот профессор З.З. Мифтахов, опираясь на болгарские летописи, изложил совсем другую историю. С некоторым упрощением, дело было так. Тохтамыш подошел к Москве, но затем отошел, а осаждать город отправил болгарский отряд под началом князя Буртаса, сына погибшего на Куликовом поле Сардара Гарафа. (Мифтахов пишет о трех тысячах болгар при трех пушках с пушечных дел мастером Раилем.)

Князь Остей видел уход основной татарской рати и решил пойти на вылазку, чтобы уничтожить болгар. Из двух московских ворот вылетела тысяча литовских всадников^[150] и четыре тысячи русских.

В ходе битвы князь Остей погиб, а литовцы и русские начали беспорядочный отход. В воротах началась давка. «Тем временем мастер "Раиль, подтащив пушки прямо ко рву, несколько раз выстрелил из них по

бегущим в Москву обезумевшим толпам и по башне над воротами" [Свод болгарских летописей. С. 220]. После непродолжительного боя Буртас захватил ворота». [\[151\]](#)

Бой за ворота шел с переменным успехом. И в этот момент к стенам Москвы подошли основные силы Тохтамыша. Татары ворвались в город и учинили резню.

Я предоставляю читателю самому выбрать наиболее достоверную версию событий 23–26 августа 1382 г. Думаю, большинство, по укоренившейся традиции, предпочтет версию «Повести...». Но я, грешный, более склонен верить болгарской летописи. Дело в том, что и русские, и литовцы прекрасно знали обычаи татар. От них часто удавалось откупиться, но при этом ворота городов им не открывали.

Как уже говорилось несколько раз, татары с одинаковым рвением грабили и союзников, и врагов, и разорение Рязанского княжества в сентябре 1382 г. — лишний тому пример.

Так что винить князя Остeya и московских ратников в трусости или в доверчивости, граничащей с идиотизмом, думаю, нет оснований. Трус никогда бы не поехал защищать Москву от орд Тохтамыша. Видимо, Остeya подвела его излишняя лихость.

В связи со взятием Москвы Тохтамышем стоит рассказать и об истории появления огнестрельного оружия на Руси.

В 1889 г., в царствование Александра III «Миротворца», в Санкт-Петербурге пышно отметили 500-летие русской артиллерии. В 1939 г., в годы «культа личности», отмечали 550-летие. А вот при дорогом Леониде Ильиче 600-летие было отмечено в 1982 г.

Но в этом разночтении тайны никакой нет. Просто 60-80-е гг. XIX в. — время революции в артиллерии. Новые орудия успевали устаревать через 5 лет, а то и раньше. Росли калибр и вес крепостных и корабельных пушек. А на Руси к любому делу всегда пытаются пристегнуть какой-либо юбилей. Причем чем хуже дела у правителя, тем больше он любит юбилей.

Итак, в 80-х гг. XIX в. заглянули в святцы, то есть в летописи. И нашли в Голицынской летописи следующую запись: «Лета 6879 (1389) вывезли из немец на Русь арматы и стрельбу огненную, и от того часу уразумели из них стреляти». Вот и повод для юбилея, а способ доставки пушек — «из немец» — не вызывал нареканий. С середины 50-х гг. XIX в. Россия почти ежегодно покупала у Круппа сотни орудий, да и сам царь Александр III, между нами, немного, эдак процентов на 99, был этнический немец.

В 1939 г., не мудрствуя лукаво, отметили 550-летний юбилей, лишь в книжках по артиллерии цитату из Голицынской летописи подвергли

цензуре и выкинули слова «из немец»^[152]. «Вывезли на Русь арматы», и всё! А спрашивать в те годы — откуда, кто и зачем — было не принято.

Л.И. Брежнев из идеологических соображений решил не связывать рождение нашей артиллерии с немцами. Да и приятно юбилей пораньше отметить, не забывая: юбилей — это очередное производство в чин, вручение орденов, медалей, премий и т. д. И вот нашли в летописях, а может, и в трудах С.М. Соловьева, фразу о стрельбе москвичей в 1382 г. по татарам из «самострелов, пороков и тюфяков». Термин «тюфяк» означает тип огнестрельного оружия, и рождение огнестрельной артиллерии перенесли на 7 лет назад — в 1382 г.

Действительно, слова «туфанг», «тюфенг» на арабском и тюркском языках означают небольшое артиллерийское орудие или ружье. Так что и вторая дата появления пушек на Руси была достаточно обоснована. Но если в 1389 г. было все ясно — пушки прибыли от немцев, то в 1382 г. вопрос остался открытым. Конечно, многим хотелось, чтобы Россия стала не только «родиной слонов», но и родиной пушек. Увы, увы... В летописях не нашлось даже ни одной двусмысленности, чтобы хоть как-то обосновать столь приятную версию.

Итак, попробуем начать дело о приобретении огнестрельного оружия гражданином Дмитрием Ивановичем Донским. Налицо три основные версии, каждая из которых может иметь несколько вариантов. Первая версия — немецкий след; вторая — литовско-смоленский, и третья — татарский.

В XIII и XIV вв. шли непрерывные войны между литовцами и рыцарями Тевтонского ордена. На борьбу с язычниками и схизматиками со всей Европы съезжались храбрые рыцари. Так, в 1336 г. только из германских княжеств прибыло свыше 200 рыцарей. Из Германии же было доставлено и огнестрельное оружие.

Разумеется, пушки были не только у рыцарей Тевтонского ордена, но и в ганзейских городах, которые вели оживленную торговлю с Новгородом и Псковом. Лично я уверен, что Новгород и Псков стали первыми русскими городами, принявшими на вооружение пушки. Увы, оригинальных документов на это счет не сохранилось, а скорее всего, и не было вообще. Шведский король неоднократно приказывал своим кораблям перехватывать ганзейские суда, которые возили оружие и железо в Новгород. Римские папы неоднократно призывали ганзейских купцов прекратить торговлю с Новгородом и Псковом «стратегическими материалами» и грозили заслушание всяческими небесными и земными карами. Поэтому ганзейцы возили оружие на Русь без лишней огласки. Нам лишь известно, что в

1478 г. стены Великого Новгорода защищали 55 пушек.

И вот в 1389 г. «из немец» привезли в Москву артиллерийские орудия. В тот же год «из немец» привезли пушки и в Тверь, которая была главным конкурентом Москвы в борьбе за обладание Северо-Восточной Русью. В течение нескольких последующих лет тверской «наряд» значительно увеличился как в количественном, так и в качественном отношении.

В декабре 1408 г. татарское войско Едигея подошло к Москве, и Едигей отправил к великому тверскому князю Ивану Михайловичу посла с распоряжением «быти у Москвы часа того съ всею ратью тверскою, и съ пушками, и с тюфяки, и съ самострелы и съ всеми съсуды градобитными...». [\[153\]](#)

Иван Михайлович сумел уклониться от похода на Москву. Тем не менее мы видим, что даже в Орде знали об огневой мощи тверского войска.

Как видно из процитированного отрывка Троицкой летописи, в 1408 г. на Руси наряду с тюфяком уже был и термин «пушка».

Первые пушки появились в Великом княжестве Литовском в конце 80-х гг. XIV в. Так, к примеру, литовский князь Витовт применял артиллерию в 1390 г. при взятии городов Витебск и Вильна. В сражении с татарами на реке Ворскле в августе 1399 г. Витовт впервые в Восточной Европе применил пушки в поле. В этой битве участвовали и смоленские полки, которые, видимо, также уже имели огнестрельное оружие.

Во всяком случае, в январе 1396 г. при въезде в Смоленск великого князя московского Василия I Дмитриевича в его честь около двух часов палили большие пушки («картаны»). Примерно в это же время смоленский князь Глеб Святославович учредил новый герб города Смоленска. На нем была изображена большая пушка, на которой сидела райская птица Гамаюн.

Так что вполне можно считать достаточно обоснованной версию ряда смоленских историков, что пушки в Москву попали в 1382 г. через Великое княжество Литовское, а конкретно — через Смоленск.

Вполне можно предположить, что князь Остей поехал защищать Москву не с пустыми руками, а взял с собой в Смоленске несколько легких пушек, которые в Москве именовались тюфяками.

А теперь обратимся к третьей — татарской — версии явления огнестрельного оружия на Руси. Весной 1376 г. великий князь московский Дмитрий Иванович послал воеводу Дмитрия Волынского в поход на болгар. Московское войско подступило под Казань, и татары (болгары) стреляли со стен города из луков и самострелов, и, как записал русский летописец, «з города гром пушаху страшаще русские полки». В конце концов дело

кончилось миром — московский воевода ушел, получив 5 тысяч рублей отступного.

Ряд русских и татарских историков утверждают, что это было первое применение огнестрельного оружия в русско-татарских войнах.^[154]

Профессор З.З. Мифтахов пишет, что в составе 5-тысячного болгарского отряда Сардары Сабана, союзника хана Мамаю, было два туфанга (пушки) и пушечный мастер по имени Ас, сын знаменитого мастера-пушкаря Тауфика.^[155]

В ходе Куликовской битвы татарские пушки (туфанги) были установлены у подножия холма, на котором стоял шатер хана Мамаю. Как писал Мифтахов: «У подножия холма были брошены две пушки, привезенные булгарами. Из этих пушек так и не выстрелили ни разу. Мастер-пушкарь Ас попал в плен. Его хотели убить, но воевода Дмитрий Боброк не позволил. Он увез Аса и его пушки в Москву. Именно Ас научил русских делать пушки, которые они вначале называли (по-болгарски) - "туфангами"»^[156].

Великий князь Дмитрий очень «дорожил мастером». «Дело в том, что болгарский пушечный мастер наладил в Москве изготовление пушек. Поскольку "русские не могли получить пригодный металл", то "Ас принужден был в большинстве случаев делать русским пушки из дерева" [Свод болгарских летописей, Оренбург, 1993, Т. 1. С. 220]. Эти пушки были взяты ханом и князем Буртасом [в 1382 г. — А.Ш.] в качестве военной добычи: Буртасу достались четыре, а остальные — Тохтамышу. Когда в 1395 г. Тамерлан разбил Тохтамыша, пушки, взятые ханом в Москве, достались ему. Раиль искал отца в Москве, но не нашел»^[157].

Итак, мы имеем три достаточно аргументированные версии — немецкую, литовскую и татарскую. Но они, на мой взгляд, не исключают друг друга. Действительно, москвичи могли захватить несколько пушек на Куликовом поле, а в 1382 г. несколько пушек могли прибыть в Москву с князем Остеем, и, наконец, уже большая партия огнестрельного оружия поступила в 1389 г. «из немец» в Москву и Тверь.

Но вернемся в кровавую осень 1382 г. Разгромом Москвы попыталась воспользоваться Тверь. Как мы знаем, Тохтамыш взял Москву 26 августа, а уже 5 сентября Михаил Александрович Тверской со старшим сыном Александром отправился в Орду окольным путем. Тверичи равно боялись как отдельных татарских отрядов, занимавшихся грабежом, так и москвичей.

Осенью того же года в Орду отправился и князь Борис

Константинович Городецкий, женатый на племяннице Михаила Тверского.

Поздней осенью 1382 г. в Москву от Тохтамыша прибыл посол Карач Мурза Оглан.^[158] Хан потребовал приезда в ставку Дмитрия Донского, ну и, само собой разумеется, денег.

Ехать в Орду Дмитрий испугался. Неровен час, велит его казнить Тохтамыш, как в свое время казнили тверских князей. А то и просто прибудут родственники мурз, убитых на Куликовом поле. Поэтому посольство в Орду возглавил старший сын Дмитрия, одиннадцатилетний княжич Василий. С разоренных московских и владимирских земель великокняжеские дружины выколачивали последние гроши. Всего набрали 8 тысяч рублей серебром. С ними весной 1383 г. и отправился в Орду княжич Василий.

И тут фортуна в очередной раз улыбнулась московским князьям. Тохтамыш в 1383 г. строил далеко идущие планы в отношении Великого княжества Литовского, кроме того, его беспокоило усиление на юго-востоке хана Тимура (Тамерлана). В такой ситуации лишний раз ссориться с Москвой было невыгодно, да и 8 тысяч рублей — не пустяк.

В итоге ярлык на Великое княжество Владимирское получил не Михаил Александрович Тверской, а Дмитрий Донской. Но, чтобы не обидеть тверского князя, Тохтамыш дал ему ярлык на Кашинское княжество.

Забегая несколько вперед, скажу, что в 1399 г. Москва и Тверь заключили новый мирный договор, по которому тверской князь наследует престол «братом» московского князя, а не «младшим братом», как в договоре 1375 г. Замечу, что отсутствие прилагательного «молодой» в новом договоре — не пустая формальность, а означает, что оба князя получили равный статус.

Итак, в 1383 г. Тохтамыш выдал Дмитрию Московскому ярлык на Великое княжество Владимирское, Михаилу Тверскому — ярлык на Кашин, но оба их сына — Василий и Александр (позже получивший прозвище Ордынец) — остались заложниками в Орде. Заодно в заложники был взят и второй сын Олега Рязанского Родислав. Лишь в 1385 г. Василию удалось бежать, а Родислав бежал в 1387 г.

Итак, после Куликовской битвы политическое значение Москвы и самого Дмитрия Донского на Руси, вопреки мнению подавляющего большинства наших историков, не только не возросло, но и значительно снизилось со времен Ивана Калиты.

25 марта 1385 г. Олег Рязанский отбил у Москвы Коломну — старую вотчину рязанских князей. Дмитрий Донской собрал большое войско, но

сам его не возглавил, а отправил двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского. И, замечу, правильно сделал. Под селом Перевичным Олег наголову разгромил московскую рать. Состоявший на московской службе князь Михаил, сын Андрея Ольгердовича Полоцкого, был убит, а Владимиру Серпуховскому удалось бежать.

Узнав о поражении своих войск, Дмитрий Донской поступил по давней фамильной традиции: наcostыляли московским воеводам — надо к противнику отправить замполита. Но главный замполит Киприан ехать отказался, пришлось послать политрука чином пониже — игумена Сергия Радонежского.

Осенью Сергей заявился в Рязань. «Тое же осени в Фи-липова говенье игумен Сергей сам ездил на Рязань ко князю Ольгу о мире: прежде бо того мнози ездisha к нему, и никто же возможе утолита его. Преподобный же старец кроткими словесы и благоуветливыми глаголы много беседовав с ним о мире и любви: князь же Олег преложи свирепство свое на кротость, и умилился душею, и устыдеса толь свята мужа, и взя со князем Великим мир вечный», — писал промосковски настроенный летописец.

На самом же деле был достигнут компромисс: Олег получил большую часть спорных земель. Кроме того, была достигнута договоренность о браке сына Олега Федора с дочерью Дмитрия Донского Софьей. Свадьбу сыграли осенью 1386 г.

Глава12

Как московские князья спасли «иго» от злодеев-ушкуйников

С начала 60-х гг. XIV в. в русских деревнях и посадах стали появляться седые изможденные люди. В них народ узнавал своих соседей, угнанных татарами, давно оплаканных родными и отпетых попами. Дивные вещи говорили полоняники. Мол, наехали на татар славные витязи, у рабов православных колодки посбивали, а басурман всех в расход вывели.

Кто смеялся над этими сказками, а кто толковал про воинство Михаила-архангела — ведь, кроме него, с татарами сладить не мог никто.

Но то тут, то там стали появляться и «робятки молодые», ушедшие на промысел несколько лет назад с ватагой новгородцев. Приезжали они на добрых конях, в персидской броне, с тугими кошельками, набитыми дирхемами. Привозили и девок восточных размалеванных, с нежными пальцами, не привыкшими к труду крестьянскому. Мужики смотрели, выпучив глаза, а бабы ругали на чем свет стоит блудниц басурманских.

«Откуда все это добро? — вопрошали добрых молодцев. — Может, много меха в краях полуночных добыли?» «Да нет, — смеялись молодцы, — мы татар бьем». «Как на татар руку поднять, то ж батог Божий!» «Да брось, дядя, то дело нехитрое. Кто белку бьет, кто — соболя, а мы, ушкуйники, татар бьем. Ну, пойми ж, бестолочь, промысел у нас такой!»

И действительно, лихие ватаги ушкуйников стали постоянно громить Орду в виде промысла.

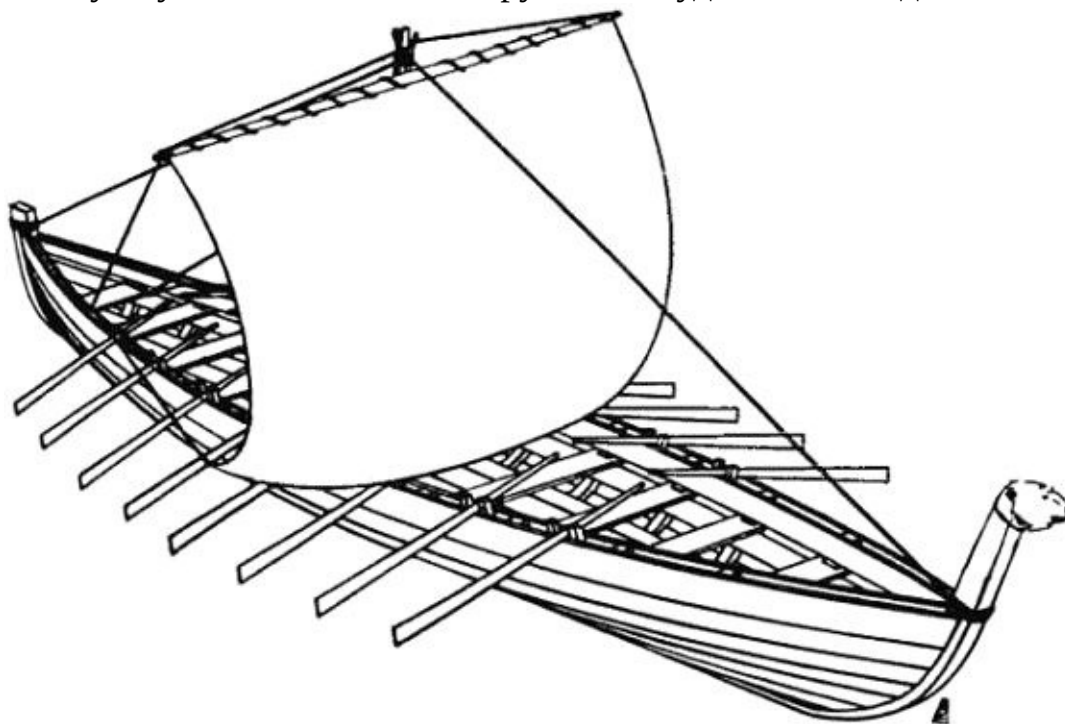
Что же это за грозная сила — ушкуйники? Может, народ какой? Да просто мужики новгородские, люди вольные. Слава о новгородской вольнице давно шла по Руси. Былинный герой Василий Буслаев был популярен не меньше богатыря Ильи Муромца.

Как писал академик Б.А. Рыбаков: «Былинный жанр на новгородском Севере стал жить новой жизнью. Из собственных новгородских дел, достойных былинного воспевания, народ отобрал знаменитые походы новгородских ушкуйников. По историческим документам наиболее известны ушкуйные походы 1360–1370 гг., когда новгородские удалыцы с

боями проходили по всей Волге и доходили самого Сарая, столицы Золотой Орды. Эти походы и отразились в былинах о Ваське Буслаеве, озорном предводителе новгородской вольницы, не верившем "ни в сон, ни в чох" и пренебрегавшем как реальной опасностью, так и суеверными предсказаниями...

...Вторая былина о поездке атамана Василия Буслаева "на богомолье" отражает волжские походы ушкуйников: новгородцы плывут к Каспийскому морю и высаживаются на острове у высокой горы "Сарочинской" (Сары-Тинской — "Цирицынской"), распугивая "заставу корабельную". В одной из поездок Василий Буслаев погибает на "Сарочинской" горе. Возможно, здесь отразились известные нам события 1375 г., когда новгородцы, пройдя на своих ушкуях по всей Волге и по Нижней Каме, побывав и у Сарая, "избиени быша без милости" близ Каспийского моря на островах волжской дельты»^[159].

В 1453 г. московский князь Иван Васильевич путешествовал на ушкуях по Волге от Вязовых гор до Нижнего Новгорода. Последнее упоминание об ушкуях содержится в Псковской летописи под 1473 г. В летописях ушкуи считались более крупными судами, чем ладьи.

Речной ушкуй (реконструкция А. Широкограда и А. Лютова)

Обычно ушкуи строились из сосны. Киль ушкуя вытесывался из одного ствола и представлял собой брус, поверх которого накладывалась

широкая доска, которая служила основанием для поясов наружной обшивки. Она скреплялась с килем деревянными нагелями, концы которых расклинивались. Штевни были прямыми и устанавливались вертикально или с небольшим уклоном наружу, причем форштевень был выше ахтерштевня. Штевни соединялись с килем клинцами, вырезанными из ствола дерева с отходящей под углом толстой ветвью. С наружной обшивкой и первыми шпангоутами штевни соединялись горизонтальными клинцами, причем верхняя клинца одновременно служила опорой для палубного настила, а нижняя размещалась на уровне ватерлинии или чуть выше. Шпангоуты состояли из двух-трех «штук» (деталей) — толстых веток естественной погибы, стесанных по поверхности прилегания к обшивке, со слегка снятой кромкой на противоположной стороне. В средней части судна шпангоуты состояли из трех частей, а в оконечностях — из двух.

Морские ушкуи имели плоскую палубу на носу и корме. Средняя часть судна (около трети длины) оставалась открытой. Грузоподъемность ушкуя составляла 4–4,5 тонны. Речной ушкуй не имел палубы. На внутреннюю обшивку ушкуя опирались 6 или 8 банок для гребцов. Благодаря малой осадке (около 0,5 м) и большого соотношения длины и ширины (5:1), ушкуй обладал сравнительно большой скоростью. Как морские, так и речные ушкуи несли единственную съемную мачту в центральной части судна. На мачте был один косой или прямой парус. Навесных рулей ушкуи не имели, их заменяли кормовые рулевые весла.

Ушкуи использовались как военные и торговые суда. Но в историю они вошли как военные корабли новгородской вольницы-ушкуйников.

Походы ушкуйников начались где-то в конце XIII в. Первый же их большой поход датируется 1320 г. во время войны Господина Великого Новгорода со шведами. Дружина Луки Варфоломеевича на морских ушкуях прошла Северной Двиной, вышла в Белое море, а затем в Северный Ледовитый океан и razорила область Финмарнен, расположенную от южного берега Варангер-Фьорда до района г. Тромсе.

В 1323 г. ушкуйники, пройдя тот же путь, напали на соседнюю с Финмарненом северо-норвежскую область Халогаланд. Походы ушкуйников внесли свою лепту в войну, и в 1323 г. шведы заключили с Новгородом компромиссный Ореховецкий мир.

В 1348 г. шведы вновь напали на Новгородскую республику. В ответ в 1349 г. последовал морской поход ушкуйников на провинцию Халогаланд, в ходе которого был взят сильно укрепленный замок Бьаркей.

Поход короля Магнуса стал последним из «крестовых походов»

шведских рыцарей на земли Великого Новгорода. Затем свыше 100 лет на Севере Руси не было серьезных военных действий. Ушкуйники же обратили свои взоры на юго-восток, на Золотую Орду.

Можно ли представить, что добрые молодцы-ушкуйники повезли бы свою добычу в виде дани в Орду, наперегонки поползли бы к ханскому трону с доносами друг на друга, как это делали те же нижегородские, московские, рязанские и другие князья?

В жилах новгородцев текла кровь русских и варягов, которым при Игоре и Олеге платил дань византийский император, а при Святославе покорились вся Волга и Каспий. И ушкуйники решили впредь не мелочиться с нищими норвежцами, а заставить платить дань... Золотую Орду. Логика проста — раз Орда такая большая — от Днепра до Енисея, да еще и Золотой зовется, значит, у них должны быть деньги, и, видимо, немалые.

Первый крупный поход на татар ушкуйники предприняли в 1360 г. С боями прошли по Волге до Камского устья, а затем взяли штурмом большой татарский город Жукотин (Джукетау, близ современного города Чистополя). Захватив несметные богатства, ушкуйники вернулись назад и начали «пропивать зипуны» в городе Костроме. Но хан Золотой Орды Хидырбек отправил послов к русским князьям с требованием выдачи ушкуйников. Перетрусившие князья (суздальский, нижегородский и ростовский) тайно подошли к Костроме и с помощью части ее жителей захватили ничего не подозревавших ушкуйников. Князья поспешили выдать ушкуйников на расправу хану. Затмил страх перед татарами князьям не только совесть, но и разум. Ведь такие вещи ушкуйники не спускают. Взяли они и сожгли Нижний Новгород, а Кострому — так стали грабить почти каждый раз, как проплывали мимо.

Но эти, так сказать, карательные меры не отвлекали ушкуйников от основной задачи — борьбы с Ордой.

Наши дореволюционные историки упоминали об ушкуйниках нехотя и фрагментарно. Наибольшую информацию о них дает Сергей Соловьев в своей почти тридцатитомной истории. Но и он даже не пытается выяснить, как новгородские ушкуйники попадали на Волгу. Видимо, Соловьев считал, что ушкуйники шли традиционным путем новгородских купцов через реку Мету, затем волок до реки Тверцы, а там — мимо Торжка и Твери. Бесспорно, это самый легкий и короткий путь из Господина Великого Новгорода на Волгу.

Но ходить под окнами терема великого князя тверского ушкуйники не собирались. Поэтому они предпочитали обходной путь через реку Сухону.

Поход обычно начинался в районе Великого Устюга или даже в самом городе. Оттуда ушкуйники поднимались вверх по реке Сухоне, а затем по ее правому притоку реке Леже. Между реками Лежей и Монзой был древний волок длиной около 12 км. Монза впадает в реку Кострому, ну а по Костроме ушкуйники спускались до Волги.

Замечу, что с Сухоны был еще один путь — через реку Шексну, впадающую в Волгу в районе современного Рыбинска. Но путь этот был существенно длиннее, чем через Лежу и Кострому (691 верста против 325) и проходил через Ярославль, что создавало определенные проблемы. Теоретически ушкуйники могли ходить и через Шексну, но такими данными автор не располагает.

В 1363 г. ушкуйники во главе с воеводами Александром Абакуновичем и Степаном Ляпой вышли к реке Оби. Здесь их рать разделилась — одна часть пошла воевать вниз по Оби до самого Ледовитого океана (Студеного моря), а другая пошла гулять по верховьям Оби на стыке границ Золотой Орды, Чагатайского Улуса и Китая. По масштабам их путешествия не уступят и Афанасию Никитину.

Вернувшись с добычей, ушкуйники не уgomонились. В 1366 г. они с тем же воеводой Александром Абакуновичем уже оперируют на среднем течении Волги. Опять летит ханская жалоба московскому князю. Димитрий шлет грозную грамоту в Новгород. А новгородские бояре хитры, отвечают, как ведется на Руси, отпиской: «Ходили люди молодые на Волгу без нашего слова, но гостей (купцов) твоих не грабили, били только басурман». По мнению новгородцев, бить басурман было дело житейское, а насчет своей непричастности бояре слукавили. Действительно, основную массу ушкуйников составляла новгородская голытьба и пришельцы с низу (Смоленск, Ярославль, Тверь), но в большинстве случаев ими руководили опытные новгородские воеводы Осип Варфоломеевич, Василий Федорович, тот же Абакунович и др. Оружием и деньгами ушкуйников снабжали богатые новгородские купцы, причем не безвозмездно — вернувшись, ушкуйники щедро делились добычей.

Надо отметить, что ушкуйники имели первоклассное вооружение, и не стоит их представлять толпой крестьян в зипунах с топорами да рогатинами. Это были профессиональные бойцы, умело действовавшие как в пешем, так и в конном строю. Ушкуйники имели панцири, чаще всего кольчуги или байраны (боданы)^[160], были и композитные панцири (бахтерцы), в которых в кольчужное плетение вплетались стальные пластины. Кстати, ушкуйникам противостояли не воины Чингисхана, не имевшие панцирей, а отборные ханские отряды в тяжелом защитном

вооружении. Ушкуйники имели также и традиционный набор наступательного вооружения — копья, мечи, сабли; причем саблям отдавали предпочтение. Из метательного оружия были луки и арбалеты, как носимые, так и стационарные (корабельные), стрелявшие тяжелыми стальными стрелами — болтами.

С 1360 по 1375 г. ушкуйники совершили восемь больших походов на Среднюю Волгу, не считая малых налетов.

В 1374 г. ушкуйники в третий раз взяли город Булгар (недалеко от Казани), затем пошли вниз и взяли сам Сарай — столицу Золотой Орды.

В 1375 г. новгородцы на семидесяти ушкуях под началом воевод Прокопа и Смолянина явились под Костромой. Московский воевода Александр Плещеев с пятью тысячами рати вышел навстречу им. У Прокопа было всего полторы тысячи ушкуйников, но он их разделил на две части: с одной вступил в бой с московской ратью, а другую отправил тайно в лес в засаду. Удар этой засады в тыл Плещееву решил дело. Москвичи разбежались, а ушкуйники в очередной раз взяли Кострому. Отдохнув пару недель в Костроме, ушкуйники двинулись вниз по Волге. Уже по традиции они нанесли «визит» в города Болгар и Сарай-Берке. Причем правители Болгара, наученные горьким опытом, откупились большой данью, зато ханская столица Сарай-Берке была взята штурмом и разграблена.

Паника охватывала татар при одной вести о приближении ушкуйников. Отсутствие серьезного сопротивления и сказочная добыча вскружили головы ушкуйникам. Они двинулись еще дальше к Каспию. Согласно Новгородской летописи, когда ушкуйники подошли к устью Волги, их встретил хан Салчей (внук хана Джанибека и сын Амата), правивший Хазтороканью (Хаджи-Тарханом), и немедленно заплатил дань, затребованную Прокопом. Там же, в Хазторокани, ушкуйники продали в рабство пленников, взятых в Сарае. В честь ушкуйников хан устроил грандиозный пир. Захмелевшие ушкуйники совсем потеряли бдительность, и в разгар пира на них бросилась толпа вооруженных татар. Так погибли Прокоп, Смолянин и их дружина, лишь немногие удалыцы вернулись на Русь. Но подробности этой трагедии скорее подчеркивают силу ушкуйников, чем их слабость. Татары даже не попытались одолеть их в открытом бою, Хазторокань была не первым, а очередным городом, где ханы с поклоном предлагали дань, чтобы их только оставили в покое.

Существует и другая версия гибели Прокопа, основанная на «Сказании о холопьем войне», включенном в хронограф московского историка и литератора Тимофея Каменевича-Рвовского, жившего в XVII в.^[161] Сам Прокоп в «Сказании...» не упомянут, но поход «холопий» вниз по Волге и

нападение на «царство Тьмотороканское» могут быть отождествлены лишь с походом на Астрахань. Согласно «Сказанию...», ушкуйники ночью напали на тьмутараканьского царя и захватили его город. Самому царю удалось бежать в степь. В захваченном городе новгородцы четыре дня «воевали с Бахусом», а тем временем царь собрал войско и внезапно захватил город. Победа над новгородцами была ознаменована переименованием «царства»: «вместо Тьмоторокани» оно стало называться по имени этого «царя» Аз-Таракана «Азь-Тараканское».

По мнению автора, последняя версия более похожа на тактику ушкуйников. Другой вопрос, что есть небольшая вероятность того, что в «Сказании...» речь шла о другом, нам не известном, походе ушкуйников на Астрахань.

В любом случае, гибель войска Прокопа было самым большим поражением ушкуйников в XIV в.

Так как же, скажет читатель, символ веры наших историков — «Куликовская битва переломила хребет Золотой Орде» — неверен? Что ж, выходит, ушкуйники перебили хребет Орде? Увы, реальная история не терпит никаких догм. За два десятилетия ушкуйники убили куда больше татар, чем войско Дмитрия на Куликовом поле. Но в условиях полигамии в Орде за 1380 г. родилось на два порядка больше мальчиков, чем было убито в боях с русскими с 1360 по 1380 г. Так что ни Дмитрий, ни Прокоп физически не могли сломить хребет Золотой Орде.

Другой вопрос об огромной моральной победе русского народа. Переломили наши молодцы о колено страшный «бато́г божий». Не Русь, а Орда Руси стала платить дань.

Были ли ушкуйники вместе с князем Дмитрием на реке Непрядве в 1380 г.? Естественно, нет, — не любила вольница московских князей. Но зато каждый ратник в московском войске знал, что идет он не на непобедимую Батыеву или Дюденеву рать, а на войско, не сумевшее дважды за десять лет защитить свою столицу.

Отношение московских князей к ушкуйникам разоблачает миф официальных историков о том, что де Иван Калита и его потомки действовали в интересах всей Русской земли и мечтали освободить ее от татарского «ига». В этом случае они должны были помогать ушкуйникам хотя бы тайно. Ну а заставит хан бороться с ушкуйниками, так погонялись бы за ними для виду московские воеводы, они и всерьез гонялись, да проку не было. А ведь при надлежащей поддержке ушкуйники могли бы если и не совсем разорить Орду, то, во всяком случае, создать ей такие проблемы, что золотоордынским ханам стало бы совсем не до Руси.

Но полное разорение Орды в XIV в. стало бы страшным бедствием для... Москвы. Еще ни один историк не попытался хотя бы приблизительно посчитать, сколько фирма «Калита и К°» содрала в виде дани с Руси, сколько выплатила в Орду и сколько прилипло к рукам жадных московских князей. В любом случае, суммы огромные. Зачем ломать батог, возвышающий Москву? Я уж не говорю о том, что успехи ушкуйников усиливали Господин Великий Новгород, на который постоянно, начиная с Ивана Даниловича, покушались московские князья.

Москва не столько по окрику из Орды, сколько по своей инициативе начала борьбу не на жизнь, а на смерть с ушкуйниками. Причем сладить с дружинами ушкуйников московским воеводам было не под силу, и они действовали в стиле современных рэкетиров. Устроят ушкуйники погром в Орде, а москвичи схватят во Владимирской Руси какого-нибудь новгородского боярина или богатого купца и требуют выкуп, а то и пойдут в новгородские земли грабить мирных жителей.

Вот, к примеру, в 1386 г. Дмитрий Донской решил наказать Новгород за очередные походы ушкуйников на Волгу и Каму, а заодно пополнить свою казну, и пошел на Новгород войной. Большая рать подошла к Новгороду и стала грабить окрестности, «много было убытку новгородцам и монашескому чину, — говорит летописец, — кроме того, великокняжеские ратники много волостей повоевали, у купцов много товару пограбили, много мужчин, женщин и детей отослали в Москву». Дело кончилось тем, что новгородцы выплатили Дмитрию 8 тысяч рублей, только чтобы он оставил их в покое.

Естественно, что такие бандитские меры резко уменьшали, по крайней мере на время, активность ушкуйников.

Новгород погубила близорукость его бояр и богатых купцов — лучше откупиться, пронесло сегодня, и ладно. Не поняли они простой истины, что если волк узнал дорогу в овчарню, то он не успокоится, пока не перетаскает всех ягнят. Чем платить очередные 8 тысяч Дмитрию, не проще ли было нанять германских или французских ландскнехтов, от одной вести о приближении которых Дмитрий поехал бы по делам не в Кострому, как при Тохтамыше, а драпанул бы до Сарая, а то и до Астрахани. Причем 8 тысяч рублей — это был бы аванс ландскнехтам, а остальное они вместе с ушкуйниками получили бы в Москве. Но история, как говорится, не терпит сослагательного наклонения.

Тем не менее, несмотря на шантаж московских князей, ушкуйники продолжали свои походы. В 1392 г. они опять взяли Жукотин и Казань. В 1409 г. воевода Анфал повел 250 ушкучев на Волгу и Каму...

Между тем в начале 70-х гг. XIV в. опорным пунктом ушкуйников сделался Хлынов^[162] — крепость на реке Вятке. Высшая власть в Хлынове принадлежала вечу. В отличие от Новгорода и Пскова хлыновское вече никогда не приглашало к себе служилых князей. Для командования войском вече выбирало атаманов (ватманов). Географическое положение Хлынова облегчало его жителям походы как в Предуралье и за Урал, так и на болгар и Золотую Орду.

«Малочисленный народ Вятки, — писал Карамзин, — управляемый законами *демократии*, сделался ужасен своими дерзкими разбоями, не щадя и самих единоплеменников, за то что стяжал себе не особенно почетное название — хлынские воры».

Надо ли говорить, что золотоордынские ханы мечтали стереть Хлынов с лица земли. В 1391 г. по приказу хана Тохтамыша царевич Бекбут разорил вятские земли и осадил Хлынов. По уходу татар новгородские ушкуйники вместе с устюжанами напали на принадлежавшие татарам болгарские города — Казань и Жукотин — и разорили их. Следствием этого стало новое нападение на Хлынов со стороны татар.

Посылаемых на Вятку с ратью московских воевод вятчане старались подкупить добрыми «поминками», давая в то же время крестное целование быть на всей воле московских князей, но это крестное целование им было нипочем: они не раз ему изменяли.

Поскольку московские воеводы не могли покорить Хлынов, то в дело шли московские замполиты, простите, митрополиты, которые слали в Хлынов грозные послания, где пугали вятичей геенной огненной, бесами и прочей нечестью. Но напугать ушкуйников было непросто.

Последний из известных походов ушкуйников состоялся в 1471 г. Ушкуи воеводы Кости Юрьева вышли из Хлынова, спустились по реке Вятке до впадения ее в Каму, а затем по Каме и Волге дошли до столицы Золотой Орды Сарай ал-Джедид. Город был взят штурмом и разграблен. После этого Костя повел своих молодцов восвояси. На обратном пути ушкуйники разгромили два крупных татарских отряда, посланных ханом Ахматом. Русские летописи глухо говорят об этом походе, не вдаваясь в детали. Но, судя по всему, ушкуйники оба раза дрались с татарской судовой ратью.

Окончательно покончить с Хлыновым Москве удалось лишь в 1489 г., когда Иван III двинул на Вятку 64-тысячное войско под началом воевод Даниила Щени и Григория Морозова. Были в войске и казанские татары под предводительством князя Урака. 16 августа московская сила появилась под Хлыновым. Сопротивляться было невозможно. Вятчане попробовали

прибегнуть к прежнему средству — подкупить воевод и заискать их милость. С этой целью они выслали воеводам хорошие поминки. Воеводы эти поминки приняли, но дали лишь день отсрочки штурма города.

Уже после начала штурма вятичи вступили в переговоры о капитуляции. Это позволило бежать значительной части осажденных. По приказу Ивана III с Хлыновым поступили, как раньше с Новгородом: большая часть жителей была выселена в московские города, вместо них поселены жители московских городов, а главных «крамольников» казнили.

1 сентября повезли пленное население Хлынова в московские пределы. Великий князь велел их расселить в Боровске, Алексине и Кременце, где им были даны усадьбы и земли, торговых же людей поселили в Дмитрове.

Часть вятчан была поселена даже в подмосковной слободе: нынешнее московское село Хлыново свидетельствует об этом поселении.

А куда делись хлыновцы, которым удалось бежать от московских воевод? Бежали на север в Заполярье или «за Камень», то есть за Уральский хребет? Вряд ли — места дикие и необжитые. Оставался единственный путь — по Каме на Среднюю Волгу. И тут мы подходим к весьма любопытному вопросу — откуда взялись донские и волжские казаки?

Происхождение донских казаков давно хорошо описано советскими историками: крестьяне южный губерний, спасаясь от непосильного гнета помещиков, бежали на Дон. Ну что ж, так действительно было при царе Петре, ну, при Алексее Михайловиче. А как мог крестьянин, и пусть даже сотня крестьян, бежать на Дон при Иване IV или Василии III? Ведь в XV — начале XVII в. южнее Белева, Одоева, Тулы и Рязани начиналась Дикая степь, а от Тулы до Нижнего Дона — свыше 750 километров! Что есть, что пить и как уберечься от татарской конницы?

Что же касается волжского казачества, то создается впечатление, что его возникновение вообще не интересовало наших историков. А ведь Иван IV, взяв Казань, уже через год послал отряды вниз по Волге для борьбы с казаками.

Мы мало что знаем о том, что происходило на Средней и Нижней Волге между 1489 и 1552 гг. Известны только перемещения больших орд. Так что мы никогда не узнаем подробностей появления хлыновских ушкуйников на Средней Волге в 1489–1491 гг. Но могу с уверенностью сказать: они были. Нетрудно догадаться, что, нуждаясь в пополнении своих рядов, хлыновцы освобождали православных рабов в Орде и вместе с ними составили костяк волжского казачества. А с Переволоки на Волге 70 километров и до Дона!

Любопытную деталь я обнаружил в интересной книге саратовских краеведов В.М. Цыбина и Е.А. Ашанина.^[163] На странице 24 они утверждают, что в 80-х гг. XVI в. царские стрельцы поселились на месте, где в 1590 г. будет основан Саратов, где волжские казаки разгромили «татарское селенье Увек». Но ордынский город Увек, находящийся в данные момент в черте города Саратова, по данным археологов, прекратил свое существование в конце XV в., и больше там никто не селился. Авторы об этом не знали, но зато они хорошо изучили предания волжских казаков. Возникает вопрос: а может, это смещенный в хронологии рассказ о разгроме ушкуйниками Увека в XV в.? В нашем эпосе подобное бывало не раз. Вспомним, как в былинах об Илье Муромце князь Владимир Ясное Солнышко сражается со злыми татарами. Тут смещение на два с половиной века, а в случае с Увеком — всего на век-полтора.

Замечу, что я не первый пишу о связи ушкуйников с волжскими и донскими казаками. Так, еще в 1915 г. известный историк казачества Е.П. Савельев писал: «Вот в этих-то местах, согласно памяти народной, выраженной в песне волжско-донской вольницы — "Как пониже-то, братцы, было города Саратова, а повыше-то было города Камышина, протекала Камышинка река..." и нужно искать первые становища хлыновцев, бежавших от порабощения московских князей. Торговые караваны давали случай этой вольнице приобретать "зипуны", а пограничные городки враждебных Москве рязанцев служили местом сбыта добычи, в обмен на которую новгородцы могли получать хлеб и порох».

В XIV–XV вв. московские летописцы пытались всячески очернить ушкуйников и новгородцев вообще, называли их разбойниками, крамольниками и т. д. А вот потом о деяниях ушкуйников было велено просто забыть. Упоминаний о них нет ни в школьных, ни в университетских учебниках XIX–XX вв. Тот же С.М. Соловьев в своем огромном труде «История России с древнейших времен» отводит ушкуйникам лишь несколько абзацев и без всяких комментариев. Авторы множества романов о временах Дмитрия Донского, как, например, Ю. Лоциц, М. Каратаев, зло и оскорбительно отзываюся об ушкуйниках: мол, мешали генеральной и прогрессивной линии товарища Ивана Калиты и его героического внука.

Итак, на Руси ушкуйники были забыты окончательно. Но их никогда не забывали татары. Другой вопрос, что при царе и большевиках писать об этом было нельзя. Но вот с 1991 г. практически ни один труд татарских историков не обходится без проклятий по адресу ушкуйников. Татарские художники рисуют полотна, где изображают схватки их предков со

злодеями ушкуйниками. Вот, к примеру, монография Альфреда Хасановича Халикова («Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария», Академия наук Татарстана, Казань, 1994). Ох, как не нравятся автору «разбойные походы новгородских ушкуйников, например, в 1360, 1366, 1369, 1370, 1371 гг.». «1391–1392 гг. — массированный поход новгородцев и устюжан на Вятку, Каму и Волгу, взятие ими Жукотина и Казани».

«Грабительские походы русских ушкуйников, начиная с 1359 года постоянно снаряжаемые против Булгарского улуса, привели булгарские земли на грань опустошения и разорения. Так, на надгробии 55-летнего Инука, найденном в Булгаре, хотя и невозможно разобрать, от чьей руки он погиб, но вряд ли вызывает сомнение, что это были ушкуйники. Такие камни характерны и для времен Казанского ханства, там прямо указано, что покойник был убит во время "нашествия русских"»^[164].

На реке Каме татарские археологи обнаружили город Кашан, состоявший из двух городищ. Кто его разрушил? Конечно, ушкуйники в 1391 г., как утверждает тот же Халиков.

Из трудов казанских историков можно составить длинный список булгарских городищ, уничтоженных русскими в XIV в.

Почитаешь казанских историков, и становится ясно, что ушкуйники просто жить не давали миролюбивым труженикам Золотой Орды. Ну что ж, каждый историк волен по-своему оценивать те или иные события. Но почему у наших надутых и важных историков с Воробьевых гор память отшибло в вопросе об ушкуйниках, как, впрочем, и во многом другом?

Глава 13

Тимур и Едигей

Во всех советских учебниках истории говорилось, что Дмитрий Донской на Куликовом поле «переломил хребет Золотой Орде». Я уже в 5-м классе недоумевал: как можно прожить 100 лет с переломленным хребтом?

С конца XIV в. на территории Золотой Орды уже было три-четыре государственных образования, и шли бесконечные войны между ханами. Что же помешало Московскому государству освободиться от проклятого ига? Помешали как раз «собиратели Руси» — московские князья, попы и кучка бояр, намертво вцепившиеся в «татарский батог» ради своих корыстных интересов.

Возможно, часть читателей попрекнет автора: как можно наиболее прогрессивных деятелей начала XV в. записывать в ордынские агенты влияния? Нет, ни в коем разе они не были татарскими прихвостнями. Они с большим удовольствием поменяли бы статус улусников на подданство великого князя Литовского. Ради власти и денег они были готовы служить кому угодно. Разумеется, последующие царские, а затем и советские историки сделали все, чтобы никто не узнал правду об этих гнусных сделках.

А теперь расскажу об одной романтической истории. В 1383 г. Дмитрий Донской оставил в Орде хану Тохтамышу заложником своего сына Василия. Но в конце 1385 г. четырнадцатилетнему княжичу вместе с несколькими дружинниками удалось бежать.

Как ни принижали большевики роль личности в истории, а ведь именно отдельные личности на столетия определяли развитие одной страны, а то и мира в целом! Одна меткая татарская стрела, выпущенная в спину княжича Василия Дмитриевича, в корне бы изменила русскую историю. Мы не получили бы двух слабых и тугоумных Василиев (I и II), управляемых московскими боярами, не было бы тридцатилетней кровавой гражданской войны на Руси. Московским князем стал бы Юрий Дмитриевич — храбрый воин, мудрый стратег и политик. С ордынской зависимостью было бы покончено в самом начале XV в. Но, увы, увы...

А пока целый и невредимый Василий Дмитриевич драпает из Орды, причем, обманывая погоню, устремляется на юг, в Молдавию к воеводе

Петру. А оттуда он попадает в Великое княжество Литовское ко двору Витовта. Мудрый князь познакомил свою четырнадцатилетнюю дочь Софью с княжичем. Как и вся литовская знать, княжна прекрасно владела русским языком и исповедывала православие^[165].

После нескольких встреч юная пара решила обручиться. Витовт для порядка поломался, а затем уступил слезам дочери. Василий и Софья обменялись перстнями и нательными крестиками, и наш княжич в теплых саних под эскортом литовских дружинников отправился домой. В Москву он прибыл 19 января 1388 г., а всего через 16 месяцев, 19 мая 1389 г., скончался великий князь Дмитрий Иванович.

В завещании он благословил своего старшего сына Василия на великое княжение владимирское, которое назвал своей вотчиной. Донской уже не боится соперников для своего сына ни из Твери, ни из Суздаля.

У Дмитрия Донского осталось еще пять сыновей: Юрий, Андрей, Петр, Иван и Константин. Последний родился за 4 дня до кончины великого князя, и Иван был еще совсем маленьким, поэтому Дмитрий поручил Москву только четверым старшим сыновьям. В этой отчине, то есть в Москве и ее окрестностях, Дмитрий Донской владел двумя жребиями: жребием своего отца Ивана и жребием дяди Симеона, а третьим жребием владел Владимир Андреевич Серпуховской. Из двух своих жребиев Дмитрий половину отдал старшему сыну Василию, «на старший путь», а другой разделил на три части между остальными сыновьями. Остальные города Московского княжества Дмитрий распределил так: Коломну завещал старшему Василию, Звенигород — Юрию, Можайск — Андрею, Дмитров — Петру. Завещав Василию Великое княжество Владимирское, которому принадлежали Костромская и Переяславская области, Дмитрий отдал остальным троим сыновьям города, купленные еще Калитой, но окончательно присоединенные только им: Юрию — Галич, Андрею — Белоозеро, Петру — Углич.

Принципиально важным в завещании является передача власти в Москве и Великом княжестве Владимирском сыну Василию, а в случае смерти Василия — следующему сыну Юрию. Позже историки объясняли это тем, что у Василия еще не было детей. Но Василию исполнилось всего 18 лет, и он был обручен с Софьей, дочкой князя Витовта. Что же, Дмитрий Донской заранее решил, что у молодых не будет детей, или он и его бояре были безграмотны и не могли написать в завещании, что престол переходит к старшему сыну Василию, а при отсутствии такового — к брату Юрию?

Историк В.А. Горский гордо писал: «Василий Дмитриевич стал первым великим князем владимирским, который взошел на свой стол без

того, чтобы по смерти предшественника лично съездить за ярлыком в Орду»^[166].

Все верно, но дело не в смелости Василия, а в том, что ехать было некуда... Когда умер Дмитрий Донской, хан Тохтамыш был в походе на хана Тимура и находился где-то восточнее реки Яик.

Тохтамышу донесли о московских переменах, и он послал на Русь какого-то своего татарина Шихмата. 15 августа 1389 г. Шихмат «посадил князя Василия Дмитриевича на великое княжение Владимирское»^[167]. Через год после этого Василий поехал в Орду и купил там ярлык на Нижегородское княжество, которое незадолго до этого выпросил себе в Орде князь Борис Константинович^[168].

Узнав о замыслах Василия, Борис собрал своих бояр и сказал им: «Господа и братья, бояре и друзья мои! Вспомните свое крестное целование, вспомните, как вы клялись мне». Старший боярин Василий Румянцев ответил князю: «Не печалься, господин князь! Все мы тебе верны и готовы головы свои сложить за тебя и кровь пролить». Так он говорил князю, а за его спиной ссылался с Василием Дмитриевичем, обещая выдать ему Бориса.

Василий, возвращаясь из Орды, остановился в Коломне и оттуда отправил в Нижний Новгород посла Тохтамыша со своими боярами. Борис сначала не хотел пускать их в город, но Румянцев сказал ему: «Господин князь! Посол ханский и бояре московские идут сюда за тем, чтоб мир покрепить и любовь утвердить вечную, а ты сам хочешь поднять брань и рать. Впусти их в город. Что они могут тебе сделать? Мы все с тобою».

Но как только ханский посол с московскими боярами въехали в город, зазвонили все колокола, собирая народ, и народу объявили, что теперь Нижний принадлежит московскому князю.

Борис, узнав об этом, послал за боярами и сказал им: «Господа мои и братья, милая дружина! Вспомните крестное целование, не выдайте меня врагам моим». Но Василий Румянцев ему ответил: «Господин князь! Не надейся на нас, мы уже теперь не твои и не с тобою, а на тебя». И тут Бориса схватили.

Через некоторое время в Нижний приехал Василий Дмитриевич, посадил там своих наместников, а князя Бориса с женой, детьми и их приверженцами велел развести по разным городам в оковах и держать за крепкой стражей.

По тому же ярлыку на Нижний Василий приобрел и Городец, Муром, Мещеру и Тарусу.

Но у нижегородского князя Бориса на воле остались двое племянников — Василий и Семен Дмитриевичи; родные дядья по матери московскому князю, они княжили в Суздальской волости, теперь со всех сторон охваченной московскими владениями. Но в 1394 г. по приказу Василия I ^[169] нижегородский князь Борис Константинович был замучен приставами в темнице. Узнав об этом, оба племянника побежали в Орду добиваться ярлыков на свою отчину — Нижний, Суздаль и Городец. Василий послал за ними погоню, но племянники благополучно достигли Орды.

А теперь настало время прерваться и рассказать об империи Тимура или, как его звали в Европе, Тамерлана.

Один из величайших полководцев мира Тимур родился 8 апреля 1336 г. в селенье Ходжа-Ильгар, неподалеку от современного города Шахрисабз в Узбекистане. Его отцом был знатный человек Тарагай Базардур. Но, увы, он не имел никакого отношения к Чингизидам. К сожалению, увлекательная история возвышения Тимура выходит за рамки работы. Скажу лишь, что в 1370 г. Тимур становится независимым правителем. Увы, он был вынужден следовать полуторавековой традиции, по которой ханом мог стать только прямой потомок Чингисхана. Поэтому до конца своих дней Тимур именовал себя эмиром и гурханом. Формально его государством правили ханы Чингизиды: Суюргатмыш, а с 1388 г. — Султан-Махмуд-хан. Однако власти у них было не больше, чем у «зиц-председателя» Фунта или императора Маньчжоу-го Пу И.

В 1374 г. в Самарканд, столицу государства Тимура, бежит хан Тохтамыш, спасаясь от гнева хана Белой Орды Уруса. Тимур помогает Тохтамышу свергнуть Уруса и самому в конце 1377 г. стать ханом Белой Орды. Затем, как мы знаем, Тохтамыш начинает войну с Мамаем.

Зарвавшийся Тохтамыш решил, что ему все позволено, и в 1386 г. напал на город Тебриз, на который уже зарился Тимур. Так началась война, принесшая столько горя народам Золотой Орды.

В феврале 1391 г. войска Тимура выступили из Самарканда, прошли через современный Казахстан и в мае переправились через реку Яик (Урал).

18 июня 1391 г. на реке Кондурче состоялось генеральное сражение между армиями Тимура и Тохтамыша (сейчас на этом месте расположено Куйбышевское (Самарское) водохранилище). В войске Тохтамыша нашлись предатели, и хан Золотой Орды потерпел сокрушительное поражение. Однако по неясным причинам Тимур не стал переправляться на правый берег Волги. Возможно, это связано с большими потерями или с желанием пройти безводные степи до наступления холодов, а может быть, и по

каким-то неизвестным нам обстоятельствам.

Тимур расположился на левом берегу Волги, и 26 дней его войска грабили окрестности. По сведениям персидского хрониста Низам-ад-дина Шами, каждый пехотинец привел домой по 10–20 лошадей, а каждый одноконный всадник — по 100 и больше лошадей, а уж овец и баранов — и не счесть. Особенно в грабежах поусердствовали Тимур и его военачальники. Одних только пленных девушек и юношей, которые становились личными рабами Тимура, было более пяти тысяч.

17-18 июля войска Тимура отправились в обратный путь и благополучно прибыли в Самарканд. Весь поход продолжался 11 месяцев.

15 апреля 1391 г. состоялось новое генеральное сражение, на сей раз в долине реки Терек. Тохтамыш был вновь разбит и бежал на север, преследуемый противником.

Далее историки дают две версии движения войск Тимура. Согласно первой, он двинулся на Среднюю Волгу, где разрушил большой ордынский город Увек, а затем пошел на Каму, где подверг разгрому города Булгар, Джукетау, Кирманчук^[170] и другие.

По другой версии, войска Тимура прошли через междуречье Дона и Волги и далее двинулись вверх по Дону. На взгляд автора, последняя версия, подтвержденная записями современников, куда более убедительная. Первая же версия явно составлена из конъюнктурных соображений. Нам же интересен разгром города Елец^[171].

Вот как рассказано о судьбе Ельца в книге маститых советских историков Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение»: «По словам Никоновской летописи, Тимур с огромным войском вторгся в Рязанскую землю и захватил город Елец "и князя Елецкого пойма, и люди плени, а иных изби". Великий князь Василий Дмитриевич, узнав обо всем этом, собрал многочисленные полки, выступил к городу Коломне и занял переправы через Оку. Тимур не решился на столкновение с русскими и, ограбив Рязанскую землю, ушел на юг. По-видимому, рассказы о Мамаевом побоище на Куликовом поле его пугали, и он не решился принять бой с русскими».^[172]

Как видим, Тимур испугался рассказов о Куликовом поле. А знал ли вообще «великий хромец» о каком-то улусном московском князе Дмитрие Ивановиче? Это был не тот персонаж, которого могло что-то напугать, даже «совковая» версия Куликовской битвы.

Но вот после 1991 г. выяснилось, что дело тут не в Куликовской битве и полках Василия Дмитриевича, а в том, что в это время в Москву из

Владимира был принесен образ Богородицы, и Тимура испугала эта икона, и он кинулся наутек.

Сразу замечу, автор с большим уважением относится и к православию, и к исламу, но не считает нужным путать историю с религиозными преданиями.

На самом же деле ларчик открывался просто. Елец в XIV в. не входил в состав ни Рязанского, ни другого какого княжества, а напрямую подчинялся хану Золотой Орды. Город населяли как русские, так и кипчаки. В Ельце был князь Федор Иванович, вероятно, сын удельного князя козельского Ивана Титовича. Одно неясно — правил ли Федор всем городом или только русской частью населения.

Согласно сообщениям современников — персидских авторов Шереф-ад-дина Йезди и Низам-ад-дина Шами, в Елец бежали золотоордынские дружины во главе с царевичем Чингизидом Бек-Ярын-Огланом. Город был взят и разорен, князь Федор захвачен в плен, а золотоордынскому царевичу удалось бежать.

Тимур постоял под Ельцом две недели и 26 августа 1395 г. отправился на юг, в Крым.

Понятно, что Тимур не испугался ни дружины Василия Дмитриевича на Оке, ни дружины великого князя литовского Витовта, двинутой под Смоленск. Его войска выполняли задачу по уничтожению остатков воинства Тахтомыша. Севернее Ельца таковых не было, и Тимур отошел обратно.

В Крыму «великий хромец» разоряет несколько золотоордынских городов, как, например, Салхат и Кафу, а затем идет на Азак (Тану).^[173] Осенью 1395 г. отряд во главе с сыном Тимура Мираншахом остановился недалеко от Азака. Находившиеся в то время в Тане генуэзские, венецианские, каталонские и другие купцы направили к Тимуру послов с подарками и просьбой не разорять город. Тимур обещал выполнить просьбу, но многие купцы не поверили ему и бежали на стоявшие в гавани Таны галеры и другие суда. Они оказались правы, так как Тимур, нарушив все обещания, 14 сентября двинул свое войско на город. Мусульман отделили от остальных жителей и отпустили, немусульман казнили, а дома их сожгли. Многих жителей Таны захватили в рабство.

От Азака войско Тимура двинулось на Среднюю Волгу. Тимур уничтожил город Бельджамен (у современного города Дубовки) и Сарай ал-Джедид (у села Царево). Историки спорят, был ли разрушен Сарай (Селитряное городище) на левом берегу Ахтубы.

Зимой 1395/96 г. войско Тимура подошло к Хазтаракани (Астрахани).

Защитники города залили водой стены, и город стал «ледяной цитаделью». В «Книге Побед» персидского хрониста Шереф ад-дина Йезди так описано это событие: «Хаджи-Тархан лежит на берегу реки Итиля, и укрепления его проведены (начиная) от бега этой реки вплотную к воде так, что (обогнув город) опять доходят до реки. Таким образом, с одной стороны города место укрепления занимает река. Так как зимою там лед до того крепок, что поверхность воды становится такой же, как поверхность земли, то по берегу реки из кусков льда, вместо кирпича и глины, строят стену, которую ночью поливают водой до тех пор, пока все соединится в один кусок. Сделав таким образом высокую (стену), они одним куском льда соединяют стену города с этой стеной и ставят ворота». Вышедший навстречу Тимуру Мухаммед был схвачен и брошен в прорубь, где «сделался добычей рыб». Город был занят, на жителей наложена гигантская контрибуция, а после этого «все, что в нем было одушевленного и неодушевленного (имущества) подверглось грабежу», жителей выселили, а город сожгли^[174].

От погрома Тимура Золотая Орда уже не сумела оправиться, но считать, что Тимур «переломил ей хребет», было бы большим преувеличением, хотя ущерб, нанесенный им Орде, был более чем на порядок или два больше, чем Куликовская битва.

А теперь мы вновь вернемся к захвату Москвой Нижегородского княжества. В 1399 г. князь Семен Дмитриевич с татарским войском в тысячу человек во главе с каким-то татарским царевичем Ейтяком подступил к Нижнему, где заперлись трое московских воевод. Три дня татары осаждали город, наконец нижегородцы открыли ворота, взяв с татар клятву, что те не будут грабить и пленить христиан. Но татары, естественно, разграбили все, что можно, а князь Семен оправдывался: «Не я обманул, а татары. Я в них не волен, я с ними ничего не могу сделать». Две недели пробыли татары в Нижнем, но потом, узнав, что Василий I собирается на них с войском, убежали в Орду.

«Василий Дмитриевич же послал большую рать с братом своим князем Юрием, воеводами и старшими боярами; они вошли в Булгарию, взяли города: Булгары, Жукотин, Казань, Кременчуг, в три месяца повоевали всю землю и возвратились домой с большой добычей»^[175].

Так просто и неясно написал С.М. Соловьев о первом походе русских на Казань. По версии же Мифтахова, войско Василия I ходило на Булгарию по указанию эмира Едигея, причем одной из целей похода было уничтожение семьи Тохтамыш, жившей в Казани. Напомню, что все это происходило непосредственно после битвы на Ворскле (12 августа 1399 г.).

Согласно Мифтахову, Василий I «отправил в поход против Волжской Булгарии 50-тысячное войско: 8 тысяч воинов-моряков (салчиев), 30 тысяч пехотинцев и 12-тысячную конницу. Перед воеводами была поставлена четкая задача — захватить Казань. Однако служилый хан Енейтек расстроил планы воевод. Произошло это так.

Когда русская пехота добралась до Буратской переправы (у современного г. Зеленодольска), она стала ждать подхода судов. На утренней заре хан Енейтек внезапно совершил нападение на спящих пехотинцев. В результате этого нападения русские войска потеряли 6 тысяч, а хан Енейтек потерял "всего 60 всадников". Когда весть об этом дошла до великого князя, он "пришел в сильнейшее неистовство и велел своим выжечь всю Горную сторону". Началась война, названная в народе "Горной".

В соответствии с повелением великого князя русская конница и оставшиеся в живых пехотинцы (24 тыс.) изменили направление движения: от переправы они пошли не на Казань, а в глубь Горной Булгарии. Русские войска взяли и разорили крепость Чирмыш-Керман. В этой крепости находился монетный двор, пожалованный хану Енейтеку эмиром Азаном за хорошую службу.

После этого русские войска разгромили крепость Дэбэр-Казан, а затем вторую ставку хана Енейтека Ташлы-Болгар.

Одновременно с нападением на Ташлы-Болгар (совр. Ташовка) русские войска, находящиеся на судах, приблизились к Казани. Они атаковали пригород Джукетау. При штурме его вала и частокола русские потеряли 2 тысячи воинов. Когда они ворвались в посад Джукетау, то "изрубили на куски проживавшего в нем доброго и незлобливового хана Мохаммед-Султана со всем его женами и детьми". Однако воеводы не решились напасть на центральную часть города. Тому было несколько причин.

Во-первых, они ждали подхода эмира Едигея.

Во-вторых, русские войска понесли большие потери на Горной стороне»^[176].

В октябре 1408 г. золотоордынский хан Едигей внезапно двинулся на Москву, попытавшись ввести Василия I в заблуждение утверждением, что идет на Витовта. Разведка у москвичей работала неплохо, и Василий I за месяц узнал о походе Едигея. Верный семейной традиции, Василий «поехал собирать полки» в Кострому. Понятно, что в другом месте, поближе к противнику, их собрать никак нельзя было! Но, в отличие от 1382 г., в Москве все-таки было оставлено начальство — Владимир

Андреевич Серпуховской. Москвичи выжгли посад вокруг столицы.

1 декабря 1401 г. Едигей подошел к Москве и разбил лагерь в селе Коломенском. В Тверь был отправлен посол с требованием прислать войска, а главное, пушки. Троицкая летопись утверждает, что тверской князь Иван Борисович пошел на хитрость, чтобы не посориться как с Едигеем, так и с Василием I. Он поехал к Москве с одной дружиной и без пушек, но двигался медленно и доехал лишь до Клина, где и узнал об уходе Едигея от Москвы.

Едигей простоял под Москвой 20 дней, распустив, по татарскому обычаю, конные отряды для грабежа русских городов. Они разграбили Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Нижний Новгород. Можайск был сожжен дотла, а довольно большой город на Волге Городец (периметр вала его кремля составлял 3500 м) был разрушен до основания и более не восстанавливался. Лишь в XVIII в. на его месте возникло село.

По одной версии, причиной ухода Едигея был какой-то мятеж в Орде, предположительно затеянный сыном Тохтамыша Джелал-ад-дином. А может быть, эмиру показалась достаточной сумма в 3 тысячи рублей, выплаченная осажденными москвичами. Короче, так или иначе, но, взяв деньги, Едигей отправился восвояси. На обратной дороге он взял Рязань, где правил союзник Василия I князь Федор Олегович.

С.М. Соловьев писал: «После нашествия Эдигеева московский князь три года не ездил в Орду сам и не посылал туда ни родственников своих, ни бояр больших; только в 1412 году, когда новый хан Зелени-Салтан (Джелаледдин Султан), сын Тохтамыша, дал изгнанным нижегородским князьям ярлык на их отчину, Василий Дмитриевич поехал в Орду с большим богатством и со всеми своими вельможами»^[177].

А дело было так. Сыновьям нижегородского князя Бориса Константиновича Ивану по прозвищу Тугой Лук и Даниилу удалось каким-то способом бежать из московских застенков, и они отправились к болгарскому (казанскому) эмиру Би-Омару. В 1411 г. эмир дал им войско под началом князей Марджана, Талкыша и Хасаина Ашрафа.

Иван и Даниил Борисовичи двинулись на Владимир. Навстречу им Василий I послал большую рать под командованием своего младшего брата дмитровского князя Петра^[178]. Ожесточенное сражение произошло у села Лысково^[179]. Русские летописи глухо сообщают о поражении московской рати.

А вот согласно болгарской летописи, русские потеряли убитыми 20 тысяч человек, а болгары «потеряли убитыми небольшое количество

воинов. Однако был убит главный пушечный мастер Раиль. В той битве "его пушки в самый напряженный момент побоища обратили густую толпу русских в паническое бегство". В этот момент из леса неожиданно выскочили бывшие в засаде русские и зарубили пушечного мастера. "С той поры было запрещено брать в походы пушечных мастеров"^[180].

После этого отряд болгарского князя Талкыша (в русской летописи — Талыча), а по русской летописи, к нему присоединилась и дружина Даниила Борисовича, под началом боярина Семена Карамышева, скрытно подошел к Владимиру.

Как писал Соловьев: «Татары и дружина Данилова подкрались к городу в полдень, когда все жители спали, захватили городское стадо, взяли посады и пожгли их, людей побили множество. В соборной Богородичной церкви затворился ключарь, священник Патрикий, родом грек; он забрал сколько мог сосудов церковных и других вещей, снес все это в церковь, посадил там нескольких людей, запер их, сошел вниз, отбросил лестницы и стал молиться со слезами перед образом богородицы. И вот татары прискакали к церкви, кричат по-русски, чтоб им ее отперли; ключарь стоит неподвижно перед образом и молится; татары отбили двери, вошли, ободрали икону богородицы и другие образа, ограбили всю церковь, а Патрикия схватили и стали пытаться: где осталась казна церковная и где люди, которые были с ним вместе? Ставили его на огненную сковороду, втыкали щепы за ногти, драли кожу — Патрикий не сказал ни слова; тогда привязали его за ноги к лошадиному хвосту и таким образом умертвили. Весь город после того был пожжен и пограблен, жителей повели в плен; всей добычи татары не могли взять с собою, так складывали в копны и жгли, а деньги делили мерками; колокола растопились от пожара, город и окрестности наполнились трупами»^[181].

Этот эпизод красочно, но с большим отклонением от исторической правды, показан в фильме «Андрей Рублев», где Юрий Никулин сыграл ключаря Патрикия.

Взятие Владимира, а может, и деньги, захваченные там, несомненно, способствовали получению Борисовичами в Орде в 1412 г. ярлыка на Великое княжество Нижегородское. Судя по всему, Василий I зря туда ездил и зря тратил народные деньги. Как писал Соловьев: «...имеем право заключать, что Суздальская волость оставалась за ними [за Борисовичами. — А.Ш.], потому что великий князь Василий в завещании своем ни слова не говорит о Суздале, отказывая сыну только два примысла свои — Нижний и Муром»^[182].

Причем великому князю московскому пришлось не только примириться, но и породниться с нижегородскими князьями. В 1417 г. Василий I выдал свою дочь Василису за князя Александра Брюхатого, сына Ивана Борисовича Тугой Лук. Но Брюхатый успел только зачать сына Семена и помер в 1418 г. Тогда Василису выдали замуж за двоюродного брата Брюхатого Александра Взметня, сына Даниила Борисовича.

Итак, Василий I ярлык на Нижегородское княжество не получил, зато с 1412 г. ему пришлось ежегодно и регулярно платить дань, как во времена хана Узбека.

Между тем в Великом княжестве Литовском происходили весьма важные события.

14 августа 1385 г. в местечке Крево был подписан акт об унии (объединении Литвы и Польши). С литовской стороны его подписали великий князь литовский Ягайло и его братья Скиригайло, Корибут, Витовт и Лугвен. Они обязались принять католичество и крестить все литовское население, обратить литовскую казну на нужды Польского королевства, помочь Польше вернуть земли, когда-либо и кем-либо у нее захваченные, и, главное, навсегда присоединить к Польскому королевству Великое княжество Литовское. Замечу, что польские паны сами толком не знали, с кем они объединяются. В частности, в старопольском языке литовец назывался *rusin* (русин), то есть так же, как ляхи в X-XIII вв. называли русских.

Весной 1386 г. совершилось бракосочетание Ягайло с польской королевой Ядвигой, имевшее огромное значение для судеб государств Восточной Европы. Согласно условиям унии, Ягайло отрекся от православия, а имя Ягайло переименовал на имя Владислав. Ему последовали родные братья Ольгердовичи, в который раз сменил веру и двоюродный братец Витовт, приехавший на свадьбу.

Одним из первых деяний нового короля стала инкорпорация, то есть включение литовских, малороссийских и белорусских земель в состав Польского королевства. В связи с этим Ягайло потребовал от удельных князей присяжных грамот на верность «королю, королеве и короне польской», что по нормам феодального права означало переход этих князей вместе с подвластными им землями в подданство к польскому королю.

Действия Ягайло вызвали сопротивление литовских князей (точнее, русских князей, поскольку в их жилах было куда больше крови Рюриковичей, чем литовской). В Литве началась большая гражданская война, в ходе которой Витовту с семьей пришлось бежать в столицу Прусского ордена Мариенбург.

И вот зимой 1390 г. в Мариенбург появилось русское посольство. Великокняжеские бояре Александр Поле, Белеут и Селиван просили от имени Василия руки Софьи Витовтовны. Это был лучший подарок князю-изгнаннику.

Русское посольство повезло невесту кружным путем, боясь великого литовского князя Скиргайло — соперника Витовта. На орденских кораблях они дошли до устья Невы, а затем сухим путем добрались до Новгорода. И лишь 30 декабря 1390 г. у ворот Кремля Софья была встречена митрополитом Киприаном и многотысячной толпой москвичей. Замечу, что Киприану разрешили вернуться в Москву лишь после смерти Дмитрия Донского.

9 января 1391 г. в Успенском соборе митрополит Киприан обвенчал Софью и Василия. Любопытный момент: Софья в Кракове на свадьбе Ягайло с Ядвигой вместе с отцом перешла из православия в католичество. И сейчас в Москве ей вновь пришлось креститься, в результате чего она получила православное имя Анастасия. Тем не менее ее и в быту, и в официальных документах продолжали именовать Софьей.

18 мая 1395 г. у Василия I родился сын Юрий. За ним последовали Иван, Анна, Анастасия, Василиса, Мария, Даниил и Симеон. Однако сыновья Софьи оказались нежизнеспособными: Юрий прожил 5 лет, Даниил — 5 месяцев, а Симеон только 12 недель. Иван умер при невыясненных обстоятельствах в 1417 г. Дочери же все достигли совершеннолетия. Анна вышла замуж за наследника византийского престола, будущего императора Иоанна VIII Палеолога. (В 1417 г. она умерла, так и не дав империи наследника). Анастасия вышла замуж за удельного киевского князя^[183] Александра Олелько, сына Владимира Ольгердовича. Василиса вышла за суздальского князя Александра Ивановича, Мария за литовского князя Юрия Патрикеевича, служившего в Москве.

И вот 10 марта 1415 г. Софья родила последнего ребенка, названного Василием.

Софья одна, а затем и с детьми стала совершать частые вояжи к отцу. Внешне это кажется вполне благопристойно — любящая дочь возит внуков к доброму дедушке. На самом же деле Софья получала конкретные инструкции от великого князя литовского.

Витовт после нескольких успешных сражений отвоевал Литву у двоюродного брата Скиргайло и в 1392 г. заключил мир с польским королем Ягайло (Владиславом).

Глава 14

Как татары спасли Василия Темного

16 сентября 1401 г. в своем подмосковном селе Голенищеве умер митрополит Киприан. Позже его московские церковники причислят к лику святых.

Сразу после смерти митрополита Киприана Витовт отправил к патриарху Матвею I полоцкого епископа Феодосия. Витовт просил императора и патриарха: «Поставьте Феодосия нам в митрополиты, чтобы сидел на столе киевский митрополии по старине, строил бы церковь Божию по-прежнему, как наш, потому что по воле Божией мы обладаем тем городом, Киевом».

Великий князь московский Василий I не имел достойного кандидата, да и не хотел идти на прямой конфликт с тестем, и обратился в Царьград с просьбой поставить митрополита «по старой пошлине» [обычаю]. Это следовало понимать в том смысле, что Москва готова принять митрополита, указанного патриархом.

И вот 1 сентября 1408 г., спустя два года после смерти Киприана, патриарх Матвей поставил митрополитом Киевским и всея Руси грека Фотия. Это был уроженец Морей (полуостров Пелопоннес), в юные годы ушедший в монастырь.

1 сентября 1401 г. Фотий прибыл в Киев, где и пробыл 7 месяцев. То, что свое святительство на Руси он начал с Первопрестольного митрополичьего города, обещав Витовту не оставлять своим попечением Литовскую Русь, сделало возможным примирение митрополита с великим князем литовским.

В 1410 г. Фотий прибыл в Москву. Деятельность свою он начал с устройства весьма запущенных дел Русской митрополии.

Фотий, подобно Киприану, хотел быть не московским митрополитом, а подлинным митрополитом всея Руси. Управлять митрополией только из Москвы или только из Киева означало стать на стороне Москвы или Литвы, поэтому Фотий стал «кочующим митрополитом». Пробыв несколько месяцев в Москве, в 1411–1412 гг. он совершил длительное турне по южным епархиям, посетив Киев, Галич, Луцк и т. д.

Витовт мечтал о создании сильного русско-литовского королевства с

единой и зависимой от его власти церковью. Причем сами по себе внутренние проблемы мало волновали великого князя. Понятно, что митрополит всея Руси, стоявший над московским и литовским великими князьями, не устраивал Витовта. И тут вовремя подоспела кляуза киевских иерархов на Фотия: мол, «митрополит переносит из Киева в Москву все узорочье церковное и сосуды, пустошит Киев и весь юг тяжкими пошлинами и данями».

В 1414 г. Витовт лишил Фотия права управлять западнорусскими епархиями. Он пожаловался в Царьград и просил патриарха поставить митрополитом на Литву племянника Киприана Григория Цамвлака. В итоге несколько лет в Великом княжестве Литовском был свой митрополит, а в Москве — свой.

В 1419 г. Цамвлак умирает^[184], и Витовт соглашается признать власть митрополита Фотия над русской Литвой. Главной причиной этого стала возможность сделать Василия II своим вассалом. Со своей стороны, Фотий прекрасно понимал слабость нового великого князя московского и тоже искал союза с Витовтом.

Извещая о примирении с Витовтом, Фотий писал: «Христос, устрояющий всю вселенную, снова древним благолепием и миром свою церковь украсил и смирение мое в церковь свою ввел, советованием благородного, славного Великого Князя Александра [Витовта]». (Александр — православное имя Витовта). Что же произошло? Отчего давние враги кинулись в объятия друг друга?

Василий I, видимо, уже к 1423 г. предчувствовал приближение смерти и был крайне озабочен проблемой престолонаследия. Над ним «дамокловым мечом» висело завещание Дмитрия Донского, по которому, как мы знаем, Василию наследовал брат Юрий. Причем это была не прихоть Дмитрия, а норма древнерусского феодального права, существовавшего уже 600 лет.

Князю Юрию было 49 лет, и он показал себя опытным полководцем. Так, в 1392 г. он водил рати на Новгород и взял Торжок, в 1399 г., как мы уже знаем, воевал в Булгарии, и т. д.

К 1425 г. у Юрия Дмитриевича было четыре взрослых сына (20–25 лет): Василий Косой, Дмитрий Большой (Шемяка), Дмитрий Меньшой (Красный) и Иван. Таким образом, у Юрия Дмитриевича было кому продолжить династию и кому защищать княжество. Любопытно происхождение прозвища Шемяка. Судя по всему, он происходит от слова «шеемяка», то есть силач, способный любому намять шею. Дмитрий Шемяка при небольшом росте (около 168 см) был крепкого телосложения и

обладал большой физической силой.

Согласно духовному завещанию Дмитрия Донского Юрий Дмитриевич в 1389 г. получил в удел города Звенигород, Рузу и Галич Мерьский (он же Костромской). Столицей своего удела Юрий сделал подмосковный Звенигород.

Кто же мог противостоять Юрию Дмитриевичу после смерти великого князя Василия I? Семилетний сын Василия I Василий и два иностранца — грек Фотий и литовка Софья Витовтовна? На кого мог положиться Василий I? На Орду? Конечно, ее нельзя было сбрасывать со счетов, но «замятия» там продолжалась, с 1411 г. по 1420 г. в Орде сменилось 9 ханов, причем ханы Пулат и Джелла-эд-дин вступали на престол дважды. А в 1421 г. Золотая Орда распалась на Западную и Восточную части. Ханом Западной части стал в 1421 г. Улу-Мухаммед, а Восточной — Хаджи-Магоммед (Хаджи Махмуд хан). В 1423 г. Барак-хан разгромил войско Улу-Мухаммеда и захватил его владения. Улу-Мухаммед бежал в Литву и попросил помощи у Витовта.

По научению жены Василий Дмитриевич в 1420 г. отправил к Витовту Фотия со своей духовной грамотой, в которой отдавал своего сына Василия под покровительство великого князя литовского. Замечу, что этим актом сын Дмитрия Донского делал вассалом великого князя литовского не только своего сына, но всю Владимиро-Суздальскую Русь. Таким образом, Василий I из ревности, а может, и ненависти к брату, готов был поступиться независимостью Московского княжества.

Витовт, естественно, согласился и на радостях помирился с Фотием. «А сразу за Фотием в Литву отправилась великая княгиня Софья Витовтовна, привезшая восьмилетнего Василия Васильевича на свидание с дедом в Смоленске. Очень вероятно, что именно тогда все еще находившийся в Литве (поскольку Борак доминировал в степи по меньшей мере до лета 1423 г.) хан Улу-Мухаммед и выдал на имя сына великого князя ярлык. Инициатива в этом, можно полагать, исходила от Витовта, желавшего таким образом еще более оградить владельческие права внука от возможных притязаний со стороны его дядьев с отцовской стороны»^[185].

Но вернемся в ночь на 27 февраля 1425 г. Буквально через несколько минут после смерти Василия I митрополит Фотий отправил в Звенигород к князю Юрию Дмитриевичу своего боярина Акинфа Ослебятева. Он должен был передать князю требование девятилетнего великого князя Василия II прибыть в столицу и присягнуть.

Князь Юрий немедленно начал собираться и вместе с дружиной отправился в... Галич. Это был открытый вызов московской клике.

«Клика» — это самое скромное название людям, правившим от имени девятилетнего ребенка: властолюбивой старухе, честолюбивому греку и кучке бояр, не желавших делиться своим положением и своими доходами с боярами князя Юрия.

Славный витязь Юрий Дмитриевич, став великим князем, немедленно бы покончил с татарским игом. И это не личное мнение автора. Тот же А.А. Горский писал: «...в Орде продолжалась борьба за власть между несколькими претендентами. Ни один из них не располагал серьезной военной силой: показательно, что Борак и Худайдат в период своего максимального могущества терпели поражения от относительно небольших литовско-русских воинских контингентов. Если бы в московских правящих кругах существовало стремление покончить с зависимостью от Орды, для этого был весьма подходящий с военно-политической точки зрения момент — средств для восстановления власти силой, как у Тохтамыша и Едигея, тогда не было»^[186].

Понятно, что Юрий Дмитриевич вовсе не мечтал стать холопом литовки и грека, и тем более вассалом Витовта. Он бросил жребий. В Звенигороде рядом с Москвой оставаться было небезопасно, и он едет в Галич собирать войска. День отъезда князя Юрия из Звенигорода можно считать началом почти тридцатилетней гражданской войны. Но виновником ее был не Юрий, а корыстолюбивое московское боярство, которое ради тридцати серебряников готово было отдать Русь и Литве, и Орде, и хоть самому черту.

Однако весной 1425 г. к немедленному началу боевых действий обе стороны были явно не готовы. Поэтому Юрий Дмитриевич предложил Москве заключить перемирие до Петрова дня, то есть до 29 июня. Клика^[187] согласилась.

По мнению историка А.А. Зимина: «Уже весной князь Юрий "разосла по веси своей отчине, по всех людей своих", и собрались "все к нему из всех градов его, и восхоте пойти на великого князя". Похоже, что решение принято было с учетом пожеланий всех собравшихся воинов князя Юрия. Созвано было что-то среднее между древнерусским вечем и московским земным собором»^[188].

А тем временем Софья Витовтовна и Фотий лихорадочно раздавали земли своим потенциальным союзникам. Дядя Василия II Константин получил в удел Ржеву, князю Петру Дмитриевичу дали в удел волости Шачебал и Ликурги (правда, тот передал их Константину Дмитриевичу).

Задоблив дядей и заполучив их дружины, клика нарушила перемирие

и двинула войско на Кострому, намереваясь оттуда наступать далее на Галич. Юрий Дмитриевич решил, что деревянно-земляные укрепления Галича слабы, и ушел в Нижний Новгород.

Вслед за ним на Нижний двинулась и 25-тысячная московская рать во главе с князем Андреем Дмитриевичем. Однако по каким-то причинам до Нижнего войско не дошло и без боя вернулось назад. Софья и Фотий подозревали князя Андрея в сговоре с братом. Понятно, что сейчас причину неудачи похода установить невозможно.

В случае неудачи московского войска в дело вступает... Совершенно правильно, замполит Фотий. На Рождество Иоанна Предтечи (24 июня) он прибыл в Ярославль, где отужинал у ярославского князя Ивана Васильевича. Затем Фотий отправился в Галич. Юрий, узнав, что к нему едет митрополит, вышел встречать его с детьми, боярами и лучшими людьми, собрал всю чернь из городов и деревень и поставил ее по горе так, что Фотий мог видеть большую толпу народа при въезде в город. Но Юрию не удалось испугать митрополита. Тот, лишь взглянув на толпы черни, сказал: «Сын князь Юрий! Не видывал я никогда столько народа в овечьей шерсти», тем самым говоря, что люди, одетые в сермяги, плохие ратники.

Начались переговоры. Митрополит настаивал на вечном мире, то есть чтобы Юрий навечно признал мальчишку своим господином. Галицкий же князь был согласен лишь на длительное перемирие. Фотий рассердился и уехал из Галича, не благословив ни князя, ни города, и вдруг после его отъезда в Галиче начался мор (чума?). Видимо, чуму в Галич занесла свита Фотия, благо, в Москве чума была, а в Галиче — нет^[189].

Князь Юрий испугался то ли чумы, то ли суеверных сограждан, сам поскакал за митрополитом, нагнал его и со слезами упросил вернуться в Галич. Фотий приехал в Галич, благословил народ, и мор пошел на спад, а Юрий пообещал митрополиту послать двух своих бояр в Москву. И действительно послал, те заключили мир на том условии, что Юрий не будет искать великого княжения сам, но хан кому даст великое княжение, тот и будет великим князем. Но на Орду Юрий Дмитриевич не надеялся, и клика также боялась слать туда мальчика.

14 августа 1427 г. Витовт пишет магистру Ливонского ордена: «...как мы уже вам писали, наша дочь, великая княгиня московская, сама недавно была у нас и вместе со своим сыном, с землями и людьми отдалась под нашу защиту». Итак, наступил звездный час великого литовского князя — ему покорилась Москва!

Русские летописи подтверждают факт обращения Софьи Витовтовны и московских бояр к Витовту. С 25 декабря 1426 г. по 15 февраля 1427 г. у

литовского князя находился с дипломатической миссией московский митрополит Фотий, а затем прибыли и Софья с Василием. Тем не менее эту постыдную историю постарались забыть как монархические, так и советские историки.

Вслед за малолеткой Василием II на поклон к Витовту кинулись удельные князья — вассалы и союзники Москвы. Вот, к примеру, договор рязанского князя Ивана Федоровича с великим князем литовским: «Я, князь великий Иван Федорович рязанский, добил челом господину государю своему, великому князю Витовту, отдался ему на службу: служить мне ему верно, без хитрости и быть с ним всегда заодно, а великому князю Витовту оборонять меня от всякого. Если будет от кого притеснение внуку его, великому князю Василию Васильевичу, и если велит мне великий князь Витовт, то по его приказанию я буду пособлять великому князю Василию на всякого и буду жить с ним по старине. Но если начнется ссора между великим князем Витовтом и внуком его великим князем Василием или родственниками последнего, то мне помогать на них великому князю Витовту без всякой хитрости».

Вслед за московским князем в начале августа 1427 г. договоры с Витовтом заключили князь Иван Федорович, внук Олега Рязанского, и пронский князь Иван Владимирович. Согласно этим договорам, оба князя «дались в службу» великому князю литовскому Витовту.

Угроза похода Витовта на Галич произвела должное действие на Юрия Дмитриевича, и 11 марта 1428 г. между Москвой и Галичем был заключен мир, по которому 54-летний дядя признавал себя «младшим братом» 13-летнего племянника. Тем не менее договоренность о том, что князья должны жить в своих уделах по завещанию Дмитрия Донского, оставляла за князем Юрием возможность поставить перед ордынским ханом вопрос о судьбе великого княжения.

Старый Витовт был в зените славы. Единственное, чего ему не хватало, так это королевского титула! Ну чем он хуже своего брата Ягайло? И Витовт обратился к германскому императору Сигизмунду.

Коронация Витовта должна была состояться в 1430 г. в Вильно. Днем коронации назначили праздник Успения Богородицы. Но так как посланцы Сигизмунда не подвезли еще корону, коронацию перенесли на другой праздник — Рождество Богородицы. В столице были собраны все вассалы великого князя литовского, среди которых был 15-летний внук Витовта Василий II, тверской князь Борис Александрович, рязанский князь Иван Федорович и другие. Понятно, что Юрий Дмитриевич Галицкий в эту компанию не входил.

Однако 27 октября 1430 г. Витовт внезапно умер. Скорее всего, причиной этому была старость, князю было уже 80 лет, хотя не исключено и отравление. Без особого преувеличения можно сказать, что смерть Витовта спасла Москву и всю Северо-Восточную Русь от включения в состав Великого княжества Литовского.

После смерти Витовта русские и литовские князья провозгласили великим князем литовским Свидригайло Ольгердовича, побратима и свояка Юрия Дмитриевича. Для начала новый князь занял литовские замки и привел к присяге их гарнизоны на свое имя, не упоминая Ягайло, тем обнаружив свое намерение отложиться от Польши. Надо ли говорить, что за этим последовала усобица между Ягайло и Свидригайло. Ляхам и литовцам стало не до Московской Руси. Смерть Витовта развязала руки Юрию Дмитриевичу Галицкому.

К тому же 2 июля 1431 г. умер главный кукловод Василия II митрополит Фотий. Шестнадцатилетний князь остался теперь под влиянием властной, злой, но не очень умной мамы.

Потеряв литовского опекуна, Василий II был вынужден обратиться за помощью в Орду, куда он и выехал 15 августа 1431 г. Свитой, да и самим князем Василием в Орде руководил его боярин Иван Дмитриевич Всеволожский. Узнав об отъезде Василия II в Орду, туда же 8 сентября выехал и Юрий Дмитриевич.

При дворе золотоордынского хана Улу-Мухаммеда шла ожесточенная грызня ордынских кланов. Юрий Дмитриевич вошел в доверие знатного и могущественного мурзы Тегини, который обещал ему ярлык на Великое княжество Владимирское. По какой-то причине Тегиня и Юрий Дмитриевич отправились в путешествие в Крым, чем не преминул воспользоваться боярин Всеволожский. Он подольстился к другим мурзам, надавив на их самолюбие и ревность к могуществу Тегини. «Ваши просьбы, — говорил он им, — ничего не значат у хана, который не может выступить из Тегинина слова: по его слову дается великое княжение князю Юрию. Но если хан так сделает, послушавшись Тегини, то что будет с вами? Юрий будет великим князем в Москве, в Литве великим князем побратим его Свидригайло, а в Орде будет сильнее всех Тегиня».

По словам летописца, этими словами Всеволожский «уязвил сердца мурз как стрелою; все они стали бить челом хану за князя Василия и так настроили хана, что тот начал грозить Тегине смертью, если он вымолвит хоть слово за Юрия».

Весной 1432 г. в Орде прошел суд между дядей и племянником: Юрий основывал свои права на древнем родовом обычае, доказывал летописями и

ссылался на завещание Дмитрия Донского. За Василия же говорил боярин Всеволожский. Он сказал хану: «Князь Юрий ищет великого княжения по завещанию отца своего, а князь Василий по твоей милости. Ты дал улус свой отцу его Василию Дмитриевичу, тот, основываясь на твоей милости, передал его сыну своему, который уже столько лет княжит и не свергнут тобою, следовательно, княжит по твоей же милости». Русский летописец явно смягчил слова Всеволожского. По болгарской летописи это звучит так: «От имени Василия Васильевича выступил боярин Иван Всеволожский. Обращаясь к хану, он сказал: "Царь верховный! Молю, да позволишь мне, смиренному холопу, говорить за моего юного князя. Юрий ищет великого княжения по древним правилам русским, а государь наш по твоей милости, ведая, что оно есть твой улус: отдашь его, кому хочешь. Один требует, другой молит. Что значат летописи и мертвые грамоты, где все зависит от воли царской?"»^[190].

И эта лесть, выражавшая полное презрение к старинным русским обычаям, произвела на хана свое действие. Он дал ярлык Василию и даже хотел заставить Юрия вести коня под племянником, но Василий сам не захотел нанести такой позор дяде. Юрию также был уступлен Литров — выморочный удел его брата Петра, умершего в 1428 г. Так закончился суд в Орде.

Как видим, бедный мальчик Вася был готов на все: стать служилым князем при короле Витовте или «улусником» полухана^[191] Улу-Мухаммеда.

Юрий Дмитриевич прибыл в новоприобретенный удел Дмитров, но советники отговорили его долго там находиться. Слишком близко от Москвы — налетят изгоном (то есть внезапно) московские воеводы. Галицкие бояре как в воду глядели. Как только Юрий уехал, на Дмитров внезапно напало московское войско и овладело городом.

В конце 1432 г. Софья Витовтовна решила женить семнадцатилетнего сына на княжне Марии Ярославне, дочери Верейского князя Ярослава Владимировича (сына Владимира Андреевича Серпуховского) и Марии Голтыевой, внучке московского боярина Федора Кошки.

8 февраля 1433 г. состоялась пышная свадьба Василия II с Марией Ярославной. В Москву на торжества прибыли два сына Юрия Галицкого — Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Осторожный Юрий Дмитриевич остался в Галиче вместе с младшим сыном Дмитрием Красным. На свадьбе на Василии Косом был надет золотой пояс, украшенный драгоценными камнями («на чепех с камнем»).

Московские бояре решили устроить провокацию, чтобы окончательно

уничтожить Ивана Дмитриевича Всеволожского. На свадебном пиру Захарий Иванович Кошкин внезапно «узнает» пояс на Василии Косом. Этот пояс якобы был дан в 1366 г. суздальским князем Дмитрием Константиновичем Дмитрию Донскому в приданое за дочерью Евдокией. А тысяцкий Василий Вельяминов подменил этот пояс другим, менее ценным, а настоящий отдал своему сыну Николаю. Позже Николай Вильяминов злополучный пояс также дал в приданое за дочерью, которая вышла за Ивана Дмитриевича Всеволожского. А Всеволожский, в свою очередь, дал пояс в приданое своей внучке, вышедшей за Василия Косого.

Хитрый Захарий правильно рассчитал, что на пиру никто не вспомнит о духовном завещании Дмитрия Донского, и властная и жадная Софья Витовтовна будет действовать решительно. Пьяная старуха подбежала к Косому и сорвала с него пояс. Братья Василий и Дмитрий не рискнули отбивать пояс силой, это значило быть немедленно убитыми. Они немедленно покинули пир и с охранявшими их дружинниками отправились к отцу в Галич.

Инцидент на свадьбе был страшным оскорблением по тем временам, и по дороге братья в бешенстве отыгрались на городе Ярославле, принадлежавшем Москве. Московские воеводы разбежались, а городская казна была захвачена Юрьевичами.

История с поясом была последней каплей, переполнившей чашу терпения Юрия Галицкого. Он вспомнил всё: и унижения от хана Улу-Мухаммеда, и захват города Дмитрова, и многое другое. Когда Косой и Шемяка въезжали в Галич, дружина отца уже готовилась к походу на Москву.

Василий II собрал большое войско, там была не только дружина, но и московское ополчение из «Москвы гостей и прочих». Рати сошлись 25 апреля 1433 г. на реке Клязьме в 20 верстах от Москвы.

Князь Юрий Галицкий и его сыновья были искусными воеводами. Да еще накануне битвы Василий II устроил пир, как писал А.А. Зимин, «москвичи в дым перепились». Рать Василия II была вдребезги разбита, а сам он, не дожидаясь конца сражения, бежал в Москву. Однако готовить оборону столицы молодой князь не стал, а собрав казну, жену и мать, бежал в Тверь. Однако великий князь тверской Борис Александрович держал строгий нейтралитет в усобицах потомков Дмитрия Донского и посоветовал беглецам ехать дальше.

Тогда Василий с родней собрался сесть на струги и отправиться вниз по Волге в Кострому, а оттуда далее, до самого Сарая. Однако конная дружина Василия Косого сумела захватить Василия прежде, чем он

добрался до стругов.

Замечу, что в соседних русских землях действия Юрия Дмитриевича рассматривались не как узурпация власти, а как восстановление нарушенной справедливости. Согласно Псковской летописи, князь Юрий Дмитриевич «седе на великом княжении во граде Москве во своей отчине»^[192].

Между тем Юрий Галицкий въехал в Москву и стал великим князем. Дядя поступил с захваченным племянником Василием II великодушно, дав ему в удел город Коломну.

Казалось, чем плохо 18-летнему выпивохе — красивый город на Оке, леса полны зверя (там и сейчас заповедники), да еще молодая жена. Но старомосковским боярам не понравилось быть на вторых ролях у великого князя Юрия Дмитриевича. Большинство из них, включая Кошкиных, отправились в Коломну подговорить Василия II выступить против дяди. Причем Юрий Дмитриевич не мешал отъезду бояр и служилых князей к племяннику. В итоге к Коломне были стянуты большие силы.

Гражданская война вступила в новую фазу. В августе 1433 г., не дождавшись подхода войск племянника из Коломны, Юрий Дмитриевич покидает Москву и уезжает в Звенигород. Василий II вернулся в Москву и снова стал великим князем. Через месяц дядя с племянником заключили мир. Однако вскоре Василий II нападает на Галич. Взять город он не смог, но основательно разорил окрестности.

В начале 1434 г. Юрий Дмитриевич с сыновьями и вятскими ушкуйниками двинулся в поход. Противники сошлись 20 марта 1434 г. у горы Святого Николая в Ростовской земле. Вместе с Василием II были Можайский князь Иван Андреевич и отряд рязанцев. В ходе жестокой сечи Юрий Дмитриевич наголову разбил москвичей и их союзников. Как и в предшествующих сражениях, Василий II бежал, не дождавшись конца боя. Он прибежал 1 апреля в Новгород, а Иван Можайский укрылся в Твери.

24 марта 1434 г., «в среду, на Страстной неделе», войско Юрия Дмитриевича подошло к Москве. Там находились жена и мать Василия II, а защитой города ведал воевода Роман Иванович Хромой.

Но осады как таковой не было. Галицкое войско и его союзники праздновали Пасху, то же самое происходило и в Москве. Великий князь Юрий Дмитриевич этим показал горожанам, что он прибыл не штурмовать вражеский город, а «в свою вотчину».

И вот 31 марта, «в среду на Святой неделе», в Москве торжественно ударили в колокола. Ворота раскрылись, и народ радостно встретил дружину галицких князей. Воевода Роман Хромой поступил на службу к

Юрию Дмитриевичу, а великие княгини Софья Витовтовна и Мария Ярославна под конвоем отправились в ссылку в Звенигород.

Итак, Юрий Дмитриевич вторично стал великим князем московским. Он начал энергично приводить в порядок разваленные Василием дела и укреплять единое государство. Даже ближайшие союзники Василия II спешили заключить с князем Юрием договоры и признать его старшинство на Руси. В вассальные отношения с ним вступили великий князь рязанский Иван Федорович и князья Иван и Михаил Андреевичи (можайский и белозерский князья).

Великий князь Дмитрий начинает монетную реформу. Теперь на монетах изображался всадник, поражающий змия, то есть Георгий Победоносец. Святой Георгий был патроном князя Юрия. Выпуск монет с изображением победоносного всадника говорил и о стремлении Юрия утвердить единое государство, и о его решимости бороться с Ордой, поскольку змий символизировал Восток. Василий II, вернувшись к власти, сохранил на монетах изображение Георгия Победоносца.

Однако в ночь с 5 на 6 июня 1434 г. Юрий Дмитриевич внезапно умер. Вполне возможно, имело место отравление — любимый метод племянника Василия, но доподлинных подтверждений этому, увы, нет.

Но мы забыли бедного изгнанника Василия II. Тверской князь Борис Александрович продолжал держать твердый нейтралитет. Он не подписал договора с Юрием Дмитриевичем, но, с другой стороны, посоветовал Василию II ехать куда подальше. Василию бежать было некуда, в Литве его явно не ждали, и он отправился вниз по Волге-матушке через Кострому в Нижний Новгород. Оттуда оставался один путь — в Орду.

В Москве узнали о планах беглого великого князя, и к Нижнему отправился конный отряд во главе с Шемякой и Красным. Вест о смерти великого князя Юрия Дмитриевича застала Василия II и его спутников чуть ли не на пристани, готовившихся отплыть в Орду, а дружину галицких князей, ловивших Василия, — во Владимире.

Итак, в момент смерти Юрия Дмитриевича в Москве был его старший сын Василий Косой, а Шемяка и Красный гонялись за Василием II. Не мудрствуя лукаво, Косой объявил себя великим князем московским. Однако этому решительно воспротивились... его братья. Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный объявили Василию Косому: «Аще не восхоте Бог, да княжит отец наш, а тебя и сами не хотим».

Узнав об оппозиции братьев к Василию Косому, Василий II пришел в неописуемый восторг. Естественно, что вопрос о поездке в Орду отпал. Вместо этого Василий II с несколькими спутниками едет во Владимир, где

его ждут Шемяка и Красный со своими дружинами. Примирившиеся враги идут на Москву.

Василию Косому удалось просидеть на великокняжеском троне всего лишь месяц. Он не стал дожидаться войска братьев и бежал. «Побрав злато и серебро, казну отца своего, и градские запаси весь», взяв в качестве заложницы Марию Голтыеву (мать жены Василия II), Василий Косой направился к Ржеве — в один из городов князя Юрия.

Таким образом, братья Дмитриий Юрьевичи буквально «за ручку» привели двадцатилетнего Василия II в Москву и посадили его на престол. Факт, который тщательно обходили московские дьяки и царские историки.

В войне между потомками Донского наступило почти пятилетнее перемирие.

В 1437 г. в Золотой Орде началась война между ханом Улу-Мухаммедом (Улук-Мухуммедом) и Кичи-Мухаммедом, сыном Тимур-хана.

В начале 30-х гг. XV в. орда Кичи-Мухаммеда кочевала в Средней Азии, а в начале 1437 г. он двинулся на северо-запад. Вскоре Кичи-Мухаммед захватил район низовий Волги, Дона и Днепра, некоторое время он контролировал и Крым.

Ряд эмиров Улу-Мухаммеда перебежали со своими дружинами к Кичи-Мухаммеду. Спасаясь от соперника, Улу-Мухаммед двинулся с ордой на север и занял район города Белева. Белев находился в верховьях Оки и в начале XIII в. входил в составе Черниговского княжества. После же развала Черниговского княжества в конце XIV в. Белевское княжество стало независимым. Первым князем белевским был Василий Романович. Его сын Михаил бежал в 1407 г. в Москву после захвата княжества войсками Витовта.

Создание нового татарского государственного образования в непосредственной близости от Москвы вызвало ярость у великого князя Василия II и его бояр. Кроме того, московское правительство и само имело виды на Белевское княжество. Недаром сыновья изгнанного белевского князя Михаила Васильевича Федор и Василий^[193] паслись на московских хлебах.

В итоге на Белев было отправлено большое войско, в составе которого были и дружины «молодших князей». Во главе войск были поставлены князья Дмитрий Юрьевич Шемяка и Дмитрий Юрьевич Красный. С ними великий князь послал и «прочих князей множество, с ними же многочисленнии полки».

Как утверждает великокняжеская летопись, братья Юрьевичи не

преминули по дороге заняться грабежом («все пограбиша у своего же православного христьянства, и мучаху людей из добытка, и животину бьюще, назад себе отсылаху, а ни с чим же не разоидяхуся, все грабяху и неподобная и скверная сеяху»^[194]).

Немногочисленные татарские полки под Белевом были разбиты и отброшены в город. Но закрепить этот успех русским войскам не удалось. Ворвавшиеся в Белев воеводы Петр Кузьминский и Семен Волынец погибли. Наутро татары, «убоявся князей Руських, и начася давати им в всю волю их, и в закладе дети своя давати, и что где взяли, и не в великого князя отчине, полону, то все отдавали, и по тот день не чинити им пакости». Переговоры вели «зять зарев» Елбердей и князя Усеин Сараев и Сеунь-Хозя, а с русской стороны — В.И. Собакин и А.Ф. Голтяев.

Таким образом, Улу-Мухаммед готов был стать вассалом Василия II. Видимо, это было неплохое предложение для великого князя московского. Орда Улу-Мухаммеда могла стать хорошим подспорьем в борьбе с литвой, с галицкими князьями и с другими недругами Василия II.

Однако русские отвергли все предложения татар. Резонно предположить, что князя Юрьевичи не были заинтересованы в появлении сильного вассала у их потенциального противника. «Видевъше своих многое множество, а сих худое недостаточество», они решили окончательно добить врага.

5 декабря 1437 г. началось новое сражение, которое закончилось совсем не так, как виделось воеводам. Летописец с горечью писал: «... малое и худое оно безбожных воинство одолеша тмочисленным полком нашим, неправедне ходящим, преже своих губящем». Старожилы рассказывали, что в разгроме русских войск был повинен мценский воевода Григорий Протасьев, состоявший на службе у великого князя литовского. Глубоко вдвинутый в Степь верховский город Мценск (на реке Зуше) часто подвергался нападениям ордынцев. Поэтому дурной мир с ними горожане предпочитали хорошей войне. Эти настроения сказались и на событиях под Мценском в 1437 г. Протасьев якобы «сотвори крамолу, хотяше бо лестию промеж их мир сотворити». Протасьев якобы заявил московским воеводам: «Великий князь мрй [то есть литовский. — А.Ш.] прислал ко мне приказ, чтоб я не бился с ханом, а заключил с ним мир и распустил полки». Русские воеводы склонились было к его доводам, а Протасьев тем временем перешел на сторону противника и послал своего человека к Улу-Мухаммеду, подбивая его выступить против русских. Воспользовавшись мглой, ранним утром татары незаметно вышли из острога и ударили по русским полкам. Позже, в 1439 г., по приказу Василия II воевода Григорий

Протасьев был ослеплен.

Результатом похода московского войска стало то, что Улу-Мухаммед осознал неудобства создания своего государства в верховьях Оки, где сходились интересы Москвы и Вильно. Кроме того, там не было исключено и нападение Кичи-Мухаммеда. В итоге Улу-Мухаммед двинулся на Нижний Новгород, а оттуда — на Булгары.

И русские, и ордынские источники сообщают о захвате Улу-Мухаммедом Нижнего Новгорода. Разница лишь в том, что русские летописи сообщают только об отдельных фактах пребывания Улу-Мухаммеда в Нижнем Новгороде, как, например, в 1445 г., а современные татарские авторы (Мифтахов, Муслимов и др.), основываясь на болгарских и ордынских летописях, считают, что татары Улу-Мухаммеда занимали Нижний Новгород с 1438 г. по 1445 г.

Занятие татарами Нижнего Новгорода прошло относительно мирно. Еще 15 августа 1389 г. татарский посол Шахмат сверг последнего нижегородского князя Бориса Константиновича и передал город Василию I. Московский князь не стал сажать служилых князей в Нижнем Новгороде, а держал там беспородных воевод. Население города не любило и не уважало их. Понятно, что особого желания умирать за Василия II у нижегородцев не было, и они открыли ворота Улу-Мухаммеду.

Татары согнали с вотчины шуйского князя Василия Юрьевича, правнука великого князя нижегородского Дмитрия Константиновича (годы правления 1359–1363), Он был вынужден бежать в Господин Великий Новгород. Новгородцы сделали его вторым служилым князем (первый был литовский князь Иван Владимирович). В 1445 г. в ходе войны Новгорода с Орденом Василий Юрьевич был воеводой в крепости Ям. Запомним этого князя, к нему мы вернемся через несколько страниц.

А мы возвратимся к Улу-Мухаммеду, который после занятия Нижегородского княжества отправился в Булгарию. Город Булгар был к тому времени разрушен, и Улу-Мухаммед идет к Казани.

В начале лета 1439 г. Улу-Мухаммед двинулся на Москву. По традиции потомков Калиты, Василий II «отправился собирать полки за Волгу», видимо, в район Костромы. Защищать Москву великий князь оставил князя Юрия Патрикеевича. А 3 июля Улу-Мухаммед осадил Москву. Опять же по традиции отдельные татарские отряды пустошили московские княжества и доходили до границ Тверского княжества.

Улу-Мухаммед постоял под Москвой десять дней, но города взять не смог и двинулся назад. По пути он взял и сжег Коломну.

Любопытно, что болгарская летопись утверждает, что в поход на

Москву Улу-Мухаммед отправился из Нижнего Новгорода, туда же он и вернулся обратно.^[195]

В конце 1444 г. хан Улу-Мухаммед взял Муром. Причина этого похода была весьма прозаическая. Зима выдалась холодной, и татары уже совершенно объели окрестности Нижнего Новгорода. Узнав об этом, Василий II собрал большое войско и двинулся к Мурому. С ним шли князья Дмитрий Шемяка, Иван и Михаил Андреевичи и Василий Ярославич. Великий князь шел в поход «со всеми князи своими, и боляры, и воеводами, и со всеми людьми».

«Передний полци» (воеводы), отправленные Василием II, побили татар и под Муромом, и «в Гороховце, и во всех инех местех». Основные же силы Улу-Мухаммеда отошли в Нижний Новгород. На этом кампания окончилась. Успокоенный легкой победой на востоке, Василий II поспешил вернуться через Суздаль и Владимир в Москву, куда он торжественно вступил 26 марта 1445 г.

Возможно, имело место и какое-то соглашение между Василием II и Улу-Мухаммедом. Я лично не люблю предположений, но в смуте XV в. на Руси так много темных мест, благо наши дьяки и историки вдоволь постарались искромсать отечественную историю, что без предположений просто не обойтись. Во всяком случае, можно только московско-татарским договором объяснить поход московских воевод и двух татарских царевичей на земли Великого княжества Литовского, начатый еще в феврале-марте 1445 г. Союзники разорили Вязьму и Брянск и дошли почти до Смоленска. С богатой добычей и большим полоном они вернулись восвояси.

Великий князь литовский Казимир среагировал немедленно. Во главе литовского войска были поставлены ковенский староста Волимунт Судивой, виленский воевода маршалок Радзивилл Осикович, смоленский наместник Николай Немиров, полоцкий наместник Андрей Сакович и другие. Литовцы разорили Козельск, Верею, Калугу и Можайск. По новгородским сведениям, литовская рать «5 городов взя, и плени земли много и повева, и христьянсьству погибель велика бысть». Московские летописцы дают более точные сведения: против семи тысяч литовцев русские смогли выставить едва только сто можаичей, сто вереитцев и 60 серпуховичей и боровичан. Воеводой у ратников князя Василия Ярославича был Жичев. Сопротивлялись они упорно. Так, под Козельском литовцы стояли целую неделю, но на реке Суходрови, притоке Угры, им удалось нанести поражение малочисленным войскам русских, хотя литовцы и потеряли убитыми 200 человек.

Среди погибших русских воевод был суздальский князь Андрей

Васильевич Лугвица, служивший можайскому князю Ивану Андреевичу. Возглавлявший войска князя Михаила Андреевича Иван Федорович Судок-Монастырев попал в плен. Затем он вернулся на Русь, служил Ивану Андреевичу и позднее вместе с ним бежал в Литву.

Трудно понять, зачем Василию II понадобилось нападать на Литву при полной неподготовленности западных рубежей Московского княжества к войне.

Стоит упомянуть и о походе в 1444 г. царевича Мустафы на Рязанские земли. Отметим, что сей царевич подчинялся не Улу-Мухаммеду, а сарайскому хану Кичи-Мухаммеду. Согласно летописи, он «повоевал волости и села рязанские и остановился в степи для продажи пленников, которых выкупали рязанцы. Когда пленные были все выкуплены, Мустафа пришел опять в Рязань, на этот раз уже с миром; хотелось ему зимовать в городе, потому что в степи не было никакой возможности оставаться: осенью вся степь погорела пожарами, а зима была лютая, с большими снегами и сильными выюгами; от бескормицы лошади у татар перемерли. Когда в Москве узнали об этом, то великий князь отправил на Мустафу двоих воевод своих — князя Василия Оболенского и Андрея Голтыева с двором своим да мордву на лыжах. Московские воеводы нашли Мустафу под Переяславлем на речке Листани, потому что рязанцы выслали его из своего города. Несчастные татары, полузамерзшие, бесконные, не могшие владеть луками по причине сильного вихря, должны были выдержать нападение с трех сторон: от воевод московских, от мордвы и от казаков рязанских, которые упоминаются тут в первый раз. Несмотря на беспомощное состояние свое, татары резались крепко, по выражению летописца, живыми в руки не давались и были сломлены только превосходным числом неприятелей, причем сам Мустафа был убит»^[196].

Любопытно, что трусливый Василий II одновременно платил дань сразу двум ханам — сарайскому Кичи-Мухаммеду и кочевавшему в причерноморских степях Сеим-Ахмету^[197]. Надо ли говорить, что это не понравилось Улу-Мухаммеду. Надо же — двум его конкурентам улусник Васька платит, а ему, самому ближнему хану, — нет!

Василий II (Из «Титулярника» 1672 г.)

Весной 1445 г. Улу-Мухаммед отправил двух своих сыновей, Махмуда (в русских летописях Мамутяк или Махмутек) и Якуба, в поход на Москву. В июле им навстречу отправился и Василий II с московской ратью. По пути к нему присоединились вассальные князья Иван и Михаил Андреевичи и князь Василий Ярославич. Дмитрий Шемяка на этот раз не пришел. Московское войско подошло к Суздалю и разбило лагерь на реке Каменке. 6 июля в стане началось движение — ратники надели доспехи, подняли знамена и выступили в поле. Но татар не было видно, и Василий Васильевич вернулся в лагерь и сел с князьями и боярами ужинать. Пили и гуляли долго, спать легли под утро. Великий князь проснулся поздно, отслушал заутреню и собрался было опять лечь спать, но тут разведка донесла, что татары переправляются через реку Нерль. Великий князь тут же послал поднимать войска, сам надел доспехи, поднял знамена и выступил в поле.

В битве у Спасо-Евфимьевского монастыря русские поначалу стали

одолевать, татары отступили. Но многие русские, по словам летописца, «начаша избитых татар грабить». Этим воспользовался бек Кураиш, который завернул своих бежавших киргизов и контратаковал русских. Московская рать была вдребезги разбита. Василий II, его двоюродные братья Михаил Андреевич Верейский и Иван Андреевич Можайский попали в плен и были отправлены в Казань.

Затем татары разграбили Суздаль и, перейдя через Клязьму, стали напротив Владимира, но штурмовать его не решились и отправились назад через Муром в Нижний Новгород.

Когда в Москве узнали о пленении Василия II, то «поднялся плач великий и рыдание многое». Но за этой бедой пришла и другая: ночью 14 июля «загорелась Москва и выгорела вся, не осталось ни одного дерева, а каменные церкви рассыпались и каменные стены попадали во многих местах». Людей погибло много, по одним данным, 700 человек, по другим — гораздо больше, потому что из города мало кто бежал: боялись татар. Добра всякого сгорело множество, так как в Москве собрались жители других городов и окрестных сел и готовились к осаде.

Паника в Москве была пресечена приходом Дмитрия Шемяки, который взял власть в свои руки. Между тем Улу-Мухаммед отправил в Москву своего посла мурзу Бигича с поручением возвести на великокняжеский престол Шемяку. Дмитрий очень обрадовался, так как давно мечтал об этом. Вместе с Бигичем он отправил к хану своего посла Федора Дубинского, чтобы выразить Улу-Мухаммеду благодарность за оказанную честь. Бигич и Дубинский до Муромы ехали на лошадях, а там пересели на судно. Так пожелал Бигич: он хотел полюбоваться речными просторами Оки.

Но пока Бигич пьянствовал в Москве и путешествовал по Оке, хан Улу-Мухаммед был убит в Казани своим братом Кара Якубом. Дальнейшую историю З.З. Мифтахов описывает так: «После этого [убийства Улу-Мухаммеда. — А.Ш.] Кара Якуб освободил из тюрьмы Василия II, а также его двоюродного брата и бывших при них бояр. Первым делом великий князь отправил Андрея Плещеева в г. Переславль, чтобы сообщить матери и жене о своем освобождении, а также о том, чтобы привезли выкуп в г. Курмыш. В деревне Иваново-Кислеево Плещеев встретил Плишко Образцова, который с лошадьми ожидал прибытия на судне Бигича и Дубинского. На берегу Оки, недалеко от переправы, между ними состоялся обмен информацией. Плещеев сообщил о том, что Василий II освобожден из плена, а Образцов о том, что в Москве великим князем провозглашен Дмитрий Шемяка. Когда подплывшие на корабле мурза Бегич и посол

Дубинский узнали о случившемся, то они вернулись в г. Муром, где Бигич был арестован сторонниками Василия II. Узнав об освобождении Василия II из тюрьмы, Дмитрий Шемяка покинул Москву и направился в Углич.

Тем временем Кара Якуб вместе с Василием и его приближенными прибыл в г. Курмыш, расположенный на берегу Оки. Здесь он стал ждать, когда привезут выкуп. В Казани Кара Якуб оставил своего племянника Якуба, перешедшего на его сторону, с 500 кыргызами, а также ногайского служилого князя Кильдибека с 2500 всадниками.

Якуб освободил из тюрьмы Галибия, который сразу стал претендовать на власть.

Когда Махмуд и Кураиш узнали о гибели Улуг-Мохаммеда, то “были потрясены этим вероломством и изменой”. В сопровождении тысячи кыргызов они прибыли в г. Курмыш. Здесь “между ними и злодеем произошел бой”. Во время этого боя Кара Якуб “бросился на Махмудтека с ножом, но тот опередил дядю” и ударом кинжала убил его. Так закончил свой жизненный путь братоубийца Кара Якуб»^[198].

Узнав об освобождении Василия II, Дмитрий Шемяка бежал из Москвы в Углич. А Василий тем временем добрался до Мурома, а оттуда направился во Владимир. «И бысть радость велика всем градом Русским», — с умилением пишет московский летописец.

В Переяславле состоялась торжественная встреча великого князя. Туда загодя прибыли великие княгини Софья Витовтовна и Мария Ярославна с сыновьями Василия II Иваном и Юрием, а также весь великокняжеский двор. А на Дмитриев день, 26 октября, Василий прибыл в Москву.

Но, к ужасу москвичей, великий князь приехал не один, его сопровождали 500 вооруженных татар, которые вели себя в Москве как в побежденном городе. В народе пошли толки, что де князь Василий за свое освобождение пообещал татарам фантастическую по тем временам сумму — 200 тысяч рублей, а также несколько русских городов, из которых он намеревался выгнать местных князей. Наши историки XIX–XX вв. задним числом будут утверждать, что это, мол, только сплетни, распускаемые врагами великого князя. Но каковы же подлинные условия договора — об этом наши мудрые профессора молчат.

Видимо, договор был столь скандален, что всю информацию о нем уничтожили или засекретили. Другой вопрос, когда это было сделано? В XV или в XIX в.? А может, подлинный договор и сейчас лежит в секретной части какого-нибудь архива? Ведь у нас и сейчас, в эпоху гласности и демократии, в секретных частях архивов лежат тысячи документов, возраст которых 100 и более лет.

В любом случае сумма выкупа за Василия II была огромная. Все простые воины, взятые в плен в Суздальской битве, и мирные жители, захваченные татарами, не возвратились, а были проданы в рабство. Мало того, Василий II начал передачу татарам русских городов, чего не было со времен Батые. Впервые в истории Руси в наших городах татарским князьям было разрешено строить мечети.

Василий успел передать татарам лишь один русский город — Мещерский городок на Оке, основанный еще в 1152 г. Он перешел в потомственное владение Касиму, сыну Улу-Мухаммеда.

Татарским «царевичам» были отданы города Серпухов, Звенигород, Верея, Кашира, Юрьев и Сурожик. Кстати, поначалу Василий II дал царевичу Касиму Звенигород, а позже поменял его на Мещерский городок.

Постыдные действия Василия II вызвали возмущение во всех слоях русского общества.

В начале февраля 1446 г. Василий II поехал замаливать грехи в Троицкий монастырь. В ночь на 12 февраля москвичи открыли ворота дружинам Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского. Им никто не сопротивлялся. Воины Шемяки схватили Софью Витовтовну и жену Василия Васильевича. Лишь детям великого князя удалось бежать в село Боярово (недалеко от Юрьева-Польского), принадлежавшее князю Ивану Рязанскому. Вместе с ними бежали бояре В.М. Шея-Морозов и Ю.Ф. Кутузов.

Согласно летописи, Василий II 13 февраля служил обедню в монастыре, как вдруг в церковь вбежал рязанец Бунко и объявил, что Шемяка и Можайский идут на Василия ратью.

И действительно, в молельню ворвался князь Иван Можайский со дружиной. Князь стал спрашивать, где великий князь. Василий, услышав его голос, закричал из церкви: «Братья! Помилуйте меня! Позвольте мне остаться здесь, смотреть на образ Божий, Пречистой Богородицы, всех святых. Я не выйду из этого монастыря, постригусь здесь».

Василий много раз нарушал клятвы и договоры, и ему, естественно, никто не поверил. Его схватили и привезли в Москву. Ночью ему прочитали приговор: «Зачем навел татар на Русскую землю и города с волостями отдал им в кормление? Татар и речь их любишь сверх меры, а христиан томишь без милости; золото, серебро и всякое имение отдаешь татарам, наконец, зачем ослепил князя Василия Юрьевича?», а затем ослепили. После казни Василий II получил прозвище Темный. С помощью рязанского епископа Ионы Шемяка захватил и детей Василия II. Ослепленный великий князь с сыновьями был сослан в заточенье в Углич.

Однако победу Шемяки можно без преувеличения назвать пирровой. Значительная часть московских бояр отказалась служить галицкому князю.

Победа Шемяки над Василием II вызвала явное неудовольствие у ордынских покровителей московского князя. И 17 апреля 1446 г., «на Велик день», казанские татары, простояв три дня под Устюгом, пошли на штурм. Они «приступили к городу, несучи на головах насад». Насады (лодьи) должны были защищать татар от града камней, стрел и копий, которые сыпались на них с крепостных стен. Однако захватить Устюг татарам не удалось, и они отошли, получив с него «откуп, комейщину, за 11 000 денег и всякою рухлядью» (мехами). В Устюг меха поступали с Севера, а отсюда уже шли на рынки Новгорода, по Волге и в Центр. На этот раз татары остались без полона.

Затем татары, миновав Галич, «приходили... на Кичменгу» и вверх по Югу через волок направились на Ветлугу, приток Волги. До Казани они плыли на плотах, «да в полоех тонули». Из отборного отряда «царева двора» численностью в 700 человек в Казань вернулось 40 человек.

Значительная часть сторонников Василия II бежала в Литву. Первым туда бежал боярин Федор Басенок с дружиной, затем — князь Василий Ярославич Серпуховской, которому Казимир IV дал «в вотчину» города Брянск, Гомель, Старо-дуб и Мстиславль. Брянск Василий Ярославич уступил князю СИ. Оболенскому и Федору Басенку.

На литовское порубежье ушли и татарские царевицы Бердедат Кудудатович, Касим и Якуб Мухаммедовичи, сохранявшие верность Василию II.

В сложившейся ситуации Шемяка решил примириться с Василием Темным. Вместе с несколькими церковными иерархами он поехал в Углич, где содержался в заключении Василий. Приехав туда, Шемяка выпустил Василия с детьми из заключения, покался и попросил у него прощения. Василий же, сознавая свою вину, говорил: «И не так еще мне надобно было пострадать за грехи мои и клятвопреступление перед вами, старшими братьями моими, и перед всем православным христианством, которое изгубил и еще изгубить хотел. Достоин был я и смертной казни, но ты, государь, показал ко мне милосердие, не погубил меня с моими беззакониями, дал мне время покаяться». Как говорил летописец: «Когда он это говорил, слезы текли у него из глаз как ручьи; все присутствующие дивились такому смирению и умилению и плакали сами, на него глядя».

Дмитрий Шемяка в честь примирения с Василием закатил для него, его жены и детей большой пир, куда были приглашены все епископы, многие бояре и дети боярские. Василий получил богатые дары и Вологду в

отчину, поклявшись Шемяке впредь не искать великого княжения.

Но Василий, естественно, и не собирался выполнять условия крестного целования и, освободившись, немедленно возобновил гражданскую войну. Помимо московского боярства у него нашлось еще несколько союзников. Так, тверской князь Борис Александрович первые годы гражданской войны держал нейтралитет, а в феврале 1446 г. поддержал Шемяку, испугавшись передачи Василием татарам русских городов^[199]. Но к 1447 г. тверской князь осознал, что его родной Твери куда большую угрозу представляет талантливый полководец «государь Дмитрий Юрьевич», чем слепой Василий, который и прежде-то был бездарным полководцем, зато отличным выпивохой. В 1447 г. состоялось обручение старшего^[200] сына Василия II Ивана и Марии, дочери Бориса Александровича Тверского. Свадьба состоялась в Москве позже, 4 августа 1452 г. Жениху в это время было 12 лет, а невесте — около 10.

Вот бы туда наших прокуроров, пересажали бы за соблазнение несовершеннолетних всех русских князей. Между прочим, Мария родила вполне здорового сына Ивана. Умерла Мария рано, в 1467 г., но не от раннего вступления в брак, а от «смертного зелья» — тело ее непомерно разбухло и т. д.

Тверской князь помог Василию Темному деньгами и войском, в том числе осадной артиллерией^[201]. Взамен Василий пообещал отдать Твери сильную крепость Ржеву. Много сделали для Василия и казанские татары. В конце 1446 г. войско Касима соединилось с войском Якуба, пришедшим из Казани.

Князя Василий Ярославич Серпуховской, трое Ряполовских, Иван Стрига и Семен Оболенские собрали свои дружины в районе города Мстиславля и решили идти на помощь Василию II. Замечу, что дружины этих князей были сформированы в основном на территории Великого княжества Литовского с согласия и с помощью великого князя литовского Казимира. Чтобы не допустить соединения войск Василия Серпуховского и Василия II, Дмитрий Шемяка и Иван Можайский вышли из Москвы с большой ратью и заняли район Волоколамска. Там они и простояли с 15 ноября по 25 декабря 1446 г. При этом подавляющее большинство московских ратников попросту дезертировало. Кто бежал в Тверь, кто — по домам. В итоге Дмитрий и Иван остались со своими дружинами — галицкой и можайской.

Тем временем конный отряд тверского князя Бориса Александровича и несколько десятков дружинников Василия II во главе с Плещеевым и

Измайловым совершили смелый рейд на Москву. Ворота были открыты, этим воспользовались нападавшие и ворвались в город. Сопротивление тверичам и людям Плещеева было оказано слабое. В плен был взят наместник можайского князя Ивана Андреевича Василий Чешиха, а наместнику Шемяки Федору Галицкому удалось бежать. Чувствуя непрочность своего положения в Москве, Шемяка в самом начале боевых действий отослал в Галич жену Софью Дмитриевну и сына Ивана. Жители столицы были приведены к присяге на имя Василия II. На случай возможного нападения противника город начали спешно укреплять.

Одновременно с посылкой «изгонной рати» к Москве основные силы союзников двинулись к Волоколамску. Их вели сами великие князья Василий II и Борис Александрович.

В такой ситуации Дмитрию Шемяке ничего не оставалось, как уходить. Он отошел к Угличу, а затем по замерзшей Волге через Ярославль дошел до Костромы. Далее он двинулся по рекам Костроме и Вексе. В Чухломе Шемяка захватил старуху Софью Витовтовну и вместе с ней остановился в Каргополе.

В это время московско-тверское войско осадило Углич. Несколько позже к Угличу подошли и сформированные в Литве войска служилых князей — сторонников Василия II. Наконец, к Угличу подтянулась и мощная тверская осадная артиллерия. Ей заведовал известный тверской пушкарь Микула Кречетников. Инок Фома писал о нем: «Таков беаше мастер, но яко и среди немец не обрести такова».

Деревянные стены Углича не выдержали огня тверских бомбард и пищалей, и в середине января 1447 г. город был взят. При штурме погиб известный воевода Василия II литвин Юшка Драница.

Сразу после взятия Углича «тверской наряд» вместе с Микулой Кречетниковым был направлен под Ржеву. Ржевичи упорно сопротивлялись в течение трех недель, несмотря на ожесточенный пушечный обстрел города. По словам инок Фомы, горожане в свою очередь «биаху овии пушками, а инии пращами, а друзии камене метяху, а овии стрелами, яко ж дождем пуцаху». Но тверской наряд оказался мощнее: «толь бо грозно, но яко ж от великого того грому многим человеком падати». В конце концов под город пришел сам князь Борис Александрович, и весной 1447 г., «в Великое заговенье», Ржева сдалась на милость победителя.

Стремясь изолировать Шемяку от союзников, Василий II заключает окончание с бывшим его соратником можайским князем Иваном Андреевичем. Текст договора до нас не дошел. Но, судя по соглашениям великого князя с тем же Иваном Андреевичем от сентября 1447 г. и с

серпуховским князем Василием Ярославичем начала 1447 г., Василию II за отказ Ивана Можайского от союза с Шемякой пришлось передать можайскому князю Бежецкий Верх, Лисин и половину Заозерья.

Сразу после взятия Углича войско Василия II вместе с тверскими воеводами двинулось по Волге к Ярославлю. Один маститый историк (не называю фамилию из этических соображений) писал: «...воины плыли в насадах, а кони шли берегом». Увы, в январе-феврале как раз кони шли по замерзшей Волге.

В Ярославле союзники соединились с татарским войском царевичей Касима и Якуба, сыновей Улу-Мухаммеда.

Тем временем Дмитрий Шемяка заключил союз с нижегородскими князьями. Мы помним, что в 1438–1445 гг. Нижний Новгород контролировали казанские татары (Улу-Мухаммед, сыновья и К°). Но в ответ на татарский набег 1446 г. Дмитрий Шемяка выбил татар из Нижнего Новгорода. Понятно, что этот вопрос наши историки обходят — мол, были татары, да все как-то сплыли...

А в начале 1447 г. Шемяка отобрал Суздаль у изменившего ему князя Ивана Можайского. После этого Дмитрий Юрьевич воссоздает Суздальско-Нижегородское Великое княжество. Во главе его были поставлены удельные шуйские князья Василий и Федор Юрьевичи, правнуки великого князя Дмитрия Константиновича Нижегородского.

Оказавшись в сложном положении, Шемяка был вынужден изменить свою антитатарскую политику и отправить посла в Казань к местному хану Мамутеку (Махшутеку), старшему сыну Улу-Мухаммеда. При этом, несмотря на договор с Василием II, Дмитрий Юрьевич категорически отказался платить дань хану Сеид-Ахмету: «От царя Седи-Яхмата прили к брату твоему старейшему великому князю его послы, и он к тебе посылал просити, что ся тебе имае дати с своей отчины в те в татарские просторы; и ты не дал ничего, а не заучи царя Седи-Яхмата царем».

Мне лично трудно понять, зачем Москве понадобилось платить дань Сеид-Ахмету, кочевавшему в то время в Подолии и воевавшему с польским королем Казимиром IV.

А тем временем Василий II подготовил «идеологическую диверсию» против Дмитрия Шемяки. Предоставлю слово А.А. Зимину: «29 декабря 1447 г. высшие иерархи русской церкви (включая рязанского епископа Иону), явно по прямому указанию Василя II и его окружения, составляют послание Дмитрию Шемяке. В нем они перечисляют "вины" и "неисправления" мятежного князя, в первую очередь нарушение галицким князем последнего докончания с Василием Васильевичем. Прежде всего,

пишут они, обращаясь к Шемяке, "ты на него (Василия II) добывался, а христианство православное до конца губя, съсылаешь с иноверци, с поганьством и с иными со многими землями, а хотя его и самого конечно погубити и его детки, и все православное христианство раздрушити". Иерархи утверждают, что Дмитрий Шемяка пытается "подбить" на выступление против великого князя соседей: "...всюды во христианство, так и в бессерменство, к Новугороду к Великому посылаешь, ко князю Ивану Андреевичю посылаешь, к вятчанам посылаешь".

Касаясь деликатного вопроса о татарах на Руси, иерархи от имени великого князя обещали, что, как только Шемяка "управлится... во всем чисто по крестному целованию", Василий II тотчас "татар из земли вон отошлет"»^[202].

Из грамоты иерархов следует, что нанятые Василием II татарские отряды рыщут по всему Московскому княжеству и изрядно надоели как знати, так и черни. Так, в 1446–1447 гг. по приказу Василия II войско царевичей Касима и Якуба стояло в Костроме, защищая ее от Шемяки. Надо ли говорить, во что обошлась горожанам и окрестным крестьянам эта «защита»?

В конце послания иерархи призывали Шемяку подчиниться воле великого князя и покаяться. Они-де били челом перед великим князем, и Василий II готов «жаловати... по старине» Шемяку, если тот «о всем... управливатися срок, по Крещеньи две недели». И если в этот срок Шемяка не выполнит предъявленные ему требования, то иерархи угрожали ему отлучением от церкви: «...ино то не мы тебе учиним, но сам на себе наложит тягость церковную духовную».

Пока иерархи писали послание Шемяке, Мамутяк в Филиппово заговенье (15 ноября — 25 декабря) 1447 г. выступил на Владимир, Муром и другие города. На перехват татар была послана московская рать. Татары решили не принимать боя и благополучно ушли с добычей и полонем. Клевреты Василия II, как тогдашние, так и современные, пытались приписать действия Мамутека проискам Шемяки. Но никаких доказательств у них нет. С точки зрения элементарной логики грабительский набег татар в любом случае ничего не мог дать Шемяке.

В 1449 г. татары хана Сеид-Ахмета совершили набег на западную часть Московского княжества. Они опустошили берега реки Пахры. Навстречу татарам Сеид-Ахмета из Звенигорода (подмосковного) вышел татарский отряд Касима. В летописи говорилось: «И с коими стретился [Касим] тех бил и полон отымал; они же, видево то, бежаша назад». На самом же деле татарам Сеид-Ахмета удалось увести большое количество

пленных, в том числе и несколько боярынь, живших летом в своих подмосковных вотчинах. Среди них оказалась и княгиня Мария, жена князя Василия Ивановича Оболенского — любимого воеводы Василия II.

Для нас же этот сравнительно небольшой набег интересен числом городов, отданных Василием II на кормление татарам. Я уже говорил о Мещерском городке (Касимове) и Костроме. Звенигород был захвачен Василием II в конце 1436 г., после победы над Василием Косым. В конце 1446 г. Василий II передал Звенигород и окрестные места татарским царевичам — сыновьям Улу-Мухаммеда. Вот почему царевич Касим кинулся бить соплеменников, защищая свои владения.

Видимо, татары хозяйничали в Звенигороде до 1454–1455 гг., когда Василий II отдал Звенигород в удел князю Василию Ярославичу Серпуховскому.

Осенью 1449 г. Василий II решает внезапно напасть на Галич и покончить с Шемякой.

Василий II назначил князя В.И. Стригу-Оболенского главным воеводой и отправил его под Галич «со всею силою своею». С ним он отпустил и «прочих князей и воевод многое множество, потом же и царевичей отпустил и всех князей с ними».

27 января 1450 г. войско Стриги-Оболенского подошло к Галичу. Шемяка со своими силами расположился на горе под городом. Московское войско подошло к горе со стороны озера, и ратники начали взбираться на гору. Из города по нападавшим началась стрельба из пушек, тюфяков и самострелов, но из-за большой дальности стрельбы «не убиша никого же». В рукопашном бою победила московская рать. Москвичи «многих избиша, а лутчих всех руками яша, а сам князь едва убежа, а пешую рать мало не всю избиша, а город затворился».

Промосковские летописцы пишут о храбрых воеводах Василия II, а на самом деле исход сражения решила конница царевича Касима, разгромившая правый фланг галичан.

Часть разбитого галицкого войска укрылась в городе, а часть во главе с Дмитрием Шемякой ушла «неведомо куда». И лишь через два месяца Шемяка прибыл в Господин Великий Новгород.

Получив известие о победе, Василий II из Борока пошел к Галичу. Узнав о его приходе, горожане «предашася ему. Он же град омирив и наместники своя посади по всей отчине той». Великокняжеский наместник был посажен также и в Угличе. На Масленой неделе, 9-15 февраля, Василий II вернулся в Москву.

Между тем война Василия Темного с Шемякой шла с переменным

успехом. Тогда Василий II подослал к сопернику убийц, которые и отравили Шемяку. Ну а все казенные историки будут предавать Шемяку анафеме. Лишь профессор Александр Александрович Зимин (1920–1980) посмеет написать: «Князь Дмитрий Юрьевич Шемяка был самым блистательным сыном той мрачной эпохи. Необыкновенная энергия, страстность в борьбе с противниками. Широкие государственные замыслы...

...в конце XV — первой половине XVI в. в России происходила борьба двух тенденций развития страны. Стоял вопрос, по какому пути пойдет Русь: по предбуржуазному, который развивался на Севере с его соледобывающей промышленностью, или по крепостническому? Север противостоял Центру и был в конечном счете им подмят под себя. Предвестником этого противостояния и была борьба Москвы с Галичем, Вяткой и Устюгом в годы смуты. Крепостнической, крестьянской и монашескующей Москве противостояла северная вольница промысловых людей (солеваров, охотников, рыболовов) и свободных крестьян. Гибель свободы Галича повлекла за собой падение Твери и Новгорода, а затем и кровавое зарево опричнины»^[203].

Пусть здесь Александр Александрович немного упрощает ситуацию, но в целом он недалек от истины. Ну, я добавлю, что московская бюрократия, всякие там Басёнки, посадившие на московский престол слепого выпивоху, позже заплатят за это своими головами или, по крайней мере, головами своих детей и внуков.

Важно, что татары были полноправными участниками всей этой тридцатилетней войны, и Василий II своей победой во многом обязан именно им.

Глава 15

Начало казанских походов и конец ига

27 марта 1462 г. после тяжелой болезни умер Василий Темный, и на престол взошел его 22-летний сын Иван, которого современники и их дети называли Грозным. Позже это прозвище забылось, так как его свирепый внук многократно побил рекорд жестокости, установленный дедом, и по праву вошел в русскую историю как Иван Грозный.

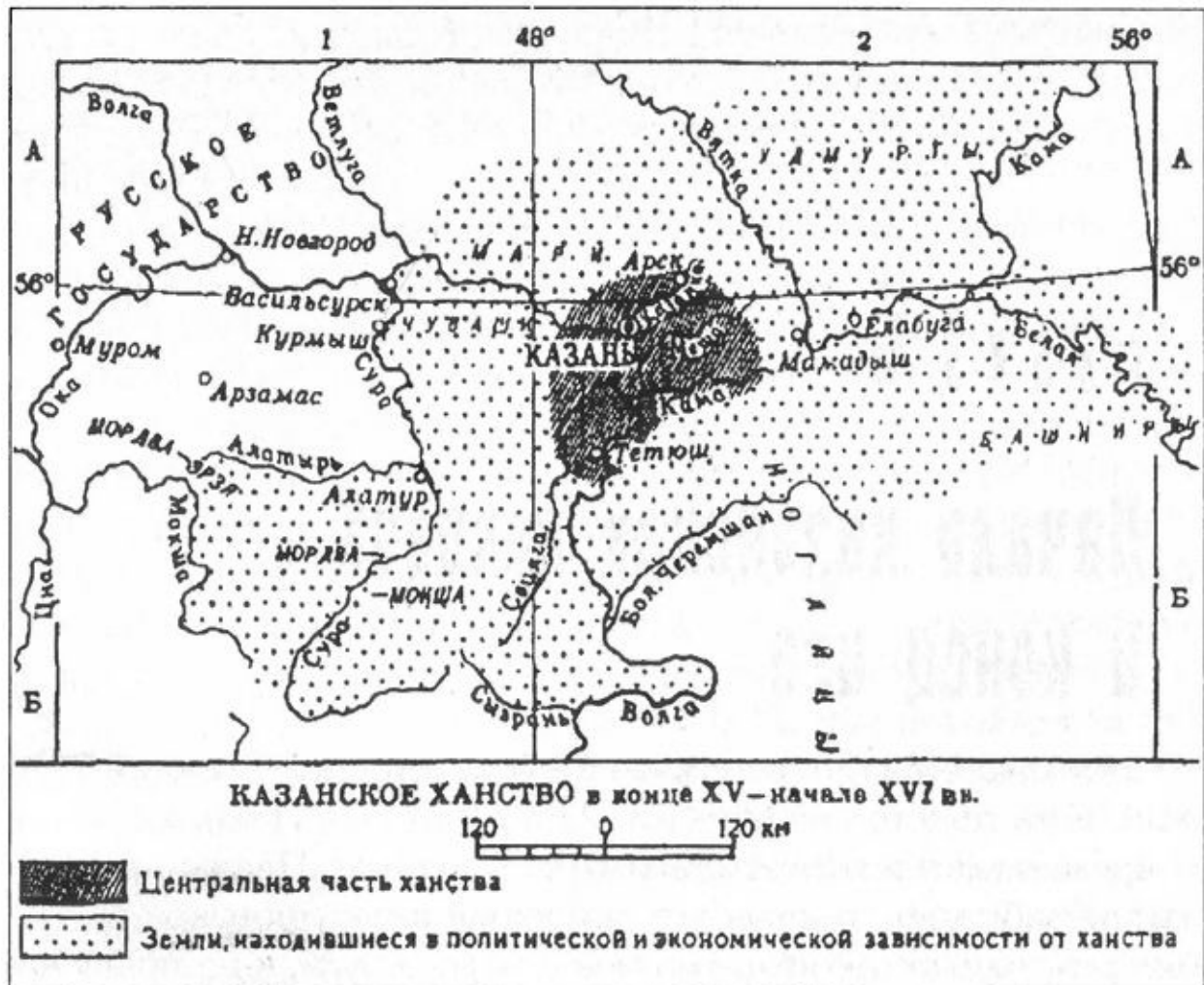
Как и отец, Иван III смертельно боялся потерять власть. На всякий случай, чтобы приучить русских князей и народ к мысли, что именно он, а не кто другой, должен был наследовать московский престол, с 1448 г. во всех московских документах Ивана III именуют великим князем, то есть получается, что в 1448–1462 гг., в течение четырнадцати лет, было целых два великих князя Московских — Василий и Иван.

Иван III стал первым московским князем, который не ездил в Орду. Тем не менее дань Золотой Орде он платил исправно до 1472 г.

В середине XV в. Казанское ханство стало окончательно независимым от Золотой Орды. В 1464 г. казанский князь Халиль в ходе аудиенции, данной послу золотоордынского хана, взял грамоту хана Ахмата, разорвал ее и растоптал. Затем казанские беки по очереди подходили и оплевывали обрывки Ахматовой грамоты, причем посол крымского хана с удовольствием присоединился к ним.

Между Золотой Ордой и Казанью начались боевые действия, но шли они вяло. В 1466 г. Халиль был свергнут с престола и заключен в тюрьму, где через год и умер. На казанский престол вступил младший брат Халиля Ибрагим.

Сарайский хан Ахмат приказал Ивану III отпустить из Мещерского городка в Казань царевича Касима. Ахмат надеялся, что Касим вернет Казанское ханство под власть Золотой Орды. В августе 1467 г. сорокатысячное московское войско двинулось на Казань. Во главе его были Касим и князь Иван Васильевич Оболенский-Стрига. Войско подошло к Волге в районе, где позже будет построен город Свияжск. Первым Волгу форсировал отряд касимовских татар под началом некоего Айдара. Там отряд Айдара был окружен превосходящими силами хана Ибрагима. Айдар сдался без сопротивления и позже получил поместье под Казанью.

Казанское ханство в конце XV- начале XVI в.

Узнав об измене Айдара, Касим и Оболенский отошли к месту, где сейчас находится Верхний Устюг, и устроили там укрепленный лагерь. Как свидетельствуют летописцы, осень 1467 г. была холодной и дождливой, и когда продовольствие и фураж в русском войске закончились, ратники стали отбирать скот и фураж у населения Горной стороны. Грабежи вызвали ответную реакцию: черемисы стали нападать на войско Касима.

Долго и безрезультатно простояв на правом берегу Волги, русские войска ушли, побросав много оружия по пути.

В ответ хан Ибрагим устроил поход на Верхний Устюг, Вятскую и Галицкую земли. Галичане не остались в долгу и 6 декабря 1467 г. выступили из Галича в Черемисскую землю. Целый месяц, в лютую стужу, без дорог шли они лесами и 6 января 1468 г. вошли к черемисам и выжгли всю их землю дотла, людей много перебили, взяли большой полон, имения

все пограбили, скот, который нельзя было увести с собой, перебили. Только один дневной переход отделял войско галичан от Казани, но галичане повернули назад.

В 1469 г. по приказу Ивана III на Казань пошла судовая рать под началом воеводы Константина Александровича Беззубцева. В войске были дети боярские из всех городов, пошла и московская городовая рать, сурожане, суконники, купцы и прочие москвичи. Суда шли к Нижнему Новгороду: из Москвы по Москве-реке и Оке, из Коломны и Муромы — по Оке, из Владимира и Суздаля — по Клязьме, из Дмитрова, Можайска, Углича, Ярославля, Ростова, Кострому и других поволжских земель — прямо по Волге, и все прибыли в Нижний одновременно.

В Нижнем Беззубцова догнала великокняжеская грамота с приказом: самому стоять в Нижнем, а на казанские места отправить охотников (добровольцев). Беззубцев собрал всех воевод и князей и объявил: «Прислал великий князь грамоту и велел всем вам сказать: кто из вас хочет идти воевать казанские места по обе стороны Волги, тот ступай, только к городу Казани не ходите». Князья и воеводы ответили: «Все хотим на окаянных татар, за святые церкви, за своего государя великого князя Ивана и за православное христианство!». И пошли все, а Беззубцев один остался в Нижнем Новгороде.

Ратники выплыли из Оки под Нижний Новгород Старый, сошли с судов, подошли к церкви и велели священникам отслужить молебен за великого князя и за его воинов. Потом ратники стали решать, кого поставить воеводой и выбрали Ивана Руна.

В тот же день войско отплыло от Нижнего; два раза ночевали в дороге и на третьи сутки утром 21 мая пришли под Казань, напали на посад и начали рубить сонных татар. Разграбили посад, набрали пленных, освободили христианских пленников (московских, рязанских, литовских, вятских, устюжских, пермских) и зажгли посад со всех сторон. Татары, не желая отдаваться в руки русским, запирались с женами и детьми в мечетях и там сгорали.

Когда посады полностью выгорели, русское войско отступило от Казани, ратники погрузили добычу на суда и отплыли на остров Коровнич, где остановились на 7 дней. А на восьмой день из Казани прибежал пленный коломенский ратник и объявил: «Собрался на вас царь казанский Ибрагим и всею землею».

Русские отправились в обратный путь. Татары несколько раз нападали на них. Обе стороны понесли большие потери, но основная часть русской рати добралась до Нижнего Новгорода.

Летом 1469 г. Иван III послал на Казань своих братьев Юрия и Андрея Большого и молодого верейского князя Василия Михайловича «со всею силою московскою и устужскою, конною и судовою».

1 сентября князь Юрий подошел к Казани. Татарское войско вышло навстречу, но после короткого боя вернулось назад. Русские осадили Казань. По болгарским же летописям, русские были разбиты и капитулировали. По русской версии, хан Ибрагим, «видя себя в большой беде, начал посылать с просьбою о мире и добил челом на всей воле великого князя и воеводской. Мы не знаем, в чем состояла эта воля, знаем только, что хан выдал всех пленников, взятых за 40 лет»^[204].

По татарской версии: «На следующее утро к русскому лагерю прибыл командующий болгарским флотом Ике-Имэн. Он показал московскому воеводе голову командующего русским флотом. После этого московский воевода вступил в переговоры с князем Гали-Гази. Итог переговоров был таков: болгары разрешили воеводе и четырем другим русским князьям отплыть к Нижнему Новгороду "в обмен на сдачу ими всего войска". Сдача войска должна была состояться после того, как русские князья доберутся до Нижнего Новгорода. И когда от них "в лагерь прибыл бояр с известием об этом, все войско сдалось". До этого в истории волжских болгар не было случая, чтобы одновременно им в плен попали 55 тысяч воинов. Дальнейшая судьба пленных была такова.

Во-первых, русские выкупили пять тысяч пленных.

Во-вторых, князь Гали-Гази купил три тысячи. Из них 150 человек он подарил своему тестю — сибирскому хану Тубе, а "остальных поселил в своем Лаишевском округе и дал им право курмышей". Позже принявших ислам он перевел в разряд субашей и "женил на выкупленных им арских рабынях"...

В-третьих, часть русских пленных купили арские черемисы. Они использовали их на заготовке леса, строительстве домов, укреплений и на других самых тяжелых работах.

В-четвертых, основную массу пленных продали купцам из Сарая и Крыма, а также болгарским казанчиям.

В сентябре 1470 г. Иван III направил князя Юрия Васильевича в поход на Казань. Войска подплыли на судах и сразу хотели штурмом захватить город. Произошли кратковременные, но ожесточенные стычки. Затем начались переговоры, которые закончились заключением мира. После этого русские войска вернулись в Москву»^[205].

Очевидно, что обе летописи искажают ход боевых действий, а русская

летопись объединяет походы 1469 г. и 1470 г. в один. По моему мнению, поход был один. В пользу этой версии говорит и смерть Касима в 1469 г., лишившая смысла дальнейшие походы на Казань.

Как уже говорилось, в 1471 г. отряд вятских ушкуйников спустился по Каме и Волге и, воспользовавшись отсутствием хана Ахмата с большей частью войска, овладел Сараем и взял множество пленных. Мест для пленных на ушкуях не хватало, поэтому многих из них везли на захваченных у татар лошадях параллельно берегу. Город Сарай после этого налета больше не восстанавливался.

Летом следующего 1472 г. хан Ахмат двинулся на Русь. По одной версии, это был ответ на поход ушкуйников, по другой же — хан Ахмат действовал по наущению польского короля Казимира. Еще по одной версии, он хотел отвлечь Ивана III от нападения на Новгород, но опоздал почти на год — роковая для новгородцев битва на реке Шелони состоялась 14 июля 1471 г.

Узнав, что хан под Алексиным, Иван III велел братьям и воеводам вести войско к Оке, а сам поехал в Коломну, а оттуда в Ростиславль, куда велел прибыть и своему сыну Ивану.

В Алексине людей ратных было много, но не было ни пушек, ни пищалей, ни самострелов, укрепления были слабы, и поэтому Иван III велел алексинскому воеводе Беклемишеву оставить город. Но воевода не хотел уходить, не разоривши жителей. «Те давали ему пять рублей, но он требовал шестого для жены, и в то время как происходила торговля, татары повели приступ».

Беклемишев с семейством и слугами бросился на другой берег Оки, татары кинулись за ним, но поймать не успели, так как в этот момент к берегу подошел отряд князя Василия Михайловича Вереяского и остановил татар. В тот же день к Оке подошли и братья Ивана III, князь Юрий из Серпухова, князь Борис с Козлова Брода и воевода Петр Челядин с двором великого князя.

Хан велел своим татарам взять Алексин, но горожане храбро оборонялись и отбили приступ. Но вскоре обороняться алексинцам стало нечем, не осталось ни стрелы, ни копья, и татары зажгли город вместе с людьми и со всем добром; а кому удавалось выбежать из огня, те попадали в руки татарам.

Князь Юрий Васильевич и воеводы стояли на другом берегу Оки и горько плакали, но помочь ничем не могли, якобы из-за большой глубины реки в этом месте.

После хан Ахмат спросил одного пленного алексинца, куда девались

горожане, поскольку и сгорело их мало, и в плен попало мало. Тогда пленник, которому татары пообещали свободу, выдал секрет, что более тысячи жителей спрятались в тайнике, выходящем к реке. Татары взяли тайник, и тут уж никто живым не ушел.

Истребив жителей Алексина, хан Ахмат повернул восвояси. По одной версии, он испугался подхода основных русских сил во главе с братом Ивана III Андреем и сыном царевича Касима Даньяром. По другим сведениям, отход Ахмата связан с эпидемией моровой язвы в татарском войске.

После этого похода Ахмата Иван III приказал прекратить регулярную (ежегодную) выплату дани Орде.

Другой вопрос, что большие суммы были отправлены в Орду с московскими послами. Так, в 1473 г. в Орду поехал посол Никифор Басенков. В рассказе о стоянии на Угре Софийская летопись об этом посольстве говорит следующее: «Тъй бо Мақыфор был в Орде и многу алафу (дары) татаром даст от себе; того ради любяше его царь и князи его».

На следующий 1474-й год Басенков вернулся в Москву, но не один, а с послом Ахмата Кара-Кучуком, которого сопровождал конвой из 600 татар. Посла и конвой пришлось кормить. Естественно, Кара-Кучуку дали бояре на лапу и послали богатые поминки хану. В последующие пять лет идет интенсивный обмен послами, но, увы, содержание переговоров нам неизвестно.

Согласно московской летописи, по прибытии очередных ханских послов Иван III в резкой форме отказался от уплаты дани, «взял басму (ханское изображение), изломал ее, бросил на землю, растоптал ногами, велел умертвить послов, кроме одного, и сказал ему: "Ступай, объяви хану, что случилось с его басмою и послами, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое"».

С.М. Соловьев считает, что это позднейшая выдумка, а выступить Ивана против татар уговорила его жена^[206].

Хан Ахмат в 1477–1478 гг. был занят войной с узбеками в Средней Азии. А в 1479 г. он договорился о совместных действиях против Москвы с королем Польши и великим князем Литовским Казимиром IV.

Летом 1480 г. большое войско Ахмата двинулось на Русь. Узнав от лазутчиков о движении хана, Иван III решил расставить войска по Оке, чтобы воспрепятствовать форсированию ее татарами. Войско брата Андрея Васильевича встало в Тарусе, войско сына великого князя Ивана Молодого заняло Серпухов, а сам Иван III 23 июля отправился в Коломну.

Ахмат тоже был в курсе передвижений русских войск и отказался от

форсирования Оки, а от Дона пошел мимо городов Мценска, Одоева и Любутска прямо к реке Угре. Ордынское войско подошло к Угре 8 октября 1480 г. и стало ждать подхода поляков и литовцев Казимира IV.

Иван III был весьма напуган походом татар. Москву начали готовить к осаде. Ведать обороной столицы было поручено князю Михаилу Андреевичу Вереysкому. В осаде должны были остаться мать великого князя инокиня Марфа и митрополит Геронтий, а жену свою великую княгиню Софию Иван послал вместе с казной на Белоозеро, велел ехать далее «к морю и океану», если хан перейдет Оку и возьмет Москву.

Сам Иван III поначалу поехал к войску на Угру. Несколько раз татары пытались форсировать реку, но были отбиты огнем пушек и пищалей. Но вскоре Ивана III охватил страх, и он велел сжечь город Каширу, а сам «по делам» уехал в Москву.

А теперь процитирую С.М. Соловьева: «30 сентября, когда москвичи перебрались из посадов в Кремль на осадное сиденье, вдруг увидели они великого князя, который въезжал в город вместе с князем Федором Палецким; народ подумал, что все кончено, что татары идут по следам Иоанна; в толпах слышались жалобы: "Когда ты, государь, великий князь, над нами княжишь в кротости и тихости, тогда нас много в безлепие продаешь; а теперь сам разгневал царя, не платя ему выхода, да нас выдаешь царю и татарам". В Кремле встретили Иоанна митрополит и Вассиан; ростовский владыка, называя его бегуном, сказал ему: "Вся кровь христианская падет на тебя за то, что, выдавши христианство, бежишь прочь, бою с татарами не поставивши и не бившись с ними; зачем боишься смерти? Не бессмертный ты человек, смертный; а без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю; дай мне, старику, войско в руки, увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами!" Великий князь, опасаясь граждан, не поехал на свой кремлевский двор, а жил в Красном сельце; к сыну послал грамоту, чтоб немедленно ехал в Москву, но тот решил лучше навлечь на себя гнев отцовский, чем отъехать от берега. Видя, что грамоты сын не слушает, Иоанн послал приказание Холмскому: схвативши силою молодого великого князя, привезти в Москву; но Холмский не решился употребить силы, а стал уговаривать Иоанна, чтоб ехал к отцу; тот отвечал ему: "Умру здесь, а к отцу не пойду". Он устерег движение татар, хотевших тайно переправиться через Угру и внезапно броситься на Москву: их отбили от русского берега с большим уроном.

В Москве мнение Вассиана превозмогло: проживши две недели в Красном сельце, приказавши Патрикееву сжечь московский посад и распорядившись переводом дмитровцев в Переяславль для осады, а

москвичей в Дмитров, великий князь отправился к войску»^[207].

До реки Угры, где стояли напротив два войска, Иван не доехал. Он попытался кончить дело миром и отправил к хану посла Ивана Товаркова с богатыми дарами и челобитьем, прося хана отступить прочь и улуса своего не воевать. Ахмат ответил: «Жалую Ивана. Пусть сам приедет бить челом, как отцы его к нашим отцам ездили в Орду». Но великий князь не поехал, тогда хан велел сказать ему: «Сам не хочешь ехать, так сына пришли или брата». Но ответа не было, и хан в третий раз послал сказать: «Сына и брата не пришлешь, так пришли Никифора Басенкова». Никифор до этого уже много раз бывал в Орде, от себя лично одаривал хана и его мурз, за что его в Орде все любили. Но Иван III не послал и Басенкова.

Татарский воин. Гравюра из книги С. Герберштейна. XVI в.

Ахмат, стоя все лето на берегу Угры напротив русского войска и не

имея возможности переправиться, бахвалился: «Даст бог зиму на вас: когда все реки станут, то много дорог будет на Русь». Иван III, опасаясь исполнения угрозы, как только 26 октября Угра стала, велел своему сыну Ивану, брату Андрею Меньшому и воеводам со всеми полками отступить на Кременец, чтобы биться соединенными силами. Получив приказ, русские ратники решили, что татары уже перешли ставшую Угру, и бросились бежать к Кременцу. Далее Иван приказал отступать к Боровску, обещая, что даст битву татарам в его окрестностях. Летописец говорит, что Иван «продолжал слушаться злых людей, сребролюбцев, богатых и тучных предателей христианских, потаковников бусурманских».

А хан Ахмат и не думал гоняться за русскими. Постояв на Угре до 11 ноября, он через литовские волости пошел назад.

Причин отступления у хана Ахмата было достаточно. Войско Казимира IV не пришло. В октябре 1480 г. крымские татары совершили большой набег на Литву, в Польше паны устроили заговор против короля, а самое главное, у Казимира не хватало злотых.

Воспользовавшись уходом Ахмата с большей частью войска, на Золотую Орду с востока напал отряд казанских татар под командованием Аули^[208]. А с юга на кочевья Ахмата напал крымский царевич Нурдаулат.

Вернувшись в степи, хан Ахмат распустил войско, а сам с небольшой дружиной стал зимовать в устье Дона.

Тем временем сибирский хан Ивак и ногайские мурзы с шестнадцатитысячной конницей переправились через Волгу и утром 6 января 1481 г. вышли к большеордынскому зимовищу, находившемуся около Азова. Стан охранялся плохо, и нападение было внезапным. Ивак и мурза Ямгурчей (правнук Едигея и троюродный брат Ахматова беклярибека Темира) ворвались в шатер и убили Ахмата.

Дальнейшее хорошо описано в «Повести о стоянии на реке Угре».

«В 6989 (1481) году пришел князь великий в Москву из Боровска и воздал хвалу богу и пречистой богородице, говоря: "Не ангел, не человек спас нас, но сам господь спас нас по молитвам пречистой и всех святых. Аминь"...

В ту же зиму вернулась великая княгиня София из побега, ибо она бегала на Белоозеро от татар, хотя никто за ней не гнался. А тем землям, по которым она ходила, стало хуже, чем от татар, от боярских холопов, от кровопийц христианских. Воздай же им, господи, по их делам и по коварству их поступков, по делам рук их дай им»^[209].

Так закончилось татарское «иго» над Русью. Но московским великим

князьям и царям еще почти 300 лет придется воевать и платить дань крымским татарам.

Глава 16

Дела казанские

Татария. Средневековая карта

В 1479 г. умер казанский хан Ибрагим, праправнук золотоордынского хана Тохтамышша. От первой жены Фатимы он имел трех сыновей — Али (Ильгама), Худай-Кула и Мелик-Тагира, а от второй жены Нурсултан (вдовы хана Халиля) — Мухамменд-Эмина и Абдул-Латыфа.

Нурсултан после смерти Ибрагима вышла замуж за крымского хана Менгли Гирея и уехала из Казани в Бахчисарай. Вместе с ней ко двору отчима уехал и маленький царевич Абдул-Латыф. Обезд ханши способствовал усилению связей между обоими государствами и стал причиной ряда важных политических событий.

После смерти Ибрагима началась борьба за власть между феодальными кланами, возглавляемыми сыновьями эмира Габдель-Мумина — Юсуфом и Бурашем.

В 1482 г. Бураш провозгласил казанским ханом десятилетнего сына Ибрагима Мухаммед-Эмина. В ответ его брат-соперник Юсуф в свою очередь пригласил в свою крепость Корым-Чаллы (на реке Шулебут, правом притоке Камы) Ильгама (Али), где и провозгласил его казанским ханом.

Зимой 1484 г. во главе шеститысячного войска Юсуф и Али двинулись на Казань. Бураш и его хан Мухаммед-Эмин бежали в Москву. Бураш попросил помощи у Ивана III. Великий князь московский тогда находился в дружеских отношениях с крымским ханом Менгли Гиреем — отчимом Мухаммеда-Эмина. Поэтому Иван III не заставил себя долго упрашивать и в апреле 1487 г. послал на Казань большую рать под начальством князей Данилы Холмского, Александра Оболенского, Семена Ряполовского и Семена Ярославского. Вслед за русским войском отправился и Мухаммед-Эмин.

При подходе к Казани произошел бой между русскими и татарами Ильгама (Али). Татары были разбиты и ушли в Казань. Русские осадили Казань и обнесли ее острогом.

Осада продолжалась три недели. Каждый день сторонники Али ходили на вылазки, с тыла на русских нападал отряд князя Алгазая. В конце концов русским воеводам удалось прогнать Алгазая за Каму в степь, и 9 июля 1487 г. Казань капитулировала. Хан Али сам выехал на коне из города и сдался московским воеводам.

Русские вновь посадили ханом Мухаммеда-Эмина. Девяносто татарских князей и мурз было казнено. Хан Али, его жена, мать — царица Фатима, сестры и братья Мелик-Тагир и Худай-Кул были отправлены в Россию. Хана Али с женой сослали в Вологду, туда же в 1490 г. сослали и

крымского царевича Хайдара, сына Хаджи Гирея, только что выехавшего на службу в Россию. Царица Фатима, царевичи и царевны были сосланы в отдаленный городок Каргополь. Хан Али умер в Вологде, а Мелик-Тагир — в Каргополе в ссылке. Сыновьям Мелик-Тагира при крещении дали имена Василия и Федора. Федор Мелик-Тагирович в 1531 г. был наместником в Новгороде.

Худай-Кул, выросший в русском плену, впоследствии был доставлен в Москву и освобожден. В 1505 г. он крестился и получил имя царевича Петра Ибрагимовича, а затем женился на сестре великого князя Василия III Евдокии Ивановне. Умер Петр Ибрагимович в 1523 г. и был погребен в Москве в Архангельском соборе. У него осталось две дочери, обеих звали Анастасия. Старшая вышла замуж за князя Федора Михайловича Мстиславского, а младшая — за князя Василия Васильевича Шуйского. У Анастасии и Федора Мстиславских был сын Иван. Его дочь Анастасия Ивановна вышла замуж за бывшего касимовского хана Саин-Булата, после крещения получившего имя Симеона Бекбулатовича. Последний в 1574 г. был объявлен Иваном Грозным государем всея Руси.

Иван III. (Из «Титулярника» 1672 г.)

Формально Казань осталась независимой. Но грамоты Мухаммеда-Эмина и Ивана III начинались так: «Великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, брату моему, Магмет-Аминь царь челом бьет». Довольно забавная ситуация: казанский хан бьет челом великому князю московскому, а тот в свою очередь бьет челом крымскому хану.

Часто грамоты Ивана III к Мухаммеду-Эмину имели приказной тон. Так, например, муромские наместники однажды поймали казанского татарина, который ехал с товарами через Мордву, а Нижний Новгород и Муром объехал, чтобы не платить там пошлыны. По этому поводу Иван III писал Мухаммеду-Эмину: «Ты бы в Казани и во всей своей земле заповедал всем своим людям, чтоб из Казани через Мордву и Серемису на Муром и Мещеру не ездил никто; а ездил бы из Казани все Волгою на Новгород-Нижний». Мухаммед-Эмин, желая жениться на дочери ногайского хана, спрашивал на то согласие великого князя. Наконец, на казанские волости была наложена какая-то подать, шедшая в московскую казну и собираемая московскими чиновниками. Так, Мухаммед-Эмин жаловался Ивану III, что какой-то Федор Киселев притесняет цивильских жителей, берет лишние пошлыны.

В 1490 г. в союзе с русским и крымским правительством казанцы участвовали в войне против Сарайского ханства. В 1491 г. Мухаммед-Эмин присоединил к Казанскому царству территорию Большой Орды между Волгой и Яиком с городами Сарай-Бату и Сарай-Берке.

Промосковская политика Мухаммеда-Эмина не нравилась многим казанским феодалам. Юсуф вместе с князьями Ураком, Агишем и Садиром вступили в переговоры с сибирским ханом Ибаком (Айбеком) и попросили направить в Казань его сына Мамука (Мамыка). Весной 1496 г. царевич Мамук с большим войском вышел к Казани. Узнав об этом, Мухаммед-Эмин обратился за помощью к Ивану III. Из Нижнего Новгорода на судах прибыли русские войска под командованием князя Семена Рябловского. Когда о прибытии в Казань русского войска стало известно Мамуку, он применил следующую военную хитрость: демонстративно развернул свое войско и отправился обратно домой. Тайные сторонники Юсуфа постарались убедить хана Мухаммеда-Эмина в том, что опасность миновала, тот поверил и отпустил русские войска. Об этом тотчас сообщили Мамуку, и тот быстро, но скрытно подошел к Казани. Сторонники Юсуфа открыли ворота и впустили отряды Мамука в город. Мухаммед-Эмин с женами и несколькими князьями бежал в Москву.

Став ханом, Мамук резко повысил налоги с казанских купцов и

ремесленников, не стал считаться с мнением тех князей, которые привели его к власти. У его покровителя эмира Юсуфа были свои виды на него — Юсуф хотел использовать Мамука и его войска для уничтожения военной опоры своего сводного брата Бураша. Поэтому он велел хану захватить Эчке-Казан (Внутреннюю Казань, Арский город в русских летописях).

На помощь Бурашу пришел князь Урак, и они вместе наголову разбили Мамука. Когда побитый хан вернулся, у стен Казани он увидел большое войско. Как сказано в «Своде болгарских летописей», казанцы сказали ему: «Нам не нужен хан, грабящий свой народ!», и прогнали его из ханства. Относительно дальнейшей судьбы Мамука существуют разные версии. По одной из них, будто бы Мамук направился в ногайские степи, а по другой — ушел к себе домой в Сибирь.

После отъезда Мамука Казанью завладел Бураш. Было создано временное правительство во главе с князем Кул-Маметом (Кель-Ахмед в русских летописях). В Москву было отправлено посольство, возглавляемое князем Кул-Маметом. Послы заявили Ивану III о желании казанского правительства возобновить прежние договора. Кроме того, от имени сеида Бураша князь Кул-Мамет попросил московского государя дать казанцам хана, но только не Мухаммед-Эмина. Иван III решил отправить в Казань Абдул-Латыфа (Гадель-Латыфа) — единоутробного младшего брата Мухаммед-Эмина, младшего сына хана Ибрагима и Нурсултан.

Абдул-Латыф роился в Казани около 1475 г. Когда его мать в 1480 г. вышла замуж за Менгли Гирея, царевич уехал вместе с ней в Бахчисарай, где и провел свое детство и юность. Дружественные отношения, в которых находилось Крымское ханство с Россией, побудили хана Менгли Гирея отправить Абдул-Латыфа, как только тот достиг совершеннолетия, на службу к Ивану III. В Москве хорошо приняли Абдул-Латыфа и дали ему в удел город Звенигород.

Абдул-Латыф выехал из Москвы в конце апреля 1497 г. в сопровождении русского войска под командованием князей Семена Холмского и Федора Палицкого, которые и посадили Абдул-Латыфа на царство, и привели к присяге (шерти) «за великого князя всех князей казанских, уланов и земских людей по их вере». А Мухаммед-Эмину Иван III вместо Казани дал на кормление Каширу, Серпухов и Хотунь со всеми пошлинами. Но и здесь Мухаммед-Эмин не уgomонился: по словам летописца, «жил с насильством и алчно ко многим».

В 1499 г. сибирский царевич Агалак, брат Мамука, и князь Урак устроили поход на Казань. Узнав об этом, хан Абдул-Латыф обратился за помощью к Ивану III. Из Нижнего Новгорода срочно прибыли войска:

пехота на судах под командованием воеводы Ивана Суздальского и конница посуху под началом Федора Вельского. Агалак и Урак не рискнули принять бой с объединенными русско-казанскими войсками и повернули назад.

В 1500 г. эмир Юсуф предпринял очередную попытку овладеть Казанью. В поход он отправил наемных ногайцев ак-мангытов под командованием мурз Мусы и Ямгурчи. Ногайцы ворвались в посад Кураиш, и князь Утяш с остатками своего отряда укрепился в районе мечети «Отуз» (на месте современной казанской мечети «Нурулла» на ул. Кирова). Вскоре ему на помощь пришли русские войска под командованием князей Михаила Курбского^[210] и Петра Лобана, размещенные в Ташаякском ураме. Русские ратники приставили лестницы и бревна к частоколу, отделявшему урам от посада, и перелезли через него. Оказавшись с двух сторон зажатыми русскими войсками и отрядом Утяша, ногайцы в панике бежали из посада и убрались восвояси.

В 1501 г. Абдул-Латыфу надоела опека со стороны эмира Бураша, и он вступил в контакт с эмиром Юсуфом. Вскоре Бурашу стало известно об этих переговорах, и он отправил кляузу в Москву.

В январе 1502 г. Иван III отправил в Казань князя Василия Ноздреватого и Ивана Телешова с приказом схватить Абдул-Латыфа «за его неправду». С помощью сеида Бураша и князя Кул-Мамета воеводы быстро справились с заданием и доставили Абдул-Латыфа в Москву. Через некоторое время его сослали в Белозерск.

Московский посол в Крымском ханстве объявил Менгли Гирею о вине Абдул-Латыфа очень расплывчато: «Великий князь его пожаловал, посадил на Казани, а он ему начал лгать, ни в каких делах управы не чинил, да и до земли Казанской стал быть лих».

На казанский престол был возведен московский «подручник» хан Мухаммед-Эмин. До этого, как мы знаем, он «кормился» в Кашире и Серпухове. В 1500 г. во время Литовской войны Мухаммед-Эмин был назначен, в силу своего высокого титула, номинальным главнокомандующим всей русской армией. В 1502 г., когда хан возвратился в Казань, ему было чуть больше тридцати лет.

Мухаммед-Эмину не понравилось вмешательство в дела управления ханством со стороны эмира Бураша. Поэтому он вступил в союз с давним соперником Бураша Юсуфом. Чтобы наказать Бураша, Мухаммед-Эмин приказал казнить его видного сторонника Кул-Мамета. Эта казнь действительно устрасила Бураша, и он поклялся быть верным Мухаммеду-Эмину.

В июне 1505 г. в Казань пришла грамота Ивана III, в которой он

требовал пропустить через Казань караван русских торговых судов, идущих в Астрахань и Персию. По казанским законам такой транзит был категорически запрещен, но казанский хан иногда делал исключение.

Но на сей раз Мухаммед-Эмин исключение делать не пожелал. Как писал З.З. Мифтахов: «24 июня к Казани подплыл многочисленный караван русских судов. Великокняжеский посол дьяк Михаил Кляпик (Еропкин), не сходя с судна, потребовал беспрепятственно пропустить их в Астрахань. На это требование хан ответил по-своему: он велел командующему речным флотом Сюнгилю преградить путь русским судам и схватить посла Кляпика. Так и было сделано. Арестованного посла Сюнгил передал князю Агишу, стоящему на берегу с отрядом казаков. "Посол стал звать своих на помощь, и 13 тысяч русских воинов, притворявшихся купцами, высадились и напали на казаков". Под напором превосходящих сил казаки отступили в Ташаякский урам. Вскоре русские войска ворвались туда. Князь Агиш успел переправиться через Булак со связанным послом Кляпиком. Тем временем собралось городское ополчение численностью 15 тысяч человек. Ополченцы пошли в Ташаякский урам и окружили русские войска, укрепившиеся в "Урус Йорты" ("Русский Дом"). Окруженным предложили сдаться. Они ответили отказом. После этот "толпа пришла в полное неистовство и подожгла дом". Из огненного кольца выпустили только настоящих купцов, а остальные "купцы" сгорели. По велению хана Мухаммеда-Эмина посла Кляпика и его людей приковали "к колесу водоподъемного устройства в «Су-Манара»". И они стали вращать колесо водоподъемного устройства в водонапорной башне вместо слепой лошади»^[211].

Мухаммед-Эмин этим не ограничился, собрал войско и в сентябре 1505 г. отправился в поход на Нижний Новгород. В составе его войска было 40 тысяч казанцев и иштяков, а также 20 тысяч ногайцев.

Татары подошли к Нижнему Новгороду и осадили его. Посады были сожжены, а население укрылось в Кремле. Там было много пушек и боеприпасов, но опытных ратников не доставало, особенно пушкарей. Тогда местный воевода Иван Васильевич Хабар Симский приказал вооружить три тысячи пленных литовских^[212] стрельцов, взятых 17 июля 1500 г. в битве на речке Ведроше близ Дорогобужа. После битвы их сослали в Нижний Новгород.

Литовские стрельцы умело обращались и с пушками, и с ручными пищалями. Когда татары пошли на штурм, их встретил огненный смерч. Среди убитых оказался и знатный ногайский мурза. Его смерть привела к

конфликту между ногайскими феодалами, закончившемуся резней. В результате татарское войско ушло от Нижнего Новгорода.

27 октября 1505 г. умер великий князь Московский Иван III. Его старший сын Иван Молодой скончался на 15 лет раньше отца, тем не менее он официально считался великим князем Московским и соправителем отца. Его сын Дмитрий в 1497 г. в возрасте 14 лет был торжественно помазан на великое княжение. «Февраля 4, в неделю, князь великий Иван Васильевич всея Руси благословил и посадил на великое княжение Владимирское и Московское всея Русии внука своего князя Дмитрия Ивановича».

Но в результате боярских интриг на престол взошел не Дмитрий, а младший сын Ивана III Василий. Сразу же после восшествия на престол он посадил своего племянника «в палату тесну» в железа. Дмитрий Иванович умер 14 февраля 1509 г., в возрасте 25 лет. Умер он «в нужди и в тюрьме».

Первой внешнеполитической акцией Василия III стал поход на Казань. В начале апреля 1506 г. сотысячное русское войско двинулось на татар. Формальным командующим был шестнадцатилетний брат великого князя Дмитрий Иванович Углицкий. Тридцатью тысячами пехотинцев командовал князь Федор Иванович Вельский. Пехота и артиллерия были посажены на речные суда. Семидесятитысячной конницей командовали татарский царевич Джан-Ай (русские называли его Зеденай) и князь Александр Владимирович Ростовский. Конница шла посуху вдоль Волги.

22 мая 1506 г. судовая рать прибыла под Казань, конное же войско отстало. По плану пехота должна была оставаться на судах и ждать подхода конницы, и лишь тогда начать вылазку. Однако князь Дмитрий Углицкий решил сам расправиться с казанцами. Десять тысяч пехоты под командованием воеводы Дмитрия Шейна высадились на берег и пошли на Казань. Сам же Дмитрий Углицкий с двадцатью тысячами ратников остался на судах.

Когда войска Дмитрия Шейна приблизились к внешнему посаду Казани Бил-Балта, их атаковала тысяча всадников князя Урака. Завязался быстротечный бой. Через несколько минут князь Урак развернул свой отряд и поскакал в направлении города. Русские войска устремились за ним. Когда они вышли на Козий луг, Урак остановил свой отряд и поскакал им навстречу. В это время из засады в Ягодном лесу выехал отряд князя Утяша. На помощь Ураку и Утяшу прибыли из Казани отряды Агиша и Шехид-Улана.

В ожесточенном сражении татарская конница разгромила пехоту Шейна. Часть русских была зарублена, часть утонула в Поганом озере, остальные попали в плен. Сам Шейн сдался татарам и был брошен в

зиндан — тюремную яму.

Узнав об исходе боя, князь Дмитрий Иванович отплыл от Казани к Бурату (современный г. Зеленодольск) и стал дожидаться там прихода русской конницы.

Русское конное войско подошло лишь через месяц, 22 июня, и Дмитрий Углицкий вновь решил идти на Казань. А тем временем казанский хан Мухаммед-Эмин решил отметить татарский праздник «джиенного увеселения» на Арском поле под Казанью. Там «установили тысячу шатров, в них разложили товары. На телегах подвезли большое количество огромных кувшинов с вином. В самый разгар подготовки к джиенному увеселению по городу поползли слухи о приближении к Казани русской конницы. Горожане стали говорить: противник близок от города, а хан собирается провести джиенное увеселение. Промосковски настроенный эмир Бураш попытался выведать у хана его истинные намерения. Он сказал Мухаммед-Эмину, что неразумно праздновать джиен под угрозой нападения русских войск. На что хан ответил: "Джиен дороже победы". Об истинных намерениях Мухаммед-Эмина знали только пять человек: сам хан, инал Яр Чаллов (Набережных Челнов) Фазыл, князья Урак, Утяш и Агиш»^[213].

Когда русские войска подошли к внешнему посаду Казани Биш-Балта, их встретил Булат Ширин с отрядом наемных тюрков. У него была всего тысяча всадников. Поэтому после короткого боя отряд Ширина помчался в направлении к Арскому полю. Вслед за ним к лагерю подошли русские войска. Лагерь охраняли «2 тысячи кукджакских и батликских аров-чиримышей, а также 5 тысяч служилых кыпчаков во главе с Агишем». Все они погибли, а Булат Ширин потерял половину своего отряда. Он и Агиш с остатками отряда укрылись в городе. После этого на Арском поле хозяевами стали русские войска.

Хитрый Мухаммед-Эмин все правильно рассчитал. Русские рати, побив неприятеля, не могли пройти мимо кувшинов с отменным вином. Более расчетливые ратники кинулись грабить татарские шатры^[214].

Лишь небольшая часть войска дошла до стен Казани и там была встречена сильным артиллерийским огнем. Штурмовавшие повернули обратно. И тут Мухаммед-Эмин велел поднять над Арской башней зеленое знамя с серебряным полумесяцем — священное знамя ислама. Это был условный сигнал для инала Яр Чаллов Фазыла, а также для князей Урака и Утяша. По этому сигналу из лесной засады за Арским полем выехал Фазыл, а из города — Урак и Утяш со своими отрядами. Они одновременно

атаковали русских на Арском поле. В русском войске поднялась страшная паника. Как пишет болгарский летописец, пьяные ратники «с ужасными воплями бросились бежать в разные стороны, не разбирая дороги».

И когда паника достигла апогея, над башней Ельбаген подняли знамя Казанского иля. Это был сигнал для князя Садира, который со своим трехтысячным отрядом находился в засаде в Царском лесу. Всадники Садира выехали на Козий луг и принялись уничтожать тех русских воинов, которым удалось переправиться через речку Казанку.

По данным болгарских летописей, во время боя на Арском поле и при бегстве русские войска потеряли убитыми и утонувшими в озере Кабан (Поганое) 60 тысяч человек, а 20 тысяч попали в плен.

Воевода передового полка князь Михаил Федорович Курбский был разрублен князем Утяшем на две части. Кроме Михаила в сражении участвовали еще два сына Федора Семеновича Курбского — Роман, тоже убитый, и Семен, который защищал перевоз на Каме и позже спасся. Еще один потомок ярославских князей, Андрей Пенков, был насмерть затоптан своими ратниками после того, как под ним ядром была убита лошадь.

Только две тысячи русских воинов добрались до своих судов, а три тысячи укрепились в Ташаякском ураме, наспех соорудив ограду из возов и бревен разобранных домов. Хан Мухаммед-Эмин велел не штурмовать урам, а попытаться уговорить русских сдаться, пообещав сохранить им жизнь в случае добровольной сдачи оружия. Хан велел взятому в плен князю Дмитрию Шейну уговорить воинов сдаться, тот отказался и тотчас был казнен.

Князь Дмитрий Углицкий, судя по всему, вообще не участвовавший в сражении, бежал с семитысячным войском на судах к Нижнему Новгороду.

Удалось уйти и конному отряду царевича Джан-Ай (Зеденая) и воеводы Киселева. Им удалось отбиться от преследовавших их татар и дойти до Мурома.

В марте 1507 г. в Москву прибыл Абдулла, посол Мухаммед-Эмина, с предложением заключить мир. Василий III согласился, поскольку в Москве опасались татарского вторжения и даже готовились к осаде, но потребовал в качестве предварительного условия для начала мирных переговоров освободить посла — дьяка Михаила Андреевича Кляпика-Еропкина. Татары пообещали освободить всех членов русского посольства сразу после заключения мира. На этих условиях и начались мирные переговоры, которые шли с 17 марта 1507 г. до середины декабря 1507 г. попеременно в Москве и в Казани. Посредническую миссию на себя приняла и мать Мухаммеда-Эмина Нурсултан. С этой целью она прибыла из Бахчисарая в

Москву и прожила там три месяца. Затем Нурсултан поехала в Казань и жила там в течение года.

8 сентября 1507 г. в Москве был подписан мирный договор, по условиям которого восстанавливался status quo — «мир по старине и дружбе, как было с великим князем Иваном Васильевичем», а также все русские пленники подлежали возврату.

Как уже говорилось, в 1507 г. крымские татары совершили набег на юг Московского государства. Крымский хан Менгли Гирей писал Василию III: «Брат мой, князь великий Иван Ямгурчей-Салтану, кроме десяти (подарков), портище соболье да 2000 белки, да 300 горностаев, не убавляя, посылавал, а нынче от тебя так не привезено. Из моих мурз и князей двадцати человекам поминка не досталось: так ты бы им прислал по сукну; а если им не пришлешь, то они скажут: шерть (присягу) с нас долой! И сильно нам станут об этому докучать: так бы нам докуки не было».

Менгли Гирей требовал беспошлинной торговли для своих купцов и писал великому князю: «Послал я своего торговца, и если товар, какой ему нужно купить, будет дорог, то я ему велел за хорошою белкою и в Казань идти. В каком месте он начнет товар мой продавать или в какой город пойдет, то ты своего доброго человека с ним пошли, чтоб на нем тамги не брали, чтоб силы и наступания ему никакого не было, потому что мои деньги все равно, что твои деньги; так вели постеречь и поберечь. От наших отцов и дедов наших ордобазарцы в Москву и в другие города хаживали, и нигде с них тамги не брали, потому что их деньги — наши деньги и брать с них тамгу значит надо мною насмехаться. Изначала наши ордобазарцы в кермосараях (гостиных дворах) не ставятся, ставятся, где хотят; и никто им о том слова не говорит». Еще хан требовал присылки одоевской дани, как это было при Иване III. Кроме того, хан требовал и освобождения своего пасынка, бывшего казанского царя Абдул-Латыфа, находившегося в заточении, и хотел вовлечь Василия III в войну с Астраханью, с которой у Москвы ранее конфликтов не было. Несколько позже Василий III дал Абдул-Латыфу Каширу.

Однако дипломатические уступки и выплаты дани Крыму не спасли Московские земли от набегов. В марте 1515 г. хан Мухаммед Гирей^[215] выступил в поход против северских городов. Вместе с татарами шло и литовское войско под командованием Андрея Немировича и Остафия Дашковича. Поход, в общем-то, был удачным, союзники увели много пленных, хотя и не смогли захватить ни Чернигов, ни Стародуб, ни Новгород-Северский. В июне 1516 г. царевич Богатырь «пришел на великого князя украину на Рязанскую и на Мещерскую», взял много

добычи и пленных. Осенью того же года на Мещеру совершил набег Айдешка мурза. Расположенные у самой границы Мещерские земли постоянно привлекали внимание крымских татар.

20 июля 1517 г. сын Ахмата царевич Али, Геммет Гирей и царевич Озибяк выступили из Крыма. В этом походе принял участие и калга Богатырь-царевич, и Ахмат Гирей. Последний пытался направить поход на Великое княжество Литовское, но встретил сопротивление Богатыря, который хотел идти на Русь. Богатырь силой принудил («иных князей, которые не послушали, начал стрелять») принять свое предложение. В результате этих разногласий часть войска под предводительством царевича Али вернулась в Крым. Но четыре мурзы во главе двадцатитысячного войска «без царева ведома» двинулись на Русь в районе Тулы. Их постигла неудача, а крымский хан Мухаммед Гирей позднее подчеркивал свою непричастность к набегу 1517 г.

Лазутчика заранее оповестили Москву о походе крымцев, и навстречу им вышло войско во главе с большими воеводами князьями Василием Одоевским и Иваном Воротынским и другими. Русские войска перешли Оку и ушли далеко на юг. Передовые отряды Ивана Тутьихина и князей Волконских неожиданно нападали на татар, отбивали у них захваченное имущество и освобождали пленных.

Узнав о приближении основного московского войска, крымцы повернули восвояси, но до родных кочевий из 20 тысяч добралось только 5, «да и те пешие и нагие». Случилось так потому, что «пешие люди украинные» зашли «наперед им» и «им дороги засекли, и многих татар побили». Совместные действия великокняжеских войск и местных крестьян дали результаты. «А спереди люди от воевод, подоспев, конные начали татар топтать, и по бродам и по дорогам их бить, а пешие люди украинные по лесам их били». Полностью отбили пленных, «много татар побили на Глутне, и по селами и по крепостям, и на бродах... а иные многие татары в реках потонули, а иных живых поимали».

В феврале 1512 г. в Москве был подписан «вечный мир» («доколе бог даст») между Москвой и Казанью. От имени казанского правительства договор подписал Шах-Хусейн Сеит. Василий III обязывался: возобновить выплату «джирской дани»; вернуть исконно болгарские земли, захваченные Московским государством с помощью Золотой Орды: от рек Суры и Ветлуги до Нижнего Новгорода, то есть восточную часть Мещерской земли.

В ходе переговоров по этим проблемам большую роль сыграли боярин Иван Андреевич Челядин и мать Мухаммед-Эмина Нурсултан, которая в

1510–1512 гг. совершала длительные поездки из Крыма в Москву, где прожила 7 месяцев, и в Казань, прожив там 9 месяцев.

Казанское правительство обязалось не сажать на ханский престол никого без согласия великого князя, а также освободить всех русских пленных.

В 1516 г. казанский хан Мухаммед-Эмин тяжело заболел и вопрос о его преемнике встал особо остро. У Мухаммед-Эмина был четырнадцатилетний сын Мухаммедьяр (Мохаммедьяр), но в 1515 г. хан был вынужден отправить его в Персию. Возможность перехода власти от отца к сыну не устраивала эмира Юсуфа. Он надеялся вернуть на престол Абдул-Латыфа и для решения этой задачи направил в Москву посольство в составе Шах-Хусейн Сеита, князя Шах-Юсуфа и бахши Бузека. Посланники просили Василия III вернуть Абдул-Латыфа из ссылки и дать согласие на то, чтобы он стал казанским ханом. В ответ на это великий князь потребовал от казанцев, чтобы они «дали письменную присягу в неизбрании никого на престол без ведома великого князя». На самом же деле Василий III не желал видеть Абдул-Латыфа на казанском троне и просто тянул время.

Осенью 1517 г. в Каширу отправляется с секретным поручением окольный Михайл Юрьевич Захарьин. О дальнейшем в официальной летописи сказано глухо: «Тое же осени, ноября 19, Абдыл Летыфа царя в живых не стало». Он был отравлен Захарьиным. Заметим, что 42-летний Латыф был полон сил и энергии.

Хан Мухаммед-Эмин протянул до декабря 1518 г. Так пресеклась династия первого казанского хана Улу-Мухаммеда.

Крымское ханство немедленно выдвинуло своего кандидата на казанский престол. Им стал брат Мухаммеда-Эмина по матери Сагиб Гирей. Напомню, что после смерти хана Ибрагима его жена Нурсултан вышла замуж за крымского хана Менгли Гирея. С точки зрения тогдашнего феодального права Сагиб Гирей приходился «седьмой водой на киселе» почившему хану и не имел никаких прав на престол.

Василий III, естественно, тоже нашел кандидата на казанский престол — касимовского царевича Шах-Али. Царевич имел хорошую родословную, его род происходил от хана Тимура-Кутлуя. Но, к сожалению, его потомки постоянно враждовали с казанской династией Улу-Мухаммеда, и к Шах-Али казанская знать заранее была настроена враждебно.

Однако промосковская партия победила в Казани. И 8 марта 1519 г. Шах-Али торжественно выезжает из Москвы в Казань. Фактически же Михайл Юрьевич Захарьин везет на ханство 13-летнего мальчишку. Их

сопровождает десятитысячная конная рать.

Шах-Али родился в России и с шестилетнего возраста безвыездно жил в Касимове. Русский летописец описывает его так: «Онъй Шеяль зело был взору страшного и мерзкого лица и корпуса, имел уши долгие, на плечах висящие, лице женское, толстое и надменное чрево, короткие ноги, ступени долгие, скотское седалище». Летописец с сарказмом заметил: «Такого им, татарам, нарочно избраша царя в поругание и в посмеяние им».

Тем не менее Захарьину удалось усадить Шах-Али на престол. После этого Михаил Юрьевич отправился в Москву, а в Казани от имени подростка стал править русский посол Федор Андреевич Карпов.

Но вот в марте 1521 г. у стен Казани появляется конкурент — крымский царевич Сагиб Гирей с тремя сотнями крымских татар. Явление Сагиба было подобно искре в пороховом погребе. В Казани начался грандиозный погром. Дома и лавки русских и касимовских купцов были разграблены. Было перебито пять тысяч касимовских татар из ханской гвардии и тысяча русских стрельцов. Однако Шах-Али удалось бежать с тремя сотнями уцелевших в резне касимовских татар. Сагиб Гирей стал казанским ханом.

Немедленно Сагиб Гирей и его родной брат крымский хан Мухаммед Гирей начали подготовку к большому походу на Русь. В этом походе приняло участие почти все мужское население Крыма и причерноморских степей.

Стотысячное войско Мухаммеда Гирея подошло к Оке 28 июля 1521 г. Русские войска попытались помешать переправе татар, но были разбиты. В бою погибли воеводы Иван Шереметев, Владимир Курбский, Яков и Юрий Замятины, а Федор Лопата попал в плен.

С востока на Русь напал Сагиб Гирей с казанским войском. Он разорил Нижний Новгород и Владимир. Войска братьев соединились у Коломны и двинулись на Москву. Василий III срочно уехал по делам в Волоколамск, поручив оборону столицы своему зятю, татарскому царевичу Петру-Худай-Кулу. В Москве началась паника.

29 июля братцы подошли к самой Москве и расположились в селе Воробьево (на Воробьевых Горах). Василий III вынужден был подписать унижительный договор, по которому он формально признавал свою зависимость от крымского хана и должен был платить ему дань «по уставу древних времен», то есть так, как платили ханам сарайским. Согласно договору, татары могли беспрепятственно везти все награбленное и всех пленных.

По дороге домой Мухаммед Гирей решил ограбить Рязань. Татары

предъявили рязанскому воеводе Хабару Симскому мирный договор с Василием III и попросили разрешения остановиться у стен города. Татары спровоцировали побег нескольких десятков русских пленников в Рязань и погнались якобы за ними, а на самом деле — чтобы завладеть городом. Московские начальники замешкались — вроде бы с татарами мир. Но тут ведавший городским нарядом (артиллерией) немец Иоган Иордан приказал дать залп из многочисленных крепостных пушек. Татары «в ужасе бежали». Самое забавное, что в руках Хабарова Симского оказалась грамота Василия III, содержащая обязательства платить дань Гиреям.

По людским потерям и разрушениям на Руси поход Гиреев в 1521 г. соизмерим с Батыевым нашествием. Братцы похвалялись, что они вывели из Московского государства 800 тысяч пленников.

В 1523 г. хан Мухаммед Гирей двинулся на Астрахань. Войско астраханского хана Хуссейна было разбито, а город взят штурмом. Однако астраханские татары позвали на помощь ногайцев, внезапно напали на крымцев и убили Мухаммеда Гирея. Затем астраханско-ногайское войско вторглось в Крым и опустошило его.

Василий III имел «договор о взаимопомощи» с астраханским ханом и, воспользовавшись случаем, собрал большое войско и сам лично отправился с ним в Нижний Новгород. Далее Василий не пошел, а отправил на Казань хана Шах-Али с судовой ратью по Волге, а других воевод с конной ратью — сухим путем, велев повоевать казанские места. Воеводы вернулись с большим количеством черемисских пленников, но поход на этом не закончился. На устье Суры, на Казанской земле срубили город и назвали его Васильсурск. В Москве митрополит Даниил очень хвалил за это великого князя, говорил, что «новопостроенный городом он всю землю Казанскую возьмет».

Чтобы навсегда закрепить власть Гиреев в Казани, Сагиб обратился за помощью к турецкому султану Сулейману II Законодателю. В итоге был заключен договор, согласно которому Казанское ханство признавало над собой верховную власть турецкого султана, и впредь казанские ханы должны назначаться султаном. Попросту говоря, Казанское ханство получило статус Крымского ханства. В связи с этим турецкий посол в Москве князь Искандер Мангупский официально заявил русскому правительству, что Казань отныне является турецким владением. Русское правительство отказалось признать этот факт и заявило со своей стороны, что Казань была, есть и будет подвластна русскому государю, и что хан Сагиб Гирей — мятежник и не имеет права дарить Казань султану.

Летом следующего 1524 г. из Нижнего Новгорода на Казань двинулось

большое московское войско (летописец называл цифру 50 тыс. человек) под начальством князя Ивана Вельского. Часть казанской верхушки, включая сеид-эмира Юсуфа, тайно отправила гонца к Василию III, обещая помощь против «крымского наглеца».

Еще до начала войны Сагиб Гирей вызвал из Бахчисарая своего тринадцатилетнего племянника Сафа Гирея, сына покойного царевича Фатых Гирея. По весенней полой воде Сафа Гирей приехал в Казань. Сагиб Гирей оставил его за себя, а сам уехал в Константинополь. Герберштейн говорит, что Сагиб поехал к султану, «намереваясь просить его о помощи и заступничестве». На самом деле он уехал в Константинополь, чтобы получить престол в Бахчисарае, освободившийся со смертью брата.

Однако Сагиб Гирею не повезло — крымским ханом стал его брат Саадет Гирей, живший перед этим в Константинополе и пользовавшийся расположением турецкого султана.

Сагиб остался в Константинополе и стал выжидать благоприятного момента, и дождался. В 1532 г., после отречения хана Саадет Гирея от престола, Сагиб Гирей был посажен султаном Сулейманом II на крымский престол.

Но вернемся к московскому войску, шедшему на Казань. Сам Вельский плыл по Волге вместе с судовой ратью, в составе которой были довольно большие отряды наемных немцев и поляков. Конная рать во главе с воеводой Хабаром Симским традиционно шла сухим путем.

7 июля 1524 г. судовая рать достигла Казани. Русские высадились на Гостином острове и устроили там лагерь.

Казанская конница пыталась преградить дорогу русской коннице на реке Свияге и уничтожила конный отряд в 500 человек. Герберштейн писал: «Он был побит встретившими его черемисами, и едва 9 человек спаслось в смятении бегством. Воевода, тяжело раненный, умер на третий день в руках врагов»^[216]. Тем не менее основная часть московской конницы благополучно прошла к Казани.

Куда хуже пришлось отряду судов под началом князя Ивана Федоровича Палецкого. Суда эти везли сторожевой полк, артиллерию и боеприпасы. Всего у Палецкого было от 10 до 15 тысяч человек (по разным источникам). На одной из ночных стоянок у села Малый Сундырь в 15 верстах ниже Козмоде-мьянска русские суда, приткнувшись к берегу, подверглись нападению князя Мамыш-Бирде. В узком месте между островами татары загородили Волгу камнями и бревнами. Разгром был полный. Около 90 судов удалось потопить, а остальные стали добычей казанского войска. По сообщению «Казанского летописца», «много пушек

великих и малых погрязе, много людей истопоша и метахуся сами в воду от страха. После же тоя вешние воды лета того весь наряд огненный, и ядра, и зелие, и пушки черемиса поизвлече, и все в Казань отпроводиша, и воинских вещей много себе понаизбраша»^[217].

Лишь один корабль, на котором находился сам И.Ф. Палецкий, сумел прорваться и прийти под Казань к лагерю русских на Гостином острове.

15 августа 1524 г. у Гостиного острова показалась и русская конница Хабар Симского. После этого князь Вельский приказал русским штурмовать Казань. Однако штурм был отбит с большими потерями. Без осадной артиллерии, которая столь бездарно была потеряна Палицыным, взять Казань было невозможно. А в русском войске начался голод. И когда казанцы начали переговоры и пообещали отправить в Москву больших послов, Вельский снял осаду и увел войска обратно в Нижний Новгород.

Казанские послы действительно явились в Москву бить челом от всей Казанской земли за свою вину и просить, чтобы великий князь утвердил царем Сафа Гирея. Василий был вынужден согласиться на это. Однако мир заключен не был.

Четыре последующих года в отношениях между Москвой и Казанью не было ни мира, ни войны. В обе стороны ежегодно ездили послы. Не имея сил напасть на Казань, Василий III решил ударить ее по карману и запретил русским купцам посещать в Казани традиционную Волжскую ярмарку. Затем, развивая план экономической блокады ханства, Василий приказал русским купцам перенести свои сборы под Нижний Новгород, к селу Макарьеву. Этот пункт, расположенный в 97 км ниже Нижнего Новгорода, был обозначен как место, ниже которого по Волге ни один русский купеческий корабль не имел права спускаться. За этим следила специальная застава. Сейчас уже трудно сказать, чьим купцам сия мера принесла больше убытку — русским или татарским.

И вот в январе 1529 г. в Москву приехали большие ханские послы князя Табай, Данай и бахши Ибрагим. Ими был подписан мирный договор. По его условиям Василий III признавал Сафа Гирея на казанском престоле и соглашался с фактом перехода Казанского ханства под турецкий протекторат. Москва вернула казанцам Сэбэр-Калу (Василь-город) и область Наратлык (Сосновый бор) возле Нижнего Новгорода и возобновила выплату «джирской дани». Великий князь пообещал вернуть казанцам западную часть Мещеры (Моджара), примыкающую к реке Суре с запада. Начался обмен захваченных у русских пушек и пищалей на арских чирмышей, угнанных в плен.

Однако великий князь московский не собирался выполнять условия

договора. Весной 1530 г. большое московское войско двинулось на Казань. Командовали войском тот же князь Иван Вельский и касимовский царь Шах-Али. По традиции пехота плыла на судах по Волге, а конница шла посуху.

10 июля 1531 г. русские подошли к Казани. Им удалось штурмом взять казанский посад Кураиш на реке Булак и убить татарского князя Аталыка. Затем по приказу Вельского к Арской стене Казани придвинули всю русскую осадную артиллерию — 80 пушек. Началась бомбардировка, но вдруг поднялась страшная буря. По словам московского летописца: «В те поры туча пришла грозна и дождь был необычен велик, и который был наряд пищали... привезен на телегах на обозных к городу, а из них было стреляти по городу, и посошные и стрельцы те пищали в тот дождь пометали, и казанцы, вышед из города, и поимали тот весь наряд». То есть прислуга орудий и прикрывавшие их стрельцы, бросив осадные батареи, побежали прятаться от бури в уцелевшие строения посада Кураиш. Татарам удалось захватить 70 пушек из 80. При этом был убит воевода передового полка князь Федор Васильевич Оболенский-Лопата.

Через несколько дней 8 тысяч всадников сардара Гали атаковали русских с тыла и нанесли им существенные потери, к тому же угнали несколько табунов лошадей, принадлежавших русским.

После этого было заключено перемирие, и русская рать отправилась обратно. Согласно «Своду болгарских летописей», из 170-тысячной московской рати, пришедшей под Казань, домой вернулось 75 тысяч, а 25 тысяч были взяты в плен татарами. Видимо, здесь имеет место большая натяжка, но, без сомнения, потери войск Вельского были весьма велики.

После поражения 1530 г. Василий III вновь начал переговоры с Казанью. Теперь Москва делала ставку не на силу, а на нестабильность в правящей верхушке Казани. Великий князь велел большими подарками подкупить ханских послов мурзу Кичи-Али и князя Булата Ширина, приехавших в Москву. А в Казани русские послы дьяки Федор Карпов и Путята Меньшой вступили в переговоры с противниками хана Сафа Гирея, которые группировались вокруг имени царевны Ковгоршад, сестры хана Мухаммеда-Эмина, единственной оставшейся в живых представительницы старой династии Улу-Мухаммеда. Имя царевны Ковгоршад в глазах казанцев могло быть с успехом противопоставлено иностранной, то есть крымской, династии.

В мае 1531 г. казанское правительство раскрыло заговор, и хан Сафа Гирей решил казнить русских послов. Тогда заговорщики подняли восстание в Казани, к которому охотно присоединилась городская беднота.

Восставшие начали штурмовать цитадель Казани, и тогда хан Сафа Гирей и его родня покинули ее через ворота Мир-Гали. На пристани у ворот их поджидала флотилия из 12 судов. Сафе Гирею удалось увезти с собой и почти всю ханскую казну. Флотилия по реке Казанке выплыла в Волгу, а затем спустилась до заставы Сапару (современный г. Саратов). Там их поджидал конный отряд крымских татар. Вскоре Сафа Гирей с родственниками и казной прибыл в Бахчисарай.

А тем временем в Казани было образовано временное правительство во главе с князем Чура Нарыковым и сеидом Маметом. А руководители «крымской партии» — сибирский князь Раст, аталык хана Сафа Гирея Али Шахкул и другие — были казнены.

Временное правительство отправило в Москву посольство, которое категорически возражало против кандидатуры Шах-Али. В результате переговоров нашли компромиссного кандидата в казанские ханы — касимовского царевича Джан-Али, или, как его называли русские — Еналая. Хан Джан-Али, сын царевича Шейх-Аулиара, родился в Касимове в 1516 г. С воцарением его брата Шах-Али в Казани, в 1519 г. Джан-Али был назначен владетельным государем Касимовским и удержал свой удел после низложения брата с престола Казанского ханства.

Пятнадцатилетнему царевичу нравилось править в тихом Касимове, и он категорически отказался ехать в далекую и беспокойную Казань. Тогда Василий III, не мудрствуя лукаво, велел наложить на Джан-Али оковы и везти на царствование под конвоем. Лишь на границе Казанского ханства Джан-Али был встречен людьми сеида Мамета, которые сняли с царевича оковы и отвезли в Казань. Вместе с Джан-Али в Казань прибыл и большой отряд касимовских татар.

Обиженному Шах-Али великий князь московский пожаловал Каширу и Серпухов. Но он по-прежнему мечтал о казанском престоле и завел переписку с татарской знатью. Это не понравилось Василию III, и по его приказу Шах-Али «свели с Кашины и Серпухова и послали в заточенье на Белоозеро»^[218].

Юный хан Джан-Али не особенно вникал в государственные дела. Ими ведали царевна Ковгоршад, сеид Мамет и другие. Любопытно, что Василий III адресовывал грамоты не только хану, то и царевне и князьям. Казанское правительство также писало от имени царевны, князей и всех людей Казанской земли. В 1533 г. сеид Мамет женил Джан-Али на тринадцатилетней Сююмбике, дочери ногайского князя Юсуфа.

Перемирие на Казанском фронте позволило Москве бросить все силы на Крымский фронт. Еще осенью 1527 г., когда послы Саадет Гирея были в

Москве, его племянник Ислам Гирей явился на берега Оки. Но здесь его уже поджидали московские воеводы и не дали татарскому войску переправиться на другой берег. Ислам спешно повернул обратно, но все равно потерял много людей, убитых преследовавшими его русскими ратниками.

Василий III, узнав о нападении племянника Саадет Гирей, велел утопить крымских послов. Саадет Гирей был изгнан, а его место занял Сагиб Гирей, бывший прежде в Казани.

В августе 1533 г. Василий III получил весть, что двое племянников крымского хана — Ислам Гирей и Сафа Гирей — собираются в поход. Тогда великий князь послал за своими братьями Юрием и Андреем, воевод с войском отправил к Коломне на Оку, а сам, отслушав обедню в Успенском соборе, выступил 15 августа в село Коломенское. В Кремле же Василий велел расставлять пушки и пищали, а посадским людям перевозить свое имущество под защиту крепостных стен.

В тот же день, 15 августа, татары подошли к Рязани, выжгли посады, а потом рассеялись по волости пограбить. Василий III велел воеводам отправить за Оку отряды для добычи языка. Начальник одного такого отряда князь Дмитрий Палецкий разбил группу татар в 10 верстах от Николы Заразского, начальник другого отряда князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский разбил группу татар и, преследуя ее, наткнулся на большое татарское войско. Татары разогнали отряд Оболенского, некоторых ратников взяли в плен, но более ничего не предприняли и вышли из московских пределов, не желая сталкиваться с основным великокняжеским войском. Московские воеводы двинулись было за татарами, но не могли за ними угнаться.

Сафа Гирей, став в 1535 г. ханом, требовал с Москвы все больше и больше дани (в переводе на московский сленг — «поминок»). И не только денег и мехов, но и кречетов, хороших поваров и т. д. Мотивировка требований дани от Василия III была проста и неотразима: «Ведь ты нашу землю хорошо знаешь, наша земля войною живет»^[219].

Платила Крыму и Литва. Так, король Сигизмунд I обязался платить крымскому хану ежегодно по 7500 золотых монет и на такую же сумму сукон, выговорив, что эти деньги и сукна будут посылаться только в те годы, когда крымцы не будут нападать на литовские земли. Хан Сагиб Гирей был этим недоволен и писал королю: «Значит, ты не хочешь со мной вечного мира? Если бы ты хотел вечного мира, то прислал бы нам 15 000 червонных, как прежде брату моему, Магмет Гирею, посылавал».

Между 1517 и 1533 гг. Василий III отправил несколько посольств в

Турцию. Одной из задач их было уговорить турецкого султана запретить Гиреям набеги на Русь, хотя бы на несколько лет. И действительно, во время войны Оттоманской империи с Персией султан Сулейман III приказал Сафа Гирею временно воздержаться от нападений на Московские земли. На что хан ответил: «Не велишь мне идти ни на московского, ни на волошского, так чем же мне быть сыту и одету?», и тут же наябедничал: «А московский князь стоит на тебя заодно с Кизылбашем (персидским ханом)».

В полночь на 3 декабря 1533 г. умер великий князь Московский Василий III. Смерть Василия немедленно сказалась на казанских делах. 25 сентября 1535 г. в окрестностях Казани люди сардара Янчура схватили хана Джан-Али. По приказу Янчура казы (судья-нотариус) Булат Ширин повесил хана на одиноком дереве на берегу реки Казанки.

В ночь на 26 сентября 1535 г. арские феодалы ворвались в Казань и устроили резню. Ими было убито 1200 мурз, 500 служилых воинов казанских казанчиев и 300 касимовских служилых татар.

Три тысячи русских стрельцов, находившихся в Казани для поддержки Джан-Али, держали нейтралитет, запершись в посаде Кара-Муслим. Расправившись со своими татарскими противниками, сардар Янчур осадил русский отряд и предложил сдаться, обещая разрешить русским или отправиться домой, или получить земли в Казанском ханстве.

Согласно «Своду болгарских летописей», 100 человек решили ехать в Россию, а 2900 остались в Казани. Из последних около 2000 приняли ислам, и со временем их потомки отатарились.

Сардар Янчур настоял на приглашении ханом Сафа Гирея. Вдова Джан-Али Сююмбике была любима народом и, по-видимому, не особенно горевала о повешенном муже. По прибытии Сафа Гирея она вышла за него замуж.

А как реагировала на переворот Москва? Да никак. Там было не до татар. Василий III долго не имел детей. Представим, каково было властолюбивому князю, ненавидевшему родных братьев, да и вообще всех родственников мужского пола. 23 ноября 1525 г. по приказу Василия III московские бояре начали «розыск о колдовстве» великой княгини Соломонии. Действительно, несчастная женщина обращалась к знахарям за помощью от бесплодия. Бояре заставили рынду^[220] Ивана Юрьевича Сабурова дать показания против сестры. Иван показал, что Соломония выписала из Рязани ворожею Степаниду и часто с ней общалась.

Соломония и Степанида вместе прыскали волшебной заговорной водой «сорочку, и порты, и чехол, и иное которое платье белое» великого

князя, очевидно, чтобы вернуть его любовь.

Теперь Василий III имел основания предать жену церковному суду как ведьму. Но вместо этого он 29 ноября приказал увезти ее в девичий Рождественский монастырь на Трубе (на Рву), где ее принудительно постригли в монахини под именем София.

А тем временем московские бояре подыскивали и невесту Василию — Елену Глинскую. Глинские вели свой род от безродного татарина, поступившего на службу к литовскому князю Витовту. Со временем Глинские стали довольно крупными литовскими магнатами. Михаил Львович Глинский был лучшим воеводой польского короля Александра. Но после смерти Александра Михаил Глинский поссорился с новым королем Сигизмундом I и летом 1508 г. бежал в Москву вместе с братьями Иваном Мамаем и Василием Слепым.

Василий III дал во владение Михаилу Львовичу города Боровск и Ярославец. Но Глинский претендовал на Смоленск, а Василий отказал. Осенью 1514 г. обиженный Глинский решил бежать обратно в Польшу, но был пойман и отправлен в заточение. Братья Михаила Иван Мамай и Василий Слепой к 1525 г. умерли своей смертью в Москве.

Боярам Захарьиным и князьям Шуйским идеалом была невеста-сирота: отец в могиле, дядя в тюрьме, братья почти дети. Все были уверены, что брак Василия с красавицей Еленой сохранит «статус-кво» при дворе.

Юная красавица Елена пришлась по душе 47-летнему великому князю. Ради молодой жены Василий III отступил от старых русских обычаев и первым из московских князей сбрил бороду. Летописец сообщает, что великий князь «возлюбил» Елену «лепоты ради лица и благообразна возраста, наипаче ж целомудрия ради». А что касается ее «целомудрия», то тут вопрос остается открытым.

Прошел год, второй после свадьбы, а у Елены признаков беременности не появлялось. Великокняжеская чета зачастила по монастырям. Василий III не скупился на богатые вклады в монастырскую казну.

И вот 25 августа 1530 г., то есть спустя четыре с лишним года после замужества, Елена родила сына Ивана. Появление долгожданного наследника престола было встречено Василием III с огромной радостью. Не иначе, как помогли молитвы монахов о чадородии княгини. Однако у многих современников на этот счет были серьезные сомнения. Уже тогда начались разговоры о молодом воеводе Иване Федоровиче Овчине-Телепнёве-Оболенском. Ивана с Еленой свела его родная сестра Аграфена Челядина, приближенная великой княгини. Что же касается отцовства

Василия III, то, увы, оно достаточно сомнительно.

Однако точно доказать или опровергнуть такое предположение может лишь анализ останков Василия III и Ивана IV, аналогичный исследованиям, проведенным с предполагаемыми останками Николая II и его семьи.

Великая княгиня не присутствовала при агонии мужа. Но, увидев митрополита с боярами, идущих в ее покои, Елена «упала замертво и часа с два лежала без чувств».

Увы, длительный обморок Елены был всего лишь данью этикету. Не прошло и 40 дней со смерти мужа, как ее фаворит Иван Овчина получает боярство. С этого времени Овчина фактически становится соправителем Елены.

Совершив серию политических убийств, Елена объявила себя правительницей. Она, не стесняясь, заявляла послам: «Сын наш и мы жалуем...» На приемах послов за ее спиной (в прямом и переносном смысле) стоял Овчина.

Надо ли говорить, что первые месяцы правления Елены с Овчиной Москве было не до Казани? Между тем крымские татары почти ежегодно нападали на московские земли. Елена и Овчина по всей стране велели собирать деньги на выкуп пленных, понятно, в первую очередь дворян и детей боярских. Вот, к примеру, 22 ноября 1534 г. архиепископ Новгородский Макарий послал в Москву на выкуп пленных 700 рублей московских серебром.

Узнав о «Варфоломеевской ночи» в Казани 26 сентября 1535 г., Елена и Овчина решили освободить Шах-Али из заточения на Белом озере. 9 января 1536 г. Шах-Али привезли на прием к Елене Глинской. У саней его встретили бояре князь Василий Васильевич Шуйский и князь Иван Федорович Телепнев-Овчина с двумя дьяками, а в сенях его встретил сам великий князь Иван с боярами. Елена сидела в окружении боярынь, а бояре сидели по обе стороны, как это было принято при посольских представлениях.

Шах-Али, войдя, поклонился и сказал: «Государыня, великая княгиня Елена! Взял меня государь мой, князь Василий Иванович, молодого, пожаловал меня, вскормил, как щенка, и жалованьем своим великим жаловал меня, как отец сына, и на Казани меня царем посадил. По грехам моим, казанские люди меня с Казани сослали, и я опять к государю своему пришел: государь меня пожаловал, города дал в своей земле, а я ему изменил и во всех своих делах перед государем виноват. Вы, государи мои, меня, холопа своего, пожаловали, проступку мне отдали, меня, холопа своего, пощадили и очи свои государские дали мне видеть. А я, холоп ваш,

как вам теперь клятву дал, так по этой своей присяге, до смерти своей хочу крепко стоять и умереть за ваше государское жалованье; так же хочу умереть, как брат мой умер, чтоб вину свою загладить».

Елена приказала ему ответить: «Царь Шиг-Алей! Великий князь Василий Иванович опалу свою на тебя положил, а сын наш и мы пожаловали тебя, милость свою показали и очи свои дали тебе видеть. Так ты теперь прежнее свое забывай и вперед делай так, как обещался, а мы будем великое жалованье и бережение к тебе держать».

А пока в Москве чествовали Шах-Али, войско Сафа Гирея вторглось в русские земли.

В.В. Похлебкин писал: «Казанские военачальники определили три главных направления, по которым предпринимались эти разорительные налеты:

Первое направление (центральное): Нижний Новгород и Балахна. Эта зона подверглась нападению и разгрому, сожжению поселений и складов в самом начале войны, в январе 1536 г.

Второе направление (северное): Кострома. Эта зона подверглась нападению летом 1536 г. (июнь). При этом был убит князь Петр Васильевич Засекин-Пестрый, воевода Костромы, перебита большая часть ее гарнизона.

Третье направление (южное): Муром. Эта зона непрерывно подвергалась налетам, как самая богатая, в период с весны по лето 1536 г., а затем ранней осенью 1536 г.

Русское войско фактически не приняло участия в этой войне. Она успешно велась казанской стороной как односторонняя, безответная со стороны противника акция.

Выйдя впервые в поле после удара татар по Нижнему и Балахне лишь поздним летом 1536 г., русское войско, встретив Казанскую армию близ с. Исады, в 3 км ниже Макарьева, при впадении р. Сундавика в Волгу (на правом, горном берегу), не решилось на сражение и стало отступать на виду у противника.

Начавшееся с наступлением ночи паническое дезертирство из русской армии в связи с погоней за ней татар привело к пленению части армии без всякого боя. Ратники сотнями сдавались татарам за обещание не убивать их. Невероятная деморализация русского войско потрясла даже татар».^[221]

Крымский хан Сагиб Гирей официально заявил о своем союзе с Казанью. Сагиб Гирей писал Ивану IV: «Я готов жить с тобою в любви, если ты... примиришься с моею Казанью и не будешь требовать дани с ее народа. Но если дерзнешь воевать, то не хотим видеть ни послов, ни гонцов

твоих. Мы неприятели. Вступим в землю русскую, и все будет в ней прахом».

3 апреля 1538 г. умерла великая княгиня Елена Глинская. Немецкий барон Герберштейн, живший в Москве и оставивший подробные описания России, утверждал, что ее отравили. В самом деле, Елена не дожила до 25 лет, никакого мора в том году в Москве не было, так что вероятность естественной смерти была мала.

На седьмой день после смерти Елены в Москве произошел государственный переворот, во главе которого стал князь Василий Васильевич Шуйский. Иван Овчина и его сестра Аграфена были арестованы. На Овчину наложили «тяжелые железа», те самые, в которых в 1534 г. умер Михаил Глинский. Через несколько недель Овчину уморили голодом.

Набеги казанских татар следовали почти ежегодно. К примеру, весной 1542 г. старший сын Сафа Гирея Имин Гирей напал на Северскую область, а в августе того же года — на Рязанскую область. В декабре 1544 г. Имин Гирей напал на Белев и Одоев. Его поход был весьма удачным. Татары ушли с большим полоном, потому что трое московских воевод — князя Щенятев, Шкурлятев и Воротынский — рассорились из-за мест и не пошли на татар.

Хан писал великому князю Ивану: «Король (Польша) дает мне по 15 000 золотых ежегодно, а ты даешь меньше того; если по нашей мысли дашь, то мы помиримся, а не захочешь дать, захочешь заратиться — и то в твоих же руках; до сих пор был ты молод, а теперь уже в разум вошел, можешь рассудить, что тебе прибыльнее и что убыточнее».

Глава 17

Трагедия Казани

Весной 1545 г. московские бояре получили сведения о том, что в Казани созрел заговор против хана Сафа Гирея. Бояре решили помочь заговорщикам и устроили большой поход на Казань. В отличие от предшествующих походов, решили не отправлять конницу сухим путем. Удар должны были нанести три судовые рати с трех мест сбора войск.

Самое большое войско было сосредоточено в Нижнем Новгороде, им командовали князь Семен Пунков и боярин Иван Шереметев. В Хлынове на реке Вятке князь Василий Серебряный собрал уцелевших от московских погромов ушкуйников. В Чердыне судовой ратью командовал князь Львов.

Судовые рати Пункова и Серебряного сошлись под Казанью, по словам московского летописца, «в один день и час, как будто пошли из одного двора». Утром 24 июня 1545 г. обе судовые рати скрытно подошли к Казани.

В этот день казанцы вместе со своим ханом Сафа Гиреем на Козьем лугу отмечали праздник Джиен. Появление семитысячного русского десанта вызвало панику у собравшихся казанцев, на Козьем лугу погибло на месте три тысячи татар. Хан Сафа Гирей едва успел укрыться за стенами Казани. Яства и напитки, приготовленные к празднику, стали добычей победителей. Московский летописец заметил: «Воеводы побили много казанцев и пожгли ханские кабаки».

Именно вино в очередной раз помешало успеху москвичей. Напившись, ратники не стали развивать успех и штурмовать город. А на следующий день Казань была готова к обороне. Постояв немного у Казани, воеводы двинулись по домам. Пермскому же отряду князя Львова совсем не повезло. Он здорово опоздал. По пути отряд был окружен казанцами и полностью истреблен, погиб и воевода Львов.

А тем временем Сафа Гирей устроил разборку татарской верхушке. Выяснилось, к примеру, что князь Исхан, через владения которого прошла судовая рать из Нижнего Новгорода, умышленно не сообщил об этом в Казань. Исхан и несколько других князей были казнены.

Однако казни лишь разозлили оппозицию. В начале января 1546 г. какой-то князь Чура подошел к Казани с полутора тысячами всадников.

Одновременно в городе началось восстание. Хан Сафа Гирей уже проторенным путем бежал через те же ворота Мир-Гали, сел на корабль и отплыл в Астрахань.

Из Москвы в Казань был послан тот же Шах-Али. С ним двинулось три тысячи касимовских татар и тысяча русских конников. 13 июля 1546 г. Шах-Али был вновь возведен на казанский престол. Но Али не процарствовал и месяца. К Казани подошел Сафа Гирей с ногайским войском, и казанцы без боя открыли ему ворота. Шах-Али бежал на струге по Волге и поселился в Касимове. В Казани начались массовые казни. 76 знатных татар бежали в Москву. Новое правительство было составлено исключительно из крымских татар.

В конце 1547 г. царь Иван IV решил лично возглавить поход против казанских татар. В декабре он выехал во Владимир, приказав везти туда за собой пушки. Они были отправлены туда уже в начале января 1548 г., несмотря на большие трудности, так как зима в тот год выдалась теплая, снега не было, все время шли дожди, и лед, по которому двигались войска и везли пушки, был очень слабым. В феврале Иван IV выступил из Нижнего Новгорода и остановился на острове Роботка. Наступила сильная оттепель, лед на Волге покрылся водой, много пушек и пищалей провалилось под лед, потонуло много людей. Три дня царь Иван простоял на Роботке в ожидании заморозков, но их не было. Иван Васильевич вынужден был возвратиться в Москву, сильно расстроенный сорвавшимся походом.

Осенью 1548 г. казанцы под начальством Арака-Богатыря напали на Галицкую волость. Тут отличился костромской наместник Захарий Петрович Захарьин-Яковлев, внук Якова Захарьевича Кошкина, разбивший татар наголову и лично убивший Арака.

В марте 1549 г. хан Сафа Гирей, которому было всего 42 года, скоропостижно скончался. Видимо, он был отравлен приближенными. Со смертью хана возникли серьезные проблемы с престолонаследием. У Сафа Гирея осталось несколько сыновей. Два взрослых царевича, Мубарек и Булюк, находились в Крыму при дворе хана Сагиб Гирея. Еще один взрослый царевич — Гази — был сыном русской наложницы и поэтому не имел права на ханский престол. Младший, Утя-мыш, был еще слишком мал, он родился в 1546 г.

Казанцы предложили престол царевичу Булюку, но хан Сагиб Гирей не согласился его отпустить и даже заключил под стражу. Сагиб Гирей сообщил в Стамбул о предложении казанцев и просил султана Сулеймана назначить ханом в Казань жившего тогда при дворе султана Девлет Гирея, сына Мубарека Гирея и внука Менгли Гирея. Сагиб Гирей боялся Девлета и

хотел убить его, когда тот будет проезжать через Крым в Казань. Эта хитрость Сагиба стала одной из причин его собственной гибели. Султан Сулейман уже давно «имел зуб» на хана Сагиба и хотел его свергнуть. Он для виду назначил Девлета казанским ханом, а на самом деле определил его на крымский престол. Девлет прибыл в Крым, сверг и убил хана Сагиба Гирея. Но все это произойдет только в 1551 г.

В Казани же, в том же 1549 г., как только выяснилось, что царевич Булюк не приедет, ханом был провозглашен сын царицы Сююмбике трехлетний Утямыш. Царицу объявили регентшей. Новое правительство по-прежнему состояло из крымских татар. Главой правительства стал оглан Кучак (Кошак) — начальник крымского гарнизона, составлявшего ханскую гвардию при хане Сафа Гирее.

В июле 1549 г. казанцы прислали царю Ивану грамоту, где писали от имени хана Утямыш Гирея о мире. Царь ответил казанцам, чтобы прислали для переговоров «добрых людей». Но «добрые люди» так и не прибыли, и тогда 24 ноября царь Иван с братом Юрием выступил в поход на Казань, а в Москве за себя оставил двоюродного брата Владимира Андреевича.

В Нижнем Новгороде к московскому войску присоединились касимовские татары царя Шах-Али. Общая численность войска, по татарским источникам, достигала 130 тысяч человек.

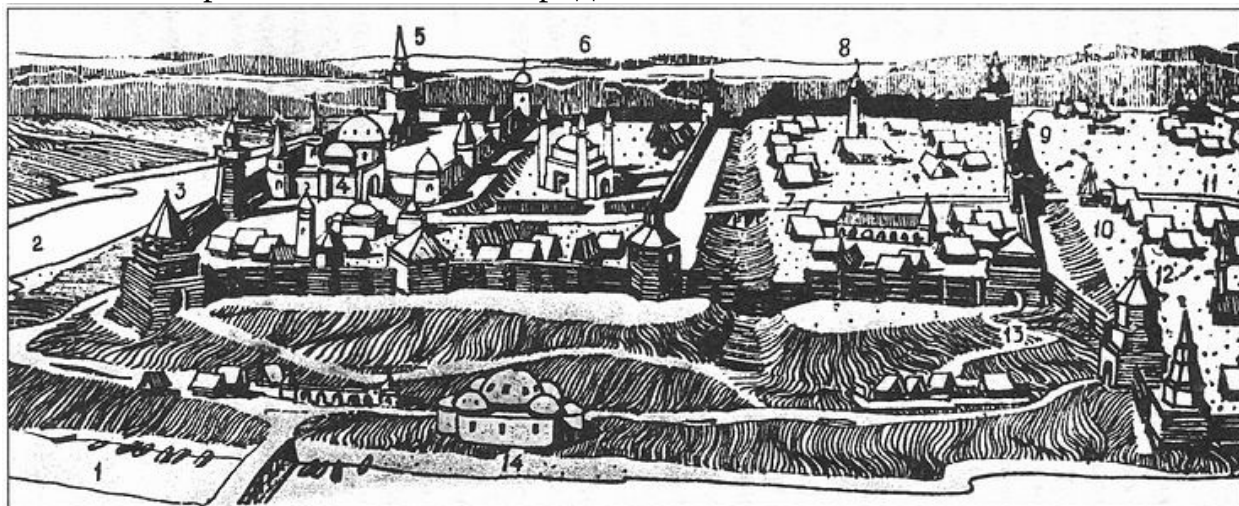
23 января 1550 г. войско двинулось к Казани двумя колоннами: одна — по льду Волги, вторая — по ее правому берегу. По льду шла и осадная артиллерия. На специальных санях везли огромные пушки. Булгарская летопись утверждает, что орудия могли стрелять ядрами диаметром по колено и по пояс взрослому человеку.

Когда первая колонна добралась до Казанского иля^[222], на нее напал четырехтысячный отряд казанского сотника Мамыш-Бирде, который прикрывал подходы к Казани с севера, со стороны Нижнего Новгорода. В ходе ожесточенного сражения русские войска понесли большие потери. Часть пушек ушла под лед. Несмотря на это, колонна продолжала путь.

Между 12 и 14 февраля 1550 г. эта колонна русских войск подошла к Казани. Походный шатер царя Ивана Васильевича установили на берегу озера Кабан (Поганого). Войска под командованием князя Вельского и царя Шах-Али расположились на Арском поле. Состоявший на русской службе астраханский царевич Ядгар (в русских летописях — Едигер) со своими отрядами занял позиции на правом берегу реки Казанки на Козьем лугу. Одну из больших пушек установили недалеко от места впадения реки Булак в Казанку, а другую — напротив Арской стены посада. И в тот же день начался сильный обстрел города.

После артиллерийской подготовки русские войска пошли на штурм посада. Почти одновременно сто тысяч воинов полезли на Булакскую (западную) и Арскую (восточную) стены.

Самые кровопролитные и ожесточенные бои развернулись у Больших тарас Булакской стены и у Арских ворот. Погибли сын Сафа Гирея Гази и крымский посол Арслан Челеби. Часть стены у Арских ворот была разрушена, и в образовавшуюся брешь устремились русские воины. Не выдержав напора штурмующих, крымские татары оставили часть Арской стены, что привело к панике в городе.

Казанский Кремль в первой половине XVI в. Реконструкция по материалам Н. Ф. Калинина.

1 — р. Булак; 2-р. Казанка; 3 — Ворота Нур-Али; 4 — Ханский дворец; 5 — Северо-восточная башня; 6- Соборная мечеть; 7- Тезицкий овраг; 8 — Кладбище; 9 — Большие въездные ворота; 10-Ров; 11 — Посад; 12 — Аталыковы ворота; 13 — Тюменские ворота; 14 — Диарова баня

В этот критический момент из цитадели Казани вышли двое воинов в тяжелых доспехах и направились к Арской стене. Это были царица Сююмбике и казанский сеид Мухаммедьяр. Сююмбике держала в руке саблю, а Мухаммедьяр — знамя Казанского иля. Это был красный стяг, прикрепленный к древку копья, а на наконечнике — серебряный полумесяц.

Когда царица и сеид подошли к Арской стене, на стене были уже русские. Увидев регентшу и главу мусульман в боевых доспехах, с оружием и знаменем в руках, защитники Казани воспряли духом и скинули русских со стены. Затем Сююмбике и Мухаммедьяр поднялись на Арскую стену и стояли там, по свидетельству болгарского летописца, «даже тогда, когда

урусы вновь полезли на стену». Мужество царицы воодушевило воинов и пришедших им на помощь горожан, среди которых было немало женщин.

Внезапно у Арской стены на русских напало большое войско князя Атны. Около пяти тысяч татар, служивших в московском войске (касимовских?), перешли на сторону казанцев.

Русские воеводы прекратили штурм.

Между 21 и 25 февраля 1550 г. русские войска отправились назад. Внезапно погода ухудшилась, наступила оттепель, пошел сильный дождь и вскрылась река. На обратном пути погибло не менее 20 тысяч русских ратников.

После второго неудачного похода Иван не отказался от мысли овладеть Казанью. По примеру своего отца, заложившего крепость Васильсурск, он повелел заложить в устье реки Свияги крепость Свияжск.

Любопытно, как строился Свияжск. Дьяк Иван Выроднов отправился с войском и крестьянами в Углицкий уезд в село Мышкино, отчину князей Ушатых. Там был срублен лес для городских стен, домов и церквей. Все деревянные постройки были собраны, бревна помечены, а затем вновь разобраны. Эти «полуфабрикаты» погрузили на речные суда и весной отправили вниз по Волге.

Командовать постройкой Свияжска формально было поручено хану Шах-Али, а фактически — русским воеводам князю Юрию Булгакову и боярину Даниле Романовичу Юрьеву (брату царицы).

24 мая 1550 г. воеводы с войском прибыли на Свиягу и стали расчищать от леса место для постройки города. На месте будущего города отслужили молебен, освятили воду, обошли с крестами по месту будущей крепостной стены. Потом собрали стену и заложили церковь во имя Рождества Богородицы и чудотворца Сергия. В итоге город Свияжск был построен за четыре недели.

Крепость стояла на территории Казанского ханства, и хан Шах-Али с некоторой натяжкой мог считаться законным казанским ханом. Первыми приехали к Шах-Али черемисы «с челобитьем, чтоб государь их пожаловал, простил, велел им быть у Свияжского города, а воевать бы их не велел, а пожаловал бы их государь, облегчил в ясаке и дал им свою грамоту жалованную, как им вперед быть». Государь их пожаловал, дал грамоту с золотою печатью и ясак им отдал на три года.

Царь Иван послал приказ Шах-Али и воеводам привести всю горную (правую) сторону к присяге и послать отряды черемисов на казанские земли, а с ними отправить детей боярских и казанских князей следить, верно ли черемисы служат государю. Воеводы привели к присяге

черемисов, чувашей, мордовцев и сказали им: «Вы государю присягнули, так ступайте, покажите свою правду государю, воюйте его недруга». В конце концов вся горная сторона, то есть черемисы, чуваша и другие племена, приняла русское подданство.

Отделение от Казанского ханства горной стороны и засилье крымцев вызвали сильное раздражение в Казани. В воздухе запахло новым переворотом. Но, не дожидаясь его, оглан Кучак, крымские мурзы и князя решили бежать из города, бросив там жен и детей. Всего бежало свыше 300 человек. На переправе через Каму их перехватил вятский воевода Зюзин. Часть крымцев была перебита на месте, а 46 наиболее знатных пленных, в том числе Кучак, были отосланы в Москву, где, по словам летописца, «казнены смертью за их жестокосердие».

Строительство крепости на реке Свияге. Средневековая миниатюра

После бегства крымской правящей верхушки из Казани тут же были отправлены послы в Москву с челобитной к государю, чтобы он их пожаловал, пленить не велел, дал бы им на ханство царя Шаха-Али, а царя Утямыша с матерью Сююмбике взял бы к себе. На это Иван IV ответил, что пожалует Казанскую землю, если казанцы выдадут ему Утямыша с матерью, всех крымцев и их детей, а также освободят всех русских пленников.

Алексей Адашев отправился в Свияжск объявить Шах-Али, что государь жалует ему Казанское царство, луговую (левую) сторону и Арску, но горная сторона отойдет к Свияжску, потому что «государь саблею взял ее до челобитья казанцев».

Требование раздела Казанского царства сильно оскорбило Шах-Али, но бояре прямо объявили ему, что решение ни под каким видом изменено не будет. То же было сказано и казанским вельможам, когда они начали было говорить, что землю разделить нельзя.

Утром 11 августа 1551 г. к Казани подошла флотилия русских кораблей, на борту которых находились князь Серебряный и четырехтысячная судовая рать. В тот же день казанские власти выдали русским хана Утямыша, царицу Сююмбике, двух детей оглана Кучака и сына оглана Ак-Мухаммеда. Пленников отправили в Москву в сопровождении князей Серебряного и Кострова, хаджи Али-Мердена, боярских детей и отряда стрельцов. 5 сентября пленники прибыли в Москву.

13 августа 1551 г. хан Шах-Али и русские воеводы высадились в устье реки Казанки, что в семи верстах от Казани. Хан послал в Казань своего дворецкого с имуществом, чтобы приготовить ему дворец. На следующий день на устье реки Казанки состоялся курултай, на котором решался вопрос о горной стороне. Русские бояре зачитали собранию договорные условия, предложенные московским правительством. Казанцы «все стали о горной стороне говорить, что того им учинити не можно, что земля разделить». «Много о том спорных слов было», но русские упорно стояли на своем, что «бог государю то учинил», что «тому уже инако не бывать, как его бог учинил», и добились того, что казанцы согласились на предложенные русскими условия. Договор был подписан. Горная сторона отошла к русскому государству. Было отменено рабство для христиан, и все русские пленники должны были быть освобождены. В первую очередь должны были получить свободу невольники, которыми владели в Казани князья. Остальных же рабов казанцы дали обязательство также освободить, «а

уведает государь полон христианской в работе бусурманской, и у кого вымут, того казнити смертию». Если казанцы освободят не всех русских невольников, то московское правительство пойдет на них войной. Таким образом, согласно условиям договора, казанским татарам запрещалось под страхом смертной казни иметь русских рабов. Это стало важнейшей экономической реформой.

16 августа хан Шах-Али прибыл в Казань. С ним прибыл гарнизон (300 касимовских татар и 200 русских стрельцов), который расположился вокруг дворца. На следующий день хан приказал собрать всех пленных у своего дворца и объявил им свободу. В первый день было освобождено 2700 человек. А всего в Свияжске было зарегистрированного 60 тысяч освобожденных невольников. Пленные являлись в Свияжск, а оттуда уже «все по своим местам, кому куда ближе, туды пошли».

Хан Шах-Али решил потребовать у Ивана IV возвращения горной стороны Казанскому ханству. То ли ему надоело быть московской марионеткой, то ли он понял, что без горной стороны ему не долго придется царствовать.

Казань. Вид ханского дворца первой половины XVI в. Реконструкция Н.Ф. Калинина

В октябре 1551 г. в Москву было отправлено посольство, в составе

которого находилось много знатных казанцев — князь Нур-Али, ханский дворецкий князь Шах-Абас Шалов, бакши Абдулла и другие. Посольство просило Ивана IV уступить горную сторону, на что последовал категорический отказ царя. Тогда послы попросили хотя бы разрешить собирать подати на горной стороне в пользу Казани, то есть ввести там совместное правление. И на это последовал отказ. Мало того, бояре заявили послам, что те останутся в Москве в качестве заложников до полного освобождения всех русских невольников.

Естественно, эта акция вызвала недовольство в Казани. Князь Бибарс Растов с братьями возглавил заговор против Шаха-Али и вступил в переписку с ногайским ханом. О заговоре стало известно хану. Шах-Али поступил в лучших восточных традициях — пригласил заговорщиков на пир во дворец и велел верным мурзам перебить их всех за столом. Части заговорщиков удалось вырваться из дворца, но их уже поджидали сабли и бердыши русских стрельцов. Всего было убито 70 знатных татар. Несколько десятков заговорщиков бежало в Ногайскую орду.

Хан избавился от заговорщиков, но возбудил ненависть большинства жителей Казани. В Москве были хорошо осведомлены о ситуации в ханстве. Царь с боярами долго думали, как помочь хану, но в конце концов пришли к заключению, что его положение безнадежно. Было принято решение низложить Шаха-Али и назначить в Казань царского наместника.

В феврале 1552 г. в Казань прибыл царский посол Алексей Федорович Адашев с предложением Шах-Али впустить в Казань русского наместника и сдать ему крепость. Хан категорически отказался, «и много о том речей спорных было». Шах-Али сказал: «Я мусульманин, и не хочу восстать на свою веру», но дал согласие на отречение от престола.

5 марта Шах-Али объявил, что на следующий день он отправится на Дальний Кабан, где находилась крепость Касим, на подледный лов рыбы. На рыбалку были приглашены те князья и мурзы, которых Шах-Али подозревал во враждебном отношении к нему.

6 марта Шах-Али выехал из Казани в сопровождении 84 князей и мурз, а также 500 русских стрельцов. От Царских ворот кортеж двинулся к внешнему посаду Кураиш, а не повернул к Дальнему Кабану, как было объявлено. Недалеко от посада Кураиш кортеж остановился, князья и мурзы были окружены и разоружены русскими стрельцами. После этого Шах-Али обратился к ним со следующими словами: «Хотели вы меня убить, и просили великого князя низложить меня с престола, жаловались, что я вас притесняю, просили, чтобы вам дали наместника. Великий князь повелел мне выехать из Казани, и я еду к нему. Вас с собой повезу, чтобы

там расправиться с вами». И увез их в Свияжск в качестве заложников.

В тот же день в Казани была оглашена царская грамота, в которой говорилось, что «по казанских князей челобитью» государь низложил хана с престола и дал им своего наместника свияжского воеводу князя Семена Ивановича Микулинского. Все казанские «лучшие люди» должны явиться в Свияжск и принести присягу наместнику. Таким образом, Казанское ханство присоединялось к Московскому государству. Известие это было встречено казанцами довольно спокойно.

На следующий день, 7 марта, Чапкун Отучев, Бурнаш и стрелецкий голова Иван Черемисинов прибыли в Казань и привели казанцев к присяге.

Царский наместник С.И. Микулинский должен был торжественно въехать в Казань 9 марта 1552 г. Вечером 8 марта в Казань прибыл его багаж с 70 русскими казаками.

Рано утром 9 марта наместник вместе с воеводами Иваном Васильевичем Шереметевым и князем Петром Серебряным, и с довольно солидным войском двинулись к воротам Казани. Уже в черте нынешнего города Казани трое татар, сопровождавших наместника — князь Ислам, князь Кебек и мурза Алике Нарыков, — попросили у него разрешения ехать вперед. Микулинский разрешил, и татары уехали в город.

Достигнув Казани, Ислам, Кебек и Нарыков заперли крепостные ворота и распространили слух, будто русские едут с намерением устроить резню и перебить всех жителей. Горожан это встревожило, и многие кинулись вооружаться.

Когда наместник с боярами подъехал к воротам, его встретили выехавшие навстречу князь Кул-Али и И. Черемисинов. Последний доложил: «Лиха есмя по сесь час не видали; а те, перво как прибежали от вас князи, так лихие слова почали говорити, и люди замешались, иные на себя доспех кладут». Бояре подъехали к Царевым воротам, они оказались запертыми. Наместник и сопровождавшие его два дня стояли у ворот и пытались уговорить казанцев впустить их в город. Однако антирусски настроенная знать не только отказалась впустить князя Микулинского, но и не выпустила из города ранее прибывших туда русских стрельцов.

Видя безнадежность своего положения, князь Микулинский решил возвратиться в Свияжск, так как брать крепость приступом у него не было сил. Русские ушли, «ни одному человеку лихо не учинили», посада не сожгли, никого не убили и ничего не разграбили, так как все еще надеялись на мирное соглашение, «чаяли сделки».

Так рухнул проект унии — присоединить Казанское ханство к русскому государству мирным путем не удалось. В Казани образовалось

временное правительство, во главе которого стал князь Чапкун Отучев. В состав правительства вошли кади (судья) Кул-Шериф, князя Алике Нарыков, Дервиш, ногайский князь Зейнеш и сибирский князь Кебек.

Первым делом были перебиты находившиеся в Казани стрельцы (около 180 человек) и несколько десятков русских купцов. Затем в Ногайскую орду послали гонцов, чтобы предложить престол астраханскому царевичу Ядыгер-Мухаммеду, потомку хана Тимура Кутлу. Царевич не заставил себя долго ждать и поспешил в Казань. На переправе через Каму Ядыгер-Мухаммеда чуть было не схватили русские, но ему удалось прорваться.

Вскоре против русских восстала вся горная сторона, и новопостроенный город Свияжск оказался в осаде. На выручку Свияжска царь направил войско под началом своего шурина Данилы Романовича Захарьина-Юрьева.

Иван IV вновь решил лично возглавить поход на Казань. Русские полки собирались очень медленно. Однако как раз медлительность воевод и спасла Москву. Узнав о подготовке похода на Казань, крымский хан Девлет Гирей двинулся на Москву. Татары судили по себе, и, по их расчетам, русское войско к середине июня 1552 г. должно было быть где-то у Свияжска. Но, как известно, русские долго собираются, а потом быстро едут. И к 19 июня русские войска еще находились под Москвой. Узнав о походе крымцев, царь Иван приказал двинуться против них всем полкам. Девлет Гирей был отброшен у Коломны, а затем наголову разбит у Тулы.

Лишь 3 июля Иван IV с двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем выехал из Коломны под Казань. У реки Пьяны (левый приток Суры) к царскому войску присоединились касимовские татары с воеводой Аксаедом Чирюссыевым. А когда войско добралось до реки Алатырь (левый приток Суры), к ним присоединился большой отряд темнекеевских татар и мокши под командованием князя Еникея. К приходу Ивана Грозного Еникей построил три больших моста через Алатырь. 6 августа к царским войскам, стоявшим в устье реки Барыш, подошел 20-тысячный отряд астраханских татар под командованием двух царевичей — Кайбулы и Дервиш-Али.

По пути царь несколько раз получал донесения о победах Данилы Романовича над «горными людьми». 13 августа Иван IV достиг Свияжска. К этому времени край был полностью усмирен боярином Данилой Романовичем. Иван позвал на обед посланцев от горных людей и объявил, что прощает их народу прежнюю измену.

20 августа 1552 г. царь Иван Васильевич со 150-тысячным войском и

150 осадными орудиями обложил Казань. В городе же находилось 30 тысяч воинов-казанцев и 3 тысячи ногайцев. Царский шатер установили недалеко от мечети Отучева («Отуз», ныне мечеть «Нурулла») в посаде Кураиш. Изнутри царский шатер был покрыт златотканой парчой и усыпан драгоценными камнями. Пространство вокруг шатра обнесли высокой стеной из дубовых бревен.

С 21 по 23 августа 1552 г. Казань была полностью обложена. По данным З.З. Мифтахова, под Казанью находились следующие полки:

«1. Царский полк. Он состоял из 20 тысяч отборных конников. Полк находился в непосредственном распоряжении самого царя. Сначала полк располагался поблизости от посада Кураиш, на территории Сенного базара. 23 августа его разделили на две части. Одна часть под командованием двоюродного брата царя князя Владимира Андреевича Старицкого заняла позиции в районе посада Бишбалта. Другая часть полка переместилась в район Армянской слободы.

2. Большой полк. В составе полка, кроме русских, были 30 тысяч касимовских татар, 10 тысяч мордвы, 10 тысяч поляков, немцев, литовцев, а также отряды черемисов и чувашей, перешедших на сторону московского государя.

Полком командовали Шах-Али, воеводы Михаил Иванович Воротынский и Иван Федорович Мстиславский.

23 августа на рассвете Большой полк перешел на правый берег Булака. Переход был осуществлен на линии современных улиц Галиаскара Камала и Астрономической. Здесь на дне Булака был настил из дубовых бревен. Когда русские войска стали переправляться, внезапно открылись Черемисские ворота, расположенные напротив переправы. Из ворот выехала пятитысячная конница. Конники были вооружены копьями. Затем из соседних ворот вышли пехотинцы: 10 тысяч воинов, вооруженных луками и стрелами. Завязался жестокий бой. Казанцы сражались мужественно, но стрельцы, вооруженные огнестрельным оружием, вынудили их войти в город. Поэтому Большому полку удалось переправиться через Булак и подняться на Арское поле. Он занял позицию, расположенную между современными улицами К. Маркса и Бутлерова, перекрыв тем самым Арскую дорогу.

3. Передовой полк. В его составе, кроме русских, были 5 тысяч крымских татар под командованием царевича Тактамыш, 5 тысяч ногайцев под командованием Кудайта, а также 5 тысяч черкесов. Здесь же находилась удельная дружина князя В.А. Старицкого.

Полком командовали боярин Иван Иванович Пронский, воевода

Дмитрий Иванович Хилков.

Передовой полк занял позицию в северной части Арского поля, в районе современной улицы Большая Красная.

4. Полк правой руки. Полком командовали боярин Петр Михайлович Щенятов и князь Андрей Михайлович Курбский^[223]. Полк занял позицию на правом берегу р. Казанки, напротив северной стены крепости. Тем самым он перекрыл Галичскую дорогу.

5. Полк левой руки. В его составе, кроме русских, были 10 тысяч астраханских татар под предводительством царевича Кайбулы. Полк занял позицию на левом берегу Булака, между зданием главного корпуса современного педагогического университета и улицей Чернышевского.

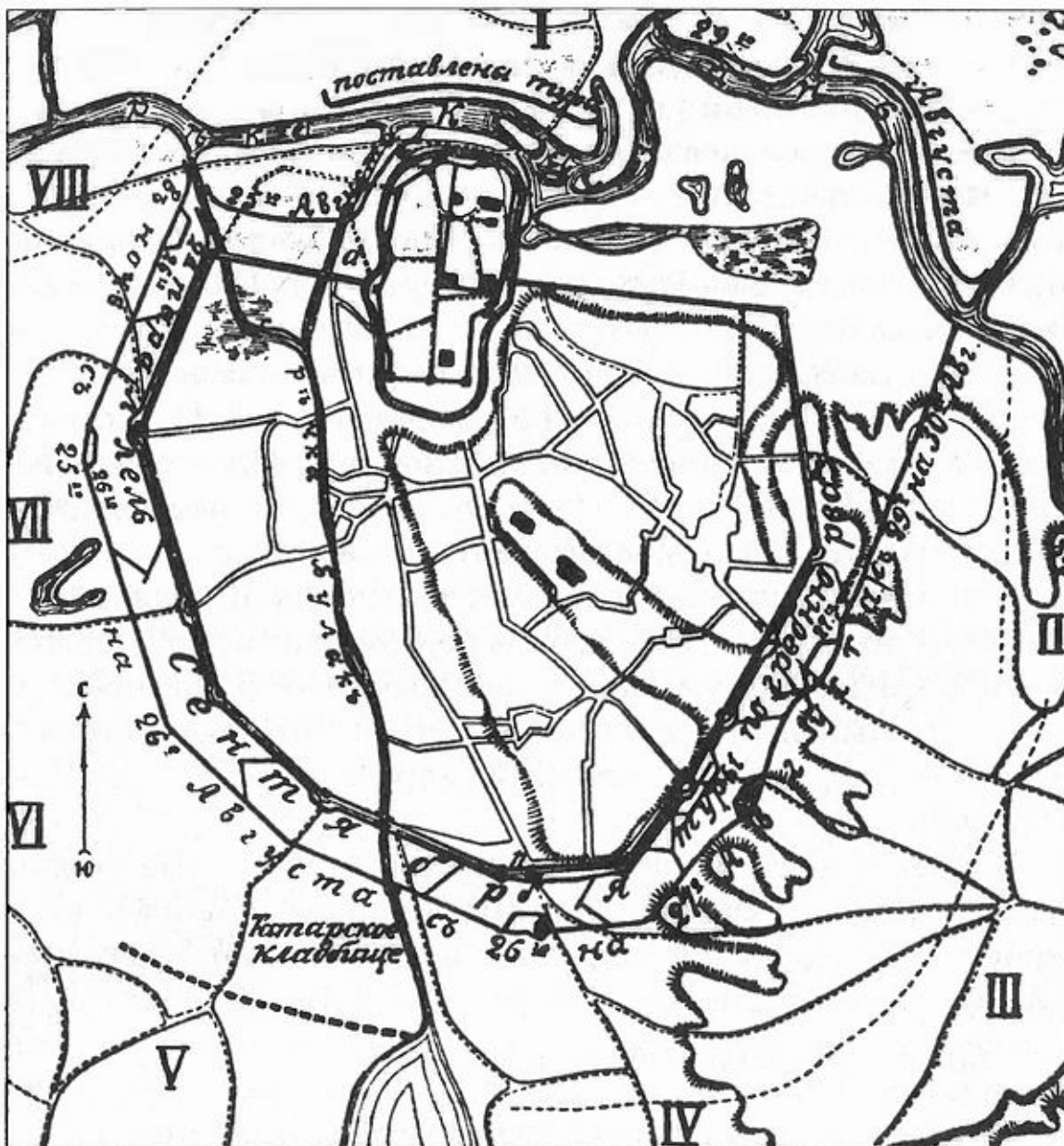
6. Сторожевой полк. В его составе, кроме русских, были 10 тысяч астраханских татар под командованием царевича Дервиш-Али. Полком командовали боярин Василий Серебряный и воевода Семен Васильевич Шереметов. Полк занял позицию недалеко от устья Булака.

7. Ертоульский полк. Это был полк конной разведки. В его составе, кроме русских, были 5 тысяч черкесов. Полком командовали князь Юрий Иванович Шемякин-Пронский и Федор Иванович Троекуров. Первоначально полк располагался на левом берегу Булака, недалеко от озера Кабан.

В конце августа полк разделился: одна часть осталась на прежних позициях, а другая была перемещена в район современной улицы Поддужной, т. е. на левый берег р. Казанки.

8. Отдельный отряд Головина. Отряд Михаила Петровича Головина расположился на Федоровском бугре (Старое городище)^[224].

Вокруг Казани были построены многочисленные редуты (А.М. Курбский^[225] пишет о шанцах). Там было установлено не менее 150 осадных орудий, среди которых огромные пушки «Змей», «Лев», «Дракон», «Гриф», «Свистун», «Сокол» и др., а также мортиры. Курбский писал, что расстояние между пушками по фронту составляло полторы сажени (3,2 м) — так их было много. Наряду с русскими пушкарями было много и поляков — Войчек, Ганус, Клаус, Станислав, Ян, Кристоп и др. Пушки стреляли железными, а чаще каменными ядрами, а мортиры — бомбами или тоже каменными ядрами.

Осада Казани в 1552 г.

I - позиция полка правой руки. II - позиция ертоула. III - позиция полка князя Владимира Андреевича Большого. IV- позиция передового полка. V - позиция Шиг-Алея с князьями и мурзами Радецкими. VI - позиция Царского полка. VII - позиция полка левой руки. VIII- позиция сторожевого полка («Военная энциклопедия». Т. XI)

По словам Курбского, русская осадная артиллерия в основном подавила огонь крепостных орудий, но татары продолжали вести интенсивный огонь из ручного оружия и мортир.

31 августа русская артиллерия разбила лашню у Арских ворот. Русские воеводы решили рядом с разбитой башней построить высокую деревянную башню для поражения внутренней части крепости. Всего за одну ночь русские построили эту башню, высота ее достигала 13 метров. На башне в три яруса разместили 10 пушек и 50 затынных пищалей.

Пока русские воеводы и «немчины» инженеры занимались осадными работами, царь надумал чисто азиатским способом устроить людей. Как писал А.М. Курбский: «Когдаже к царю привели связанных пленников, то он повелел вывести их перед шанцами, привязать к кольям и заставить их умолять оставшихся в городе о том, чтобы они сдали Казань христианскому царю, а кроме того, и наши ездили и обещали казанцам в случае сдачи города жизнь и свободу, как этим привязанным пленникам, так и всем остальным от имени нашего царя. Казанцы, тихо выслушав эти слова, начали стрелять со стен города, причем не столько по нашему войску, сколько по своим пленникам»^[226].

Замечу, что в XX в. советские «киношники» нагло переврали этот эпизод, приписав эту затею Андрею Курбскому. Профессор же Мифтахов пишет: «Царь приказал всех пленных привязать к кольям перед укреплениями, чтобы они умоляли казанцев сдаться. Одновременно к посадской стене со стороны Арского поля подъехали мурза Камай и приближенные царя. От имени царя они предъявили казанцам ультиматум: или они без боя сдают город, или он, царь, велит казнить всех пленных. Защитники Казани молча их выслушали и ничего не ответили. Желая подчеркнуть серьезность своих намерений, русские воины стали сажать на колья женщин и детей, вешать их за ноги, расстреливать. Тогда защитники города, стоящие на стене, пустили тучи стрел как в истязателей, так и в пленных. В своих пленных соплеменников пустили стрелы, чтобы освободить их от страшных страданий»^[227].

Иван IV приказал лишить казанцев воды. Ему доложили, что воду берут из ключа у Муралевых ворот, внутри крепости. Царь приказал английскому инженеру Бутлеру сделать подкоп и взорвать мину у источника. 4 сентября мина была взорвана, и казанцы лишились этого источника воды. Хотя полностью лишить Казань водоснабжения не удалось (в городе было несколько водоемов), взрыв произвел угнетающее действие на осажденных.

30 сентября было взорвано еще несколько мин под стенами крепости, и русские пошли на штурм. Однако казанцам удалось его отбить.

В 7 часов утра 2 октября с интервалом в одну минуту русские взорвали

два сверхмощных фугаса под стенами крепости. В каждом из фугасов было по 240 пудов (то есть по 4 тонны) пороха. В результате взрыва образовалось два больших пролома в стене у Арской башни и у Исабельской Нижней башни. В пролом с криком «С нами Бог!» полезли толпы русских ратников. Им удалось войти в крепость, но там начался упорный бой.

Пользуясь численным превосходством, русским удалось оттеснить татар в глубь города, но те бились за каждый дом. По пути многие ратники, решив, что город уже взят, занялись грабежом. А.М. Курбский писал: «Мародеры, узрев, что наши под напором татар вынуждены отступать, ударились в такое бегство, что многие и в ворота не проходили, а другие со своей добычей пытались через стену перелезть, а иные добычу побросали и с воплями: "Секут! Секут!" бежали»^[228].

Русские начали покидать крепость. Тогда воеводы, в том числе сам Курбский, несколько раз посылали за царем, который все это время молился в лагере. Как писал Курбский, Ивана IV насильно выволокли, посадили на коня и, взяв коня под уздцы, повели к стенам города. Вид царя должен был остановить бегущих. В этот критический момент не растерялся двоюродный брат царя Владимир Андреевич Старицкий. Он от имени Ивана приказал двадцатитысячному царскому полку, то есть последнему резерву, прекратить охрану царской Ставки и войти в город через арский пролом.

Царский полк и решил исход сражения в Казани. В городе остались лишь отдельные очаги сопротивления, но еще держался замок — Ханский двор, где находился Ядыгер. Окруженные татары закричали русским: «Пока стоял юрт и место главное, где престол царский был, до тех пор мы бились до смерти за царя и за юрт. Теперь отдаем вам царя живого и здорового. Ведите его к своему царю! А мы выйдем на широкое поле испытать с вами последнюю чашу».

Выдав царя вместе с тремя приближенными вельможами, татары, около 600 человек, бросились прямо со стены к берегу Казанки, пытаясь пробиться к реке, но были встречены залпом из русских пушек. Тогда татары повернули налево вниз, скинули доспехи, разулись и перешли речку. Князя Андрей и Роман Курбские обскакали татар, врезались в их ряды, но были смяты. Оба князя Курбских были серьезно ранены. И лишь подход новых сил под командованием князей Микулинского, Глинского и Шереметева помог нанести прорвавшимся татарам окончательное поражение. Уйти в лес удалось лишь немногим во главе с сардаром Мохаммед-Бахадиром.

Узнав, что Казань в руках русских, Иван IV велел служить молебен под

своим знаменем. После молебна все бояре и воеводы поздравили царя, а князь Владимир Андреевич сказал: «Радуйся, царь православный, божиею благодатию победивший супостатов! Будь здоров на многие лета на богом дарованном тебе царстве Казанском!» Иван ответил на это: «Бог это совершил твоим, князь Владимир Андреевич, попечением, всего нашего воинства трудами и всенародною молитвою. Буди воля господня!»

Тут подъехал и Шах-Али с поздравлениями. Татарскому царю, поздравляющему с разрушением Татарского царства, Иван счел приличным ответить оправданием: «Царь господин! Тебе, брату нашему, ведомо: много я к ним посылал, чтоб захотели покою. Тебе упорство их ведомо, каким злым ухищрением много лет лгали. Теперь милосердый бог праведный суд свой показал, отомстил им за кровь христианскую».

Царь приказал очистить от трупов одну улицу от Муралеевых ворот до Царева двора и въехал по ней в город. Впереди ехали воеводы и дворяне, сзади — князь Владимир Андреевич и Шах-Али.

До начала осады население Казани превышало 65 тысяч человек. После захвата и учиненного русскими погрома из мужчин в живых осталось 500 кара-муслимов (то есть русских, принявших ислам) и мусульман, и то лишь потому, что за них попросил Шах-Али.

Вечером 2 октября около мечети «Мохаммед-Алам» запылали огромные костры: русские вытаскивали из мечети «тысячу связок книг» и сжигали. Булгары из Восточной Мещеры, вошедшие в Казань уже после ее взятия, увидев такое варварство, остолбенели. Опомнившись, они стали бросаться в костры и, обжигаясь, выхватывать из них священные книги. Это были книги, привезенные из Ирана и Ближнего Востока Мухамедьяром и подаренные им Сююмбике, а та подарила их мечети «Мохаммед-Алам».

11 октября Иван IV двинулся в обратный путь. Царь с пехотой плыл на судах, а конница шла берегом. Править Казанским краем Иван оставил князя Александра Борисовича Горбатого-Шуйского с 14 тысячами ратников.

1 ноября 1552 г. состоялся торжественный въезд Ивана IV в Москву. Царь решил устроить себе триумф по типу римских императоров. Перед ним по Москве провели пленных: бывшего хана Ядыгера, огланов, князей, мурз, их жен и детей. Чтобы привлечь как можно больше внимания москвичей к торжественному въезду царя-триумфатора, по улицам водили не только знатных казанских вельмож, но и верблюдов, конфискованных у азиатских купцов, приехавших по своим торговым делам в Казань. Вслед за этой экзотической процессией въехал сам царь Иван Васильевич.

С 8 по 10 ноября в честь победы в Москве закатали трехдневный пир.

К царскому столу были приглашены высшее духовенство, князья и отличившиеся в боях дворяне. Все три дня раздавались подарки митрополитам и владыкам, а также награды воеводам и воинам, начиная с князя Владимира Андреевича и до последнего сына боярского. Кроме вотчин, поместий и кормлений было роздано денег, платьев, драгоценных сосудов, доспехов, лошадей и др. на 48 тысяч рублей, то есть на небывалую по тем временам сумму. Награбленного в Казани хватило всем.

Любопытно, что Иван IV, столь свирепо расправившийся с защитниками Казани, довольно либерально обошелся с их ханами. Юный хан Утямыш Гирей 8 января 1553 г. был крещен в Чудовом монастыре и получил имя Александр. Иван Грозный повелел ему жить в царском дворце. Однако Александр умер 11 июня 1566 г. в возрасте 20 лет. Причем умер своей смертью и не в опале, ибо был похоронен в месте погребения государей московских — в Архангельском соборе Кремля. Хан Ядыгер 26 февраля 1553 г. тоже принял крещение и получил имя Симеон. Иван Грозный дал ему богатый двор в Москве, в документах он числился «царем Симеоном».

Умер он своей смертью 26 августа 1565 г. и был погребен в Благовещенской церкви Чудова монастыря. Из казанских ханов Шах-Али оказался единственным, кто сохранил свою веру. Он длительное время был ханом касимовским и умер там 20 апреля 1567 г.

Увы, торжества в Москве не означали окончания войны в Казанском крае. В Москве еще не закончились пиры победителей, а чуваша и черемисы на дороге из Свияжска в Васильсурск убили много русских гонцов, купцов и людей, сопровождавших обозы с казенными грузами. Иван IV приказал сыскать участников нападения и всех повесить. В Свияжск доставили 74 гражданских чуваша, всех повесили, а имущество их роздали доносчикам. Возле Казани действовал отряд «Тугаевы дети с товарищи». Мурза Камай, перебежавшей к русским перед самой осадой Казани, поймал 38 человек «Тугаевых детей», доставил в Свияжск, где их и повесили.

Ни Иван, ни его бояре не понимали сложности ситуации. Они были уверены, что Казанский край окончательно присоединен к России. В разные волости Казанского края были посланы сборщики податей. В окрестностях Казани «ясаки собрали сполна», но в феврале 1553 г. выяснилось, что «казанские люди луговые ясаки не дали» и сборщиков убили.

Отряд казанских татар укрепил засеку на Высокой горе в 15 верстах от Казани. Видимо, это были остатки конников князя Япончи. Они-то и

послужили ядром организовавшейся армии. Казанцы разгромили и уничтожили два посланных из Казани русских отряда в 800 человек. По словам летописца: «Пришли на них люди арские и луговые, да их побили на голову и убили 350 стрельцов да 450 казаков». В верхнем течении реки Меши, в 70 верстах на восток от Казани, казанцы построили крепость.

Горная сторона Волги также была охвачена восстаниями против русских. Здесь действовали отряды казанцев под предводительством Зейзейта и богатыря Сары, пришедшие с луговой стороны. Они разбили посланный против них из Свияжска отряд под командованием Б.И. Салтыкова. Было убито 36 детей боярских, 170 чувашей, в плен попало 200 человек, а сам Салтыков был убит.

Ожесточенные боевые действия в Казанском крае прекратились лишь в конце 1556 г., после того как большая часть волостей края была опустошена карательными походами русских воевод.

Уже весной 1555 г. Иван IV принял решительные меры для русификации Казанского края. В Казань был отправлен первый архиепископ Гурий. Следует заметить, что в Казанский край были посланы наиболее ортодоксальные и жесткие иерархи церкви. Вместе с Гурием в Казань прибыл Герман Полев, архимандрит Свияжского монастыря, который после смерти Гурия занял его место. Видимо, вместе с Гурием в качестве попа в Казань прибыл и молодой Гермоген, который позже станет казанским архиепископом.

Из Пскова срочно доставили мастеров для сооружения в Казани каменного кремля. Главным строителем кремля был Постник Яковлев, более известный как строитель храма Василия Блаженного в Москве, сооруженного в память взятия Казани.

Казань стала русским городом в полном значении этого слова. Татарам было запрещено не только селиться внутри крепостной стены, но и входить внутрь города. За нарушение запрета была положена смертная казнь. Если до взятия Казани в ней с посадами проживало 65 тысяч жителей, то в 1557 г. внутри города жило около 7 тысяч русских, а в посадах — 6 тысяч татар.

На землях черемисов, чувашей и других народностей на правом берегу Волги были воздвигнуты города Чебоксары, Цивильск и Козьмодемьянск, а на левых притоках Волги — Большой и Малый Кокшагах — города Кокшайск и Санчурск. На правом берегу Нижней Камы был построен город Ланшев, а на правой стороне Волги в 40 верстах ниже Казани — город Тетюши. С конца 50-х — начала 60-х гг. XVI в. начинается массовое переселение русских людей на «Казанскую землю». С началом

опричнины князя и дворяне целых районов России выселяются в Казанский край. Особенно это коснулось потомков ростовских, ярославских и стародубских князей.

Как часто бывало в нашей истории, второстепенные и третьестепенные герои одного акта драмы становились главными героями в следующем акте. Так, с историей взятия Казани неразрывно связана судьба удельных князей Стародубских^[229] и Пожарских. Первым независимым стародубским князем стал Иван (1198–1247), сын великого князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Он стал родоначальником династии независимых стародубских князей. Один из них, Андрей Федорович Стародубский, отличился в Куликовской битве. Второй сын Андрея Федоровича, Василий, получил в удел волость с городом Пожар (Погара)^[230] — в составе Стародубского княжества. По названию этого города князь Василий Андреевич и его потомки получили прозвище князей Пожарских. В начале XV в. стародубские князья становятся вассалами Москвы, но сохраняют свой удел.

Князья Пожарские верой и правдой служили московским правителям. Согласно записи в «Тысячной книге» за 1550 г. на царской службе состояли тринадцать стародубских князей.

При взятии Казани отличился отец будущего полководца стольник Михаил Федорович Пожарский. Еще один князь Пожарский, Иван Федорович, был убит под Казанью.

В марте 1566 г. Иван Грозный согнал со своих уделов всех потомков стародубских князей. При чем беда эта приключилась не по их вине, а из-за «хитрых» интриг психически нездорового царя. Решив расправиться со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Старицким, царь поменял ему удел, чтобы оторвать его от родных корней, лишить его верного дворянства и т. д. Взамен Владимиру было дано Стародубское княжество. Стародубских же князей скопом отправили в Казань и Свияжск. Среди них оказались Андрей Иванович Рязанский, Никита Михайлович Сорока Стародубский, Федор Иванович Пожарский (дед героя) и другие.

Высылка стародубских князей была не только частью интриги Грозного против брата, но и элементом колонизации Казанского края. Стародубские князья приехали не одни, а со своими дружинами и дворней. Они получили довольно приличные вотчины и второстепенные должности в администрации Казанского края. К примеру, Михаил Борисович Пожарский был назначен воеводой в Свияжск. Стародубские князья беспощадно подавляли восстания татар и внесли большой вклад в

колонизацию края.

С 80-х гг. XVI в. часть вотчин в бывшем Стародубском княжестве постепенно была возвращена законным владельцам. Но «казанское сидение» нанесло серьезный урон князьям Пожарским в служебно-местническом отношении. Их оттеснили другие княжеские роды и новое «боярство», выдвинувшееся в царствование Грозного. Таким образом, Пожарские, бывшие в XIV — начале XVI в. одним из знатных родов Рюриковичей, были оттеснены на периферию, что дало повод советским именитым историкам называть их «захудалым родом».

Дмитрий Михайлович Пожарский родился 1 ноября 1578 г. в Казанском крае.

Начиная с 1990 г., татарские националисты начали раздувать русофобские настроения, поминая зверства Ивана Грозного. Никто не спорит, расправа царя над жителями Казани была ужасной. Но причем тут жители современных Москвы и Казани? Среди жителей обоих городов мы не найдем и десятой доли процента прямых потомков тех, кто защищал или брал Казань.

Да и не стоит забывать, что Иван Грозный (татары его называли Алаша, то есть Душегуб) убил куда больше своих русских подданных, нежели татар. Один поход 1572 г. на Новгород чего стоил! С.М. Соловьев сравнивал поход на Новгород с Батыевым нашествием. Это слишком мягкое сравнение. Батый был завоевателем и перед штурмом города всегда предлагал жителям покориться и платить умеренную дань. И действительно, города, покорившиеся Батыю, оставались целыми, а жители — живыми. Грозный же действовал как обыкновенный разбойник и отличался от крымских ханов Гиреев лишь тем, что те грабили чужие страны, а Иван — свою собственную.

Грозный казнил всех русских воевод, бравших Казань. При этом они и другие потомки удельных князей Рюриковичей, как бараны, шли под нож царя-палача, не пытаясь ни бежать, ни сопротивляться. Бежал лишь один Андрей Курбский.

В Литве он получил во владение большое княжество. Там он и вступил в знаменитую переписку с Иваном Грозным.

Наполеон учил своего брата Луи, назначив его королем: «Если про монарха говорят, что он добр, то его царствование не удалось». Однако подавляющее большинство злодеяний Ивана Грозного пошло не во благо Русского государства, а во вред ему. Оправдать Грозного невозможно. Но и нельзя вырывать его царствование из контекста мировой истории. Во второй половине XVI в. вся Европа была залита кровью. Вспомним

расправы английских королей над своими подданными. А религиозные войны во Франции, включая Варфоломеевскую ночь? А разгул инквизиции в Испании и Нидерландах? На этом фоне наш кровавый Иван выглядит не очень-то и Грозным.

Изучение исторических фактов и их обнародование — дело благое, но одностороннее выпячивание их и раздутие национальной розни — нечто совсем иное.

Глава 18

Россия выходит на Каспий

После взятия Казани Иван Грозный решил захватить Астрахань и таким образом обезопасить южные границы Казанского края. Главной же целью Москвы было обеспечение свободного судоходства по всей Волге.

Астраханское ханство стало независимым после смерти в 1481 г. золотоордынского хана Ахмата. Территория Астраханского ханства простиралась на западе до реки Кубань и нижнего течения Дона, на востоке доходила до реки Бузан, гранича с Ногайской Ордой, на юге — до реки Терек, а на севере не достигала немного широты Переволоки — самого узкого места между Волгой и Доном.

Астраханское ханство было самым маленьким государством из тех, на которые распалась Золотая Орда. В нем было много бесплодных солончаковых степей. Его население, сосредоточенное в основном в дельте Волги, составляло примерно 15–20 тысяч человек.

В 1533 г. Москва и Астрахань заключили договор о военном союзе и покровительстве волжской торговли. Но, как уже говорилось, ситуация резко изменилась после падения Казани.

В октябре 1553 г. к Ивану Грозному прибыли послы от ногайцев, от мурзы Измаила и других мурз с челобитьем, «чтобы царь пожаловал их, оборонил от астраханского хана Ямгурчея, послал бы рать свою на него... а Измаил и другие мурзы будут исполнять государеву волю».

Весной 1554 г., как сошел лед, 30-тысячное русское войско под начальством князя Юрия Ивановича Пронского-Шемякина поплыли по Волге под Астрахань. Туда же отправились вятские служилые люди под начальством князя Александра Вяземского.

У Черного острова, вблизи нынешнего Волгограда, князь Вяземский встретился с головным отрядом астраханцев. Татары были быстро разбиты. Пленные показали, что основные силы Ямгурчея стоят в пяти верстах ниже Астрахани. Князь Пронский на судах быстро двинулся на Астрахань, а Вяземскому приказал атаковать войско Ямгурчея. Но татары не стали оборонять город и бежали. Пронский вступил в пустой город, Вяземский также не нашел никого в татарском стане. Сам Ямгурчей ускакал с небольшим отрядом в Азов. Своих жен и детей хан отправил на судах вниз

к Каспию. Однако русские гребные суда перехватили царский караван и захватили многочисленное ханское семейство.

В своем обозе русские воеводы привезли татарам и нового хана Дербыш-Алея. Ранее Дербыш-Алей самостоятельно правил Астраханью, но затем был свергнут и бежал на Русь, где несколько лет безбедно прожил в Звенигороде.

Воеводы наловили по окрестностям прятавшихся там астраханцев около трех тысяч (считались только мужчины), привели их в Астрахань и велели быть подданными Дербыш-Алея. Всем окрестным татарам под страхом смерти было приказано выдать русских рабов. Так было освобождено несколько тысяч русских людей.

Князь Пронский обязал нового хана давать московскому государю каждый год по 40 тысяч алтын да по 3 тысячи рыб; рыболовам русским царским ловить рыбу в Волге от Казани до Астрахани и до самого моря «безданно и безъявочно, астраханским же рыболовам ловить с ними вместе безобидно». Если умрет царь Дербыш-Алей, то астраханцы не должны тогда искать себе другого царя, а должны бить челом государю и его детям. Кого им государь на Астрахань пожалует, тот и будет им люб. По утверждении этих условий шертной грамотой воеводы отправились в Москву. Всех астраханских пленников отпустили, взяли с собой только царя с детьми и освобожденных русских невольников.

Занятие русскими Астрахани происходило на фоне междоусобиц в соседних ногайских ордах, где мурза Измаил воевал со своим братом Юсуфом и племянниками. Вскоре Измаил убил брата Юсуфа и начал подкапываться под астраханского хана Дербыша. Измаил отправил несколько посланий Ивану IV, где просил его ввести непосредственное царское правление в Астрахани и убрать оттуда нелюбимого Дербыша.

Доносы Измаила вскоре подтвердились: весной 1556 г. Дербыш соединился с отрядом крымских татар и выбил небольшой русский отряд Мансурова из Астрахани. Мансуров отступил к Переволоке. Из 500 человек у него осталось 308. Иван IV срочно послал по Волге Мансурову 50 казаков, и 500 конных казаков пришло с Дона под командой Ляпуна Филимоновича. Казаки Ляпуна двинулись к Астрахани, Дербыш и компания бежали в Азов к туркам, а русские во второй раз мирно вошли в Астрахань.

Ногайцы после очередной усобицы помирились без участия русских. Сыновья Юсуфа помирились с дядей Измаилом, убийцей их отца, и заявили о принятии русского подданства. Так устье Волги окончательно закрепилось за Московским государством.

Первоначально в Стамбуле не придали особого значения присоединению Астрахани к Москве. У султана Сулеймана II хватало забот и в других частях своей обширной империи, и он понадеялся, что крымские татары и ногайцы вытеснят русских из низовий Волги. Лишь в сентябре 1563 г. султан Сулейман II послал гауша (чиновника высокого ранга) к крымскому хану с приказом готовиться в 1564 г. к походу на Астрахань. Намерение султана очень напугало... хана Девлет Гирея. Крымские ханы меньше всего хотели военного присутствия Турции на Дону и Волге, что неизбежно сделало бы их из полунезависимых правителей бесправными подданными султана. Занятие же отдаленной Астрахани русскими не представляло, по мнению Гиреев, непосредственной угрозы Крыму. Кстати, в этом они были недалеки от истины. Действительно, Астрахань никогда не использовалась как база для похода в Крым.

В Стамбул из Крыма полетели отписки: этим летом к Астрахани идти нельзя, потому что безводных мест много, а зимой к Астрахани идти — турки стужи не поднимут, к тому же в Крыму голод большой, запасами подняться нельзя.

На следующий год Девлет Гирей постарался вовсе отклонить султана от похода на Астрахань. «У меня, — писал он, — верная весть, что московский государь послал в Астрахань 60 000 войска; если Астрахани не возьмем, то бесчестие будет тебе, а не мне; а захочешь с московским воевать, то вели своим людям идти вместе со мною на московские уkraine: если которых городов и не возьмем, то по крайней мере землю повоюем и досаду учиним».

Параллельно Девлет Гирей бомбардировал царя Ивана посланиями, в которых он подробно рассказывал о намерениях султана, и усиленно шантажировал царя. Хан предлагал отдать ему Казань и Астрахань, мотивируя тем, что иначе их заберут турки. Вряд ли хан всерьез надеялся получить их, во всяком случае, с царя можно было содрать огромные поминки (то есть единовременную дань). О Казани и Астрахани царь Иван резонно ответил: «Когда то ведется, чтоб, взявши города, опять отдавать их».

Весной 1569 г. в Кафу морем прибыло 17-тысячное турецкое войско. Султан отдал приказ кафинскому паше Касиму возглавить войско, идти к Переволоке, каналом соединить Дон с Волгой, а затем взять Астрахань. Вместе с турками в поход двинулся и хан Девлет Гирей с 50 тысячами всадников. Турецкие суда, везшие тяжелые пушки, плыли по Дону от Азова до Переволоки.

На одном из судов в числе других пленных, служивших гребцами,

находился Семен Мальцев, отправленный из Москвы послом к ногайцам и захваченный турками у Азова. «Каких бед и скорбей не потерпел я от Кафы до Переволоки! — писал Мальцев. — Жизнь свою на каторге мучил, я государское имя возносил выше великого царя Константина. Шли каторги (суда) до Переволоки пять недель, шли турки с великим страхом; которые были янычары из христиан, греки и волохи дивились, что государевых людей и казаков на Дону не было; если бы такими реками турки ходили по Фряжской и Венгерской земле, то все были бы побиты, хотя бы казаков было 2000, и они бы нас руками побрали: такие на Дону крепости (природные укрепления, удобные для засад) и мели».

В первой половине августа турки достигли Переволоки и начали рыть канал. Естественно, прорыть его за 2–3 месяца было нереально. В конце концов паша Касим отдал приказ тащить суда волоком. При этом Девлет Гирей и его татары вели пораженческую пропаганду среди турок, стращали их суровой зимой и бескормицей, что, в общем-то, было вполне справедливо. Но тут турок выручили астраханские татары, пригнавшие по Волге необходимое число гребных судов. Используя их, Касим в первой половине сентября подошел к Астрахани, но штурмовать ее не решился. Вместо этого он остановился ниже Астрахани на старом городище, решив там построить крепость и зимовать.

Но 50-тысячная татарская орда не могла зимовать в Астрахани. Как уже говорилось, крымские татары никогда не вели длительных осад. Вспомним Шамиля Басаева — «набег — отход, набег — отход». Поэтому Касим был вынужден отпустить татар на зимовку в Крым. Но тут взбунтовались янычары. Мальцев писал: «Пришли турки на пашу с великою бранью, кричали: нам зимовать здесь нельзя, помереть нам с голоду, государь наш всякий запас дал нам на три года. А ты нам из Азова велел взять только на сорок дней корму, астраханским же людям нас прокормить нельзя; янычары все отказали: все с царем крымским прочь идем».

Одновременно из Астрахани русские через пленного подбросили Касиму дезинформацию. Мол, вниз по Волге на помощь Астрахани идет князь Петр Серебряный с 30 тысячами судовой рати, а полевому государю под Астрахань отпустил князя Ивана Вельского со 100 тысячами войска. К ним собираются примкнуть ногайцы, а персидский шах, давний враг султана, воспринял поход турок к Астрахани как попытку создания базы для операций против Персии и шлет к Астрахани свои войска.

Как видим, «деза» была весьма убедительна и правдоподобна. Нервы у Касима сдали, и 20 сентября турки зажгли свою деревянную крепость и

побежали от Астрахани. В 60 верстах выше Астрахани Касиму встретился гонец от султана Селима II, который требовал, чтобы Касим зимовал под Астраханью, а весной туда прибудет сильное турецкое войско. Увы, остановить бегущее войско грамотой султана не удалось. Мало того, хитрый Девлет Гирей повел турок в Азов не прежней дорогой вверх по Волге, а там не через Переволоку на Дон и вниз по реке, а через пустынные степи, так называемой Кабардинской дорогой. Из-за отсутствия воды и пищи погибло много турок. Многие говорили, что новый султан Селим несчастлив, раз так неудачно закончился первый поход его войска.

В 1570 г. Иван Грозный направил дьяка Новосильцева в Стамбул под предлогом поздравления Селима II с восшествием на престол. Дьяк изложил султану русскую версию покорения Казани и Астрахани: «Государь наш за такие их неправды ходил на них ратью, и за их неправды бог над ними так и учинил. А которые казанские люди государю нашему правдою служат, те и теперь в государском жалованьи по своим местам живут, а от веры государь их не отводит, мольбищ их не рушит: вот теперь государь наш посадил в Касимове городке царевича Саип-Булата, мизгити (мечети) и кишени (кладбища) велел устроить, как ведется в бусурманском законе, и ни в чем у него воли государь наш не отнял: а если б государь наш бусурманский закон разорял, то не велел бы Саип-Булат среди своей земли в бусурманском законе устраивать».

Солидную взятку, «жалованье», русские послы отвалили султанову фавориту Махмету-паше. Русским дипломатам не удалось добиться признания захвата Астрахани и заключения мира, но от намерения посылать турецкие войска, как против Астрахани, так и против России вообще, Селим отказался.

Зато Девлет Гирей, избавившись от турецких войск, счел себя достаточно сильным, чтобы потребовать у Ивана IV Казань и Астрахань. Весной 1571 г. хан собрал 120-тысячную орду и двинулся на Русь.

Иван Грозный поспешил уехать «по делам» в Александровскую слободу, а оттуда — в Ростов. При этом в походе хана он обвинил «изменников бояр», назвавших татар.

24 мая хан подошел к Москве. В предместьях города завязался бой, и татары сумели поджечь окраины Москвы. Был сильный ветер и жара, и за три часа пожар истребил громаду сухих деревянных строений. Уцелел только Кремль. По сведениям иностранцев, в огне погибло до 800 тысяч человек. Данные эти, видимо, преувеличены, но не следует забывать, что в Москву, спасаясь от татар, сбегало много народу из окрестностей. По русским данным, людей погорело бесчисленное множество. Митрополит с

духовенством просидели в соборной церкви Успения. Первый боярин, князь Иван Дмитриевич Вельский, задохнулся на своем дворе в каменном погребе. «Других князей, княгинь, боярынь и всяких людей кто перечтет? Москва-река мертвых не пронесла: специально были поставлены люди спускать трупы вниз по реке. Хоронили только тех, у кого были родственники или знакомые».

Пожар мешал татарам грабить в предместьях. Осаждать Кремль хан не решился и ушел с множеством пленных, по некоторым данным, до 150 тысяч, услышав о приближении большого русского войска. Когда Иван возвращался в Москву, то в селе Братовщине, на Троицкой дороге, его встретили послы Девлет Гирея, подавшие ему ханскую грамоту. Там было сказано: «Жгу и постошу все из-за Казани и Астрахани, а всего света богатство применяю к праху, надеясь на величество божие. Я пришел на тебя, город твой сжег, хотел венца твоего и головы; но ты не пришел и против нас не стал, а еще хвалишься, что-де я московский государь! Были бы в тебе стыд и дородство, так ты б пришел против нас и стоял. Захочешь с нами душевною мыслию в дружбе быть, так отдай наши юрты — Астрахань и Казань; а захочешь казною и деньгами всесветное богатство нам давать — ненадобно; желание наше — Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видел и опознал».

Иван ответил хану льстивой грамотой: «Ты в грамоте пишешь о войне, и если я об этом же стану писать, то к доброму делу не придем. Если ты сердишься за отказ к Казани и Астрахани, то мы Астрахань хотим тебе уступить, только теперь скоро этому делу стать нельзя: для него должны быть у нас твои послы, а гонцами такого великого дела сделать невозможно; до тех бы пор ты пожаловал, дал сроки, и земли наши не воевал». Одни историки уверяют, что царь трусил, а другие — что это была военная хитрость и он тянул время. Я думаю, что имело место и то и другое. Иван был столь же хитер, сколь и труслив.

В ответном письме Девлет Гирей писал царю: «Что нам Астрахань даешь, а Казани не даешь, и нам то непригоже кажется: одной и той же реки верховье у тебя будет, а устью у меня как быть!»

Летом 1572 г. хан со 120-тысячной ордой опять двинулся к Москве. В 50 км от Москвы, на берегу реки Лопасни, Девлет Гирей был перехвачен князем Михаилом Ивановичем Воротынским. В кровопролитном бою татары потерпели поражение и бежали в Крым с большими потерями. После этого хан переменял тон и прислал сказать Ивану: «Мне ведомо, что у царя и великого князя земля велика и людей много: в длину земли его ход девять месяцев, поперек — шесть месяцев, а мне не дает Казани и

Астрахани! Если он мне эти города отдаст, то у него, и кроме них, еще много городов останется. Не даст Казани и Астрахани, то хотя бы дал одну Астрахань, потому что мне срам от турецкого: с царем и великим князем воюет, а ни Казани, ни Астрахани не возьмет и ничего с ним не сделает! Только царь даст мне Астрахань, и я до смерти на его земли ходить не стану; а голоден я не буду: с левой стороны у меня литовский, а с правой — черкесы, стану их воевать и от них еще сытей буду: ходу мне в те земли только два месяца взад и вперед».

Я умышленно привожу длинные, возможно, скучные для части читателей цитаты из писем крымских ханов, дабы не вызвать упреков в предвзятости к крымским татарам. Сам хан открыто признается, что его народ — банды разбойников, и без грабежа они помрут с голоду, но поскольку есть возможность грабить слева и справа, они могут дать Руси и несколько лет пожить спокойно.

Иван в ответной грамоте также переменял тон: он отвечал хану, что не надеется на его обещание довольствоваться только Литовской и Черкесской землей. «Теперь, — писал он, — против нас одна сабля — Крым; а тогда Казань будет вторая сабля, Астрахань — третья, ногай — четвертая». Грозный обожал в письмах подкалывать своих оппонентов. Не удержался и тут, напомнил о хвастливых словах хана о Казани и Астрахани: «Поминки я тебе послал легкие, добрых поминков не послал: ты писал, что тебе ненадобны деньги, что богатство для тебя с прахом равно».

На этом, собственно, и закончилась борьба за Казань и Астрахань. Более никто не пытался оспаривать у России этих городов. По крайней мере, до времен Ельцина.

Глава 19

История царей касимовских

Я плыву на туристическом теплоходе «Григорий Пирогов» вниз по Оке. Еще позавчера пройдена Коломна, вчера — Рязань. Завтра мы будем в древнем русском городе Муроме. Но вот мы подходим к небольшому городку старинной купеческой застройки, где рядом с православными храмами возвышаются минареты с полумесяцем.

Это — Касимов. Тот самый Мещерский городок, отданный Василием II царевичу Касиму после Суздальской битвы.

Мещерский городок был основан в 1152 г. великим князем Юрием Долгоруким и стал центром маленького княжества. Местный князь Александр Укович продал Мещерский городок со всей областью Мещеры великому князю московскому Дмитрию Ивановичу.

В 1376 г. татары сожгли Мещерский городок и убили Александра Уковича. Затем был построен новый город, выше прежнего на 600 саженей по течению реки.

Позже наши историки будут нагло врать, что де Василий II просто принял на службу татарского царевича Касима и дал ему в кормление Мещерский городок, как московские князья и ранее давали в кормление городки и села татарским и литовским князьям. Лживость последнего утверждения очевидна. Никогда и ни при каких обстоятельствах московские или иные князья не позволяли литовским, татарским и иным служилым князьям строить на Руси латинские храмы, литовские языческие капища, мечети и т. д.

Василий за себя и своих потомков поклялся вечно платить дань царевичу Касиму и его потомкам. Как писал историк В.В. Похлебкин: «Дань Касимовским царевичам (ханам) зафиксирована в следующих документах:

А. Договор князей Ивана и Федора Васильевичей Рязанских от 19 августа 1496 г.

Б. Договор между сыновьями Ивана III Василием и Юрием от 16 июня 1504 г. и завещание Ивана III, составленное в 1594 г. (Собр. Гос. Грамот и договоров, ч. I, док. 144, с. 389–400, М., 1813 г.).

Более того — эта дань сохранялась даже при Иване IV Грозном чуть ли

не после покорения Казани! (Последнее упоминание о ней относится к 12 марта 1553 г.!)»^[231].

Вот, к примеру, завещание Ивана III (умер 27 октября 1505 г.): «В ордынские выходы: в Крым, Казань, Астрахань, Царевичев городок (Касимов), для других царей и царевичей, которые будут в Московской земле, на послов татарских назначена тысяча рублей в год: из этой суммы 717 рублей платит великий князь, остальное доплачивают удельные»^[232].

Выходит — это дань. Таким образом, через 25 лет после освобождения от ига Русь платила дань Крыму, Казани, Астрахани и Царевичеву городку (Касимову)! Риторический вопрос: если это не дань, а жалованье касимовского правителя, то тогда и казанские, и крымские ханы должны были состоять на службе московского князя.

Как уже говорилось, в 1467 г. хан Касим ходил вместе с русским войском на Казань. Умер он в 1469 г. Новым касимовским ханом стал его сын Даньяр (Даниар).

Даньяр отличился в походе Ивана III против вольного Новгорода. 14 июля 1471 г. на реке Шелонь татары Даньяра ударили в тыл новгородцам и тем решили исход битвы. Между прочим, Даньяр получил приказ Ивана III не брать в плен новгородцев, что он и сделал во время Шелонской битвы. Потери же самих татар составили всего 40 человек.

Всего в войне против Новгорода участвовало до 30 тысяч татар. Любопытно, что, уходя в Новгородский поход, Иван III «беречь Москву и управлять русской землей во время отсутствия своего оставил сына Иоанна [Ивана Молодого. — А.Ш.], при котором велел быть брату Андрею Васильевичу Старшему вместе со служивым татарским царевичем Муртозой».^[233]

Таким образом, Русским государством временно управляли брат великого князя и татарский царевич.

В 1472 г. Мещерский городок был переименован в Касимов, по-татарски Кизи-Керман (Хан-Керман). До этого он чаще всего назывался просто Городок, а жившие там татары — городецкими татарами, или Городецкой Ордой. Кстати, во многих документах старое название встречается и в XVI в. В том же 1472 г. Даньяр стоял с войском в Коломне, ожидая подхода золотоордынского хана Ахмата. Однако старый хан ушел в степь от Алексина и не пошел к Коломне.

В 1475 г. крымский хан просил выслать против хана Ахмата «касимовского царя» Даньяра, обещая со своей стороны быть заодно с Иваном III против польского короля Казимира IV Ягеллончика. В 1477 г.

Данъяр со своими татарами был в рядах великокняжеского войска, шедшего на Новгород.

Еще одно упоминание о Данъяре встречается под 1483 г., когда в Россию приехал немец — доктор Антон. Вначале он был в славе и почете у великого князя Ивана III, но потом взялся лечить Данъярова князя Кара-Хаджу и залечил его до смерти за то, что тот над ним смеялся. Тогда Иван III выдал врача сыну Кара-Хаджи, который, предварительно подвергнув его пыткам, отпустил на откуп, так как по мусульманским законам за убийство можно было откупиться определенной денежной платой. Но по настоянию великого князя татары зарезали несчастного Антона под мостом на льду Москвы-реки.

Историки предполагают, что Данъяр умер в 1486 г. Однако никаких сведений об обстоятельствах и дате смерти Данъяра нет, так же как и его отца Касима. Были ли у них наследники мужского пола, неизвестно, во всяком случае, потомки Касима в Касимове больше не правили.

В 1466 г. умер Хаджи-Девлет Гирей, первый крымский хан из династии Гиреев. Ему наследовал старший сын Нур-Даулат Гирей. Однако через несколько недель он был свергнут с престола родным братом Менгли Гиреем. Нур-Даулат Гирей бежал в Москву.

В 1480 г., во время «стояния» на реке Угре, Нур-Даулат вместе с воеводой князем Василием Ноздреватым совершил дальний рейд по Волге на судах и почти дошел до Сарая-Вату, чем, по мнению историков, повлиял на уход ордынского войска с Угры.

В 1486 г. Иван III пожаловал Нур-Даулату титул царя Городецкого и Касимовского. О жизни и правлении Нур-Даулата в Мещерском городке мало что известно. Умер он около 1491 г.

Нур-Даулету наследовал его сын Сатылхан. В 1491 г. он водил татар на улусы Золотой Орды, так как Ивану III стало известно, что золотоордынские цари Сеит-Ахмет и Шиг-Ахмет идут с большим войском на крымского хана Менгли Гирея, с которым московский князь был в союзе.

В правление Сатылхана, 19 августа 1496 г., заключен договор между великим князем рязанским Иваном Васильевичем и его родным братом Федором Васильевичем: «А Орды знати и ведати мне великому князю и царевичем ясак Сатылханов или иной царевич будет на том месте; а имати ми у тебя выход и царевич ясак, с твоей отчины треть по старым дефтерем по крестному целованью; а коли яз князь великий в Орду, не даем царевичу ясака и мне у тебя не взяти».

«Царевич ясак Сатылханов», о котором великий князь рязанский

напоминает своему брату, — видимо, это то, что шло Касиму и сыну его Даньяру царевичу при великих князьях рязанских Иване Федоровиче и Василии Ивановиче, и что сам Иван, сын последнего, обязался в 1483 г. по-прежнему «давати из своея земли царевичу Даньяру или кто иной царевич будет на том месте». Вывод из этого очевиден: в 1493 г. Сатылхан получал то, что в прежние времена Касим и Даньяр. Кроме Великого княжества Рязанского касимовские цари получали ясак и от Великого княжества Московского, что следует из духовной грамоты Ивана III. После уничтожения Великого княжества Рязанского ясак уменьшился^[234].

В 1505 г. Сатылхан ходил с войском к Мурому вместе с московским воеводой князем Василием Даниловичем Холмским. Этот поход был предпринят против казанского хана Мухамет-Амина, объявившего войну России. Его войско подступило к Нижнему Новгороду, два дня простояло там, а на третий день ушло.

Умер Сатылхан в 1506 г., а царем Касимовским стал его брат Джанай. Он вместе с городецкими (касимовскими) татарами неоднократно участвовал в войнах Василия III с Литвой. Точная дата смерти Джаная неизвестна; предположительно он умер в 1512 г., и на этом правление Гиреев в Касимове закончилось.

Еще в 1502 г. в Россию приехал царевич Астраханский Бахтияр Султан, сын золотоордынского хана Кучук-Мухаммеда. В 1512 г. Василий III назначает его сына Шейха Аулиара касимовским царем. О правлении Аулиара нам почти ничего не известно. Умер он в 1516 г., оставив двух сыновей — Шах-Али и Джан-Али. О правлении их в Казани мы уже знаем.

По смерти отца Шах-Али вступил на касимовский престол. Но в 1518 г. в Казани умирает хан Мухаммед-Амин, и Василий III отправляет Шах-Али в Казань, где тот становится ханом. А касимовским ханом становится его брат Джан-Али, который правил Касимовым с 1519 г. по 1532 г. В 1532 г. Джан-Али был отправлен в Казань и стал там ханом, но в следующем году он был убит, а его место занял Сафа Гирей.

В начале XVI в. большую активность проявляют «Городецкие казаки» (по другим документам — «мещерские казаки»). Это были касимовские татары, в числе которых, возможно, имелись и русские. Так, в конце 30-х гг. XVI в. ногайский хан Шийдяк упрекал Ивана IV за набеги и просил унять «мещерских казаков».

С 1537 г. место касимовского хана оставалось вакантным. В 1547 г. ханом был вновь назначен Шах-Али (в ряде русских летописей — Шигалей). Его второе правление длилось до 1546 г., когда Шах-Али вновь занял казанский престол, но просидел там не более месяца. Несколько

месяцев в 1546 г. Касимовым управляли окольные Иван Иванович Безгудуев и Василий Тимофеевич Замыцкий, после чего наш герой был избран касимовским ханом «на третий срок».

В октябре 1552 г. Иван Грозный женил Шах-Али на пленной казанской царице Сююмбике (Сумбеке). Царица Сююмбике была дочерью ногайского хана Юсуфа. На ней уже был женат его брат Джан-Али, а затем хан Сафа Гирей. У касимовских и казанских татар существует легенда, будто царица Сююмбике не любила Шах-Али и хотела его отравить. Она подала ему рубашку, сшитую собственноручно, и хлеб. Но Шах-Али уже был предупрежден о намерении Сююмбике и приказал рубашку надеть на преступника, а хлеб бросить собаке. В результате и преступник, и собака умерли.

Сююмбике умерла в Касимове после 1555 г. В мавзолее Шах-Али найдено девять захоронений: самого Шах-Али, его жены Булак-Шад и еще шесть могил родственников. Девятая же могила оказалась безымянной. По преданию, Шах-Али не велел писать имя Сююмбике на надгробии.

В конце 1555 г. касимовцы под началом астраханского царевича Абдул-Ак Кубекова участвовали в шведской войне и отличились под Выборгом.

В конце 1557 г. касимовский царь Шах-Али был назначен главнокомандующим русского войска, шедшего против Ливонского ордена, в составе войска находились и касимовские татары. В январе 1558 г. русские полки вступили в Ливонию, произвели там страшные опустошения, побили немцев в нескольких сражениях, подходили к Дерпту, были недалеко от Риги и Ревеля и в феврале с победой и богатой добычей ушли обратно.

Весной 1558 г. Шах-Али был вызван Иваном IV в Москву и принят там с большим почетом. «Того же лета велел государь у себя бытии царю Касимовскому Шигалею Шигавлеяровичу и встречу учинил ему, и велел его встречать боярам своим. Первая встреча: боярин князь Юрий Иванович Кашин, да окольный и оружничий Лев Андреевич Салтыков; другая встреча: боярин князь Андрей Иванович Ковтырев Ростовский, да боярин князь Василий Семенович Серебряной; третья большая встреча: боярин князь Иван Михайлович Шуйский, да боярин князь Петр Михайлович Щенятьев, да окольный князь Давыд Федорович Палецкой».^[235]

В 1559 г. касимовцы под начальством царевича Тохтамыша вместе с другими русскими войсками направились в Ливонию, доходили до Риги, проникли в Курляндию и возвратились с большой добычей.

Городецкие татары успешно действовали в Ливонии в 1560 г. и в 1561 г. без своего «царя».

Шах-Али же вновь отправился на войну в 1562 г. и находился в действующей армии до конца 1565 г. Вот выписки из разрядной книги 7063 г. (1565 г.): «Тогож году ходили воеводы по Литовским вестям, а были в Луках Великих по полкам. В большом полку: царь Касимовский Шах-Алей, да боярин князь Иван Дмитриевич Вельский. В правой руке: Царь Симеон (бывший Казанский Ядигер), да боярин Данила Романович. В передовом полку: царевич Ибак, да князь Андрей Петрович Телятевской. В сторожевом полку: царевич Кайбула, да Василий Андреевич Бутурлин»^[236].

Затем Шах-Али вернулся в Касимов, где и скончался 20 апреля 1567 г.

Шах-Али не имел детей, и «Государь Царь и Великий князь пожаловал Саин-Булата царевича, ученил на Касимове городе царем». До Сеин-Булата управление Касимовым не давало права на царский титул. Владельцы городка, будучи царевичами, до пожалования им городка так и оставались царевичами (султанами) — Касим, Даньяр, Сатылхан, Джанай, Шейк-Аулиар и Джан-Али, в первое управление Касимовым. Царями же звались те, кто до вступления на касимовский престол были где-то действительными ханами (Нур-Дуалет, бывший крымский хан, и Шах-Али в последние годы своей жизни). Иван Грозный сделал для юного, нигде не бывшего на престоле Саин-Булата исключение и своей властью произвел его в цари. После Саин-Булата все касимовские правители именовались царями (ханами).

Саин-Булат был внучатым племянником последнего золотоордынского хана Ахмата. Его отец Бек-Булат в 1558 г. поступил на службу к Ивану Грозному, участвовал в нескольких походах, но вскоре умер.

В первый раз о Саин-Булате после вступления его на касимовский престол упоминается в 1570 г. в речи, произнесенной русским посланником Новосильцевым перед диваном турецкого султана Селима в Константинополе. Новосильцев сказал турецким вельможам: «Мой Государь не есть враг мусульманской веры; слуга его, царь Саин-Булат, господствует в Касимове, царевич Кайбулла в Юрьеве, Ибак в Сурожске, князь Ногайский в Романове; все они свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях; ибо у нас всякий иноземец живет в своей вере. В Казани, в Мещере многие приказные люди мусульманского закона»^[237].

Как видим, Иван IV с успехом использовал факт существования Касимовского ханства для доказательства своей веротерпимости в глаза мусульманских владык.

С начала 1572 г. Саин-Булат с Городецкой ордой участвует в Ливонской войне. В конце года 80-тысячная русская армия, при которой

был сам Иван Грозный, сосредоточилась у Яма. При этом Саин-Булат командовал большим полком, а полком правой руки — князь Мстиславский, передовым полком — князь И.Д. Шуйский, сторожевым полком — князь И.Г. Шуйский. Как видим, Саин-Булат был поставлен выше всей русской аристократии. В середине декабря 1572 г. русская армия вступила в Эстляндию. После нескольких успехов русские были разбиты шведским генералом Акесоном Тоттом у замка Лода (Лодеко). Саин-Булат с остатками войска отошел к Новгороду.

В середине 1573 г. Саин-Булат был крещен в селе Кушалино под Тверью и получил имя Симеон (Семеон). Видимо, это было связано с женитьбой Саин-Булата на Анастасии, дочери Ивана Федоровича Мстиславского. В приданое Симеон получил богатейшие тверские вотчины князя Мстиславского, в том числе село Кушалино.

Любопытно, что дедом и бабкой Ивана Федорович Мстиславского по материнской линии были казанский царевич Куйдагула (христианское имя Петр) и Евдокия, дочь царя Ивана III.

Женитьба сильно укрепила позиции Симеона Бекбулатовича при дворе, но теперь ему пришлось расстаться с титулом касимовского царя, которым мог быть только мусульманин. Однако долго без престола Симеону оставаться не пришлось: осенью 1575 г. он торжественно венчается в Успенском соборе Кремля... государем всея Руси. Иван Грозный отрекся от престола и стал удельным князем московским.

Согласно летописи, Иван Грозный «ездил просто, что бояре, а зимою возница в оглоблех; а бояр взял себе немного, а то все у Симеона; а то, как приедет к великому князю Симеону и сядет далеко, как и бояре, а Симеон, князь великий, сядет в царском месте».

Вскоре после своего отречения, 30 октября 1575 г., Иван Грозный пишет Симеону Бекбулатовичу челобитную: «Государю великому князю Симиону Бекбулатовичу всеа Руси Иванец Васильев с своими детишками, с Ыванцом, да с Федорцом челом бьют». Иван Грозный — Иванец Московский, говоря о себе, употребляет самые уничижительные обороты, просит государя его пожаловать и милость свою показать. А просил Иванец всего ничего — во всем государстве «людишек перебрать». То есть пересмотреть размещение, службы, денежные и поместные оклады всех служилых людей. Другими словами, устроить «чистку» в Московском государстве.

Спору нет, это был фарс, но довольно серьезный. Зачем он понадобился Ивану, до сих пор неясно. Множество предположений (внешнеполитическая необходимость, испуг Ивана Грозного

предсказаниями волхвов, напороочивших на этот год «московскому царю смерть», необходимость усиления террора и др.) не доказано и не опровергнуто.

Английский посол Даниил Сильвестр утверждал, что в беседе с ним Иван IV объяснял свое неожиданное решение грозящими ему изменами и заговорами: якобы он «предвидел изменчивое и опасное положение государей и то, что они наравне с низайшими людьми подвержены переворотам». Поводом к передаче престола стали «преступные и злокозненные поступки наших подданных, которые ропщут и противятся нам за требование верноподданнического повиновения и устроят измены против нашей особы». Между прочим, за год до отречения, летом 1574 г., Иван Грозный в очередной раз вернулся к мысли о бегстве от московской крамолы в Англию. С английской королевой Елизаветой велись переговоры о предоставлении ему убежища. В Вологду свезли царские сокровища и строили суда для отъезда.

Находившийся в то время в России другой англичанин, Джером Горсей, увидел здесь серьезную финансовую подоплеку. По его мнению, хитроумный Иван IV желал руками царя Симеона аннулировать все жалованные церкви грамоты и тем самым серьезно урезать ее земельные владения.

Так или иначе, но теперь царь Симеон рассылал почти по всей России указы, но вот отвечать на них воеводы и дьяки стали князю Ивану Московскому. А слово «почти» я вставил не зря — в Казанском крае было запрещено упоминать о царе Симеоне. Чем черт не шутит: узнают басурманы о царе-татарине и забунтуют.

Царя Симеона не показывали иностранным послам, их принимал только князь Иван Московский. На недоуменные вопросы он отвечал, что «дело еще не окончательное, и мы не настолько отказались от царства, чтобы нам нельзя было, когда будет угодно, вновь принять сан», а Симеон Бекбулатович, объяснял Иван, «поставлен лишь по нашему соизволению... Царя-татарина не допускали распоряжаться казной.

В августе 1576 г. князь Иван Московский сместил с трона царя Симеона и произвел его в великие князья тверские. Ни сам Симеон, ни население страны не получили на этот счет никаких объяснений. В состав Великого княжества Тверского входили города Тверь, Торжок и Микулин. Симеон получил дворец в Твери, но обычно он жил в своей резиденции в селе Кушалино.

В 1577 г. Симеон вновь отправился в поход в Ливонию вместе с Иваном Грозным. Численность русской армии доходила до 100 тысяч

человек, при этом Симеон по-прежнему командовал большим полком — около 30 тысяч человек при 75 пушках.

После смерти Ивана Грозного удача отвернулась от царя Симеона. В результате заговора бояр, во главе которого стоял Борис Годунов, в 1585 г. князь Мстиславский (тесть Симеона) был насильственно пострижен в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре. Вслед за этим Симеон лишился титула великого князя тверского, хотя лучше бы бояре этого не делали: в умах всей России Симеон был царем, хотя и бывшим. Кроме того, у Бекбулатовича отобрали часть вотчин.

6 января 1598 г. умирает царь Федор Иоаннович. Законных претендентов на престол нет, хотя фактически власть принадлежит боярину Борису Годунову. И вот в апреле-мае 1598 г. бояре Романовы и Вельские устраивают заговор в пользу Симеона.

Некоторые историки считают это авантюрой: шута Ивана Грозного — да в цари! Но, как мы уже знаем, Симеон был неплохим полководцем, пусть не гением, но почище большинства московских воевод. А главное, он имел трех здоровых сыновей — Федора, Дмитрия и Ивана, в чьих жилах текла кровь Чингисхана, Ивана III, великого князя литовского Гедемина и суздальских князей. Ведь Мстиславские вели свой род от князя Семена Ольгердовича, внука Гедемина, а мать жены Симеона Анастасии Ирина была дочерью князя Александра Горбатого-Суздальского. Так что родословная у сыновей Симеона была почище, чем у Шуйских, я уж не говорю о Годунове и худородных Романовых.

Но, как мы уже знаем, царем стал Борис. И в присяге нового царя говорилось: «Царя Симеона Бекбулатовича и его детей и иного никого на Московское царство не хотети видети, ни думати, ни мыслити, ни семьитись [то есть не родниться], ни дружитись, ни ссылатись с царем Симеоном ни грамотами, ни словом не приказывати на всякое лихо, ни которыми дела, ни которую хитростью; а кто мне учнет про то говорити или кто учнет с кем о том думати и мыслити, что царя Симеона или сына его, или иного кого-нибудь на Московское государство посадити, и яз то сведаю или услышу от кого-нибудь, и мне того изыскати и привести к государю».

Кстати, опасения относительно Симеона не исчезли у русских царей и после Бориса Годунова. В 1605 г. в присяге царю Федору Борисовичу повторялись те же обязательства.

Кстати, ко всем преступлениям Годунова, которые были выдуманы клеветниками клана Романовых — убийства царей Ивана Грозного, Федора Иоанновича, дочери последнего Федосьи и т. д., добавлялось и ослепление

царя Симеона. В Никоновской летописи сказано: «Враг вложи Борису в сердце и от него [Симеона] быти ужасу, и посла к нему с волшебною хитростью, и повеле его ослепити, тако же и сотвориша». Француз Яков Маржарет, возглавлявший отряды телохранителей Бориса Годунова, а потом и Лжедмитрия I, утверждал, что лично знал царя Симеона и беседовал с ним, и тот ему поведал, что к нему в село Кушалино прибыл в день его рождения человек с письмом от Бориса. Письмо было милостивым, в знак своей царской милости Борис посылал Симеону испанского вина. Выпив за здоровье Бориса, Симеон и его слуга, разделивший возлияние с господином, вскоре ослепли.

В царствование Бориса Годунова полуслепой царь Симеон Бекбулатович тихо жил в селе Кушалино. Православный мусульманин стал теперь ревностным христианином. Видимо, уже не надеясь на благополучие и «не искаша земнаго ничего», он решил наконец позаботиться о душе. Свои накопления он стал обращать на строительство храмов и на вклады в монастыри. Словно предвидя будущую судьбу, особо богатые вклады он отправил на Соловки.

Гришка Отрепьев, став царем Дмитрием Ивановичем, пригласил к себе бывшего царя. Но вскоре самозванец сменил милость на гнев и заставил Симеона постричься в монахи под именем Стефана в том же Кирилло-Белозерском монастыре, где десятью годами раньше окончил свои дни его тесть, старец Иона. Причем Лжедмитрий знал и помнил об этом и в напутствии сопровождающим наказывал, чтоб постригли его «как старца Иону Мстиславского» и о том «отписали к нам к Москве, чтобы нам про то было ведомо».

Следующий царь, Василий Шуйский, тоже вспомнил о Симеоне, теперь уже о монахе Стефане. И уже через девять дней после прихода к власти, 29 мая 1606 г., Василий Шуйский посылает в Кирилло-Белозерский монастырь пристава Ф.И. Супонева с грамотой, в которой приказывает перевести старца Стефана на Соловки. При этом царь Василий проявляет необычайную поспешность, он строго требует, чтобы ему отписали, «какого числа он из монастыря выедет, чтобы нам про то ведомо было вскоре».

На далеких Соловецких островах в нужде, под строгим надзором старец Стефан прожил шесть лет. Не облегчили его положения и прежние богатые вклады, их пересилил царский указ. Все это время Стефан посылал в столицу грамоты с просьбой вернуть его в Кирилло-Белозерский монастырь.

Была вынуждена принять постриг и жена царя Анастасия, в

девичестве Мстиславская. Теперь она стала инокиней Александрой. По некоторым данным, сыновья Симеона Федор, Дмитрий и Иван были убиты по приказу Василия Шуйского.

И только 25 июля 1612 г. бояре, сидевшие вместе с поляками в Кремле, послали указ вернуть слепца в Кирилло-Белозерский монастырь.

При царе Михаиле Романове слепой Стефан приехал в Москву, где и умер 5 января 1616 г. Его похоронили в главном храме Симонова монастыря рядом с женой, скончавшейся 7 июня 1607 г. Симонов монастырь издавна служил некрополем князей Мстиславских. Там же были похоронены и представители трех династий татарского и одного адыгейского рода — Сулешовы, Урусовы, Юсуповы, Ахамануковы-Черкасские. Всего 17 человек. Теперь этих могил не найти. На месте храма стоит Дворец культуры ЗИЛа.

Но мы слишком ушли вперед и забыли о Касимовском царстве. Вместо Саин-Булата новым царем в 1573 г. был назначен казанский царевич Муста-Али, сын султана Абдуллы-Ак Кубекова. О правлении Мустафы-Али известно очень мало, неизвестна даже точная дата его смерти. По одной из версий, он умер в 1586 г.

Что было в последующие 14 лет, неизвестно, но 20 марта 1600 г. царь Борис Федорович «пожаловал Царевича казачью Орды Бурмамета [Урус-Мухаммеда] посадил его на царство Касимовское и даде ему град Касимов с волостями и со всеми доходы»^[238].

Урус-Мухаммед был законным Чингизидом, потомком Джанибек-хана. Его отцом был Ондан-Султан, сын хана одной из орд, кочевавших на территории современного Казахстана. Урус-Мухаммед прибыл в Россию в 1588 г. и поступил на царскую службу.

Лжедмитрий I подтвердил права касимовского царя Урус-Мухаммеда. Сидел бы сей царь в Касимове и не рыпался. Но его, видимо, шайтан, а кто говорит, касимовский боярин Иван Морозов, попутал. В итоге собрал царь свою городецкую орду и зимой 1608/1609 г. поехал в Тушино к местному Димитрию. В ответ московское войско под командованием Федора Ивановича Шереметева осадило и взяло штурмом Касимов.

В ночь на 27 декабря 1609 г. Лжедмитрий II бежал из тушинского стана в Калугу. Урус-Мухаммед был сильно озадачен: «На какую лошадку теперь ставить?» Его любимый сын сразу бежал в Калугу к Тушинскому вору, но сам царь по зрелому размышлению вместе с атаманом Иваном Заруцким отправился к польскому королю Сигизмунду, осадившему Смоленск. По неясным причинам царь и король не поладили. И тогда Урус-Мухаммед отправляется в Калугу «повидать сына». Однако сыну приезд

отца явно не понравился, и он донес Тушинскому вору, что Урус приехал убить его. Самозванец поверил и решил нанести упреждающий удар. Он пригласил касимовского царя с собой на охоту. Урус-Мухаммед, ничего не подозревая, принял приглашение, взяв с собой только двоих татар. За рекой Окой началась псовая охота. Тут Лжедмитрий II незаметно отбился от свиты, заманив с собой Урус-Мухаммеда с его татарами и двух своих приверженцев — Михаила Бутурлина и Игнатия Михнева. Самозванец, Бутурлин и Михнев убили касимовского царя и его людей, а тела бросили в реку. Затем, чтобы скрыть убийство, Тушинский вор поскакал назад, крича, что Урус-Мухаммед хотел его убить, и что он, Димитрий, едва смог спастись, а царь касимовский бежал в Москву, и тотчас же для виду послал за ним погоню.

Тогда крещеный татарин Петр Урусов, начальник татарской стражи самозванца, поклялся с товарищами отомстить за смерть хана. 11 декабря 1610 г. Тушинский вор отправился на охоту на зайцев. Его сопровождали шут Кошелев и татарская стража. Внезапно Петр Урусов ударил «царя» саблей и рассек ему лицо. Другой татарин отрубил «царю» голову. Шута татары пощадили, а сами отправились в степь в направлении Крыма, грабя все по дороге.

Могила Урус-Мухаммеда находится в Касимове, но когда и каким способом тело, утопленное в Оке, было найдено, неизвестно.

Пару слов стоит сказать и о Петре Урусове. До крещения его звали Урак. Он был сыном мурзы Ак-Арслана и внуком Уруса. Урус в свою очередь был сыном ногайского хана Измаила. От Уруса и пошел род князей Урусовых.

С 1611 по 1614 г. касимовский трон пустовал. Власть в городе принадлежала московским воеводам. 6 августа 1614 г. царь Михаил Федорович «велел учинить на Касимове городе царем Сибирскаго царевича Араслана Алеевича». Арслан (Араслан, Али-Арслан) был сыном сибирского царя Алея и внуком Кучума. Сам Арслан попал в плен русским в 1598 г. и затем несколько лет жил в Касимове.

На царя Арслана в Москву непрерывно шли жалобы от касимовских купцов и посадских людей на незаконные подати и расправы. Вот, к примеру, жалоба посадников Васильева, Хмелева и других: «Арслан... выбирает нас сирот твоих во всякия свои службы и емлет не к себе на двор и велит нас бить на смерть и бороды драть у твоих сирот у Потешке Хмелева да у Мишки Васильева у Митюшки Кислова бороды их драть велел и на конюшню их посылал, и старосту Государь нашего Сафонька Ширяева бив замертва велел стащить с двора своего и топтать коньями».

Царь Михаил оставил Арслана царем, но в 1621 г. существенно ограничил взимаемые им подати с местного населения и установил за ханом жесткий контроль со стороны Посольского приказа и царских воевод, специально отправленных в Касимов.

Касимов по-прежнему был местом жительства или ссылки многих пленных знатных татар. Так, в 1618 г. там скончался сибирский царевич Магметкул, племянник Кучума, взятый в плен еще при Ермаке, в 1582 г.

В 1627 г., после смерти царя Арслана, касимовский престол перешел к его малолетнему сыну Сеид-Бурхану, но фактически ханством управляла его мать Фатима-Султан-Бикема, а помогал ей ее отец Ак-Мухаммед Сеид Шакулов.

Царь Михаил предложил Сеид-Бурхану перейти в православие, обещая при этом руку собственной дочери. Однако властная Фатима резко выступила против, и брак не состоялся.

При Сеид-Бурхане права касимовских властителей были существенно урезаны, а сам Сеид в государственных бумагах именовался уже не царем, а царевичем.

Касимовские татары активно участвовали в войнах второй половины XVII в. со шведами, поляками и турками. Из Польши и Малороссии они привезли множество пленных девушек.

В.В. Акимов по сему поводу писал: «Вот почему на Касимовской земле много беловолосых женщин-татарок»^[239].

Около 1655 г. царевич Сеид-Бурхан крестился под именем Василия Арслановича, но в отличие от Саин-Булата был оставлен владыкой Касимова. Любопытно, что Василий Арсланович выдал свою дочь Евдокию за брата русской царицы Натальи Кирилловны (матери Петра I) боярина Мартемьяна Кирилловича Нарышкина, а вторую дочь, Домну, — за князя Ю.Я.Хилкова.

Василий Арсланович умер в Касимове в 1679 г. Из шести его сыновей только трое пережили отца, но ханами они стать не могли, поскольку давно приняли православие.

После Сеид-Бурхана царь Федор Алексеевич пожаловал Касимов его матери — престарелой Фатиме. Показательно, что при Фатиме Касимов контролировался уже не Посольским, а Казанским приказом.

После смерти Фатимы в 1681 г. Касимовское ханство было упразднено.

В 1702 г., проезжая по Оке, Касимов посетил Петр I. Согласно местному преданию, проезжая мимо мечети, построенной царем Касимом, Петр перекрестился, поскольку счел мечеть православным храмом. Когда же ему указали на ошибку, царь рассвирепел и велел выстрелами из пушек

разрушить мечеть. И уже когда верх минарета был разрушен, татары умолили царя оставить им их единственный молитвенный дом.

Петр I причислил Касимов к дворцовым волостям, а касимовских татар приписал к воронежским корабельным верфям.

Из трех сыновей Василия Арслановича один (неизвестно кто) был четвертован в Москве в 1682 г. во время стрелецкого бунта. Потомство оставил только сын Иван. Его сын Василий последним носил титул царевича касимовского, но в его владении было лишь несколько сел. Умер Василий в 1715 г. предположительно бездетным.

Указами Петра I от 1713 г. и от 1715 г. всем дворянам-мусульманам предписывалось перейти в православие, в противном же случае они лишались поместий и земель, а их крепостные переходили в собственность государства. Часть касимовских дворян перешла в православие, это — Кастровы, Ширинские, Тургеневы и Симаковы.

Однако другие представители татарской знати стойко придерживались ислама. Интересна история рода Терегуловых. Согласно документам начала XVI в., в Тёмниковском уезде обосновался род служилых татар Терегуловых. Указом 1713 г. им предписывалось принять православие, но они не подчинились и были переведены в разряд казенных крестьян. В 1743 г. по приказу императрицы Анны Иоанновны в их поместье разрушили мечеть. Лишь в 1796 г. Екатерина II восстановила часть Терегуловых в дворянстве, а другая часть рода так и осталась государственными крестьянами и мещанами.

В 1775–1780 гг. были снесены укрепления Касимова. Крепость и город приобрели свой современный вид. Сейчас в Касимове и Касимовском районе проживает свыше 2,5 тысяч татар. В 2002 г. на празднование 850-летия города приезжал патриарх Алексий II.

Я недаром уделил много внимания истории этого небольшого города и его правителей. Ведь именно такой могла стать судьба Казани, если бы не вмешательство извне крымских Гиреев и Оттоманской империи. Спору нет, касимовские татары иной раз страдали от русских царей. Но, увы, русский народ страдал еще больше от Лжедмитриев, Петра I и Анны Иоанновны.

Глава 20

Россией правили... татары?

В трудах татарских историков стало модным утверждение, что чуть ли не все выдающиеся деятели государства Российского были этническими татарами. Естественно, не обходится и без крылатой фразы: «Поскребите хорошенько русского и обнаружите татарина... Авторство фразы приписывается самым различным личностям, как французам, так и русским.

Замечу, что вопрос сей гораздо более серьезен, чем может показаться на первый взгляд. Обвинять русских в том, что они-де этнические татары, вошло в практику националистов в Эстонии, Литве и на Украине. Они сами, в отличие от русских и татар, не имеют собственной истории и комплексуют от своей неполноценности, пытаясь очернить соседние народы.

Посему, думаю, давно пора поставить все точки над «і».

Действительно, многие исторические персонажи нашей истории имеют татарские корни. И первое, что вспоминается автоматически: «... татарин, зять Малюты...

Гений Пушкина оказал дурную услугу российской истории. Его спорные, а то и заведомо неверные оценки государственных деятелей стали аксиомами в мышлении миллионов русских людей. Вот тот же граф Воронцов, преобразователь юга России. Сейчас вроде никто не оспаривает его заслуги перед отечеством, но при каждом упоминании его имени автоматически всплывает: «полумилорд, полуневежа.....

Но больше всего от пера Александра Сергеевича Пушкина пострадала репутация Бориса Годунова. Теперь, как только заходит речь о Годунове, все, начиная от профессоров-историков и маститых писателей до школьников, твердят как попугаи:

Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,

Зять палача и сам в душе палач...

Эти слова, вложенные Пушкиным в уста князя Василия Шуйского, навеки стали ярлыком царя Бориса. Фраза, безусловно, хорошо написана и производила большой эффект как на барышень XIX в., так и на современных образованцев-интеллигентов. Но вот Василий Шуйский

подобную чушь нести не мог. Причем как раз потому, что Шуйский не любил Годунова. Слово «татарин» в устах Шуйского, кажущееся образованцу ругательством, было лучшим подарком Годунову. Ведь одним словом «татарин» Шуйский автоматически признает приоритет Годунова — Чингизиды^[240] в те времена считались выше Рюриковичей, и были случаи в XV–XVII вв., когда Рюриковичи из тщеславия выдавали себя за Чингизидов.

И насчет Малюты Скуратова Василий Шуйский не стал бы распространяться, поскольку его родной брат Дмитрий также был женат на дочери Малюты, да еще взял ее с большим приданым, не интересуясь, как оно попало к Малюте.

Представители значительной части разбогатевших дворянских семейств в России любили приписывать себе родоначальников — знатных иностранцев. И если Романовы-Захарьины к началу XVII в. еще не подыскивали иноземной родни Андрею Кобыле, то татарское происхождение Годуновых официально было записано в родословной XV–XVII вв.

Мало того, происхождению Годуновых было посвящено историческое произведение «Сказание о Чете». Согласно сказанию, в 1330 г. татарский царевич Чингизид Чет ехал из Орды в Москву к князю Ивану Калите. По пути Чет сделал остановку в одной версте от города Костромы, на месте слияния реки Костромы с Волгой. Ночью царевичу привиделась Пресвятая Богородица с апостолом Филиппом и святым Ипатием Гангрским. Чет был так потрясен увиденным, что решил принять православие и основать на этом месте монастырь. При крещении Чет получил имя Захария^[241], а основанную им обитель назвали Ипатьево-Троицким мужским монастырем.

Сын Захарии-Чета Александр был убит в Костроме почти одновременно с основанием монастыря при невыясненных обстоятельствах. Внук же Чета Дмитрий Александрович Зерно стал ближним боярином московского князя Дмитрия Донского.

У Дмитрия Зерна было три сына: Иван, Константин и Дмитрий. Константин был бездетен, а у Ивана было три сына, из которых лишь два дали дальнейшее потомство. Это были Федор Сабур, основатель многочисленного рода Сабуровых, и Иван Годун, основатель рода Годуновых. Третий же сын Дмитрия Зерна, тоже Дмитрий, стал основателем рода Вельяминовых.

В советские времена все древние источники, связанные с религией, были объявлены вымышленными. Естественно, это коснулось и «Сказания о

Чете». Некоторые историки, включая Р.Г. Скрынникова, утверждают, что «Сказание...» было в корыстных целях придумано монахами Ипатьевского монастыря, а на самом деле Годуновы, Сабуровы и Вельяминовы происходят из старинного рода костромских дворян. Скрынников называет Дмитрия Александровича Зерно «крупным костромским вотчинником, отец которого Александр был убит в Костроме в начале XIV века»^[242]. Но, как видим, Скрынников не называет имени отца Александра. Выговорить «Александр Захарьевич» он не может — это противоречит его концепции, а других вариантов у него нет.

В справочнике К. Рыжова «Все монархи мира» (М, Вече, 1998) говорится, что Чета в Орде крестил митрополит Петр. Петр действительно приезжал в Орду в 1313 г. к хану Узбеку, но откуда в справочнике взялся эпизод с крещением Чета — неясно.

По моему мнению, отрицать возможность «видения» Чету, то есть вариант «Сказания...», на сто процентов нельзя, поскольку в Средние века различные святые часто снились людям. Но вероятность этого ничтожна. Я же попробую логически реконструировать события. В начале XIV в. в Москву приезжает на службу к Ивану Калите татарский царевич Чет — событие довольно ординарное для Московского княжества XIV–XV вв. Чет мог быть крещен в Орде в 1313 г., но, скорее всего, его крестил тот же митрополит Петр в Москве.

Прозвище (имя) Чет не встречалось у татар, но, возможно, во-первых, оно было сильно изменено русскими. А, во-вторых, в книге XVII в. «Летописца краткого и родословца» говорится о роде Годуновых: «Род Сабуровых да Годуновых. В лето 6838 (1330) прииде из Орды к великому князю Ивану Даниловичу князь Семен Черт, а во крещении имя ему Захария, а у Захарья сын Александр, а у Александра сын Дмитрий Зерно...».^[243] Здесь, правда, возникает вопрос, почему ордынский князь носил христианское имя Семен, но и тут могло быть искажение в произношении ордынских имен. А почему потомки Захария выкинули из его прозвища букву «р», объяснять, думаю, нет необходимости.

Со смертью в 1303 г. бездетного костромского князя Бориса Андреевича Костромское княжество потеряло свою независимость и вошло в состав Владимирского княжества. В 1328 г. московский князь Иван Калита получает из Орды ярлык на Великое княжество Владимирское. В этом случае обязательно происходила смена администрации. Видимо, князь Дмитрий Иванович и послал в Кострому царевича Захарию-Чета. Как и положено, Захария отправился к новому месту службы с семейством.

Возможно, основание Ипатьевского монастыря было связано с убийством сына Чета Александра. Но, скорее всего, строительство монастыря было начато по указанию из Москвы. Я неоднократно бывал в Ипатьевском монастыре и могу подтвердить, что место для него выбрано весьма удачно. Больше половины периметра стен монастыря окружены водой, сам монастырь стоит на естественном холме, и т. д. В XIV в. река Кострома была куда более полноводной, чем теперь. Ипатьевский монастырь контролировал устье реки Костромы, где шло интенсивное судоходство. Эта река была единственной водной артерией, связывающей обильное соляными промыслами Галицкое княжество с Волгой.

Сам Захария Черт (или Чет) похоронен в первой усыпальнице Годуновых в Ипатьевском монастыре.

Можно считать на 99,9 % доказанным, что род Годуновых происходил от татарского царевича Чета. Лучшим доказательством этого служит молчание оппонентов Бориса в 1600–1605 гг. о его происхождении. Какие только фантастические обвинения ни предъявляли Годунову, а об этом молчали. А ведь вранье о происхождении рода издавна считалось на Руси большим бесчестьем и даже уголовным преступлением.

Дети и внуки Дмитрия Зерна служили боярами у Василия I, особенно известен был бездетный боярин Константин Дмитриевич Шея (правнук Чета).

Положение потомков Чета несколько ухудшилось в середине XV в. в ходе тридцатилетней гражданской войны. Дело в том, что Михаил, сын Федора Сабурова, поставил не на ту лошадку. Он пошел на службу к Дмитрию Шемяке, однако в 1447 г. одумался и перебежал к победителю. Василий Темный простил его, но Сабуровы и Годуновы были несколько отодвинуты от престола.

Праправнук Дмитрия Зерна окольный Константин Федорович Сверчок-Сабуров в 1505 г. выдает свою дочь Соломонию замуж за Василия III.

Сабуровы вторично породнились с родом Ивана Калиты, когда дочь боярина Бориса Юрьевича Сабурова^[244] Евдокия ненадолго стала женой наследника престола Ивана Ивановича.

Увы, и Соломония, и Евдокия закончили свои дни в монастыре, но это совсем другая история.

Почему-то никто из царских и советских историков не обратил внимания на происхождение титула московских владык. Откуда взялся титул «князь» — понятно, он был у поляков и у других европейских народов; так, у скандинавов он звучал как конуг (кёниг). А вот Иван III и

его потомки восхотели быть *царями*. Откуда сей титул? Почему не стать королем, как во всей Западной Европе, да и в Польше? Вот тот же Витовт мечтал стать королем. Да и наш русский князь Даниил Галицкий стал королем. Ну, в конце концов, можно было назвать себя императором, как в Византии.

В русских же источниках XIV–XVI вв. царями называли лишь ордынских ханов. Причем даже после 1480 г. Иван III и Василий III именовали царями казанских, крымских и даже касимовских ханов.

В Москве, видимо, испытывали большое почтение, вплоть до раболепства, перед татарскими царями. Тут я говорю не столько об Иване Калите, сколько о Василии III и Иване IV.

Любопытный пример: при взятии Казани по приказу царя Ивана были вырезаны все мужчины-татары, а женщины и дети обращены в рабство. Аналогия с Батыем и Тимуром напрашивается сама собой. Однако дикая расправа с простым мирным населением у Ивана IV сочеталась с доброжелательным отношением к казанским ханам. Юный хан Утямыш Гирей 8 января 1553 г. был крещен в Чудовом монастыре и получил имя Александр. Иван Грозный повелел ему жить в царском дворце. Однако Александр умер 11 июня 1566 г. в возрасте 20 лет. Причем умер своей смертью и не в опале. Хан Ядыгер 26 февраля 1553 г. тоже принял крещение и получил имя Симеон. Иван Грозный дал ему богатый двор в Москве, в документах он числился «царем Симеоном». Умер он своей смертью 26 августа 1565 г. и был погребен в Благовещенской церкви Чудова монастыря. Из казанских ханов Шах-Али оказался единственным, кто сохранил свою веру. Он длительное время был ханом касимовским и умер 20 апреля 1567 г.

Гуляя по Московскому Кремлю, заглянем в Архангельский собор — место захоронения московских владык. С 1340 г. по 1730 г. там погребли 54 человека, начиная от Ивана Калиты и кончая императором Петром II (внук Петра Великого). Среди захоронений нет ни суздальских, ни рязанских, ни других князей Рюриковичей, нет даже литовских Гедиминовичей, многие из которых верно служили московским князьям. Все усопшие — только из рода Калиты.

Исключение представляют лишь казанские ханы — царевич Петр и казанский царь Александр. Царевич Петр — это татарский хан Кудайкул (Худай-Кул), родной брат хана Мухаммеда-Эмина. В декабре 1505 г. его крестили, и он стал царевичем Петром, а через месяц его женили на четырнадцатилетней княжне Евдокии, дочери Ивана III.

Утямыш Гирей (Да, да! Из крымских Гиреев) еще в младенчестве был

провозглашен казанским ханом, а при крещении, как уже говорилось, он получил имя Александр.

Никаких особых заслуг перед Москвой эти татарские ханы не имели. И не было никаких политических мотивов для их захоронения в Архангельском соборе. Попросту московским владыкам было лестно лежать рядом с татарскими царями, а заодно и подчеркивалась преемственность власти.

В 1547 г. из Казани прибыли служить в Москву 76 татарских князей. К 1551 г. в Москве уже находилось более 500 князей и мурз с родственниками, бежавшими из Казани в разное время. Шах-Али, позднее правитель Касимова, в 1552 г. увел с собой в Москву 70 князей, утланов и мурз, а во второй раз — еще 84 князей и мурз.

Была ли надобность в таком числе ханов и мурз в Москве в XVI в.? Еще полбеда, когда в XIV в. московский князь принимал на службу татарского мурзу с отрядом хорошо подготовленных и экипированных воинов. Но тут мурзы приглашались без дружины. Наоборот, им отдавали под командование отряды русских воинов, а в «кормление» давались русские деревни и даже небольшие города.

Замечу, что в XVI в. татарские царевичи и мурзы могли командовать лишь отрядами иррегулярной конницы, поскольку к тому времени и татарские орды, и Московское государство существенно отстали в военном деле от Европы. К примеру, на Западе уже появились полки регулярного строя. Это уже начинали понимать и в Москве, и техническими специалистами — пушкарями, саперами и др. — нанимали не татар, а немцев^[245].

Царевичи и мурзы нужны были Ивану III, его сыну и внуку исключительно как верные сатрапы, а также в качестве противовеса служилым князьям Рюриковичам. И, разумеется, в качестве примера, как нужно лизать сапоги московского хана. Кстати, Иван III любил, чтобы его называли ханом.

До сих пор ни царские, ни советские, ни «демократические» историки не соизволили посчитать, сколько русских городов отдал татарским князьям «борец за централизованное государство» Василий Темный.

Я уже писал, что в конце 1446 г. подмосковный Звенигород был передан Василием II татарским царевичам — сыновьям Улу-Мухаммеда. Под властью татарских владетелей Звенигород с окрестными землями находился свыше 150 лет. Процитирую Р.Г. Скрынникова: «Держатель Звенигорода последний казанский хан Едигер (Симеон) Касаевич умер 29 августа 1565 г., то есть вскоре по учреждении опричнины. После него с

ведома опричного правительства Звенигород был передан служилому астраханскому царевичу Али Муртазе, сыну Кайбулы. Муртаза принял крещение ранее января 1570 г. В то время он еще не владел Звенигородом. В конце 1571 г. и в 1572–1573 гг. имя Муртазы впервые появляется в Разрядах. В те годы он сопровождал царя во всех его походах в Новгород и под Пайду. В завещании, написанном не позднее 1572 г., Грозный специально упомянул о том, что он пожаловал "царевича Муртазалея, а во крещении Михаила... городом Звенигородом, по тому же, как был Звенигород за царем Симеоном Казанским".

Астраханский царевич Ибак служил воеводой в земщине в 1565–1567 гг. По заявлению посла Новосильцева в Турции, еще в 1570 г. он владел "местом великим Суражеком" на границе Звенигородского уезда. В завещании царь отказал Суражек своему сыну, вероятно в связи со смертью Ибака»^[246].

Василий Темный отдал татарам и Юрьев-Польское княжество. Во времена Ивана Грозного его правителем стал царевич Кайбула (Гайб-Улла), сын Якуб-Бека (царевича Ахкунбека). К 1570 г. Кайбула по-прежнему владел городом Юрьевым.

Традиции своего прадеда продолжил Иван Грозный. «В самый разгар опричнины по царскому указу был образован удел для знатных ногайских мурз из династии, правившей в Большой ногайской орде. В удел вошел городок Романов, принадлежавший в 1563–1566 гг. кн. В.А. Старицкому.

Согласно информации Новосильцева, уже к началу 1570 г. Романов был за "ногайскими мурзами". Правительство посадило в Романове сразу несколько мурз, знатнейшими из которых были Али и Ибрагим-мурза Юсуповы и Айдар мурза Кутумов. Али-мурза отличился при освобождении Изборска, когда получил за службу золотой. Зимой 1571–1572 гг. он командовал ногайской конницей в походе на шведов. По завещанию царь передал Романов сыну, с наказом: "а держит его сын мой Иван за ногайскими мурзами потому, как было при мне, а отъедут куды-нибудь или изведутся, и город Романов сыну моему Ивану".

В конце XVI в. Али мурза владел основной частью татарской слободы в Романове. На его половине располагалось 54 двора его слуг и казаков, в которых жило 76 человек. На половине, принадлежавшей его братьям, сыновьям мурзы Кутума, стояло 43 двора с 66 служилыми татарами. Во владении мурз находилось 14 сел и селец, 360 деревень и 116 пустошей с 1260 дворами русских крестьян и многими тысячами четвертей пашни. Помимо крестьянских оброков, мурзы собирали в счет жалования (их "оклад" равен был 300 рублей) доходы с посадского населения Романова.

Романовский "удел" возник в годы опричнины и просуществовал в течение полувека»^[247].

Об упомянутых Скрынниковым мурзах Кутумовых и Юсуповых стоит сказать отдельно. Мурзы Кутум и Юсуф были сыновьями первого хана Ногайской Орды Муссы, который в свою очередь являлся правнуком хана Эдигея.

Сыновья Кутума и Юсуфа бежали в Москву в ходе постоянных семейных разборок в Ногайской Орде. Так, в 1563 г. Иван Грозный попросил ногайского хана Исмаила простить своих племянников Али и Ибрагима (сыновей хана Юсуфа) и отпустить их в Москву. Фактически это было интернирование. Исмаил просил «своего брата белого царя» хорошо следить за племянниками. Вот и дал им царь Иван город Романов.

При царях Федоре Иоанновиче и Борисе Федоровиче в стольниках числилось четверо князей Кутумовых, но к середине XVIII в. князья Кутумовы вымерли.

А вот Али и Ибрагим, сыновья хана Юсуфа, дали обильное потомство, причем их первые два поколения оставались верны исламу. Первым принял православие Абдулла, внук Али. После этого Абдулла стал князем Дмитрием Сеюшевичем Юсуповым. Умер он в 1694 г., и от него пошел знаменитый род Юсуповых. Род этот пресекся в конце XIX в., а Юсуповыми стали зваться потомки Феликса Николаевича Эльстона. Увы, его отец, Николай Эльстон, был вторым подпоручиком Кижского полка. Оба были «секретными, фигуры не имели», но ухитрились наплодить сыновей.

Казанские историки утверждают, что Иван Грозный и Петр Великий были... татарами. Некоторая толика истины в этом есть, их матери происходили из дворянских родов Глинских и Нарышкиных, основателями которых были татары.

Согласно легенде, у Мамай был сын Мансур, который после 1380 г. приехал на службу к великому князю литовскому Витовту. У Мансура было два сына — Алекса (Александр) и Скидырь. Александр получил во владение местечко Глинск (Глинитце), откуда и пошло прозвище его потомков. Летом 1508 г. три праправнука Александра, братья Михаил, Василий и Иван Львовичи Глинские поссорились с польским королем Александром и драпанули вместе с семействами в Россию. Правивший тогда Василий III не имел наследников и был в отчаянии. Не в меньшем отчаянии были и его бояре. Разумеется, им было плевать на сексуальную деятельность своего сюзерена, но в случае смерти Василия III ему должны автоматически наследовать братья, у которых в уделах хватало своих бояр. В конце 1525 г. боярам удалось склонить Василия к разводу. Его прежняя

жена Соломония Сабурова была насильственно пострижена.

В выборе невесты решающую роль сыграли Захарьины и князья Шуйские. Невеста из клана Захарьиных или Шуйских не могла пройти, поскольку в этом случае против них ополчилась бы вся московская знать. Поэтому для стоявших у престола Захарьиных и Шуйских идеалом была невеста-сирота. Таковой оказалась Елена Глинская. Ее отец Василий и его брат Иван уже умерли, а другой дядя, Михаил Глинский, сидел в тюрьме за попытку удрать в Польшу в 1514 г.

Восемнадцатилетняя красавица Елена пришлась по душе 47-летнему великому князю. Ради молодой жены Василий III отступил от старых русских обычаев и первым из московских князей сбрил бороду. Летописец сообщает, что великий князь «возлюбил» Елену «лепоты ради лица и благообразна возраста, наипаче ж целомудрия ради». А что касается ее «целомудрия», то тут вопрос остается открытым.

Прошел год, второй после свадьбы, а у Елены признаков беременности не появлялось. Великокняжеская чета зачастила по монастырям. Василий III не скупился на богатые вклады в монастырскую казну.

И вот 25 августа 1530 г., то есть спустя четыре с лишним года после замужества, Елена родила сына Ивана. Появление долгожданного наследника престола было встречено Василием III с огромной радостью. Не иначе, как помогли молитвы монахов о чадородии княгини. Однако у многих современников на этот счет были серьезные сомнения. Уже тогда начались разговоры о молодом воеводе Иване Федоровиче Овчине-Телепнёве-Оболенском. Ивана с Еленой свела его родная сестра Аграфена Челядина, приближенная великой княгини. Что же касается отцовства Василия III, то, увы, оно достаточно сомнительно^[248].

В ночь со 2 на 3 декабря 1533 г. скончался великий князь Василий III. И все сразу стало на свои места. Овчина-Телепнев без всяких на то оснований получает главный придворный чин в государстве — он становится конюшим боярином и командующим всем московским войском. «Сладкая парочка» начала расправу над братьями Василия. Без всяких оснований были заключены в тюрьму и убиты князья Юрий и Андрей Ивановичи. Причем на Андрея в тюрьме надели не только цепи, но и подобие железной маски — «тяжелую шляпу железную». Как видим, у нас был приоритет даже с железными масками. И русская «шляпа железная» оказалась более эффективной, чем знаменитая французская железная маска времен Людовика XIV. В ней узник прожил менее полугода.

Совершив серию политических убийств, Елена объявила себя правительницей. Она не стеснялась заявляла послам: «Сын наш и мы

жалуем...» На приемах послов за ее спиной (в прямом и переносном смысле) стоял Овчина.

Естественно, подобная узурпация власти не могла долго продолжаться. 3 апреля 1538 г. Елена Глинская внезапно скончалась и была погребена в тот же день в Воскресенском соборе в Кремле.

В самом конце XX в. Бюро судебно-медицинской экспертизы Комитета здравоохранения города Москвы провело изучение остатков савана, куска ребра и обрывков шапочки из саркофага Елены Глинской и обнаружило во всех трех предметах повышенное содержание солей ртути — сулемы, одного из сильнейших ядов Средневековья.

Ну а теперь перейдем к татарским корням Петра Великого. В 1671 г. царь Алексей Михайлович женился на девятнадцатилетней Наталье Нарышкиной. Ее отцом был стольник Кирилл Полуектович, а дед Полуект Иванович в 1633 г. погиб под Смоленском в чине сына боярского. Сын боярский — это не сынок боярина (тех делали стольниками в 16–20 лет), а младший придворный и военный чин, примерно соответствующий чину прапорщика в XIX в.

Родоначальником рода был татарин Нарышко, выехавший в 1463 г. из Крыма в Москву и возведенный Иваном III в чин окольничего. Тут стоит добавить, что «нарыш» по-тюркски «гранат». Сами же Нарышкины в XVIII–XIX вв. утверждали, что Нарышко хотя и прибыл из Крыма, но был не татарин, а потомок выходца из Богемии по имени Нарцисс. Никаких документальных доказательств последней версии, разумеется, не приводилось.

Кроме того, татарские историки утверждают, что Кирилл Нарышкин был женат на дочери мурзы Абатура.

Современные татарские историки нашли тюркские корни самых выдающихся россиян — Александра Суворова, Михаила Кутузова, Федора Ушакова и Кузьмы Минина. Думаю, от подобных доказательств русские генеалоги XIX в. попадали бы в обморок. Но, увы, у них у самих «рыльце в пушку». Согласно отечественным генеалогическим таблицам XIX в. в России сотни дворянских семейств вели свое происхождение от новгородцев Ратши, Нетши и Гавши, которые якобы «выехали из немец» в начале XII в. Среди них были и Романовы, и Шереметевы, и Пушкины. Документальных доказательств того, что все Ратши и Нетши и Гавши хотя бы имели детей, понятно, нет и в помине. Фактически каждый дворянин, который не мог доказать свое происхождение от Рюрика, Гедимины или татарских царевичей, находил себе любого персонажа, упомянутого в летописи раз или два, и то по делам службы, а не семейным, а затем

объявлял, что тот персонаж, во-первых, «выехал из прусс», а там, мол, был «балшой, балшой человек», а во-вторых, был его непосредственным предком.

Тот же Александр Васильевич Суворов утверждал, что в 1622 г. из Швеции в Россию прибыли некие Юда и Сувор и поступили на службу к Михаилу Романову. Однако ряд русских историков считает, что первый Суворов был дьяком казенного дворца при Годунове и даже не был дворянином. По татарской же версии, примерно в то же время на службу к Грозному попал татарин, названный у нас Сувором, от тюркского слова «сувор» — «наездник».

Кутузовы же ведут свой род от новгородца Гавши, того, который «из немец». Но, тем не менее, в середине XV в. в Москве служили Булыга Кутузов и Бурдук Кутузов, то есть персонажи с явно татарскими именами. А сама фамилия произошла от татарского слова «кутуз-кутур» — «бешеный».

Ну а с Ушаковым татарские историки сошлись с нашими флотскими историками и вместе ведут родословную Федора Федоровича от косожского князя Редеди, убитого тмутара-каньским князем Мстиславом Владимировичем в начале XI в. Любопытно, что в «скаске» Ушакова за 1761 г. было записано: «...а на дворянство предков герба и на деревни жалованных грамот не имеет, а более о дворянстве своем, в силу Табели о рангах 16 пункта, доказать чем не знает».

Но в начале 1798 г. Черноморского флота вице-адмирал и кавалер Федор Федорович сын Ушаков вдруг вспомнил о своем происхождении и обратился в Государственную коллегию иностранных дел в московском архиве и, «предъявив поколенную роспись роду своему, изыясняя в оной о происхождении фамилии своей от Косожского рода Редеди, просил о даче ему как о начальном происхождении от рода Редеди, так и о службах предков ево... выписи за надлежащим свидетельством»^[249].

С Кузьмой Мининым тоже вышла неувязочка. Данные о том, что он был крещеным татаринном Киришей Минидиевым, увы, не имеют документальных подтверждений.

Можно много спорить о происхождении тех или иных дворянских фамилий, но, так или иначе, процент татарской крови очень велик среди русского дворянства. Еще раз вспомним, что матушка Екатерина II пожаловала дворянство многим сотням мурз как в Крыму, так и в Казанской губернии.

А вот процент татарской крови среди коренного населения Центральной России к началу XIX в. был очень мал, и болтовня

украинских и прибалтийских националистов о том, что во времена татарского «ига» славяне на Руси сильно перемешались с тюрками, попросту смешна.

Монголо-татары Бату-хана, Дюдени и Тохтамыша захваченных русских женщин или убивали, или уводили с собой. Вполне допускаю, что были десятки изнасилованных женщин, которым позже удалось бежать от врагов. При этом часть, и немалая, кончала с собой. Не будем забывать, что у русских женщин допетровской эпохи был совсем другой менталитет, чем сейчас. Известен факт, что в Смутное время в начале XVII в. польские жолнеры поймали десяток русских девушек, раздели их и заставили в таком виде ловить кур. Девушки даже не были изнасилованы, но затем пошли на пруд и все утопились. Так что если бы простая русская женщина и забеременела бы от тюрка, то она бы попросту избавилась от плода или даже младенца.

Конечно, какой-то процент женщин из простолюдинства вступал в брак с дружинниками татарских «царевичей», которым Вася Темный отдал во владение Звенигород, Верею и многие другие города.

Следующее «смешение народов» произошло в XIX в. в городах, когда туда хлынули татарские купцы, персонал трактиров, студенты и т. д. Но это был уже иной процесс, один из элементов урбанизации, свойственный всем странам Европы, вступившим на путь капитализма.

Глава 21

Татарстан в Великой Отечественной войне

В годы Великой Отечественной войны свыше 560 тысяч граждан Татарской АССР ушли на фронт и свыше 300 тысяч из них не вернулись домой. На территории республики были сформированы семь дивизий и сотни отдельных маршевых рот.

Более 200 жителей Татарстана удостоены звания Героя Советского Союза, 50 стали полными кавалерами ордена Славы, сотни тысяч награждены орденами и медалями уже в ходе войны. Все они — татары, русские, чуваша, марийцы, украинцы и евреи, мордва и белорусы, представители десятков других народов — с честью выполнили свой гражданский долг.

В годы войны Татарская АССР стала одним из крупнейших центров производства современной боевой техники. Кроме оборонных заводов, построенных еще до войны, в Татарстан из других республик и областей было эвакуировано около 70 предприятий. В 1941–1945 гг. завод № 22 имени Горбунова выпустил более 10 тысяч пикирующих бомбардировщиков ПЕ-2, около 80 четырехмоторных дальних бомбардировщиков ПЕ-8, завод 387 — 11 тысяч легких бомбардировщиков ПО-2. Самолеты, построенные в Казани, в числе первых совершили налеты на Берлин летом 1941 г. Почти каждый шестой советский самолет был построен в Татарстане.

В годы войны Татарстан стал центром... военного судостроения. Да, да! Еще в 1895 г. в Паратовском затоне (ныне Зеленодольск) началось строительство речных пароходов. В 1930-х гг. завод им. Горького (с 1934 г.) изготавливал по 12–13 речных буксиров в год. В 1941 г. с завода ушли на фронт 2800 человек, а вернулись 830. Тем не менее зеленодольцы вместе с судостроителями, эвакуированными из других регионов, в годы войны ввели в строй сотни боевых кораблей: морских охотников, тральщиков, торпедных катеров и судов других типов. Особую роль в Великой Отечественной войне сыграли бронекатера или «речные танки», как их называли солдаты Красной армии и вермахта. Из 308 бронекатеров, принявших участие в войне, 148 были построены в Зеленодольске. Бронекатера, построенные в Татарстане, первыми ворвались в

Петрозаводск и Харбин, Белгород, Братиславу и Вену.

В рекордно короткие сроки заводы и фабрики Татарстана перешли на выпуск военной продукции. Многие гражданские предприятия начали выпуск боеприпасов, а также обмундирования и обуви. В начале 1942 г. газета «Красная Татария» писала, что в республике не найти ни одной фабрики, ни одного завода, ни одной мастерской, которые в той или иной степени не выполняли фронтовые заказы. В Татарстан из других районов страны было эвакуировано несколько десятков заводов и фабрик.

В 1944 г. удельный вес металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности в общем валовом выпуске составлял 69,5 %, химическая промышленность — 12,6 %, энергетика — 1,2 %, легкая промышленность — 9,7 %, пищевая — 5,0 % и прочие отрасли промышленности — 2,0 %. Удельный вес промышленности, производящей средства производства, в 1944 г. составлял 83,3 %. В 1927/1928 хозяйственном году, наоборот, легкая индустрия составляла 83,0 % и тяжелая — только 17 %. К 1944 г. крупная промышленность Татарской республики увеличилась в 39 раз в сравнении с 1913 г.

6 августа 1943 г. близ села Шугуры были обнаружены промышленные запасы нефти. Открытие на территории Татарстана месторождений нефти на долгие годы вперед определило приоритетное развитие нефтяной промышленности на юго-востоке республики. Рост оборонной промышленности привел к росту удельного веса городского населения. Так, по переписи 1939 г., в Татарстане проживало 2915,2 тысячи человек, из которых в городах — 614,3 тысячи. Когда-то маленькие городки Бугульма, Чистополь и другие стали развивающимися промышленными центрами. Многие деревни и села, такие как Зеленый Дол, Агрыз, Юдино, Васильево, получили статус городов и рабочих поселков.

За годы войны население Казани увеличилось в 1,5 раза, а городское население республики с 1920 по 1945 г. увеличилось в 3 раза и на 1 января 1945 г. составляло 29,2 % к общей численности населения Татарской АССР против 8,4 % в 1920 г. Удельный вес татар в общей массе городского населения ТАССР с 23,6 % в 1926 г. увеличился до 28,4 % в 1939 г.

К 1945 г. вместо трех прежних высших учебных заведений и девяти средних технических школ республика имела 12 вузов и втузов, до 60 разных техникумов и 19 научно-исследовательских учреждений. В 1945 г. в Казани появляется Филиал Академии наук СССР и собственная консерватория. Контингент только студентов и научно-преподавательских сил вузов к 1945 г. составлял 10 тыс. человек, из них более 3 тыс. человек — татары.

К середине 1940-х гг. в Казани имелось 7 театров, в том числе Татарский Государственный Академический театр, Татарский Государственный театр оперы и балета. На местах имелось 7 районных и городских театров, из них 4 татарских. В 1944 г. при Государственном университете имени Ульянова-Ленина было создано отделение татарского языка и литературы и открыто новое высшее учебное заведение — Казанская государственная консерватория^[250]. Думаю, продолжать нет нужды. Огромный вклад Татарстана в Победу общеизвестен. Несмотря на большие людские потери, республика в годы войны окрепла в экономическом и культурном отношении.

Увы, как говорится, «из песни слова не выкинешь», и надо сказать, что тысячи поволжских татар из числа советских военнопленных сражались на стороне фашистской Германии.

Сейчас рядом либеральных журналистов и даже политических деятелей вдалбливается тезис, что Сталин-де выиграл не одну, а две войны — с немцами и «великую гражданскую войну», которую де вели против него свыше миллиона советских граждан.

Кто и где видел эту миллионную армию «противников советского строя»? Мне как-то даже неудобно разоблачать столь примитивную фальсификацию. Но наши демократы переплюнули даже Геббельса, и ложь, миллионно повторенная по радио, телевидению, через прессу и Интернет, становится в умах миллионов обывателей святой правдой.

Допуская, что чисто арифметически, если посчитать число граждан СССР (в границах на 22 июня 1941 г.), служивших в войсках СС, различных националистических формированиях, в качестве ХИВИ в вермахте, в различных бандформированиях и т. д., то можно с некоторой натяжкой насчитать и миллион.

Но реально участвовали в боях с Красной армией разве что дивизии СС, сформированные из эстонцев, латышей и литовцев, а действия всех остальных сводились к отдельным боестолкновениям.

«Борцы против сталинизма» массово дезертировали к партизанам и частям Красной армии, хотя и знали, что там их встретят не хлебом с солью. «29 сентября 1943 г. Гитлер отдал распоряжение о переводе всех восточных добровольцев с Востока на Запад, и это нашло отражение в приказе германского Генштаба от 2 октября 1943 г. (№ 10570/43) о переводе Восточных легионов с территории Польши во Францию в распоряжение командующего группой армий "Запад" в городе Нанси»^[251].

Зато полицейские отряды, включая националистические, отличились

расправами над мирным населением. Что касается ХИВИ, то есть «добровольных помощников вермахта», то они выполняли в основном хозяйственные функции и лишь изредка участвовали в боях. Можно ли считать «борцом против сталинизма» русского или татарского военнопленного, который, чтобы не сдохнуть в лагере от голода или дизентерии, согласился стать ездовым и возить на конфискованной немцами колхозной кляче воду, молоко, хлеб, гробы и прочие предметы первой необходимости? Вопрос, с кем боролся «идейный борец с большевизмом», в расчетах зенитных пушек калибра 88-128 мм, которые защищали небо Берлина, Вены, Гамбурга и других городов от налетов англо-американских бомбардировщиков. Замечу, что в 1944 г. значительная часть расчетов зенитных орудий ПВО Рейха состояла из германских девушек и русских пленных.

Ну и, наконец, банды националистов в тылу вермахта дрались не столько с советскими партизанами, сколько с немцами и между собой. Бендеровцы резали поляков, Армия Крайова убивала украинцев и литовцев, и т. п.

И вот всю эту милую компанию наши либералы представляют миллионной антикоммунистической армией.

Крымских же татар немцам удалось поставить под ружье около 20 тысяч, и они также практически не воевали с Красной армией, а в основном с партизанами и грабили нетатарское население Крыма, которое к началу войны составляло около 75 %. Но, как уже говорилось, крымские татары — тема особая, и мы перейдем к поволжским татарам.

Начну с того, что в Третьем рейхе не было единой национальной политики. Так, Гитлер считал всех мусульман неполноценными людьми и не собирался создавать на завоеванной территории СССР никаких национальных государств — ни русского, ни татарского, ни украинского, ни даже прибалтийских. Так, к примеру, Крым должен был стать Готенлэндом, где будут проживать лишь чистокровные арийцы.

Однако генералы вермахта в чисто утилитарных целях настояли на формировании национальных частей. А в 1944 г. верхи рейха даже стали показывать националистам морковку в виде смутных обещаний создания национальных государств.

Так, 4–5 марта 1944 г. в германском городе Грайсфальд был созван курултай, призвавший к созданию государства Идель-Урал. Понятно, что речи и документы, принятые на оном курултае, были пустой болтовней. Даже теоретически не были определены границы этого государства, его форма правления, экономические отношения, степень зависимости от

Германии и т. д.

Да и кого это волновало? Красная армия придвигалась к границам рейха, союзные армии пусть медленно, но двигались на север по Апеннинскому полуострову. До вторжения русских в Генерал-губернаторство и американцев в Нормандию оставались считанные недели.

Кого же представлял сей курултай?

Только 1 июля 1942 г генералы вермахта добились приказа о создании мусульманских легионов, среди которых был упомянут и «Волго-татарский».

15 августа 1942 г. Верховное командование вермахта издало приказ:

«1. Создать легион из татар, башкир и говорящих по-татарски народов Поволжья;

2. Татар, приписанных к Туркестанскому легиону, перевести в Волго-татарский легион;

3. Военнопленных татар срочно отделять от остальных и направлять в лагерь Седльце (на железнодорожной линии Варшава — Брест). Передать их в распоряжение Военного командующего в Генерал-губернаторстве;

4. Созданный легион использовать прежде всего в борьбе против партизан».

Местом формирования легиона был избран лагерь советских военнопленных в Едлино под Радомом (Генерал-губернаторство, бывшая Польша).

«На 11 сентября 1942 г. к легиону были приписаны первые немецкие представители: один офицер, двое служащих, 54 унтер-офицера, 18 солдат. С 15 сентября начали функционировать курсы переводчиков для легионеров. Начиная с 1 октября 1942 г. по 1 января 1943 г. планировалось полностью сформировать два первых татарских батальона (этот план был выполнен с небольшим опозданием).

Командиром Волго-татарского легиона был назначен уже довольно пожилой и опытный военный, майор Оскар фон Зеккендорф»^[252].

Всего в составе легиона никогда не служило более 12,5 тыс. человек. Кроме того, в ХИВИ, по германским данным, служило около 70 тыс. поволжских татар.

Об отношении немцев к легионерам свидетельствуют объявления на железнодорожных станциях Генерал-губернаторства: «Поляки, евреи, легионеры — в последний вагон!»

«Согласно плану, первый из батальонов Волго-татарского легиона, получивший номер 825, должен был быть создан к 1 декабря 1942 г., но его сформировали даже чуть раньше - 25 ноября. Сроком формирования 826-го

батальона было установлено 15 декабря 1942 г., 827-го — 1 января 1943 г. Фактически же это произошло, соответственно, 15 января и 10 февраля 1943 г.»^[253].

14 февраля 1941 г. 825-й батальон был торжественно направлен на фронт... бороться с партизанами. 18 февраля 1943 г. батальон прибыл в Витебск, а затем был передислоцирован в район деревни Гралево на левом берегу Западной Двины. Уже 21 февраля легионеры связались с местными партизанами.

22 февраля в 23 ч. 00 м. батальон перебил немецких офицеров и солдат и перешел к партизанам. Всего вышло к партизанам 560 человек, имея при себе три 45-мм противотанковые пушки, шесть станковых пулеметов и четыре батальонных миномета, 22 ручных пулемета, 430 автоматов, 76 пистолетов и 26 лошадей.

«В марте 1943 г. после восстания 825-го батальона 826-й "от греха подальше" был переведен на территорию Голландии в район города Бреда»^[254].

827-й батальон в июне 1943 г. был направлен в г. Дорогобич (Западная Украина), где действовал против партизан и украинских националистов.

13 октября 1943 г. 827-й батальон прибыл в г. Лансон во Франции. Правда, прибыли не все, перед отправкой во Францию дезертировали 50 легионеров.

Формирование 828-го батальона закончилось 1 июля 1943 г. Командиром батальона был назначен капитан Гаумиц.

28 сентября 1943 г. батальон № 828 был направлен на Западную Украину взамен 827-го батальона. Вскоре дезертирство и сдача в плен легионеров стали массовыми. Дальнейшая судьба этого батальона не ясна. По одним сведениям, он был отправлен во Францию, а по другим — в Германию.

829-й батальон был сформирован 24 августа 1943 г. Командиром батальона был назначен капитан Рауш. На 1 сентября 1943 г. в нем насчитывалось 874 человека. В самом конце 1943 г. батальон был направлен на Западную Украину. «В официальной документации он упоминается только 27 июля 1944 г. в числе соединений, "не способных вести боевые действия", — тогда он находился в распоряжении полевой комендатуры 829 в населенном пункте Мурована (на Западной Украине). Финал для 829-го батальона наступил довольно скоро: приказом командующего военным округом в "генерал-губернаторстве" от 29 августа 1944 г. он был распущен»^[255].

830-й батальон был сформирован в конце 1943 г. Немцы не рискнули использовать его даже против партизан. «Он нес охранную службу в разных населенных пунктах Западной Украины и Польши: в начале мая 1944 г. — в Каменна, 10 мая частично был переведен в Радом, Белобжеги и Томашов (известно, что в те дни вторая рота батальона охраняла железнодорожный перегон Каменна — Радом — Демблин)»^[256].

К октябрю 1944 г. 830-й батальон был переформирован в «строительно-саперный батальон».

831-й батальон был сформирован осенью 1943 г. Первоначально он обеспечивал охрану основной базы легионеров в Едлино. Позже в германской документации говорится о «тюркском 831-м батальоне», то есть, видимо, он был объединен с каким-то другим «мусульманским» батальоном.

Я умышленно отказываюсь комментировать «славный боевой путь» этих семи батальонов, сформированных из поволжских татар, оставляя оценку за самим читателем.

На мой взгляд, пора закончить муссировать тему националистических формирований в вермахте и СС. Это дело узких специалистов и специализированных военных журналов. Популяризация подобных формирований на руку лишь тем, кто разжигает национальную рознь в Российской Федерации.

Попробуйте спросить французского туриста или студента о французской дивизии СС «Карл Великий», через которую прошли не менее 25 тысяч человек? Или индуса об индийском добровольческом легионе СС? Оба выпучат глаза, как раки: «Откуда? С чего вы взяли? Не было такого вообще!»

И это нормальная реакция нормальных граждан из нормальных цивилизованных стран.

Список использованной литературы

Азов — древнейший порт России / Под ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский краеведческий музей, 2003.

Акимов В.В. Касимовские татары: между прошлым и будущим. М, Вече, 2004.

Актуальные проблемы истории государственности татарского народа. Казань: Матбугат йорты, 2000.

Александр Невский. Сборник / Составитель Т.А. Соколова. М, Новатор, 1998.

Алишев С. Казанское ханство. Казань: Татарское книжное издательство, 2002.

Амирхан Р. Золотая Орда и ее правители. Казань: Татарское книжное издательство, 2003.

Астухин Е.В. Полумесяц над Волгой. Нижний Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2005.

Барбаро и Контарини о России. К истории итало-российских связей в XVI веке. Л, Наука, 1971.

Беляков А.В. Участие мещерских татар в Ливонской войне // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. Сб. науч. статей / Отв. ред. А.И. Филлюшкин. М, Квадрига, 2010.

Борисов Н.С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). М, Издательство Московского университета, 1999.

Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М, Издательство Московского университета, 1986.

Бурлака В.О. Азов — город с тысячелетней историей. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2009.

Бушков А. Россия, которой не было. М, Олма-Пресс, 1997.

Бычков А.А., Низовский А.Ю., Черносвитов П.Ю. Загадки Древней Руси. М.: Вече, 2000.

Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28–29 августа 2000 года. Казань: Мастер-Лайн, 2001.

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. Санкт-Петербург, 1911–1915.

Воинские повести древней Руси / Составитель Н.В. Поньрко. Л.,

Лениздат, 1985.

Гафаров И.А. От истоков к истине. Казань: Дом печати, 2002.

Герберштейн С. Записки о Московии. М, 1988. *Гилязов И.А.* Легион «Идель-Урал». М, Вече, 2009.

Гордиенко К.С. Православные святые: кто они? Л, Лениздат, 1979.

Горский А.А. Москва и Орда. М, Наука, 2003.

Греков Б.Д., Якобовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М, Богородский печатник, 1998.

Гришин Я.Я. Польско-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань: Татарское книжное издательство, 1995.

Губайдуллин А., Каримов И. Города Волжской Булгарии. Казань: Татарское книжное издательство, 2003.

Гумилев Л.Н. От Руси к России. М, Экопрос, 1992.

Даркевич В.П. Путешествие в древнюю Рязань. Рязань: Новое время, 1993.

Дворянские роды Российской империи / Под ред. СВ. Думина. СПб, ИПК «Вести», 1993.

Дмитрий Донской. Сборник / автор и составитель Ю.М. Лощиц. М, Новатор, 1996.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. — Л., 1950.

Егоров В.А. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1909.

Зайцев И.В. Астраханское ханство. М, Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2004.

Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России в XV в. М, Мысль, 1991.

Из глубины столетий / Сост., вступительные статьи и комм. Б.Л. Хамидуллина. Казань: Татарское книжное издательство, 2004.

Иванов Ю.Г. Старинные крепости России. Смоленск: Русич, 2004.

Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М, Черли, 1996.

История родов русского дворянства. М, Современник, 1991.

История Татарстана / Под ред. Б.Ф. Султанбекова. Казань: ТаРИХ, 2001.

Каргалов В.В. На границах Руси стоят крепки! Великая Русь и Дикое поле. Противостояние XIII–XVIII вв. М, Русская панорама, 1998.

Кожин В.В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. М,

Чарли, Московский учебник-2000, 1997.

Костомаров Н.И Русская республика. М, Чарли, 1994.

Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб, Издательство С.-Петербургского университета, 2003.

Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. (Материалы юбилейной научной конференции). М, Издательство Московского университета, 1983.

Куликовская битва. Сборник статей / Под ред. Л.Г. Бескровного. М, Наука, 1980.

Курбский А.М. История о великом князе Московском. М, УРАО, 2001.

Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М, Панорама, 1991.

Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М, Издательство Московского университета, 1994.

Мавродин В.В. Очерки истории левобережной Украины. СПб, Наука, 2002.

Макарихин В.П. Новгород Земли Низовской. Повествование о великом князе Юрии Всеволодиче. Нижний Новгород: Нижний Новгород, 1994.

Мартынов А.И. Археология СССР. М, Высшая школа, 1973.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). Казань: Казанский Государственный педагогический университет, 2002.

Недашковский А.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М, Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.

Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань: Татар, кн. изд-во, 2005.

Полное собрание русских летописей. М., 1965. *Похлебшн В.В.* Татары и Русь. М, Международные отношения, 2000.

Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М, Богородский печатник, 1998.

Путешествие шейха Ибн-Батуты в Золотую Орду, в половине XIV века. Русский вестник. Том 2. 1841.

Рогов К.В., Уткин С.А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М, Северный паломник, 2003.

Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М, АСТ, 2003.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М, Наука, 1993.

Рыжов К. Все монархи мира. Россия. М, Вече, 1998.

Скрынников Р.Г. Куликовская битва. Проблемы изучения. (Куликовская

битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М, Издательство Московского университета, 1983.

Скрынников Р.Г. Лихолетье. М, Московский рабочий, 1988.

Скрынников Р.Г. Опричный террор. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1969.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М, Издательство социально-экономической литературы, 1959–1960. Кн. I. Кн. II. Кн. III.

Татаро-монголы в Азии и Европе / Под ред. СЛ. Тихвинского. М, Наука, 1977.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб, 1884.

Ткаченко В.А. Московские великие и удельные князья и цари. М, Поиск, 1992.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М, Прогресс, 1989.

Ходиков А.Х. Кто мы — болгары или татары? Казань: Казань, 1992.

Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: Фэн, 1994.

Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства. Казань: Татарское книжное издательство, 2002.

Хафизов Г.Г. Распад Монгольской империи и образование улуса Джучи. Казань: Татарское книжное издательство, 2000.

Хорошев А. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М, Издательство Московского университета, 1986.

Хрусталева Д.Г. Русь: от нашествия до «ига». 30–40 гг. XIII века. СПб, Евразия, 2004.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М, Инсан, 1991.

Хузин Ф. Средневековая Казань. Казань: Татарское книжное издательство, 2004.

Хузин Ф., Тариф Н. Города Казанского ханства. Казань: Татарское книжное издательство, 2008.

Черепин Л.С. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории. М, 1960.

Широкопад А.Б. Альтернатива Москве. Великие княжества Смоленское, Рязанское, Тверское. М, АСТР; АСТ МОСКВА,

Широкопад А.Б. Куликовская битва и рождение Московской Руси. М, Вече, 2005.

Широкопад А.Б. Русские пираты. М, Вагриус, 2007.

Широкорад А.Б. Русь и Орда. М, Вече, 2004.

Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань: Узоречье, 2002.

Эренжен Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие. М.,1996.

<http://www.tataroved.ni/obrazovanie//extbooks/2/14>
<http://www.tassr90..u/history/40/history/>

Иллюстрации

Чингисхан. Неизвестный придворный художник

Наугольная башня «Чёртового городища» - остатки укрепленного поселения на берегу Камы близ Клубуги. Возведена болгарским князем, в X веке захватившим это поселение (фото А. Широкограда)

Остатки белокаменной мечети-крепости (Ак-мечети) XII века - единственное частично сохранившееся болгарское наземное сооружение домонгольской эпохи (фото А. Широкограда)

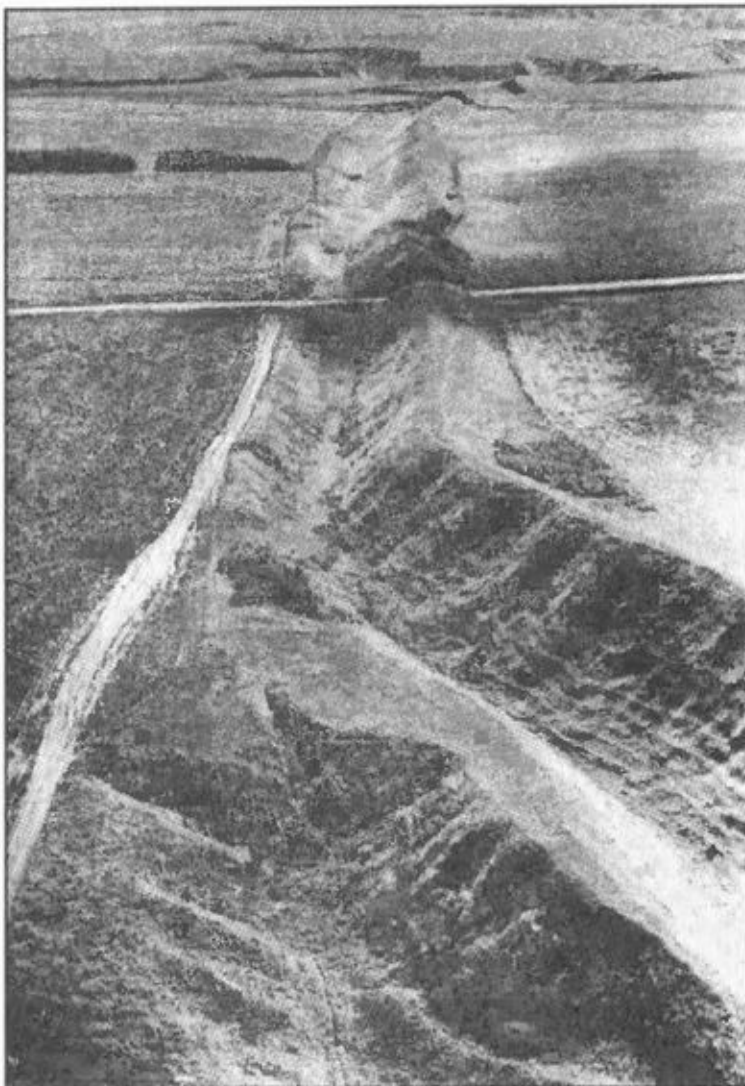
Раскопки в селе Селитряном на левом берегу Ахтубы древнего татарского города Сарай-Бату (<http://www.ancientcity.ru/>)

Реконструкция Сарай-Бату (http://minkult.astrobl.m/Flash_Gallery.aspx)

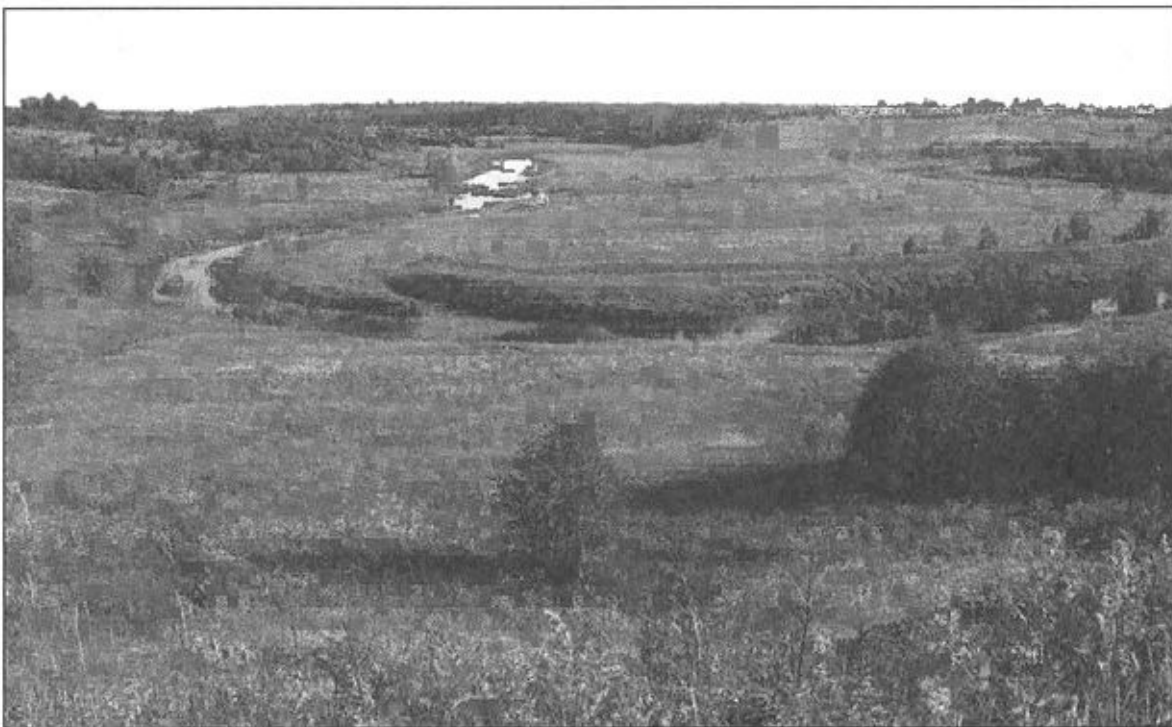
Золотоордынский сосуд, найденный на территории Саратовской области. Саратовский областной музей краеведения (фото И. Осиповой)

Валы древней Рязани. Современный вид (Даркевич В.П. Путешествие в древнюю Рязань. Рязань: Новое время, 1993)

Раскопанные братские могилы защитников Рязани (Даркевич В.П. Путешествие в древнюю Рязань. Рязань: Новое время, 1993)

Место Ситской битвы. Тут в марте 1238 г. в битве с татарами погибла русская рать князя Юрия Всеволодовича (фото А. Широкограда)

Бату-хан. Средневековая персидская миниатюра

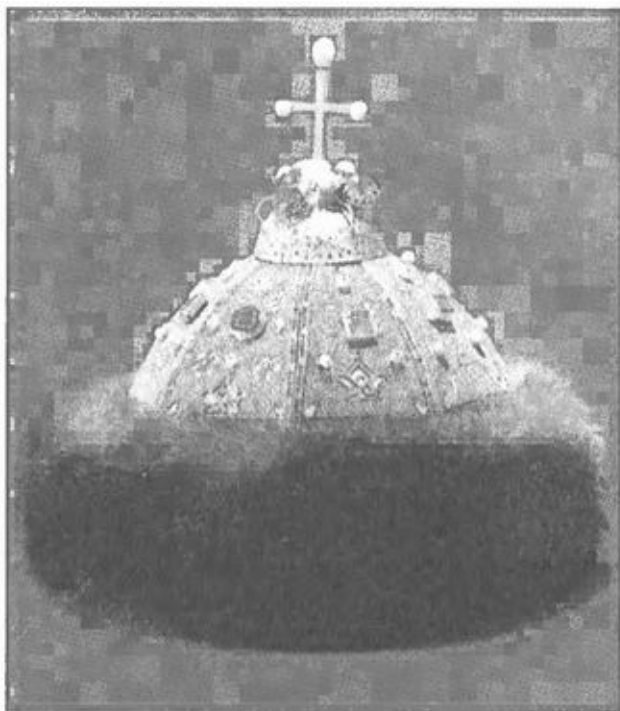
Битва на Куликовом поле. Средневековая русская миниатюра

Баскаки. Худ. С.В. Иванов

А.М. Васнецов. Татары идут. Конец XIV века (Идут! Набег татар на Москву), 1909 г.

Знаменитая шапка Мономаха — татарская такья. Работа золото-ордынских ювелиров XIV века (Татары / Под ред. Р.К. Уразмановой, С.В.

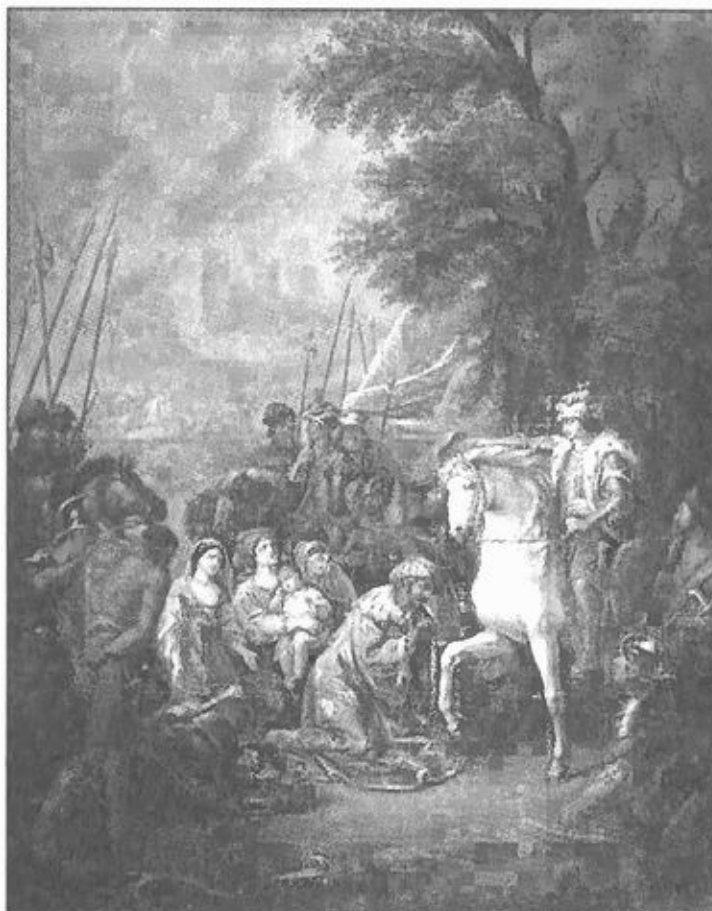
Четко. М.: Наука, 2001)

Городец на Волге в 1408 г. был уничтожен ханом Едигеем, и с тех пор безлюдные развалины стали называться «пустой Городец». О старом городе сейчас напоминают лишь полуразмытые валы (фото А. Широкограда)

«Тартары». Раскрашенная гравюра по меди (Mallet, AllainManesson. *Description de l'univers*. Paris, 1683. Pl. X)

Взятие Казани Иваном Грозным 2 октября 1552 г. Худ. Г.И. Угрюмов

*Воссозданный ушкуй. Муромский историко-художественный музей
(фото А. Широкограда)*

Татарские всадники. Гравюра на меди швейцарца Йохана Якоба Шейхцера (Johann Jakob Scheuchzer), 1731 г.

Татарский танец. Худ. Ю. Коссаk. Акварель, 1885 г. Показана схватка татар с поляками в XV-XVI вв.

Утро на Куликовом поле. Худ. Александр Бубнов, 1947 г.

*Спасская башня - главная проездная башня Казанского кремля.
Памятник архитектуры XVI века (фото А. Широкограда)*

*Воссозданная мечеть Кул Шариф на территории Казанского кремля
(фото А. Широкограда)*

Татарская свадьба в Казанском кремле (фото А. Широкограда)

Казань. Башня Сююмбике (фото А. Широкограда)

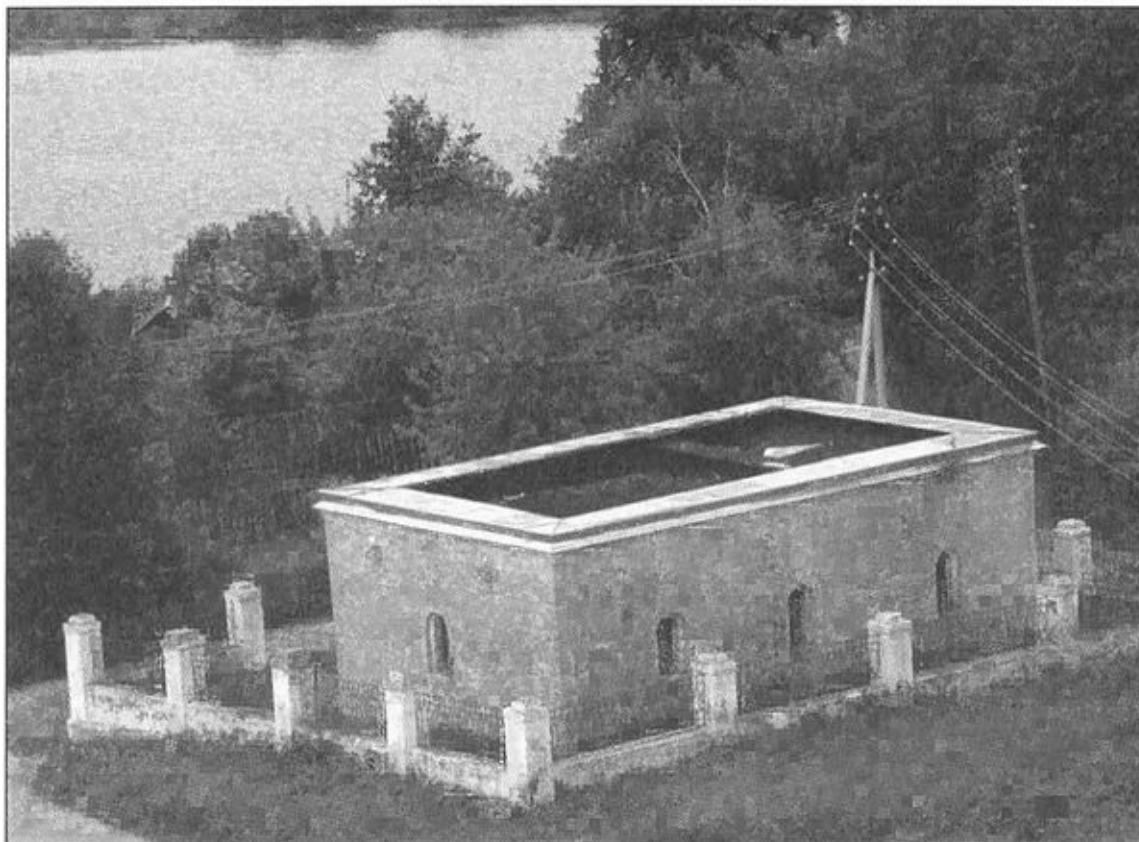
Казань. Памятник «Зодчие Казанского кремля». В чем-то символ единения русских и татар (фото А. Широкограда)

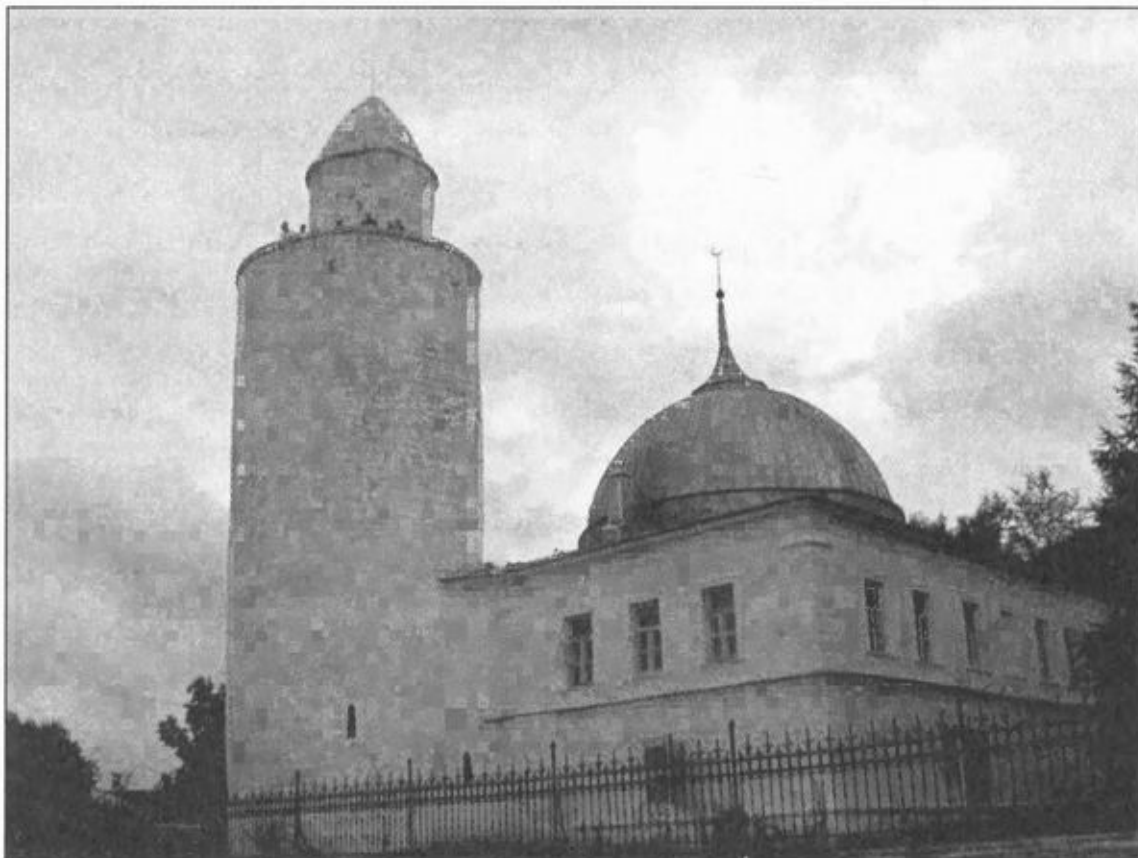
Семья богатого казанского татарина (фото последней трети XIX в.)

Ханские захоронения на территории Казанского кремля. Все, что осталось в Казани от Казанского ханства (фото А. Широкограда)

Мавзолей (такие) Шах-Али в Касимове. 1505 г. (фото А. Широкограда)

Ханская мечеть в Касимове (фото А. Широкограда)

Различные типы татар Пензенской губернии. Фотография из издания: Орлов Н.

Группа кавалеристов Полка татарской кавалерии (фото 1919 г.)

Генерал-лейтенант Х. Гельмих (H. Gelmich) проводит смотр татарского батальона легиона «Идель-Урал» летом 1943 г.

Солдат татарского легиона «Идель-Урал»
(<http://www.frontalbum.ru/archives/3327>)

Татарский легион
(<http://www.frontalbum.ru/archives/3327>)

«Идель-Урал»

Памятник Мусе Джалилю у Казанского кремля

Злой татарин, вторжение диких орд кочевников, иго и прочие стереотипы мы познаем с детства из школьных учебников и трудов классиков. Увы, в течение трех веков велась умышленная фальсификация взаимоотношений русских и татар. На самом деле в 90 процентах битв XIII—XV вв. русские и татары были не врагами, а соратниками. Верится с трудом? Прочтите и убедитесь.

ISBN 978-5-9533-6094-4

notes

Примечания

1

Тумен — около 10 тысяч всадников.

Речь идет о г. Галиче на Днестре, не путать с Галичем в Костромской области.

Будущий король галицкий.

Шумск — город на Волыни; Несвиж — город Туровского уезда Минской губернии

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М, Издательство социально-экономической литературы, 1959. Кн. 1. С. 664.

Текст повести приведен в переводе с древнерусского языка, сделанном Д.С. Лихачевым. Однако тут наш великий академик допустил грубейшую ошибку и именовал рязанского князя Юрием Ингоревичем. На самом деле Юрий Игоревич был сыном рязанского князя Игоря Глебовича и братом князя Ингваря Игоревича, умершего около 1222 г.

Воинские повести древней Руси. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 106–107.

Там же. С. 108.

Воинские повести древней Руси. С. 109.

Дж. Феннел, З.З. Мифтахов и др.

Даркевич В.П. Путешествие в древнюю Рязань. Рязань: Новое время, 1993. С. 245–246.

Воинские повести древней Руси. С. 111.

Даркевич В.П. Путешествие в древнюю Рязань. С. 247.

Воинские повести древней Руси. С. 115.

Там же. С. 110.

Воинские повести древней Руси. С. 110–111.

Интересно, что православная церковь придерживается версии «Повести...», Олег Ингваревич якобы был тяжело ранен и приведен к Батыю. «Удивляясь смелости и красоте его, Батый предлагал ему свою дружбу и убеждал отречься от веры Христианской. Но когда юный князь назвал его безбожным, варвар разъярившись, велел разнять его по составам. Почитается как святой Переяславля-Рязанского» (Русские святые воины. Жития. М, Спасский собор. «Держава», 2000. С. 183).

Впервые Белгород-Рязанский упомянут в Никоновской летописи под 1155 г.

Впервые Воронеж упомянут в Ипатьевской летописи под 1177 г.

Согласно З.З. Мифтахову, воевода Нянька на самом деле был Нанкаем, правнуком болгарского князя Шамгуна и внуком Арбата Ос-Лоджа. С 1164 г. последний был воеводой Москвы. У него было двое сыновей — Азан и Батыр. Азан был отцом Гази Бараджа, а Батыр — отцом Нанкая.

Воинские повести древней Руси. С. 89.

Воинские повести древней Руси. С. 89–90.

Гумилев Л.Н. От Руси к России. М, Экопрос, 1992. С. 121.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 120

Воинские повести древней Руси. С. 90–91.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С.113.

Мифтахов З.З. Указ. соч. С. 113–114.

Между тем семилетний Борис сразу после гибели отца стал ростовским князем. И это не в новинку на Руси и в других странах. Так, знаменитый киевский князь Святослав Владимирович впервые участвовал в битве в трехлетнем возрасте. Надо ли говорить, что придурок в 19 лет, не знающий, как заряжается автомат, никогда не скажет врагу: «Иду на вы». Идиотских понятий «тинейджер» или «переходный возраст» не знали ни тогда, ни во «времена Очакова и покоренья Крыма». Пусть сомневающийся возьмет Военную энциклопедию, изданную в 1911–1915 гг. в Петербурге, и посмотрит биографические сведения лучших генералов, родившихся за границей и поступивших на русскую службу в XVIII в. Все они начали службу и участвовали в боях в возрасте от 13 до 15 лет. А сколько юных принцесс в 12–14 лет были уже замужем и участвовали в заговорах и государственных переворотах!

Власть князя в Новгороде и Пскове была существенно ограничена по сравнению с другими русскими землями. Там князь ведал обороной и частично внешней политикой. Во внутренние дела города он не имел права вмешиваться. Князь со своей дружиной жил вне города (цитадели) в специальном укрепленном замке (крепости). В мирное время ему подчинялась лишь дружина, а в военное — и рати Пскова или Новгорода. Вече могло в любой момент прогнать («показать путь») князя и позвать другого или вообще на какое-то время оставить землю без князя.

Воинские повести древней Руси. С. 91.

Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб, Издательство С.-Петербургского университета, 2003. С. 162–163.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II.

Мавродин В.В. Очерки истории левобережной Украины. СПб.: Наука, 2002. С. 348.

Там же. С. 349.

Там же. С. 351

Историки так и не установили его отчество. По одной версии, он был сыном Андрея Всеволодовича, а по другой — внуком черниговского князя Мстислава Святославича, убитого на Калке. У последнего-де был сын (неизвестный по имени), а у того — сын Василий.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 143.

Рыжов К. Все монархи мира. Россия. М.: Вече, 1998. С. 399.

Михаил Всеволодович был сыном польской королевы Марии Казимировны.

См. *Мартынов А.И.* Археология СССР. М, Высшая школа, 1973.

В XIX в. одноименное местечко Гусинского уезда Подольской губернии

Смоленским князем в 1241 г. был Всеволод Мстиславович, а войско мог вести его троюродный племянник молодой князь Михаил Ростиславович.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 145–147.

Об этом инциденте говорится у Александра Бушкова в книге «Россия, которой не было» (М, СПб, Красноярск, 1997. С. 162).

По версии болгарской летописи, Орду был разжалован после ночного боя, но мне это кажется маловероятным.

Д-р Эренжен Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие.
М., 1996. С. 232

Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 660.

Пусть отчество не вводит читателя в заблуждение. Отцом Михаила был Всеволод Святославович Чермный, удельный князь черниговский, а Ярослав Всеволодович Михаилу приходился весьма отдаленным родственником.

Опять уточню для непосвященного читателя: 15 лет в XIII в. на Руси — это возраст взрослого мужчины и воина. В 1232 г. 14-летний князь Федор не только участвовал в походе на мордву, но и лично принимал участие в рукопашных схватках. Это вам не 1995 г., когда мамочки забирали 19-летних сыночков из армии.

Предположительно, ее отец Брячислав Василькович, сын полоцкого князя Василька Брячиславича, о жизни и деятельности которого историкам ничего не известно.

Речь идет о так называемой летописи Гази-Бараджи, впервые опубликованной на русском языке в 1993 г. в Казани в редакции И.М. Нигматуллина. Речь идет о так называемой летописи Гази-Бараджи, впервые опубликованной на русском языке в 1993 г. в Казани в редакции И.М. Нигматуллина.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). Казань, 2002.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 126.

Бан — гражданский и одновременно военный чин в Венгрии. Гражданский — наместник короля в провинции, а военный — типа генерала.

Хорошев А. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М.: Издательство Московского университета, 1986. С. 172.

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. Санкт-Петербург, 1911–1915.

Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 824.

Хафизов Г.Г. Распад Монгольской империи и образование улуса Джучи. Казань: Татарское книжное издательство, 2000. С. 41.

Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Современный Канев, город на Днепре в 100 км от Киева.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 157

Александр Невский. Сборник /Составитель Т.А. Соколова. М.: Новатор, 1998. С. 123.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 158

Подробной информации о системе дани золотоордынским ханам, к сожалению, нет ни в русских, ни в восточных летописях. Предположительно десятина — это десятая часть хлебного сбора, а тамга — пошлина с коммерческих сделок.

Костомаров Н.И. Русская республика. М.: Чарли, 1994. С. 70.

Женитьба удельного князя на боярышне — явление довольно редкое для XIII в

Костомаров Н.И. Русская республика. С. 70.

Видимо, среди этих баскаков были и этнические русские, находившиеся на службе у хана. Позже (в начале XIV в.) баскаками иногда называли и чиновников русских князей, собиравших дань с населения

Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра / / Александр Невский. Сборник /Составитель Т.А. Соколова. С. 17–18.

Тут же следует сноска редакторского коллектива сборника, состоящего из двух академиков и четырех профессоров: «Монголо-татары — это искусственное этническое наименование, появившееся в трудах историков спустя столетия после исчезновения средневековых монгольских государств. Словосочетание это механически соединило два названия одного и того же народа. Первая часть — монголы — хорошо известна по ряду древних источников, из которых следует, что этноним "монголы" применялся как самоназвание ряда центрально-азиатских племен, объединенных Чингисханом в единое государство. Вторая часть — татары — представляет собой название тех же самых монголов, утвердившееся в XIII в. в Китае и довольно быстро распространившееся за его пределами».

Куликовская битва. Сборник статей / Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Наука, 1980. С. 175–178.

Актуальные проблемы истории государственности татарского народа.
Казань: Матбугат йорты, 2000. С. 63–64.

Хан Хулагу, сын Тулуя и внук Чингисхана, правил с 1256 г. по 1265 г. Ему наследовал старший сын Абака (годы правления 1265–1282).

Ханакки — смесь современных кемпинга и гостиницы.

Сейчас его именуют «городище Шареный бугор».

Барбаро и Контарини о России. К истории итало-российских связей в XVI веке. Ленинград: Наука, 1971. С. 157.

Там же. С. 220.

Автор приносит благодарность археологу Ирине Анатольевне Рябец за интересную информацию о Царевом городище, большая часть которой, к сожалению, не вошла в эту книгу. Тема Царева городища требует отдельной монографии.

Астюхин Е.В. Полумесяц над Волгой. Нижний Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2005. С. 113–115.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 91–92.

Барбаро и Контарини о России. К истории итало-российских связей в XVI веке. С. 157

Подробнее см. Карпов С.П. Путиами средневековых мореходов. М.: Восточная литература, 1994.

Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28–29 августа 2000 года. Казань: Мастер-Лайн, 2001.

По-видимому, поставлены автором в этой группе ошибочно, т. к. упоминаются ниже, во второй группе.

Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1909. С. 410–411.

Похлебкин В.В. Татары и Русь. М.: Международные отношения, 2000.
С. 41

Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М.: Панорама, 1991.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 187.

Ятвяги — балтоязычные племена, этнически близкие к пруссам и литовцам. Населяли междуречье Нарева и Немана (так называемую Судавию).

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 185.

Селезнев Ю.Д. Русско-ордынские конфликты XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2010. С. 41—42

Там же. С. 45.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 163.

Там же.

Соловьев С.М. Указ. соч. С. 164.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 216—217

Мифтахов З.З. Указ. соч.

В брак русские княжны обычно вступали в возрасте 12–17 лет.

По одной (и довольно спорной) версии, Андрей — основатель рода князей Вяземских.

Симония — взяточничество, в т. ч. торговля церковными должностями.

Слово «разрешил» следует понимать в значении «освободил» (от чего-либо), в данном случае от необходимости продолжать поход.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 221

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 222–224.

Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 15. Вып. 1.
Столбец 41.

Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1966. С. 83.

Историк А.А. Горский считал, что «по вопросу великого княжения Узбек принял неординарное решение: оно было поделено между двумя князьями. Ивану Калите достался Новгород и Кострома, а суздальскому князю Александру Васильевичу — Владимир и Поволжье. Очевидно, имевшие место акты неповиновения великих князей владимирских (Юрия Даниловича и Александра Михайловича) привели хана к мысли о нежелательности того резкого усиления одного князя, которое неизбежно происходило при получении всего великого княжения... После смерти в 1331 г. Александра Васильевича Иван Калита вновь отправился в Орду. Здесь путем щедрых даров и обещания больших выплат ему удалось получить все великое княжение и вдобавок половину Ростова» (Москва и Орда, М., Наука, 2000. С. 61–62). Видимо, Горский прав, но попытка раздела Великого княжества Владимирского ханом Узбеком оказалась неудачной и не сыграла особой роли в дальнейших событиях.

После смерти в декабре 1326 г. Петра Ратского патриарх Исая поставил митрополитом Киевским и всея Руси своего придворного клирика Феогноста.

Новгородская первая летопись. С. 343. Псковские летописи. Вып. 1. С. 17.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 232.

Борисов Н.С. Политика московских князей (коней XIII — первая половина XIV века). М.: Издательство Московского университета, 1999. С. 324.

Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 10. С. 206.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 460.

Тут автор просто вынужден дать длинный список ханов, поскольку ряд историков, в т. ч. В.В. Похлебкин, дают совсем иной порядок и хронологию правления золотоордынских ханов.

Точная дата рождения княжича Ивана Ивановича неизвестна, но в летописи сказано, что 23 октября 1364 г. «на Москве князь Ивашко дитя преставился».

Дмитрий Донской. Сборник / автор и составитель Ю.М. Лощиц. М.: Новатор, 1996. С. 121–122.

Дмитрий Донской... С. 23–24.

Зимин А.Л. Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991. С. 191–195.

Под татарами здесь и далее подразумеваются народы, жившие на территории Золотой Орды.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 246.

Кажется, это первое упоминание Казани в русских летописях.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 246–248.

Синяя Орда кочевала между р. Яик и Аральским морем.

Шавырин В. Неделимое поле // «Родина». № 3–4/1997 г. С. 94.

Шавырин В. Указ. соч

Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М.: Издательство Московского университета, 1983. С. 52–53.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 284.

Соловьев С.М. Указ. соч. С. 285.

Соловьев С.М. Указ. соч. С. 286–287.

Цит. по: Бычков А.Л., Низовский А.Ю., Черносвитов П.Ю. Загадки древней Руси. М.: Вече, 2000. С. 358–359.

Цит. по: Бычков А.Л.... Указ. соч. С. 359–360.

Ему принадлежало село Куликовка и около 1400 гектаров в районе так называемого Куликова поля.

Бычков А.Л., Низовский А.Ю., Черносвитов П.Ю. Загадки древней Руси. С. 370–372.

Повести о Куликовской битве. М. — Л-д, 1959. С. 66, 72.

Гафаров И.Л. От истоков к истине. Казань: Дом печати, 2002. С. 11

Скрынников Р.Г. Куликовская битва. Проблемы изучения. (Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М.: Издательство Московского университета, 1983. С. 68.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 272.

Куликовская битва. Сборник статей / Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Наука, 1980. С. 211–212.

Дмитрий Донской. Сборник / Автор и составитель Ю.М. Лоциц. С. 238.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 261.

Мифтахов З.З. Указ. соч. С. 269.

Там же. С. 270—271

Там же. С. 274

Воинские повести древней Руси. С. 282.

Там же.

Там же.

Воинские повести древней Руси. С. 282–285.

Там же. С. 288.

Там же.

Речь идет о ратниках Остея, которые в подавляющем большинстве своем были русскими, а этнических литовцев среди них могло вообще не быть.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 282–283.

См. Прочко И.С. История развития артиллерии. М.: Артакадемия. Т. 1. С. 24.

Троицкая летопись. М., Л-д, 1950. С. 468 (6916 г.).

См. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: Фэн, 1994.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 261.

Там же. С. 274.

Мифтахов З.З. Указ. соч. С. 283

Карач Мурза Оглан — личность довольно любопытная. Он был сыном караченского князя Василия Пантелеймоновича (Пантелевича). В 1339 г. Василий Пантелеймонович убил своего деда князя Андрея Мстиславича, а затем бежал в Орду. Там он женился на Фейзуле, родной тетке хана Тохтамыша. Его сын Карач Мурза принял ислам и стал приближенным Тохтамыша. Жизнь этой ветви караченских князей изложена в довольно интересном, но далеком от исторической правды романе русского эмигранта Михаила Каратеева «Русь и Орда» (М.: Современник, 1991).

Рыбаков Б А. Киевская Русь и русские княжества. С. 169, 170.

Кольчуги из плоских, рубленных из стального листа, колец.

Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004. С. 20.

В 1781 г. императрица Екатерина II переименовала Хлынов в Вятку, а в 1934 г. большевики переименовали его в Киров.

Цыбин В.М., Ашанин Е.Л. История волжского казачества. Саратов: Приволжское книжное издательство, 2002.

Марсель Ахметзянов, кандидат филологических наук. «Турусы на колесах, или о новых фальсификациях в истории татарского народа» (Журнал «Идель» № 5/1993)

По крайней мере, официально. Многие литовцы, хотя и крестились, в душе оставались язычниками.

Горский А.Л. Москва и Орда. М.: Наука, 2003. С. 119

Полный свод русских летописей. Т. 15. Вып. 2. Столбец 157.

3-й сын великого князя нижегородского Константина Васильевича.

Для удобства читателя я буду впредь так именовать московских правителей.

В русских летописях — «Кременчуг». Город на правом берегу Камы у села Русские Кирмени Мамадышского района Республики Татарстан

Елец — по-тюркски Карасу (Черная вода).

Греков Б.Д., Якобовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.:
Боородский Печатник, 1998. С. 271.

Ныне в черте города Азова.

Азов — древнейший порт России / Под ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский краеведческий музей, 2003. С. 22—23

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 354.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 286–287.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 370–371.

Петр Дмитриевский, пятый сын Дмитрия Донского. Родился в 1385 г., умер в 1428 г. К этому времени умерли и все его дети, так что потомства он не оставил.

Село Лысково в XIX в. относилось к Макарьевскому уезду Нижегородской губернии.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 292.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 355–356.

Там же. С. 356.

Киевские князья были «подручниками» Великого княжества Московского.

По одной версии, он уходит в монастырь в Молдавии и становится схимником Гавриилом

Горский А.Л. Москва и Орда. С. 138–139.

Там же. С. 141.

Наши историки пишут «Василий II заключил соглашение... Василий II двинул войска...» и т. д., но насколько нелепо это по отношению к 10-летнему ребенку.

Зимин А.Л. Витязь на распутье. С. 33.

Как не вспомнить фильм «Адмирал Ушаков», где английский посол в Петербурге спрашивает турецкого: «В вашем Трапезунде чума, а в Херсоне нет чумы?» — «Нет». — «А ведь могла быть».

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 315.

Улу-Мухаммед действительно владел лишь западной частью Золотой Орды.

Цит. по: Зимин АЛ. Витязь на распутье. С. 57.

Они вернутся в Белев лишь в конце 50-х гг. XV в. г но в 1459 г. признают себя вассалами великого князя литовского Казимира.

Цит. по: Зимин А.Л. Витязь на распутье. С. 82.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 308.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II.

Шемяка же предпочитал не платить ни одному хану. Любопытно, что по сему поводу Н.С. Борисов дюже возмущается: «Утаивание части ордынского "выхода"... все эти грешки Шемяки как-то не вяжутся с образом благородного рыцаря, борца за свободу, каким рисуют буйного Юрьевича некоторые историки» (Борисов Н.В. Иван III. С. 71). «Некоторые историки» — это явно про А.А. Зимина. А мнение же Борисова таково: раз платят «прогрессивные» московские правители, надо и всей Руси платить и пресмыкаться перед татарами.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 312.

Ходили слухи, что Тверь будет одной из первых передана татарам.

Из выживших к 1447 г. сыновей.

Так, Углич сдался войскам Василия Темного лишь после обстрела тверскими пушками.

Зимин А.Л. Витязь на распутье. С. 130.

Зимин А.Л. Указ соч. С. 202, 209—210

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С.69.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 334—335

Последний император Византии Константин Палеолог пал в бою в 1453 г. при штурме Константинополя турками. Его брат Фома бежал в Рим. После его смерти осталось двое сыновей и дочь София. Узнав о смерти в 1467 г. первой жены Ивана Марии, римский папа Павел II через греческого митрополита Виссариона, подписывавшего Флорентийскую унию, предложил Софию в жены московскому князю. Иван согласился. 12 ноября 1472 г. Софья прибыла в Москву и в тот же день была обвенчана и Иваном. По свидетельству современников, София была женщиной хитрой и коварной. Она настраивала мужа против братьев, служилых князей и бояр. Женитьба на Софье дала повод Москве впервые заговорить о претензиях на Константинополь. Так, в ряде документов, датированных 1499 г., Софья именovala себя «царевной царьградской великой княгиней московской Софьей великого князя московского». Старый московский герб с Георгием Победоносцем, введенный князем Юрием Дмитриевичем, был заменен на двуглавого орла. Что означает этот герб, до Ивана и его бояр просто не дошло. С VII в. до н. э. орел был символом Римской империи, с IV в. н. э. двуглавый орел стал символом разделения Римской империи на Западную со столицей в Риме и Восточную со столицей в Константинополе. Для России же двуглавый орел был пустым обезьянничеством. Возвращение же его в 1991 г. произошло также без объяснения смысла, что вызвало у народа серию толкований — чернобыльский мутант, курица, слишком быстро вертевшая башкой перед объективом, и т. д.

Соловьев С.М. Указ. соч. С. 78–79.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 337.

Воинские повести древней Руси. С. 296.

Князья Курбские — потомки ярославских князей. Князь Федор Семенович Курбский был внуком Ивана Васильевича Большого, предпоследнего независимого ярославского князя. Сын Ивана Большого Семен получил в удел село Курбу в 25 верстах от Ярославля, оттуда и пошло фамильное прозвище этой княжеской ветви. Внук убитого в 1506 г. под Казанью Михаила Федоровича Курбского Андрей придет под Казань в 1552 г.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 384.

Как мы уже знаем, подавляющее большинство ратников Великого княжества Литовского были этническими русскими, а официальным языком княжества был русский.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 387.

Дабы избежать обвинений в очернительстве, процитирую промосковского казанского летописца: «И ошашася на лужях стояща у града все царевы шатры и каторги вельмож его со многим ядением и со многим питием и со всяким рухлом, воя же русская от путного шествия нужного, уже аки взяша град Казань, и оставя дело божие и приклонишася на дело дьявольское, от високоумия, и богу того изволившу — и начала без страха ясти и пити, и упиватися без ведения скверным ядением и питием варварским, а глумитися, играти и спати до полудня» (Полное собрание русских летописей. Т. 19. С. 26–28).

По одним источникам, хан Менгли Гирей умер в 1513 г., а по другим — в апреле 1515 г., т. е. Мухаммед Гирей в марте 1515 г. был не ханом, а калгой — наследником Менгли Гирея.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: 1988. С. 147.

Полное собрание русских летописей. Т. 19. С. 35.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 273.

Там же. С. 274.

220

Рында-оруженосец.

Похлебкин В.В. Татары и Русь. С. 110–111.

Иль — административная единица Казанского ханства, нечто среднее между русским уездом и губернией.

Примечание автора: Отец Андрея Курбского Михаил Михайлович был также воеводой полка правой руки в походах на Казань в 1526 г. и 1530 г., а дед Михаил Федорович, воевода переднего полка, был убит под Казанью в апреле 1506 г.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 498–499.

Курбский А.М. История о великом князе Московском. М.: УРАО, 2001.
С. 49.

Курбский А.М. Указ. соч. С. 52.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 509–510.

Курбский А.М. История о великом князе Московском. С. 56.

Имеется в виду город Стародуб на Клязьме. К началу XIX в. на его месте было село Клязьменский Городок Ковровского уезда Владимирской губернии, в 12 верстах от Коврова.

Некоторые историки XIX в. отождествляли его с селом Троицко-Ильинское Ковровского уезда Владимирской области.

Похлебкин В.В. Татары и Русь. С. 83.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 144.

Соловьев С.М. Указ. соч. С. 17.

Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1858. С. 220–223.
Собрание государственных грамот 1, № 127. С. 321; № 728. С. 226.

Цит. по: Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань: Узоречье, 2002. С. 30.

Цит. по: Шишкин Н.И. История города Касимова... С. 31–32.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 262.

Труды Рязанской ученой архивной комиссии. № 5 за 1887 г.

Акимов В.В. Касимовские татары: между прошлым и будущим. М.: Вече, 2004. С. 33.

Чингизид — потомок Чингисхана.

В современных источниках пишется «Захарий», но это неверно.

Скрынников Р.Г. Лихолетье. М.: Московский рабочий, 1988.

Цит. по: Рогов К.В., Уткин С.Л. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М.: Северный паломник, 2003. С. 10.

По некоторым сведениям, она была дочерью Юрия Сабурова.

Немцами тогда у нас называли не только собственно немцев, но и французов, и шотландцев, и др.

Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1969. С. 212.

Там же. С. 213.

В конце 1994 г. скульптор С.Н. Никитин провел исследование останков Софьи Палеолог и сделал ее скульптурный портрет. Затем он сравнил методом теневого фотоналожения профиль ее портрета с профилем скульптурного портрета Ивана Грозного. Портрет Ивана Грозного был создан скульптором М.М. Герасимовым в середине 1960-х гг. Руководствуясь сходством профилей, Никитин объявил, что теперь можно считать окончательно доказанным родство Софьи и Ивана. Увы, тут возникают несколько вопросов. Во-первых, ряд ученых сомневаются в точности метода Герасимова, а во-вторых, и Никитин писал, что при восстановлении портрета Софьи использовалась методика Герасимова. Ну что ж, из всего этого видно, что одна методика в двух случаях дала похожую внешность, и не более.

Овчинников В.Д. Святой адмирал Ушаков (1745–1817). Историческое повествование о земном пути святого праведного воина. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 363.

По данным: Васильев А.М., Карибова А.Ш. Татарстан в годы Великой Отечественной войны // Материалы сайта: <http://www.tassr90.ru/history/40/history/>

Гилязов И.Л. Легион «Идель-Урал». М.: Вече, 2009. С. 118.

Гилязов И.Л. Указ. соч. С. 128.

Гилязов И.Л. Указ. соч. С. 132.

Там же. С. 140.

Там же. С. 153

Там же. С. 155